ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

А. С. ЖАДОВ

ЧЕТЫРЕ ГОДА ВОЙНЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Воспоминания генерала армии Алексея Семеновича Жадова рассказывают о годах Великой Отечественной войны. Свою военную службу советский военачальник начал простым красноармейцем еще в 1919 г. К началу Великой Отечественной войны Алексей Семенович был командиром корпуса, позже стал начальником штаба армии. В ходе Сталинградской битвы А.С.Жадов был назначен командиром 66-й армии, позже переименованной в 5-ю гвардейскую армию. Вместе с армией генерал-полковник Жадов прошел от Волги до Праги. На страницах своих воспоминаний военачальник рассказывает о том, как ковалась победа, разбирает различные боевые операции, дает точные характеристики своим сослуживцам и советским полководцам.

- Жадов Алексей Семенович
  - Глава первая. В дни тяжелых испытаний
    - ■
  - Глава вторая. Северо-западнее Сталинграда
    - ■
  - Глава третья. На Курской дуге
    - ■
  - Глава четвертая. Полки идут к Днепру
    - ■
  - Глава пятая. На Правобережной Украине
    - ■
  - Глава шестая. Сражение на Висле
    - ■
  - Глава седьмая. К границам Германии
    - ■
  - Глава восьмая. Завершающий удар
    - ■
  - Глава девятая…И последняя, Пражская операция
    - ■
    - ■
  - Приложение 1
    - ■
  - Приложение 2
    - ■
- notes
  - 1
  - 2

- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46

- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90

- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103

Жадов Алексей Семенович
Четыре года войны

Моим боевым друзьям и однополчанам — солдатам, сержантам, офицерам и генералам — с глубокой любовью и уважением посвящаю

Глава первая. В дни тяжелых испытаний

Новое назначение. Война началась. В штабе Западного фронта. 4-й воздушно-десантный корпус. От Березины до Сожа. В 3-й армии на гомельском направлении, Еду на Брянский фронт. Контрудар по Гудериану. Выход из окружения. На Юго-Западном фронте. Снова в кавалерии.

В конце мая 1941 года в Среднеазиатском военном округе, где я в то время командовал 21-й Туркестанской горно-кавалерийской дивизией, проводилось крупное оперативное командно-штабное учение. В нем участвовали штаб округа, штабы четырех кавалерийских, двух стрелковых дивизий, а также штаб недавно сформированной моторизованной дивизии.

Учение проходило в обстановке, когда, как говорится, на наших западных границах уже пахло грозой. Среди руководящего состава округа и соединений всё чаще и чаще заводились разговоры о неизбежности войны, Своих опасений не скрывали и представители Генерального штаба, присутствовавшие на учении.

После разбора учения состоялся товарищеский ужин. Настроение у меня было приподнятое. Работа командования и штаба нашей дивизии была оценена положительно. Но, как часто бывает, свалив одну гору с плеч, думаешь о другой. Поэтому мысли уже были заняты планами на будущее. Лето — пора напряженных занятий, учений, боевых стрельб, тренировок, требующих четкой работы всех командных и штабных звеньев дивизии.

За столом шел оживленный разговор. Неожиданно я услышал свою фамилию. Посмотрев в сторону, где сидели руководители учения, я встретился взглядом с командующим округом и почувствовал, что разговор идет обо мне. Генерал С. Г. Трофименко встал:

— Генерал-майор Жадов приказом Народного комиссара обороны назначен командиром 4-го воздушно-десантного корпуса. Должность высокая, ответственная. Воздушно-десантные войска продолжают набирать силу. Туда отбирают опытных командиров. Таким мы знаем и Алексея Семеновича. Пожелаем ему успехов на новой нелегкой работе.

Я был буквально ошеломлен. Прослужить двадцать один год в коннице и вдруг идти в воздушно-десантные войска — и сразу на должность командира корпуса! Что мне было известно о

воздушно-десантных войсках? Во время учебы в Военной академии имени М. В. Фрунзе я, конечно, получил достаточные общие знания об их предназначении и применении в операциях. В ходе маневров в 1935 и 1936 годах на Украине и в Белоруссии наблюдал выброску воздушно-десантных частей и подразделений. Но все это было крайне мало для того, чтобы руководить таким крупным соединением. Будучи осведомленным о формировании воздушно-десантных корпусов, я не располагал конкретными данными об их организационной структуре, вооружении и техническом оснащении, да и не проявлял особого любопытства, так как и не помышлял о том, что мне, опытному кавалеристу, придется когда-либо командовать воздушно-десантным соединением.

Новое назначение, и к тому же на более высокую должность, воспринимается с гордостью и радостью. Такие радостные события в моей жизни уже были. Однако на этот раз я был обеспокоен. Это было первое назначение, которое не пришлось мне по душе. Но приказ есть приказ, и мне предстояло готовиться в путь, к новому месту службы — в Белоруссию, где в районе Пуховичей закапчивал формирование 4-й воздушно-десантный корпус.

По приезде в дивизию я собрал командиров частей, рассказал им о проведенном командно-штабном учении, еще раз напомнил о требованиях, предъявляемых на данном этапе к обучению войск, и в заключение объявил о своем новом назначении.

Сборы были недолгими, меня тепло проводили. Простился по-дружески и с руководителями местных партийных и советских органов: Василием Андреевичем Былбасом — тогдашним секретарем областного комитета партии, председателем облисполкома Ташабай-ака и его заместителем, моим задушевным другом, Сергеем Дмитриевичем Родичевым. Все они очень много помогали нам, военным, в строительстве и ремонте казарменных помещений, обеспечении командиров жильем, оборудовании полигонов и во многих других вопросах. Я сохранил самые лучшие воспоминания о нашей совместной работе.

18 июня, накануне убытия к новому месту службы, я заехал к командующему округом генералу С. Г. Трофименко, попрощался с ним, а на другой день с женой Варварой Васильевной и двумя дочерьми — четырнадцати и трех лет — выехал из Ташкента в Москву.

Ехал и думал, что ждет меня на новом месте, встречу ли в корпусе кого-либо из знакомых, кто помог бы на первых порах освоиться в новой должности. Командующего Западным Особым

военным округом генерала армии Д. Г. Павлова, под чьим руководством мне предстояло трудиться, я знал, хотя и не близко. В свое время, когда я стажировался в 6-й кавалерийской дивизии, он командовал там механизированным полком, командовал со знанием дела, и на учениях И. П. Уборевич, командовавший в то время округом, отозвался о нем весьма положительно.

Днем 22 июня, не помню уж на какой станции, где-то между Оренбургом и Куйбышевым, поезд остановился. Началась обычная суета пассажиров, и вдруг молнией по вагону пронеслось слово: «Война!» Из дальнейших разговоров и расспросов удалось выяснить, что в 12 часов по радио выступал народный комиссар иностранных дел В. М. Молотов, который объявил советскому народу, что утром немецко-фашистские армии вторглись в нашу страну, бомбят города и населенные пункты западных приграничных военных округов. Был объявлен по радио и Указ Президиума Верховного Совета СССР, по которому О 23 июня объявлялась мобилизация военнообязанных 1905–1918 годов рождения на территории почти всех военных округов, за исключением Среднеазиатского, Забайкальского и Дальневосточного, а также вводилось военное положение в европейской части страны.

Война началась…

Известие о войне воскресило в моей памяти встречу с Народным комиссаром обороны Маршалом Советского Союза С. К. Тимошенко, состоявшуюся в марте этого гола в Москве. Тогда он вызвал меня для беседы о возможном назначении военным атташе в Болгарию. От этого предложения я отказался.

— Не имею никакого желания менять характер своей профессии, — доложил я Наркому обороны. — Дивизия, которую мне доверили, хорошая, коллектив сколочен, работоспособен, и мне бы хотелось дольше покомандовать таким соединением.

Одобрив мое решение, Семен Константинович, прощаясь со мной, сказал:

— Возвращайся на место, продолжай работать, но имей в виду, что долго держать тебя на дивизии мы не собираемся. Возможно, в ближайшее время назначим на новую должность. Обстановка на наших западных границах тревожная. Война, которая идет в Европе, приближается и к нам.

Не предполагал я тогда, что всего через три месяца мне, по уже с семьей, придется вновь совершить длинный путь из Ташкента в Москву, путь из мирной жизни в войну.

Размышляя о начавшейся войне, я пи минуты не сомневался, что нападение врага будет отбито и он будет разгромлен на своей

собственной территории. Как было объявлено по радио, немецко-фашистские войска напали на нашу страну внезапно и этим обусловливалось некоторое их преимущество.

С такими мыслями утром 24 июня я подъезжал к Москве, полный надежд на то, что зловещие тучи, пришедшие к нам с запада в роковую ночь на 22 июня, развеяны стойкостью и мужеством войск приграничных военных округов.

Родная Москва уже жила беспокойно, настороженно и перестраивалась на военный лад. Оставив жену и дочерей в гостинице, я немедля отправился в Генеральный штаб. Здесь кипела напряженная работа. За показавшимися мне с первого взгляда суетой и беготней чувствовался деловой характер деятельности этого высшего рабочего органа Наркомата обороны.

Хлопоты, связанные с добыванием сведений с фронтов, передачей им соответствующих приказов и распоряжений, были настолько велики, что было не до разговоров со мной. С. К. Тимошенко находился в Кремле, начальник Генерального штаба Г. К. Жуков был занят, и я отправился в приемную Наркома обороны — к своему товарищу В. Е. Белокоскову.

— Знаешь что, — посоветовал он, — поезжай в Главное управление кадров, получи там предписание и двигайся к месту назначения. Обстановка на всех фронтах неясная, крайне сложная. Враг застал нас врасплох. Войска подверглись массированным ударам с воздуха в гарнизонах, а авиация на аэродромах, мы понесли большие потери. Повсюду идут ожесточенные бои. Вот все, что я знаю.

По его покрасневшим глазам и осунувшемуся от недосыпания лицу я понял, что в результате внезапного нападении немцев положение наших войск, по-видимому, крайне тяжелое и напряженное. Не допытываясь больше ни о чем, упросил своего старого друга пристроить где-либо в Москве семью. Василий Евлампиевич дал слово выполнить мою просьбу. Семье после моего отъезда выделили комнату на Сивцевом Вражке.

Получив предписание у кадровиков, я вечером 25 июня выехал поездом в Белоруссию. Поезд шел на Минск, он был спешно составлен в основном из сидячих пригородных вагонов. Моим попутчиком оказался авиатор полковник П. Ф. Науменко, следовавший в штаб ВВС Западного фронта. Он сразу завоевал мое внимание как интересный, располагающий к себе собеседник, и я тогда уже подумал, что такой человек должен быть хорошим командиром. И рад, что не ошибся в своих предположениях. Уже к середине 1943 года он вырос до генерал-лейтенанта авиации и командовал 15-й воздушной армией Брянского фронта, которая прокладывала путь ударным группировкам 3-й и 63-й армий,

наступавшим на орловском направлении. На завершающем этапе войны генерал-полковник авиации Н. Ф. Науменко во главе своей армии успешно воевал в составе 2-го Прибалтийского фронта…

Летняя короткая ночь прошла быстро. Рано утром, глядя на шоссе, к которому местами близко подходила железная дорога, мы заметили необычно оживленное движение автомашин с запада на восток — уже полным ходом шла эвакуация семей военнослужащих, детей, стариков, женщин, различных государственных учреждений из западных районов Белоруссии. На запад также двигалось немало машин с людьми и различными грузами. По довольно беспорядочному движению на дорогах мы чувствовали, что события на фронте усложняются и развиваются не в нашу пользу. Тема разговоров была одна: глубоко ли вклинился противник, как наши войска дерутся, где и когда будут предприняты контрмеры для того, чтобы остановить его продвижение, а затем отбросить на запад.

Авиация немцев — мы к этому времени уже проехали Смоленск — нас пока не беспокоила. Да нам и в голову не приходило, что наши летчики допустят ее в глубь советской территории. Мой собеседник полковник Науменко утверждал, что Западный Особый военный округ располагает достаточным количеством истребителей, в том числе и новых образцов, чтобы надежно прикрыть войска и объекты тыла. Тогда мы еще не знали, какой большой урон был нанесен противником авиации наших приграничных округов. Только в первый день войны потери составили около 1200 самолетов, причем Западный Особый округ, по которому гитлеровцы наносили главный удар, лишился 738 самолетов.

Подъехав к Орше, мы заметили первые фашистские самолеты. Обстановка была настолько необычной, в какой-то степени еще мирной, что вначале мы приняли их за свои. Но когда на город посыпались бомбы, раздались взрывы и поднялись клубы огня и дыма, все увидели войну своими глазами. Неопытность и наивность людей просто удивляли: пассажиры из нашего и других поездов с первым разрывом бомб бросились внутрь вокзала, полагая, что здание может уберечь их. К счастью, обошлось без жертв. В здание вокзала не попала ни одна бомба.

Мы зашли к военному коменданту. Он сказал нам, что поезд дальше на запад не пойдет, в районе Минска положение неопределенное, а, по некоторым данным, для наших войск даже тяжелое. Полковник Науменко предложил поехать в штаб бомбардировочной дивизии, стоявшей под Оршей, выяснить там обстановку, а затем двигаться дальше по назначению. Предложение было разумное, да вдобавок нам еще и повезло:

около вокзала оказалась машина из штаба дивизии, которой мы и воспользовались.

Командир дивизии, фамилии его, к сожалению, не помню, был хороню знаком моему попутчику и встретил нас весьма гостеприимно. Дивизия вела напряженные бои. Бомбардировщики группами непрерывно поднимались в воздух и шли бомбить врага. Немецкие самолеты иногда появлялись на подступах к аэродрому, но из-за сильной зенитной обороны пока что не могли прорваться к нему.

Время перевалило за вторую половину дня. Мы тут же, на аэродроме, пообедали, и командир дивизии поведал нам, что дела на фронте складываются неблагоприятно для наших войск, на аэродромах в результате первых массированных ударов вражеской авиации уничтожено много самолетов.

Вечером на машине, которую выделил нам комдив, объехав Оршу, выбрались на Минское шоссе и двинулись по направлению к Борисову. Зажигать фары было запрещено, поэтому пришлось ехать медленно. Движение затруднялось встречным потоком машин. Кроме того, все чаще на дороге попадались разбитые бомбежкой машины и воронки, которые надо было объезжать. И все-таки, как ни осторожно мы ехали, около полуночи на нас налетел встречный грузовик. Наш водитель в последнюю секунду удачно сманеврировал, и машину не разбило, а только повредило. Но продолжать на ней свой путь дальше было невозможно. Приняли решение вернуться в Оршу на какой либо попутной машине и обратиться вновь за помощью к авиаторам. Однако наши попытки остановить шедшие навстречу машины не увенчались успехом. Тем временем водитель не сидел сложа руки. Проявив чудеса изобретательности, он часа через полтора сумел устранить повреждения, и МЫ поехали дальше.

Несмотря на темноту, я вскоре узнал окрестности Борисова. Здесь пришлось много раз бывать на различных учениях. Через несколько минут мы встретили большую колонну легковых машин, которая двигалась довольно организованно, с соблюдением мер маскировки, интервалов и дистанций. Мелькнула мысль, уж не штаб ли фронта едет. Действительно, мы встретили командование и штаб фронта, которые перемещались из района Барановичей в лес восточнее Могилева, в нескольких километрах от Днепра.

Пока мы пропускали штабную колонну, совсем рассвело, выглянуло солнце, и сразу же над нами показались немецкие самолеты. Пришлось свернуть в лес. Отъехав метров пятьдесят от опушки, перекусили чем пришлось, а затем наметили по карте — не помню, у кого она была, у меня или у Науменко, — свой

дальнейший маршрут — к новому месту КП фронта. Решили следовать на Могилев не через Оршу, а проселочными дорогами, и, надо сказать, проехали довольно удачно и к следующей ночи оказались в лесу под Могилевом, по соседству с уже прибывшим сюда штабом фронта. Остаток ночи проспали в машине, а утром 28 июня пошли представляться начальству.

На командном пункте фронта царило оживление. Лес был разделен на отдельные участки для каждого управления и отдела; красноармейцы строили землянки и укрытия для штабных машин. Повсюду были протянуты провода телефонов внутренней связи, под деревьями стояли столы с разложенными на них картами и папками.

Первым, кого мы увидели в поисках командующего фронтом, был прибывший из Москвы Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников. Присутствие здесь этого видного военачальника и выдающегося военного теоретика, подумал я, может быть связано только с какими-либо важнейшими, не терпящими отлагательства событиями: или командование фронта уже не в состоянии справиться с руководством войсками и нуждается в «поддержке», или советское Главное командование готовит какие-либо решительные контрмеры для того, чтобы остановить врага и опрокинуть его. Дальше размышлять было некогда, мне навстречу шел сам генерал армии Д. Г. Павлов. Приняв мое представление, он сказал:

— Обстановка у нас сложная, тяжелая, а главное — неясная. Я собираюсь в район Бобруйска, там особенно плохо идут дела. Обратитесь к начальнику штаба, он вам расскажет обо всем более подробно.

Однако получить более полную информацию об обстановке в полосе фронта или на отдельных направлениях, где предстояло воевать мне с воздушно-десантным корпусом, так и не удалось. Начальник штаба фронта генерал В. Е. Климовских, начальник артиллерии генерал И. А. Клич, фронтовые операторы и разведчики имели разрозненные данные о своих войсках и противнике и находились в весьма затруднительном положении…

Для того чтобы читателю было яснее, в каких условиях автору этих строк пришлось вступать в командование корпусом, коротко напомню о том, как развивались события в течение первой недели войны на Западном фронте.

22 июня по советским войскам, расположенным в Белоруссии, нанесла удар мощная группировка противника — группа армий «Центр», в которую входили две полевые армии (4-я и 9-я) и две танковые группы (2-я и 3-я). В общей сложности она насчитывала до 50 дивизий, в том числе 15 танковых и

моторизованных. Соединения группы армий «Центр» имели большое количество артиллерии, инженерно-дорожных частей и различной вспомогательной техники. На направлениях главных ударов враг располагал 5–6-кратным превосходством в живой силе и технике. Действия ударных группировок непрерывно поддерживались вражеской авиацией.

Войска 3, 10 и 4-й армий Западного фронта к началу войны находились в основном в гарнизонах и лагерях в 50–200 км от государственной границы и, естественно, не смогли в полной мере выполнить свою главную задачу — обеспечить прикрытие, мобилизацию, сосредоточение и развертывание вторых эшелонов и резервов. Наши соединения вынуждены были вступать в бой с ходу, разобщено, не имея надежного материально-технического обеспечения, и поэтому несли тяжелые потери. Это позволило противнику уже в первый день войны своими танковыми и моторизованными группировками, нацеленными в направлениях Сувалки, Минск, Брест, Барановичи, вклиниться в глубь нашей территории на 50–60 км.

Обстановка сложилась сразу исключительно трудная. Сплошного фронта не было, возникали отдельные очаги сопротивления, в которых наши войска стойко отражали натиск превосходящих сил противника. Тяжесть обстановки усугублялась еще и тем, что после первых же артиллерийских и бомбовых ударов врага, а также в результате удачных действий его диверсионных разведывательных групп связь между штабами и войсками была нарушена, управление частями и соединениями чрезвычайно затруднялось.

28 июня, когда я находился в штабе фронта, западнее Минска дрались в окружении части 3-й и 10-й армий. Некоторые части 4-й армии отошли в Припятские леса.

С линии Докшицы, Смолевичи, Слуцк, Пинск отходили на Березину другие разрозненные соединения фронта, преследуемые мощными группировками противника. Вечером этого дня наши войска оставили Минск.

Конечно, обо всем этом я узнал несколько позже. А в то утро, разговаривая с командующим и начальником штаба фронта, я уяснил себе лишь одно: мы отступаем и пока что не можем остановить продвижение танковых и моторизованных группировок противника ни на минском, ни на бобруйском направлениях.

В такой обстановке мне предстояло разыскать 4-й воздушно-десантный корпус и вступить в командование им. Задача была не из легких. Тем более что штаб фронта с корпусом связи не имел и его точное местоположение не знал. Обнадеживающим было

только одно: корпус выдвигался из Пуховичей в район Березино для занятия здесь обороны. Получив в штабе фронта машину, я поехал сначала в район Березино. Полагал, что мне удастся найти кого-либо из представителей штаба корпуса, которым надлежало еще до подхода соединений и частей решить если не все, то хотя бы основные вопросы организации обороны. Увы, мои надежды не оправдались. Решил вернуться в штаб фронта, чтобы узнать, не изменилась ли задача корпуса. В обстановке тех дней этого нельзя было исключать. В штабе фронта я уже слышал, что некоторые командующие армиями заставляли командиров соединений, оказавшихся в их полосе, действовать по своему разумению.

Начальник штаба фронта, к которому я вновь обратился, сказал, что соединению задача не менялась и его следует искать на подходе к Березине. Несмотря на приближающиеся сумерки, последовал его совету. Глубокой ночью в районе Червень (40 км западнее Березино) мне встретились машины с красноармейцами корпуса. А через некоторое время я уже держал в своих объятиях начальника штаба корпуса полковника А. Ф. Казанкина, который исполнял обязанности его командира.

С Александром Федоровичем я познакомился в Военной академии имени М. В. Фрунзе. Там в 1931–1934 годах вместе учились, там же стали хорошими друзьями. Казанкин отличался в учебе трудолюбием и напористостью, проявлял большой интерес к новому оружию, технике, новым родам войск. И не случайно после завершения учебы в академии его служба пошла в создаваемых в то время воздушно-десантных войсках. Он был подлинно партийным человеком, активно участвовал в общественно-политической работе академии и часто выступал на заводах и предприятиях с докладами, лекциями, беседами. В жизни был простым, доступным и заботливым.

После окончания военной академии мы не встречались несколько лет. И вот в первые, тяжелейшие дни Великой Отечественной войны оказались вместе. Забегая вперед, скажу, что в годы войны командирские способности А. Ф. Казанкина раскрылись с новой силой. Он успешно командовал воздушно-десантным корпусом, который в первой половине 1942 года в исключительно трудных погодных условиях и сложной оперативной обстановке вел боевые действия в тылу врага и оказал немалое содействие войскам Западного и Калининского фронтов в их борьбе с ржевско-вяземской группировкой противника. Затем воевал на Северо-Западном фронте, участвовал в освобождении Правобережной Украины в составе 37-й армии… На заключительном этапе войны генерал-лейтенант

Казанкин командовал 12-м гвардейским стрелковым корпусом, части которого отличились в битве за Берлин.

Александр Федорович сразу же ввел меня в обстановку. Оказывается, по последнему приказу штаба фронта корпус переподчинялся 4-й армии со следующей задачей: к утру 30 июня одной бригадой занять оборону в районе Березино, а другой — у Свислочи. Третья бригада на машинах выдвигалась в район Старых Дорог для совместных с механизированной дивизией 20-го механизированного корпуса генерал-майора А. Г. Никитина действий по тылам бобруйской группировки противника.

Как впоследствии выяснилось, удар по тылам бобруйской группировки противника не состоялся из-за того, что все силы, какими располагал генерал Никитин, были втянуты в бой с моторизованными корпусами танковой группы Гудериана, прорвавшимися на шоссе Минск — Слуцк. Поэтому выдвинувшаяся в район Старых Дорог 214-я воздушно — десантная бригада полковника А. Ф. Левашова оказалась в тылу врага, мужественно дралась там, присоединила к себе трехтысячный отряд 121-й стрелковой дивизии и, выйдя из окружения на другом участке фронта, влилась в состав 21-й армии.

Теперь о переподчинении нашего корпуса 4-й армии. Оказывается, такое указание было отдано генералом Павловым еще в середине дня 28 июня во время доклада ему обстановки начальником штаба этой армии полковником Л. М. Сандаловым. Причем доклад этот состоялся не в штабе фронта, а в районе оборонительных позиций у Могилева, где они встретились. Судя по всему, штаб фронта не знал об этом указании, ибо если бы это было не так, то при моей повторной встрече с генералом Климовских вечером того же дня он информировал бы о принятом решении.

Однако надо коротко рассказать о состоянии 4-го воздушно-десантного корпуса, в командование которым я вступил в ночь на 29 июня. Война застала корпус на завершающей стадии формирования. Все бригады и корпусные подразделения были укомплектованы хорошо подготовленным личным составом, материальной частью и вооружением. Правда, транспортных машин было недостаточно, а лошадей не полагалось иметь по штату. Поэтому в ту тревожную ночь в район леса в 8–10 км от Пуховичей было вывезено все, что можно было погрузить в имеющиеся машины и прицепить к ним: артиллерия, часть боеприпасов, продовольствие. Из района сбора две бригады направились к Березине, а одна — к Старым Дорогам. На складах в месте формирования, естественно, осталось много различного

имущества, а также несколько тысяч парашютов. Про себя я решил во что бы то ни стало организовать вывоз их из Пуховичей.

Но на первом плане стояли сейчас вопросы организации обороны. После знакомства и короткой беседы с командирами бригад и своими заместителями мною было принято следующее решение: 7-й бригаде полковника М. Ф. Тихонова прикрыть направление Березино, Могилев. Для создания здесь более устойчивой обороны один батальон под командой капитана Полозкова был выдвинут на западный берег реки Березина и окопался по обе стороны дороги Минск — Могилев; мост через реку был подготовлен к взрыву. 8-й бригаде подполковника А. Л. Онуфриева была поставлена задача не допустить прорыва гитлеровцев в направлении Свислочь, Могилев.

На размышления времени было мало, поэтому командиры бригад, работники штаба корпуса быстро разошлись по своим местам и приступили к выполнению задач. Обстановка менялась ежечасно. Так, пока бригада подполковника Онуфриева выдвигалась в район Свислочи, отдельные группы немецких танков и мотопехоты подошли к Березине, но воспользоваться мостом и переправиться на восточный берег реки не успели. Подразделения бригады были быстро развернуты, мост взят под перекрестный огонь пулеметов и артиллерии.

Недостаток противотанковой артиллерии мы стремились компенсировать повышением ее маневренности, для чего на каждые два 45-мм орудия была выделена автомашина. Оставшийся автотранспорт был перераспределен между бригадами и использовался для подвоза боеприпасов, продовольствия.

Отдав все необходимые распоряжения по организации обороны, я поехал вдоль восточного берега реки Березина на север, чтобы связаться с соседом и организовать взаимодействие. По дороге натолкнулся на отходящий, полк внутренней охраны НКВД. Так как полевых частей поблизости не было, приказал командиру полка окопаться и без моей команды не отходить. Теперь фланг корпуса был обеспечен.

29 июня и в последующие дни личный состав корпуса работал с большим напряжением, совершенствуя оборону. Правда, ни о каком сплошном фронте и речи не могло быть. Оборона строилась по принципу отдельных опорных пунктов. В ходе организации обороны я знакомился с командирами частей и подразделений, партийно-политическим аппаратом бригад и корпуса. Вскоре мы узнали о смене руководства фронта. Командующий генерал армии Д. Г. Павлов, начальник штаба генерал-майор В. Е. Климовских, начальник артиллерии генерал-

лейтенант Н. А. Клич, начальник войск связи генерал-майор А. Т. Григорьев и другие ответственные генералы штаба и полевого управления фронта были отстранены от занимаемых должностей и отозваны в Москву. 30 июня в командование фронтом вступил генерал-лейтенант А. И. Еременко, а начальником штаба стал генерал-лейтенант Г. К. Маландин. Но уже 2 июля в качестве командующего на Западный фронт прибыл Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко. Если учесть, что здесь в эти и предшествующие дни находились маршалы К. Е. Ворошилов и Б. М. Шапошников, то станут понятны масштабы тревоги советского Главного командования в связи с неудачами, постигшими Красную Армию на этом важнейшем стратегическом направлении.

Как только были решены все неотложные вопросы организации обороны, я приказал начальнику десантной службы корпуса сформировать колонну машин, немедленно выехать в район Пуховичей и вывезти оттуда парашюты. Несмотря на то что фашисты к этому времени уже появились в районе Бобруйска, поставленная задача была выполнена.

Кстати, парашютами пришлось заниматься еще раз. В разгар оборонительных боев на Березине я вспомнил, что они лежат в лесу восточнее реки и вскоре могут достаться врагу. Вызвал помощника начальника оперативного отдела штаба корпуса капитана А. Я. Горячева и спросил его:

— Вы знаете, товарищ капитан, что такое золото? Он был ошарашен таким неожиданным вопросом, но все же ответил:

— Представляю, но золота никогда не имел.

— Неправда, — говорю я ему, — за каждым красноармейцем и командиром был закреплен парашют. Вот это и есть наше государственное золото. А где лежат несколько тысяч парашютов? В лесу, в одном километре восточнее реки Березина. Организуйте вывоз этого ценного имущества в тыл.

Надо отдать должное капитану Горячеву: он успешно справился с поставленной задачей. Достал у армейских тыловиков десять автомашин, посадил на них красноармейцев, вернулся к месту складирования парашютов, погрузил их и уже под пулеметным огнем противника прорвался в наше расположение. Доставив затем свой груз в Чаусы, он получил даже расписку о том, что имущество от него принято. За отличное выполнение этого задания капитан А. Я. Горячев был награжден орденом Красной Звезды. Впоследствии этот боевой офицер стал начальником штаба 9-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, которая почти всю войну действовала в составе 5-й гвардейской армии.

Между тем события на фронте развивались с неумолимой быстротой. Гул приближающегося сражения слышен был уже и здесь, на Березине. Впереди нас соединения 13-й армии сдерживали натиск врага на рубеже Слободка (8 км южное Борисова), Червень. В последующем армия имела задачу перейти к жесткой обороне по восточному берегу реки Березина на фронте Бытча, Свислочь. При этом 2-й стрелковый корпус (100-я и 161-я дивизии) должен был занять оборону на участке Чернявка, Березино, то есть стать нашим правым соседом.

На промежуточном рубеже войска 13-й армии сдерживали противника вплоть до 3 июля. К середине этого дня. однако, врагу удалось обойти левый фланг 100-й дивизии и мелкими группами танков и мотопехоты просочиться в район Березино. Здесь с ними вступил в бой батальон Полозкова, который, как уже говорилось, был выдвинут заблаговременно на западный берег реки. Попытки гитлеровцев прорваться к мосту были отбиты. При этом было подбито несколько фашистских танков. Бой не утихал всю ночь. Неразбериха в районе Березино была невообразимая. Чтобы не допустить захвата моста противником, мы взорвали его. И все же гитлеровцам удалось несколькими группами переправиться на восточный берег и вклиниться в промежутки между районами обороны подразделений 7-й воздушно-десантной бригады.

Утром 4 июля бригаде была поставлена задача контратакой уничтожить переправившихся гитлеровцев. Однако, пока отдавались распоряжения, выводились подразделения на рубеж атаки, обстановка еще более усложнилась. Противник обрушил на контратакующих сильный минометный, артиллерийский огонь, бомбовые удары нанесла его авиация, и контратака успеха не имела. Враг ввел на этом участке свежие войска; десантники дрались стойко и мужественно, но соотношение сил было явно в пользу гитлеровцев, и бригаду пришлось отвести на рубеж реки Клева. В этом бою командир бригады полковник М. Ф. Тихонов был тяжело ранен в ногу, но не покинул поле боя, а продолжал управлять подразделениями. После эвакуации Тихонова в госпиталь в командование бригадой вступил прибывший из резерва 13-й армии подполковник Лощинин.

В районе Свислочи обстановка была не менее напряженной. Здесь уже к вечеру 1 июля 3-й танковой дивизии Гудериана удалось захватить мост через Березину, оттеснить от берега подразделения 8-й воздушно-десантной бригады подполковника Онуфриева и захватить плацдарм.

Таким образом, теперь противник имел два направления для продвижения к Днепру: одно — на Могилев, другое — на Быхов.

В те июльские дни кто только ни проходил через боевые порядки корпуса. Это и обессиленные беспрерывными боями части 13-й и 4-й армий, и лишившиеся боевой техники подразделения механизированных соединений генералов А. Г. Никитина и В. Т. Обухова, и другие большие или малые группы различных родов войск. Все они занимали оборону рядом с нашими десантниками и в кровавых боях наносили врагу тяжелые потери, срывали запланированные им темпы наступления. Не могу не вспомнить добрым словом артиллеристов 122-мм корпусного полка, которым командовал замечательный командир, фамилию его я, к сожалению, не помню. Дальнобойные пушки разили врага за 18–20 км до подхода к Березине. Где доставал командир полка боеприпасы, одному ему было ведомо, но ими всегда были обеспечены батареи. Успешно громил врага и другой артиллерийский полк — 152-мм тяжелых гаубиц.

Все дальнейшие усилия войск 13-й и 4-й армий по удержанию рубежа на Березине оказались безуспешными. Советское командование понимало, что в сложившейся обстановке необходимо во что бы то ни стало задержать противника в междуречье Березины и Днепра как можно дольше и обеспечить оперативным резервам время для создания устойчивой обороны по Днепру.

Для централизации управления войсками на могилевском направлении все соединения, действовавшие здесь, в том числе и наш корпус, приказом фронта были переподчинены 13-й армии, которая с боями отходила к Днепру. В последующем армия переходила к обороне на участке Шклов, Новый Быхов.

До 7 июля 4-й воздушно-десантный корпус вел ожесточенные бои на рубеже Вдова, Первые речки, Княжицы. В каждой из двух наших бригад насчитывалось к этому времени до 1000–1100 человек личного состава и по 15 орудий калибра 45 мм. Рядом на Днепре, в районе Копысь, на шкловском и могилевском плацдармах, оборонялись соединения 45-го стрелкового корпуса, которым командовал комдив Э. Я. Магон.

Подразделения корпуса довольно успешно сдерживали гитлеровцев. Личный состав у нас был боевой, обстрелянный. Но, не располагая артиллерией и танками, мы не могли изматывать врага контратаками, наносить ему встречные удары. По существу, подразделения действовали по одной и той же схеме: окапывались, ждали подхода противника, наносили ему потери огнем с места, а затем отходили на новый рубеж.

8 июля наш корпус был выведен из состава 13-й армии, вновь подчинен 4-й армии и вместе с ее соединениями направлен на

доукомплектование за реку Сож. Но выполнить эту задачу, по существу, не удалось.

Как теперь известно, немецкое командование решило тогда, не дожидаясь своих почти 25 дивизий, которые были скованы героически сражавшимися в западных районах Белоруссии окруженными войсками Западного фронта, продолжать наступление силами 2-й и 3-й танковых групп Гудериана и Гота, объединив их в 4-ю танковую армию. Руководство ею было возложено на генерал-фельдмаршала Г. Клюге.

Вскоре южнее Могилева, в районе Быхова, немецкие 10-я моторизованная и 4-я танковая дивизии, переправившись через Днепр, захватили довольно значительный плацдарм — около 40 км в ширину, создав угрозу выхода в тыл нашей могилевской группировки. Тревожно было и севернее Могилева. Здесь противник в районе Шклова переправил через Днепр 29-ю моторизованную и 10-ю танковую дивизии, продвинувшись от реки к востоку в направлении Горок на 10–20 км.

Вечером 12 июля 4-я армия получила приказ занять оборону по восточным берегам рек Проня и Сож от Чаус до Пропойска (ныне Славгород) и от Мстиславля до Пропойска.

По решению командующего армией 4-й воздушно-десантный корпус развертывался на участке Мстиславль, Кричев. 28-й стрелковый корпус занимал оборону по реке Проня на участке Чаусы, Пропойск, а также по реке Сож — от Кричева до Черикова; южнее Черикова до Пропойска по восточному берегу реки Сож развертывалась 55-я стрелковая дивизия.

В эти дни во временное командование 4-й армией вступил ее начальник штаба полковник Леонид Михайлович Сандалов, штаб возглавил полковник И. А. Долгов, а членом Военного совета оставался Ф. И. Шлыков.

Обстановка на могилевском направлении с каждым часом продолжала накаляться. Группировка противника, форсировавшая Днепр и наступавшая на Горки, непрерывно усиливалась. Она как раз нависала над правым флангом корпуса.

Оценив сложившееся положение, мы бросили сюда наш резерв — батальон, усиленный артиллерией. Кроме того, по указанию командующего 4-й армией в этот район вечером 14 июля был направлен усиленный полк 6-й стрелковой дивизии. Благодаря принятым мерам, на этом участке наши части успешно сдерживали противника. Мало того, 16 июля отряд полковника Попсуй-Шапко вместе с частью сил 8-й воздушно-десантной бригады неожиданной атакой во фланг противника смял его части и отбросил от Мстиславля на несколько километров к северо-западу. Было сожжено и подбито много танков, а

вражеской пехоте нанесены ощутимые потери.

Ночью 14 июля армии была поставлена задача нанести удар на Горки с двух направлений: 28-м стрелковым корпусом — вдоль восточного берега реки Проня, объединенными силами 4-го воздушно-десантного и 25-го механизированного корпусов под моим общим командованием — из района Кричева. Одновременно нам было известно, что 13-я армия получила задачу силами одного механизированного корпуса и двух стрелковых дивизий нанести удар на Горки вдоль западного берега реки Проня, а также осуществить ликвидацию противника в районе Быхова.

Надо сказать, что хорошо задуманный маневр осуществить нам не удалось. По последовавшим вскоре действиям противника мы поняли, что наши планы ему каким-то образом стали известны. На рассвете 15 июля его авиация начала массированные налеты на Чериков и Пропойск, а спустя некоторое время сильная танковая группа гитлеровцев неожиданно захватила мост через реку Проня у Пропойска и начала распространяться вдоль шоссе к Черикову.

С этого момента и до 18 июля на рубеже реки Сож начались ожесточенные, кровопролитные бои, которые части 4-го воздушно-десантного корпуса вели вместе с отходящими соединениями 13-й армии. Рядом с десантниками в оборону по восточному берегу реки встал сначала сводный отряд 45-го стрелкового корпуса под командованием комдива Э. Я. Магона, а затем и остатки 20-го стрелкового корпуса, сведенные в несколько батальонов.

Светлая память сохранилась у меня о комдиве Магоне, с которым в те трудные дни судьба сводила нас неоднократно. Это был хорошо подготовленный в военном отношении, мужественный и смелый командир, обладавший удивительной выдержкой и спокойствием в любой обстановке. Под стать ему был и начальник штаба корпуса полковник Макар Васильевич Ивашечкин. С того времени как мы вместе с 45-м корпусом дрались на Березине, мне казалось, что ему приходилось чуть-чуть труднее, чем другим. Корпус всегда оказывался на острие удара танковых и моторизованных дивизий Гудериана.

Надо сказать, что июль для 13-й армии оказался особенно тяжелым. В первых числах был смертельно ранен ее командующий генерал-лейтенант Филатов. Его сменил генерал-лейтенант Ремезов, который вскоре тоже был ранен. 14 июля в командование вступил генерал-лейтенант В. Ф. Герасименко. Я хорошо знал этого талантливого генерала. До начала Великой Отечественной войны он командовал Приволжским военным

округом, преобразованным в 21-ю общевойсковую армию. Эту армию Василий Филиппович и привел на Западный фронт, но здесь ее дивизии были переданы в другие армии, иначе говоря, вводились в сражение по мере выхода в районы боевых действий. Генерала же Герасименко назначили командующим 13-й армией, которая к этому времени с тяжелыми боями отходила на восток.

В то трудное время особенно плохо было с вопросом управления войсками. Средств связи не хватало, да и многое из того, что было, повыходило из строя. Проводная связь работала но очень надежно. Но управление нарушалось иногда не только по вине связистов, но и из-за того, что штабы объединений и соединений, меняя дислокацию, не могли оповестить об этом не только своих соседей, но порой и подчиненных.

…Обороняясь на реке Сож, мы провели несколько ночных рейдов по тылам противника, подошедшего к реке. Один из этих рейдов возглавил начальник оперативного отдела корпуса майор Тимченко. Отряд скрытно переправился на западный берег реки и в течение ночи громил подходящие колонны, обозы с боеприпасами и снаряжением. В одной из ожесточенных рукопашных схваток геройски погиб майор Тимченко.

В последующие дни события на этом рубеже развивались так. 18 июля противник крупными силами форсировал реку и начал теснить части корпуса. Особенно тяжелый бой завязался на кричевском направлении, где оборонялась 7-я воздушно-десантная бригада, которой командовал майор А. Ф. Евграфов. Город Кричев беспрерывно бомбила вражеская авиация. Многие здания были разрушены, город горел. Трудно было малочисленной бригаде, без танков, почти без артиллерии, отразить атаки полнокровной танковой дивизии врага, и она была вынуждена отойти в район Дубровки, Климовичи. Отошел с рубежа севернее реки Соженка и сводный отряд 45-го стрелкового корпуса.

Геройски дрались на сожском рубеже воины 8-й воздушно-десантной бригады. Бойцы и командиры бригады в течение двух дней вели тяжелые оборонительные бои, часто переходили в контратаки, чтобы сдержать врага.

Можно привести сотни примеров мужества, отваги, героизма, высокого воинского мастерства десантников. Командир 2-го батальона капитан Барткевич вел в контратаки свои подразделения, личным примером воодушевлял своих бойцов и командиров. Будучи ранен, не покинул поле боя, пока не передал командование батальоном своему заместителю.

Большие потери наносила врагу 2-я рота 7-й воздушно-десантной бригады, которой командовал политрук Алексеев.

Красноармейцы роты в районе деревни Черпиково связками ручных гранат и бутылками с горючей смесью уничтожили 5 вражеских танков. Бесстрашно действовало разведподразделение капитана Давыдова, уничтожив за один день 7 танков противника. Десантники батальона капитана Чепурного уничтожили 20 гитлеровских танков.

В боях на кричевском направлении танковые соединения Гудериана понесли ощутимые потери. Наши непрерывные контратаки, проводившиеся порой не только частями и соединениями, но и небольшими подразделениями, как справедливо пишет Л. М. Сандалов в своих воспоминаниях, «не на шутку напугали Гудериана. Он еще раз донес в Берлин, что с рубежа Чериков, Довск маршал Тимошенко развивает начатое 13 июля контрнаступление двадцатью дивизиями…»[1]

Мужество и героизм советского солдата испугали «танкового короля» вермахта, и он, боясь за свой престиж, перешел на правом фланге к обороне но реке Сож всеми дивизиями 24-го и частью сил 46-го моторизованных корпусов.

Потеря Кричева, видимо, вызвала серьезное беспокойство у Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко. Мне было приказано срочно прибыть к нему на КП. Кстати, к этому времени уже были созданы главные командования войск направлений. Главное командование войск Западного направления и возглавил Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко.

Поехал к главкому. Тревожно было на душе: что доложить ему? Что десантники дрались храбро и умело, но, к сожалению, превосходство на стороне врага, особенно в танках, артиллерии и авиации…

Выслушав мой короткий доклад о положении в районе Кричева, Семен Константинович очень спокойно сказал:

— Времени на раздумья нет. С потерей Кричева ослабилось рославльское направление. Надо остановить продвижение врага. Ваш воздушно-десантный корпус еще располагает хорошим кадровым личным составом, но в бригадах нет артиллерии. В стрелковом корпусе Магона людей совсем мало, но есть боевая техника и артиллерия. Объедините усилия обоих корпусов и с утра 19 июля нанесите удар на Кричев и во взаимодействии с частями 13-й армии восстановите положение в этом районе. Действуйте как можно активнее и решительнее, — напутствовал меня Тимошенко.

Возвращаясь в корпус, я всю дорогу думал, как же лучше выполнить поставленную задачу. В штабе корпуса узнал, что обстановка еще более усложнилась. Как мы и предполагали, объединить усилия нашего корпуса со сводным отрядом комдива

Магона не удалось, и 19 июля нанести намеченный главкомом контрудар не пришлось.

В эти дни, как уже знает читатель, 4-й воздушно-десантный корпус состоял из двух ослабленных бригад. Непрерывные бои, бессонные ночи, колоссальное физическое напряжение настолько измотали людей, что они буквально падали от усталости. Поэтому наши попытки 20 июля выполнить полученный приказ не увенчались успехом.

8-я бригада из-за постоянного воздействия авиации противника и труднопроходимости дорог не смогла сосредоточиться в указанном ей районе. 7-я бригада хотя с утра 20 июля и перешла в наступление, героически дралась весь день, но, действуя в одиночку, успеха добиться не смогла и, понеся большие потери от артиллерийского огня противника, была вынуждена отойти на рубеж платформа Великан, Грезивец, роща севернее Коропца.

Вскоре 4-й воздушно-десантный корпус был выведен в тыл на переформирование. Я получил приказ убыть в распоряжение командующего только что созданного нового фронта — Центрального, штаб которого находился в Гомеле.

Я тепло попрощался со своими боевыми друзьями — десантниками, и особенно сердечно с прекрасным человеком и товарищем Александром Федоровичем Казанкиным, который принял командование корпусом.

Однако вернемся теперь к моему новому назначению. Прежде всего хотелось бы вкратце рассказать о том, чем было вызвано создание нового, Центрального фронта.

Во второй половине июля в полосе Западного фронта сложилась трудная обстановка сразу на нескольких направлениях: оршанско-смоленском, могилевско-рославльском, бобруйско-рогачевском и мозырь-гомельском. В этих условиях командованию Западного фронта стало трудно управлять войсками, особенно действующими на левом фланге. Ставка с целью улучшения руководства войсками выделила 3, 21, 13-ю армии и конную группу генерал-полковника О. И. Городовикова в самостоятельный Центральный фронт. Фронтовое управление было сформировано на базе армейского управления 4-й армии. Командующим фронтом был назначен генерал-полковник Ф. И. Кузнецов, членами Военного совета — первый секретарь ЦК К'П(б) Белоруссии П. К. Пономаренко и корпусной комиссар Д. Л. Гапанович, а начальником штаба фронта — полковник Л. М. Сандалов.

Распрощавшись со своими боевыми друзьями-десантниками, утром 27 июля я выехал в Гомель. По дороге, в районе Рославля,

мне встретились кавалерийские части. Каково же было мое удивление, когда узнал, что это родная моя 21-я Туркестанская горно-кавалерийская дивизия следует в состав конной группы О.И.Городовикова. Не думал и не гадал я, что встретиться придется на военных дорогах Смоленщины.

Мимо проходили знакомые полки и эскадроны. Да, дивизия была полностью укомплектована хорошо подготовленным личным составом. Отлично обстояли дела с лошадьми, стрелково-пулеметным и артиллерийским вооружением, боеприпасами. Но из своего горького опыта я уже знал, что она не в состоянии успешно противостоять танковым и моторизованным полчищам Гудериана. Впереди соединение ждали тяжелые испытания. Вскоре подъехал командир дивизии полковник Я. К. Кулиев. Кстати, узнав уже после отъезда из САВО о его назначении на эту должность, я обрадовался, ибо был уверен, что дивизия попала в руки хорошего кавалерийского начальника. Наша встреча на фронтовой дороге была хотя и короткой, но очень теплой. За небольшим импровизированным столом вспомнили командиров полков — майора Николая Павловича Загребельного, майора Андрея Николаевича Максимова, старательного и неутомимого начальника штаба дивизии полковника Александра Ивановича Юрьева. Я обрадовался, узнав, что в командование 112-м кавалерийским полком вступил энергичный и отлично подготовленный в военном отношении капитан Хасан Лангустович Харазия. Кстати, в годы войны Харазия воевал мужественно, командовал различными соединениями и к Дню Победы был уже генерал-лейтенантом.

— По твоим рассказам чувствую, что трудно придется нашим кавалеристам, — сказал Якуб Кулиевич.

— Очень трудно воевать сейчас без танков и артиллерии, особенно противотанковой, без средств противовоздушной обороны, — ответил я. — Тем более когда враг обладает превосходством в этих средствах. Вот нам и приходится отступать, хотя дорого достается фашистам каждая пядь родной земли…

Прощаясь с комдивом и глядя на его приунывшего водителя Василия Корытина, с которым расстался чуть больше месяца назад, я упросил Кулиева отпустить его со мной. Якуб Кулиевич уважил мою просьбу. Корытин возил меня всю войну. Он был отважным солдатом, опытным шофером, в любых, самых сложных дорожных переделках блестяще справлялся со своими обязанностями…

Расстались мы каждый со своими думами и заботами.

Не знал я тогда, что больше не увижу этого замечательного

человека. Погибли в те тяжелые дни отступления и полковник А. И. Юрьев, майор А. Н. Максимов, заместитель начальника политотдела майор С. И. Кузнецов и многие, многие другие…

По дороге в Гомель я невольно вспомнил годы работы в Инспекции кавалерии РККА. Там приобрел я разносторонний опыт работы под руководством таких известных военачальников, как И. В. Тюленев, О. И. Городовиков, чьи имена вошли в историю нашей Родины. Этих людей объединяли такие общие черты, как принципиальность, доброжелательность, стремление всегда помочь подчиненным. Вот и сейчас, думал я, они опять в самой гуще военных событий, на самых жарких участках фронта.

…Приехав в Гомель, тотчас представился командующему фронтом генерал-полковнику Ф. И. Кузнецову. Федора Исидоровича знал как хорошего преподавателя во время моей учебы в Военной академии имени М. В. Фрунзе. Накануне войны он командовал Прибалтийским Особым военным округом, преобразованным 22 июня 1941 года в Северо-Западный фронт. Забегая вперед, скажу, что как военачальник он себя на войне особенно не проявил. Много лет спустя, в 1948 году, если память мне не изменяет, когда Г. К. Жуков прибыл принимать Уральский военный округ, которым командовал Ф. И. Кузнецов, мне вновь пришлось встретиться с ним. Я был в составе приемопередаточной комиссии. Положение в ряде частей было не на высоте, и, строго говоря, мы обязаны были все недостатки отразить в специальном акте. Федор Исидорович уходил в отставку, и мне очень не хотелось этого делать, Выручил Георгий Константинович.

— Ничего не надо писать, — сказал он, — тут дело ясное, разберусь сам. Он сдает, а я принимаю. — Этим самым он взял всю ответственность за имевшиеся недостатки в округе на себя.

Однако вернемся в штаб Центрального фронта. Генерал Кузнецов выглядел очень усталым и, как мне показалось, больным. Поинтересовавшись обстановкой в районе Кричева, расспросив о том, как воевал 4-й воздушно-десантный корпус, и посетовав на тяжелое положение наших войск в этом районе, он объявил о назначении меня начальником штаба 3-й армии.

«Что за 3-я армия? Вновь сформированная или та же самая, которая дралась в окружении западнее Минска?» — раздумывал я. Полную ясность внес начальник штаба фронта Л. М. Сандалов. Я был рад, что за эти два месяца войны уже во второй раз встречаюсь с Леонидом Михайловичем. Этот человек, с богатым жизненным опытом, глубоким аналитическим мышлением, широким оперативным кругозором, редким умением быстро обобщать военные события, четко и кратко излагать обстановку,

принимать смелые решения, понравился мне с первой встречи на Березине. Незаурядные способности Сандалова в последующем проявлялись всюду, на самых ответственных участках войны: под Гомелем, Брянском, Тулой, Курском, в Прибалтике. Он участвовал в разработке и осуществлении многих победоносных операций Великой Отечественной войны.

…Оказалось, что речь идет о той же 3-й армии Западного фронта, остатки полевого управления которой во главе с командующим генерал-лейтенантом В. И. Кузнецовым вышли в конце июля из окружения в район Речицы. Армия пополнялась за счет левофланговых дивизий 21-й армии, дивизии генерала С.И. Недвигина, Мозырьского укрепраиона, а также вновь сформированных дивизии из отрядов, подразделений и частей, вышедших из окружения в район Мозыря.

Я поспешил в Речицу. По дороге встретился с П. К. Пономаренко. Наша беседа касалась главным образом событий на фронте. Пантелеймон Кондратьевич высказывал беспокойство по поводу положения наших войск на мозырьском направлении и посоветовал мне как можно быстрее наладить руководство действующими здесь соединениями, а главное, навести порядок среди выходящих из окружения частей и побыстрее возвращать их в строй.

Представившись командующему и члену Военного совета Федору Ивановичу Шлыкову, я сразу же окунулся в работу. А ее было, как говорят, невпроворот. Все вопросы, связанные с воссозданием армии как оперативного объединения, пришлось решать с ходу: принимать дивизии и части с их боевыми участками, организовывать управление, материальное обеспечение, формировать новые соединения, сколачивать штаб и полевое управление.

В конце июля активные боевые действия в полосе нашего фронта велись сразу на нескольких направлениях.

В Могилеве 61-й стрелковый корпус генерала Ф. А. Бакунина продолжал драться в окружении. 63-й стрелковый корпус генерал-лейтенанта Л. Г. Петровского, овладев городами Рогачев и Жлобин, наступал к Бобруйску. Конная группа генерала О. И. Городовикова рейдировала по тылам врага где-то западнее Бобруйска, в районе Старых Дорог. Все это приковывало значительные силы группы армий «Центр» и не позволяло использовать их на главном — смоленском направлении. Таким образом, войска Западного фронта активными боевыми действиями спутали многие планы гитлеровского командования. Немецко-фашистским войскам пришлось временно перейти к обороне.

На левом крыле Центрального фронта — в полосе 3-й армии — сохранялась сравнительно спокойная обстановка. Это позволило нам провести целый ряд мероприятий по укреплению обороны и организационному усилению соединений и частей. Но затишье на нашем участке было недолгим. Уже в первых числах августа мы почувствовали повышенную активность противника на гомельском направлении. Участились полеты его разведывательной авиации, все чаще поступали сообщения о сосредоточении войск врага в этом районе.

Как стало известно несколько позже, все эти мероприятия осуществлялись в соответствии с утвержденным Гитлером планом по «разгрому находящейся в районе Гомеля и севернее…»[2] группировки советских войск.

На этом направлении было сосредоточено около 25 дивизий. Главный удар планировалось нанести от Кричева на Новозыбков, Унеча, в обход Гомеля с востока. Выполнение этой задачи возлагалось на танковую группу Гудериана. Непосредственно на Гомель с севера должна была наступать 2-я немецкая армия.

В конце первой недели августа развернулись ожесточенные бои в районе Кричева, а затем враг, смяв фланги корпуса Петровского, начал теснить его к югу, продвигаясь по обоим берегам реки Сож. Создалась угроза выхода противника в тыл войскам 3-й армии.

Учитывая сложившуюся обстановку, командарм приказал мне собрать оперативную группу, взять с собой средства связи и возглавить руководство в районе Речицы.

Здесь нами заблаговременно была создана прочная оборона, способная сдержать наступление противника, который пока что никаких активных действий не предпринимал. Прибыв в Речицу, наша оперативная группа приступила к выполнению своей задачи.

Утром 13 августа нам стало известно, что в полосе 21-й армии противник форсировал Днепр в районе Стрешина и устремился к Довску, навстречу своим дивизиям, наступавшим сюда с севера. Корпус Петровского оказался, по существу, в окружении. Обстановка в этом районе с каждым часом усложнялась. После форсирования Днепра в нашей обороне образовалась брешь, которой враг мог воспользоваться для развития удара на Гомель. Так оно и случилось. Немецкие моторизованные дивизии из района Довска и Стрешина повели наступление на юг, в междуречье Днепра и Сожа. Вскоре к правому флангу армии стали подходить разрозненные части корпуса Петровского. Как только мне доложили об этом, я выехал им навстречу. Глазам моим открылась тяжелая картина

отступления: двигались мелкие группы и одиночки, на лошадях и машинах, пешком. Тут были и красноармейцы, и сержанты, и командиры. Всего в наш район вышло около тысячи человек. Все они считались окруженцами и, по существовавшим тогда положениям, были направлены во фронтовой тыл. На свой страх и риск я оставил некоторых командиров в армии, пополнив ими отделы штаба.

Вскоре мы узнали, что командир 63-го стрелкового корпуса генерал-лейтенант Л. Г. Петровский погиб в бою 17 августа 1941 года. Все мы, знавшие Леонида Григорьевича как прекрасного человека и отличного командира, тяжело переживали эту утрату. Еще раз хочу отметить, что освобождение корпусом Рогачева и Жлобина и наступление на Бобруйск были одними из первых в начале войны наших успешных контрударов…

…Между тем группировка противника, вышедшая к Гомелю с севера, частью сил наступала на Речицу. Неожиданно танки и мотопехота гитлеровцев появились в районе железнодорожного моста через Днепр. Пришлось срочно организовать оборону моста с помощью людей из корпуса Петровского и дивизии Недвигина. Здесь же располагались огневые позиции зенитной батареи ПВО страны. Хочется особо отметить мастерство и героизм личного состава этой батареи и ее командира, фамилии которого я, к сожалению, не записал. Батарея успешно отражала не только налеты авиации, но и атаки танков противника.

Несмотря на то что с фронта на нас особого давления фашистов не чувствовалось, было ясно, что, если не последует приказ об отходе 3-й армии, ее части могут оказаться отрезанными от днепровских переправ и вновь очутятся в тылу врага. Утром 15 августа такое распоряжение командующего фронтом было получено. Армия отводилась за Десну в район восточнее Чернигова с задачей организовать прочную оборону на этом рубеже. В районе Гомеля к этому времени уже шли упорные бои, и нам пришлось сначала спуститься вдоль западного берега Днепра на юг, а затем в районе Лоева переправиться по наплавным мостам, оборудованным силами фронта.

К концу августа обстановка в полосе Центрального фронта значительно усложнилась. 21-я армия с трудом сдерживала наступление 2-й немецкой армии от Гомеля на юг, к Десне; 13-я армия вела тяжелые бои с танковой группой Гудериана, наступавшей в направлении Новгород-Северского; наша 3-я армия находилась в движении к Десне; конная группа Городовикова только подошла к переправам через Днепр. Откровенно говоря, не было никакой уверенности, что мы сумеем заблаговременно выйти к Десне и, организовав оборону своими силами, остановить

наступление противника на этом рубеже.

Во время нашего движения к Десне стало известно, что в тылу наших войск развертывается Брянский фронт под командованием генерал-лейтенанта А. И. Еременко. Он создавался в целях объединения управления войсками, действовавшими на брянском и гомельском направлениях. В состав фронта кроме 50-й и 13-й армий были переданы войска Центрального фронта, который директивой Ставки Верховного Главнокомандования от 25 августа 1941 года упразднялся. 3-я_армия свои соединения передала 21-й армии, в командование которой вступил генерал В.И. Кузнецов. Мне со штабом армии и начальниками родов войск и служб было приказано следовать через Чернигов в район Брянска в распоряжение командующего Брянским фронтом.

В конце августа 1941 года я прибыл в штаб Брянского фронта, а член Военного совета Ф.И.Шлыков со штабом армии, начальниками родов войск и служб направился непосредственно в соединения, которые передавались в состав армии.

После представления начальнику штаба фронта генералу Г. Ф. Захарову и краткого доклада о состоянии штаба армии и возможностях средств управления я был информирован об оперативном положении войск фронта. Оно было следующим.

Брянский фронт включал четыре общевойсковые армии. 50-я оборонялась за Десной, северо-западнее Брянска, от железной дороги Рославль — Киров до Жуковки. Оборона полосы южнее и западнее Брянска, между Жуковкой и Почепом, возлагалась на нашу 3-ю армию, возрождаемую за счет фланговых дивизий 50-й и 13-й армий. Слева от нас, на рубеж от Почепа до Новгород-Северского, выходили войска 13-й армии. 21-я армия занимала несколько обособленное положение. Ее рубеж — северные подступы к Чернигову, где она вела бой, — не примыкал к левому флангу 13-й армии. Здесь, но Десне от Шостки до Сосницы, оборонялась 40-я армия Юго-Западного фронта.

Георгий Федорович предупредил меня, что А. И. Еременко, будучи у И. В. Сталина, обещал ему разбить Гудериана и что сейчас идет подготовка к нанесению фронтового контрудара. Ставка выделила для этого дополнительные силы — танковую дивизию, танковую бригаду и кавалерийскую дивизию, объединенные в подвижную группу генерала А. Н. Ермакова.

Перед фронтом действовал знакомый нам противник — танковая группа Гудериана и 2-я немецкая армия. К описываемому времени части Гудериана переправились через Десну, захватили Трубчевск и развернули наступление на юг и юго-восток для охвата с севера Юго-Западного фронта.

— Ставка считает, — сказал Захаров, — что, хотя силы Гудериана повернуты на юг, он располагает возможностями для нанесения нового удара севернее Брянска и далее на Козельск с целью обхода Москвы.

В действительности тогда этого не произошло потому, что, завязнув в тяжелых боях под Смоленском, гитлеровцы неожиданно для себя протоптались там более месяца и решили не испытывать судьбу новым лобовым ударом. Поэтому к югу была рокирована не только 2-я армия, но и главные силы танковой группы Гудериана.

После такой детальной оперативной ориентировки я поспешил на командный пункт армии, который размещался в 10–12 км восточнее Почепа. Почти одновременно со мной прибыл и командующий армией генерал-майор Я.Г. Крейзер.

Как сейчас помню, было это в начале сентября 1941 года. Я сидел в штабной землянке и знакомился по карте с полосой, в которой предстояло воевать нашей, фактически заново формируемой армии, когда дверь отворилась и к столу стремительно подошел ладный, выше среднего роста генерал-майор с Золотой Звездой Героя Советского Союза и двумя орденами Ленина на груди.

— Крейзер, ваш новый командарм, — отрекомендовался он, протягивая руку и весело глядя на меня умными карими глазами.

Он тут же подсел к столу, и мы принялись вместе изучать обстановку. С первых же минут знакомства я проникся уважением и симпатией к своему командарму, ибо он весь, как говорится, излучал энергию, был деловит и доброжелателен к окружающим. Мы пережили вместе в сентябре — октябре 1941 года немало тяжелых дней, когда выводили армию из окружения. Должен сказать, что успеху в выполнении этой задачи во многом армия обязана уверенному и гибкому руководству со стороны Я. Г. Крейзера, его неиссякаемому оптимизму, умению увлечь людей личным примером мужества и настойчивости. Надо отметить, что к этому времени он накопил уже немалый командирский опыт в мирных и боевых условиях, прославился в огне Смоленского сражения во главе 1-й Московской мотострелковой дивизии.

В должности командующего армией Яков Григорьевич чувствовал себя уверенно, обстановку схватывал быстро и в руководстве войсками всегда опирался на штаб и своих заместителей.

Под стать командующему был член Военного совета армии Федор Иванович Шлыков. Настоящий коммунист, опытный политработник, он вникал во все вопросы жизни войск. Его отличала глубокая партийная принципиальность, высокая

требовательность, и в то же время он был простой, доступный и обаятельный человек. Его постоянно можно было видеть среди красноармейцев и командиров, особенно в тяжелой обстановке.

Хочу отметить, что полевое управление армии, и в частности штаб армии, было сколоченным и слаженным органом, способным управлять соединениями в самых сложных условиях. С большой теплотой вспоминаю совместную работу с моим помощником — начальником оперативного отдела Алексеем Викторовичем Владимирским. С первой встречи он произвел на меня хорошее впечатление умением глубоко анализировать обстановку и делать четкий и ясный вывод по ней. Владимирский имел большой опыт штабной работы и пользовался заслуженным авторитетом у командиров дивизий и начальников родов войск и служб армии.

В разведывательном отделе 3-й армии работала группа отлично подготовленных в этой области командиров, инициативных и исполнительных. В то сложное время в их работе мне особенно нравились самостоятельность и стремление постоянно следить за противником. Они подкупали всех нас своей неуемной энергией.

Оперативный и разведывательный отделы армии работали в тесном содружестве. Этому способствовали хорошие товарищеские взаимоотношения, сложившиеся между начальниками отделов.

Любимцем штаба армии был его комиссар Николай Николаевич Амосов. Высококультурный, душевный человек, он умел всегда найти доброе слово для каждого работника штаба. Будучи тяжело раненным при выходе из окружения, он показал себя мужественным человеком, боевым товарищем, душой всего коллектива штаба.

Много хороших слов можно сказать о начальнике артиллерии армии Михаиле Михайловиче Барсукове. Это был человек, который мало говорил, но много делал. Его талант широко развернулся в ходе войны: он командовал артиллерийским корпусом прорыва, вырос до генерал-полковника артиллерии — командующего артиллерией одного из фронтов.

…После моего доклада командарму об общей обстановке в полосе фронта, и в частности на нашем направлении, мы приступили к работе. Прежде всего вместе с начальником оперативного отдела Владимирским начали с организации управления дивизиями, передаваемыми в состав армии. В каждую из них был направлен оператор — направленец для установления личных связей и выяснения обстановки. Развернули и оборудовали передовой командный пункт и тыловой пункт

управления. Хочется подчеркнуть, что врастал я в свою новую должность уверенно, ибо чувствовал на каждом шагу широкую поддержку со стороны моих заместителей и начальников родов войск и служб. Кроме того, пригодился и многолетний опыт предвоенной штабной работы в различных звеньях — в полку, дивизии, корпусе и Инспекции кавалерии РККА.

Большую заботу и внимание проявлял к работе штаба и Яков Григорьевич Крейзер. Менаду нами сразу установились и поддерживались хорошие деловые взаимоотношения.

Изучение обстановки, подчиненных соединений, знакомство с их командирами, начальниками штабов, командирами полков осуществлялись нами непосредственно на боевых участках. Первая моя поездка была в 137-ю стрелковую дивизию полковника И. Т. Гришина. Это 6ыл опытный комдив, впоследствии выросший до командующего 49-й армией, отлично проявивший себя в этой должности. Затем я побывал в 269-й стрелковой дивизии полковника А.Е. Чехарина, в 280-й генерала С. Е.Данилова.

Армия почти не располагала средствами усиления. Правда, нам придали дивизион реактивных минометов, прозванных впоследствии «катюшами». Это было новое грозное оружие, и я в те дни впервые познакомился с его огневыми возможностями.

Но вернемся несколько назад и рассмотрим обстановку, которая складывалась на стыке 13-й и 50-й армий, то есть как раз на том боевом участке, который передавался 3-й армии.

В конце августа противник силами двух танковых и одной моторизованной дивизий из состава 47-го моторизованного корпуса предпринял наступление на Трубчевск. Удары наносились на нескольких направлениях: на Почеп, Семцы, Мосточная, ст. Знобь. 13-я армия не выдержала ударов врага и, понеся большие потери, отходила за Десну. В этой неблагоприятной для нас обстановке фронт утром 29 августа нанес по противнику довольно сильный контрудар в направлении Трубчевск, Погар. Он пришелся по флангу группы Гудериана. В контрударе участвовали подвижная группа генерала Ермакова (108-я танковая дивизия, 141-я танковая бригада и 4-я кавалерийская дивизия) и три дивизии 13-й армии, в том числе 137-я и 269-я стрелковые, переданные в состав армии. Я напомнил эту обстановку, ибо как раз в это время мы проводили все организационные мероприятия по приему соединений, их боевых участков и налаживали управление войсками.

Контрудар фронта превратился во встречное сражение наших войск с моторизованным корпусом Гудериана и пехотными дивизиями 2-й немецкой армии. А. И. Еременко утверждает, что в

«этом сражении участвовало со стороны противника до 500–600 танков и с нашей стороны — 250–300. Неприятель потерял в этом районе несколько тысяч солдат и офицеров и не менее 200 танков»[3]

Не берусь утверждать, но мне думается, что приведенные цифры несколько преувеличены.

Главный результат этого контрудара, на мой взгляд, состоял в том, что мы изрядно потрепали некоторые части Гудериана. Личный состав убедился, что фашист не так страшен, как он себя стремится показать, труслив и что если на него нажать как следует, то он побежит без оглядки. Но в том-то и дело, что силенок для того, чтобы нажать на врага, у нас как раз и не хватало.

На освобожденную от врага территорию мы с Михаилом Михайловичем Барсуковым поехали специально, чтобы посмотреть доставшиеся нам трофеи. Разбитые немецкие минометы, орудия, сожженные танки и автомашины, брошенные при поспешном отступлении боеприпасы и различное военное снаряжение — зрелище в ту пору для нас новое.

Территориальное продвижение, конечно, было небольшое. Ставка Верховного Главнокомандования, надеясь, очевидно, что достигнутые тактические успехи можно развить в оперативные, приказала Брянскому фронту нанести дополнительные удары в направлении Рославля и Стародуба с целью разгромить группировку противника в районе Почеп, Новгород-Северский, Новозыбков. В дальнейшем ставилась задача наступать в направлении Кричев, Пропойск (Славгород) и к 15 сентября выйти на фронт Петровичи, Климовичи, Белая Дубрава, Гута-Корецная, Новозыбков.[4]

3-я армия своей ударной группировкой в составе четырех дивизий, из которых уже были втянуты в бой одна танковая и одна кавалерийская, должна была наступать в направлении Почепа, 50-й армии была поставлена задача нанести удар на Рославль, а 13-й армии — продолжать наступление на Погар, Стародуб.

Хотя А. И. Еременко в своей книге «В начале войны» и написал, что выполнение указанной выше задачи Ставки происходило в рамках какой-то разработанной операции, на самом деле все свелось к обычному наращиванию усилий и некоторому уточнению направлений боевых действий, иначе говоря, слиянию этих новых, усилий с продолжающимся контрударом, предпринятым в конце августа. Естественно поэтому, что армии не смогли достигнуть тех рубежей, которые были им указаны в приказе. Войска фронта продвинулись в

среднем на 10–15 км и вышли на рубеж Фроловка, восточный берег реки Судость до Зноби и далее по восточному берегу реки Десна. 3-я армия, в частности, продвинулась на почепском направлении до 10 км, заставив противника перебросить сюда 31-ю и 167-ю пехотные дивизии 2-й армии, усилив их танками из 18-й танковой дивизии танковой группы Гудериана.

Таким образом, развить частный тактический успех, достигнутый контрударом подвижной группы генерала Ермакова и левофланговыми дивизиями 3-й армии (переданными из 13-й армии), и разбить Гудериана, как это было обещано Сталину, командующему фронтом генерал-лейтенанту А. И. Еременко не удалось.

После того как войска фронта отбросили части Гудериана за Десну, 3-я армия перешла к обороне. Обстановка в ее полосе стабилизировалась и была сравнительно спокойной. Соединения укрепляли занимаемые рубежи, вели разведку противника и отражали его отдельные попытки перейти в наступление. Но нас сильно тревожили события на Юго-Западном фронте. Из поступающей информации мы узнали, что там наши войска потерпели серьезное поражение. Погибли командующий фронтом генерал-полковник М. П. Кирпонос, начальник штаба генерал-майор В. И. Тупиков, члены Военного совета М. А. Бурмистренко и дивизионный комиссар Е. П. Рыков. Тяжело был контужен и ранен командующий этой армией генерал М. И. Потапов.

События тех дней на Юго-Западном фронте довольно подробно описаны в военно-исторической и военно-мемуарной литературе. Здесь мне хотелось бы лишь отметить, что танковая группа Гудериана и взаимодействующая с ней 2-я немецкая армия, совершившие поворот на юг, воспользовались слабостью нашей обороны на стыке Юго-Западного и Брянского фронтов. Это дало возможность противнику быстро протаранить фронт 40-й армии, захватить Конотоп, Бахмач, Борзну, выйти в тыл войскам Юго-Западного фронта и 15 сентября соединиться в районе Лохвицы с 1-й танковой группой Клейста, стремительно наступавшей с плацдарма у Кременчуга. Выход этих двух танковых групп в район Лохвицы, перехват ими всех важнейших коммуникаций Юго-Западного фронта, а затем разгром штаба фронта поставили советские войска в тяжелое положение.

После этих трагических событий перед нами невольно вставал вопрос: что же предпримет дальше противник? Мы знали, что войска левого крыла фронта — 13-я армия и группа Ермакова — измотаны в предыдущих боях, и не исключали, что Гудериан может воспользоваться этим и повернуть главные силы на северо-восток. В штабе армии считали — и тут я должен особо отметить

проницательность Крейзера, — что обстановка на Брянском фронте может сложиться чрезвычайно опасная. И Яков Григорьевич и я несколько раз в разговорах по Бодо с командующим и начальником штаба фронта доказывали необходимость создания более сильного резерва, отведя для этого с переднего края хотя бы несколько дивизий.

Возможность создания более сильного фронтового резерва мотивировалась нами тем, что непосредственно перед 3-й армией не появилось новых войск противника и никакой активности он не проявлял. Мы даже советовали вывести во второй эшелон всю 3-ю армию и сосредоточить ее позади 13-й армии, ближе к ее левому флангу, в районе Дмитровск-Орловского. Если бы это было сделано, то, как выяснилось впоследствии, именно на направлении главного удара Гудериана фронт располагал бы более мощными силами для отражения его наступления.

Командование фронта продолжало вести на левом крыле активные боёвые действия, а это привело к тому, что надежной обороны здесь создано не было, а силы группы генерала Ермакова были истощены. Этим и воспользовались гитлеровцы. 30 сентября мы получили из штаба фронта тревожную весть. Сосредоточившаяся перед левофланговыми соединениями 13-й армии и группой Ермакова 2-я танковая группа Гудериана перешла в наступление. Оно развивалось настолько стремительно, что уже к исходу дня противник вклинился в нашу оборону на 15 км. Однако командование фронта не усмотрело в этом ничего угрожающего. Генерал Еременко в ночь на 1 октября вновь пообещал Верховному Главнокомандующему уничтожить группировку Гудериана «сначала в направлении группы Ермакова, а затем — на левом фланге 13-й армии»[5].

Но остановить имевшимися в этом районе ослабленными силами лавину вражеских танков было уже невозможно. Группа Гудериана наступала настолько стремительно, что вскоре захватила Севск и Середина-Буду, вечером 1 октября ее передовые танковые части уже были в районе Дмитровск-Орловского и станции Комаричи, 2 октября они овладели городом Кромы, а на другой день с ходу захватили Орел. Таким образом, за четыре дня наступления группа Гудериана сумела продвинуться на 200 км.

В полосе 3-й армии ожесточенные бои развернулись с 1 октября. В этот день частям 2-й немецкой армии ударом на Почеп удалось захватить важный тактический пункт в обороне 280-й стрелковой дивизии. Несколько раз подразделения дивизии переходили в контратаку, дрались с большим упорством и отбили захваченный врагом пункт. В этих боях особенно отличился

батальон капитана Георгия Михайловича Оласаева, имя которого стало широко известно за пределами армии.[6]

Мы продолжали успешно отражать настойчивые атаки противника, однако все чаще задавали вопрос: что делать дальше? Тем более что неизвестность усилилась, когда примерно с середины дня связь со штабом фронта прервалась и никаких распоряжений от него не поступало. Последнее указание генерала Еременко, полученное нами накануне, было следующим: Брянский фронт своих позиций не оставит, будет стойко держать оборону, а прорвавшиеся части Гудериана будут разгромлены в нашем тылу.

Единственный канал связи, который у нас еще имелся, — это радиосвязь со Ставкой. Надо сказать, что принятая система связи Ставка — фронт — армия в случае выхода из строя командного пункта фронта позволяла Ставке брать управление армиями непосредственно на себя.

Пока мы раздумывали над тем, что предпринять, в нашем тылу появилась 19-я танковая дивизия Гудериана и отрезала своими батальонами все пути отхода, Положение армии усложнилось, но оставлять занимаемые рубежи без приказа мы не могли. 7 октября к нам на командный пункт неожиданно приехал на машине командующий фронтом генерал Еременко с адъютантом. Вслед за ними прибыла вторая машина с радистами и радиостанцией. Я был хорошо знаком с командующим по службе в кавалерии и поэтому после рукопожатий сразу спросил:

— Андрей Иванович, что будем делать? Надо принимать кардинальное решение. Последние данные подтверждают, что в армейском тылу танки противника, да и в масштабе фронта обстановка крайне тяжелая.

— Нам надо обороняться на занимаемых рубежах. Навстречу прорвавшейся танковой группе Гудериана выдвигаются резервы. Они будут его громить там, а мы здесь, — ответил Еременко.

Мы все чувствовали, что он сильно переживает поражено фронта и его очень тяжелое положение. Очевидно, Андрей Иванович понимал, что сам не все сделал для того, чтобы предотвратить разгром вверенных ему войск.

Мы накормили его обедом. У нас как раз оказались хорошие продукты, только что привезенные из Москвы. Во время обеда Еременко рассказал, что накануне в полдень танки и мотопехота противника неожиданно появились в районе станции Свень (южнее Брянска) и вышли к командному пункту фронта, который располагался в густом сосняке в двух домах. Подразделение охраны вступило в бой. Были вынуждены взяться за оружие все генералы и штабные командиры. Врага отбили, все управления и

отделы свернулись и передислоцировались в район Белева, куда несколько дней назад был выдвинут узел связи.

— Убедившись, что никаких потерь штаб не понес, все оперативные документы уцелели и личный состав командного пункта благополучно выбрался из опасного района, я поехал к вам. Не мог я уйти от своих войск куда-то в тыл, оставить здесь три армии, не знать, что с ними делается, — закончил Андрей Иванович.

Его решение показалось мне тогда вполне разумным. Однако я был удивлен, что вместе с командующим фронтом не оказалось никого из ответственных работников штаба. Значит, подумал я, там не были готовы к таким событиям и заранее не предусмотрели возможности управления войсками с командного пункта какой-либо армии.

После обеда мы предложили командующему фронтом немного отдохнуть. Только он уснул, как из Ставки была получена телеграмма за подписью Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова. Так как Ставка не имела связи со штабом фронта и не знала, где находится Еременко, телеграмма передавалась во все армии. Я немедленно доложил командующему о телеграмме, и мы засели за выработку решении на отход войск фронта. Так как приказ был написан мною и подписали его Еременко, за члена Военного сонета дивизионный комиссар Ф. И. Шлыков, а за начальника штаба фронта я, позволю привести его полностью.

«Командующим 50, 3 и 13-й армий. Группам Ермакова и Рейтера. 7.10.41. 14,00.

1. Противник мотомеханизированными частями ударом в направлении Севск, Орел, Киров, Жиздра, Льгов перерезал коммуникации фронта и создал явное окружение.

2. Армиям фронта строго организованным порядком, нанося удары противнику, пробиться и отходить за линию: ст. Ворошилово, Поныри, Льгов по рубежам:

1) Нехочи, Борщево, Суземка к исходу 9.10.

2) Льгов, Дмитровск-Орловский, Ново-Ямское — 10.10.

3) Нарышкино, Опальково, Дмитриев-Льговский — 11.10.

4) Зяблово, Муханово, Машкино — 12.10.

5) Ворошилово, Поныри, Льгов — 13.10, где и закрепиться.

3. 50-й армии, прикрываясь сильными арьергардами, отходить, нанося главный удар своим правым флангом с северо-востока на Орджоникидзеград, Карачев, Змиевка. Не менее одной стрелковой дивизии иметь уступом назад для обеспечения с севера.

Разгранлиния слева: Глазуновка, Кромы, разъезд

Клюковкины, Красная Слобода.

4. 3-й армии, прикрываясь сильными арьергардами, отходить, нанося главный удар в направлении Дмитровск-Орловский, Поныри.

Разгранлиния слева: Почеп, Усмань, Кокаревка, Погар.

5. 13-й армии, прикрываясь сильными арьергардами, отходить и наносить главный удар в направлении Игрицкое, Дмитриев-Льговский, Костин. Иметь уступом назад одну дивизию для обеспечения отхода с юга.

6. Группе Ермакова, удерживая занимаемый рубеж, не допускать наступления противника северо-восточнее Льгова.

7. Группе Рейтера, удерживая рубеж Карачев, Нарышкино до 10.10, совместно с 50-й армией уничтожить противника в районе Карачева и в дальнейшем отходить в направлении Орел, Змиевка.

8. Авиации фронта в период отхода 8–12 октября во взаимодействии с ударными группами армий и днем и ночью уничтожать колонны и боевые порядки противника, содействуя выходу из окружения, и не допускать подхода его резервов. Для опознания своей авиацией на всех танках и кабинах грузовых машин иметь поперек белую полосу.

9. Отход по рубежам производить, как правило, ночью с 23.00, организуя его так, чтобы сосредоточить все усилия, смять противника и быстро продвигаться вперед.

Ни одна дивизия не должна быть окружена, а матчасть артиллерии, танков и другие огневые средства полностью сохранены.

10. Командующим армиями разгрузить весь транспорт от ненужного имущества, с тем чтобы основную массу артиллерии и пехоты погрузить на машины, облегчить бойцов и после прорыва на первом рубеже быстро выдвигаться вперед, имея впереди каждой колонны 5–10 танков.

На флангах и путях отхода широко применять службу заграждений.

11. Тылы организовать эшелонами и иметь в центре боевого порядка.

12. Я буду находиться при штарме

13. Связь держать по радио и делегатами».[7]

Приказ был размножен и отправлен в 13-ю армию, которой командовал генерал-майор А. М. Городнянский, членом Военного совета был М. А. Козлов, а начальником штаба — полковник А. В. Петрушевский, и в 50-ю армию. Его в то время командовал генерал-майор М. П. Петров, бригадный комиссар Н. А. Шляпин являлся членом Военного совета, а полковник Л. А. Пэрн — начальником штаба.

Впоследствии мы выяснили, что 13-я армия приказ получила, а в отношении 50-й так и не узнали. Но дело даже не в этом, а в том, что хорошее само по себе решение командующего фронтом уже не могло быть выполнено, ибо оно запоздало и по месту и по времени. К тому же, когда решение принималось и когда готовился боевой приказ, мы располагали весьма скудными данными о противнике, о 50-й и 13-й армиях, группе Ермакова. Поэтому все три армии и группа Ермакова действовали, по существу, самостоятельно. Штаб фронта ими управлять не мог, он находился в Белеве, не имел связи ни с одной армией и получал отрывочные сведения о них через Генеральный штаб. Командующий же фронтом продолжал находиться при штабе 3-й армии. О серьезном нарушении управления войсками со стороны штаба фронта можно судить и по тому, что в полученной нами из Ставки радиограмме нас уведомляли о том, что исполнение обязанностей командующего Брянским фронтом возлагается на командующего 50-й армией. В Москве, очевидно считали, что Еременко уже нет в живых.

3-я армия, находясь в центре фронта, с началом отхода оказалась в самых тяжелых условиях. Ее полоса — восточный берег Десны, весь район от Трубчевска на восток и северо-восток до реки Свапа — проходила по болотистой, труднопроходимой местности. В ночь на 8 октября мы приступили к выполнению поставленной задачи. Надо сказать, что дивизии первого эшелона довольно скрытно оторвались от противника и за ночь совершили более чем 50-километровый марш. Однако на рубеже Ута, Арельск встретил нас организованным огнем с бывших наших укреплений. Бои здесь продолжались несколько суток. Только 11 октября нам удалось сломить сопротивление противника и выйти на рубеж Салтановка, Святое. Здесь гитлеровцы сумели вновь остановить нас. К этому времени враг, зная примерно направление отхода наших войск, прочно закрыл выходы из лесов по линии Навля, Борщево, Погребы, Локоть.

Для армии успешный удар на Навлю имел решающее значение, ибо в случае успеха соединения выходили из лесов на более удобную для маневренных действий местность. Поэтому на этом главном направлении прорыва были сосредоточены основные силы армии: 137-я, 269-я стрелковые дивизии и 42-я танковая бригада Н.И.Воейкова: 4-я кавалерийская дивизия имела задачу прикрыть наш отход с северо-запада. На Брасов и Салтановку наносили удар 282-я и 148-я стрелковые дивизии.

Противник, очевидно. понимал наши цели. К12 октября он еще более усилил свои войска, действовавшие против 3-й армии. На рубеже Навля. Боршево бои были особенно ожесточенными.

137-й и 269-й дивизиям не удалось пробить сильный заслон гитлеровцев, Обстановка с каждым часом ухудшалась. Личный состав сражался, казалось, на последнем напряжении физических сил. Еременко, Крейзер, Шлыков и я находились непосредственно в ротах и батальонах. Мы делали все, чтобы добрым советом, личным примером укрепить в людях веру в нашу победу.

13 октября утром в районе Борщево мы собрались в доме лесника, чтобы еще ряд обсудить план дальнейших действий армии. Здесь разместился штаб армии, штаб 269-й стрелковой дивизии, а невдалеке находились позиции нашей артиллерии. Спустя минут двадцать в воздухе появился сначала немецкий разведывательный самолет, а затем до десятка пикирующих бомбардировщиков Ю-87. Началась бомбовая обработка района. Усилился и артиллерийский обстрел со стороны Навли. Во время бомбежки был ранен в правую ногу и правое плечо несколькими осколками генерал А. И Еременко. Все мы спаслись каким-то чудом. По-видимому, ударная волна пришлась по домику и соснам. О ранении командующего фронтом немедленно донесли в Ставку Верховного Главнокомандования. В тот же вечер на самолете По-2 Еременко был отправлен в Москву.

Проводив командующего фронтом, мы продолжили отработку деталей предстоящего прорыва. Со штабом фронта связи не было. Для уточнения боевых действий непосредственно на направлениях атак рот и батальонов Крейзер остался в 269-й стрелковой дивизии, а я отправился в 137-ю стрелковую дивизию. Между тем огонь противника все более усиливался. Создавалось впечатление, что где-то поблизости от нас находился вражеский корректировщик. В сложившейся обстановке такое было вполне возможно. Мы несли потери, появилось много убитых и раненых.

Ночью начался прорыв. В результате смелых и решительных атак брешь в обороне врага была пробита на важнейшем направлении, и части начали организованный выход из лесов. Однако на этом наши испытания не закончились. 15 октября в районе Брасово разгорелись новые ожесточенные бои. Фашисты пытались вновь загнать нас в леса и отрезать от дорог, идущих к востоку. Усилиями 137-й, 269-й дивизий и 42-йтанковой бригады вражеское кольцо было прорвано, и соединения 21 октября вышли в район Дмитровск-Орловского. В одной из атак мы потеряли отважного командира 269-й стрелковой дивизии полковника А. Е. Чехарина. Частям 4-й кавалерийской и 280-й стрелковой дивизии прорваться не удалось. Командир 4-й кавдивизии полковник С. И. Дудко впоследствии вышел из окружения с большой группой своих кавалеристов.

Для более гибкого руководства соединениями армии во

время дальнейшего выхода из окружения в районе Дмитровск-Орловского командование и штаб армии разделились на две группы: одну возглавили Крейзер и Шлыков, другую — я. В состав моей группы входили до двух батальонов 269-й стрелковой дивизии, ее командование и штаб, остатки 42-й танковой бригады (пять танков) и командиры полевого управления армии — всего около восьмисот человек.

В таком составе мы продолжали выход на рубеж, указанный в упомянутом выше приказе Еременко. После трех суток напряженных, изнурительных боев в тяжелых условиях болотистой местности 23 октября остатки 3-й армии пересекли занятое противником шоссе Фатеж — Кромы, вышли в район Малоархангельска, пересекли линию фронта и сосредоточились под Ливнами. Всего здесь мы собрали около десяти тысяч личного состава.

Отмечая героические действия всех соединений армии, хочется особенно выделить 269-ю стрелковую дивизию, ее командование — командира дивизии полковника А. Е. Чехарина, начальника штаба полковника Г. В. Ревуненкова, комиссара дивизии — полкового комиссара М. И. Смирнова, начальника оперативного отделения майора А. Ф. Кубасова и неутомимого, мужественного начальника артиллерии подполковника И. М. Пырского. Исключительное упорство и отвагу проявили в этих боях воины 137-й стрелковой дивизии во главе со своим командиром полковником И. Т. Гришиным. На эти две дивизии командование армии возлагало самые ответственные и сложные задачи, и они, несмотря на неимоверные трудности, добивались их выполнения.

Как только армия вышла в район Малоархангельска, Крейзер поехал на доклад в штаб фронта, который находился в Щиграх. Туда же вскоре был вызван и я. После полумесячного перерыва командование и штаб фронта вернулись по-настоящему к выполнению своих обязанностей и начали восстанавливать управление войсками, выходящими из окружения.

Исполняющий обязанности командующего фронтом генерал Г. Ф. Захаров, начальник штаба генерал Л. М. Сандалов ознакомили нас с общей оперативной обстановкой, которая продолжала оставаться крайне напряженной.

Фронт получил задачу отвести вышедшие из окружения армии на линию Богучарово, Ефремов, Верховье, Ливны, Тим, оборудовать здесь новый оборонительный рубеж и в недельный срок восстановить боеспособность соединении и частей.

3-й армии было приказано прочно прикрыть ефремовское направление. Фронт обороны протяженностью около 100 км.

проходил по рубежу Узловая, Никитское, район западнее Ефремова. В состав армии входили четыре стрелковые, две кавалерийские дивизии и две танковые бригады Все они были развернуты в первом эшелоне. Плотности обороны — одна дивизия на 17-километровом фронте. 50-я армия, которой вместо погибшего генерала М. П. Петрова командовал генерал А. Н. Ермаков, должна была оборонять подступы к Туле, а 13-я армия — прикрыть елецкое направление на рубеже Ливны, Тим.

Пока мы приводили себя в порядок, организовывали оборону, противник тем временем продолжал наступление. 23 октября мощным ударом он смял фланговые соединения фронта и овладел Белевом и Фатежем. В этот же день 2-я танковая армия Гудериана из района Мценска нанесла удар по войскам 50-й армии и вынудила ее отойти на северо-восток. Все это позволило противнику в конце октября появиться на правом фланге 3-й армии в районе Теплое. Гитлеровцы, видя, что наше сопротивление не сулит им легкого успеха, бросили на это направление довольно большие силы не менее моторизованного корпуса. Завязались тяжелые оборонительные бои.

Чтобы не допустить охвата противником Тулы с востока, 2 ноября по его правофланговой группировке силами фронта был нанесен контрудар, в котором участвовали и соединения 3-й армии, накануне переданные в ее состав: 212-я стрелковая и 52-я кавалерийская дивизии — на правом фланге; 150-я и 121-я танковые бригады — на левом фланге в районе Ефремова. Гудериан об этом контрударе писал: «…Когда авангард 53-го армейского корпуса приблизился 2 ноября к населенному пункту Теплое, он неожиданно натолкнулся на противника. Это была крупная русская группировка, состоящая из двух кавалерийских дивизий, пяти стрелковых дивизий и одной танковой бригады, продвигавшихся вдоль шоссе Ефремов — Тула, и, очевидно, имевшая задачу атаковать в тыл и фланг соединения 24-го танкового корпуса в районе Тулы…»

Конечно, этот контрудар отвлек на некоторое время часть войск Гудериана от Тулы, однако нашей армии особого облегчения он не принес. Ослабленные соединения, почти без танков и противотанковых средств, с трудом сдерживали наступление группировки противника, в составе которой действовали моторизованные и танковые дивизии. К тому же оборона армии не была сплошной: промежутки между дивизиями достигали 8 км, фактически они никем не прикрывались. Большой, 25-километровый разрыв между 3-й и 13-й армиями не оборонялся. Противник незамедлительно воспользовался этим, двинул сюда свои войска и вынудил соединения 3-й армии

отойти. 23 ноября мы вынуждены были оставить Ефремов.

11 ноября Брянский фронт был расформирован. Его правофланговая 50-я армия еще 10 ноября вошла в состав Западного фронта, а 3-я и 13-я армии переданы Юго-Западному фронту. Сменилось и командование нашей армии. Генерал Крейзер был отозван в Москву, а вместо него прибыл генерал-лейтенант П. С. Пшенников. Тяжело было расставаться с Яковом Григорьевичем, ведь с ним пришлось пережить столько тяжких дней отступления…

…Однако вернемся к событиям в полосе армии. После захвата Ефремова основные силы Гудериана были брошены на сталиногорское направление для обхода Тулы с востока. Против наших соединений действовали лишь части 2-й полевой армии гитлеровцев. Задача 3-й армии заключалась в том, чтобы не допустить переброски войск врага для усиления группировки, наступавшей на Москву. Сил для ведения активных боевых действий в широком понимании этого слова у нас не было, и все же мы не оставляли противника в покое: вели разведывательные поиски, осуществляли рейды небольших отрядов в его ближайшим тыл, а в первых числах декабря нанесли контрудар силами 212-й, 269-й стрелковых и 52-й кавалерийской дивизии. Противник вынужден был отойти на рубеж Шаховское, Софьино, Куркино. Взятые в плен немецкие солдаты уже не были настроены так воинственно, как в первые дни войны. Все чаще раздавались голоса: «Гитлер капут». Они брели в наш тыл жалкие и разочарованные, так и не дождавшись обещанной легкой победы.

Находясь в обороне, мы все явственнее ощущали признаки готовящегося мощного советского контрнаступления. И праздник пришел наконец. На рассвете 5 декабря удар по врагу нанесли войска Калининского фронта. Утром следующего дня двинулись вперед ударные группировки Западного и Юго-Западного фронтов. Развернулась грандиозная Московская битва в полосе от Калинина до Ельца, протяженностью около 1000 км.

3-я армия приняла участие в Елецкой операции одной левофланговой дивизией и танковой бригадой, в которой насчитывалось 12 боевых машин. Сил было крайне мало, и поэтому вначале наступление развивалось весьма медленно. Только спустя 8–10 дней, когда враг начал терпеть поражения на главных направлениях Калининского, Западного и Юго-Западного фронтов, его сопротивление и на нашем участке было сломлено. Противник начал отходить, бросая на поле боя танки, самоходно-артиллерийские установки, орудия, искалеченные и сожженные огнем наших артиллеристов и летчиков. Все это в то время было для всех нас крайне приятным зрелищем.

Наступление 3-й армии зимой 1941/42 года завершилось выходом на рубеж Белев, (иск.) Мценск и далее по северо-восточному берегу реки Зуша до Новосиль.

Кстати, небезынтересно отметить, что 18 декабря, чтобы улучшить управление войсками на центральном участке фронта, был воссоздан Брянский фронт в составе 61, 3 и 13-й армий. В его командование вступил генерал-полковник Я. Т. Черевиченко, а начальником штаба стал генерал-майор В. Я. Колпакчи.

В те радостные дни 3-я армия понесла тяжелую потерю. При перемещении командного пункта армии в район Черни погиб командующий генерал Пшенников. События этою дня на всю жизнь врезались в мою память.

Как только мне доложили о готовности КП, мы стали быстро свертываться, чтобы засветло добраться к новому месту. Но Пшенников почему-то не торопился, рассказывал нам о своей службе, семье, которая находилась в Ленинграде. Понимая, что командующий пока не собирается выезжать, чтобы не терять времени, я предложил пообедать. За столом беседа вновь затянулась. Уже близился вечер, когда наконец командующий встал:

— Ну вот, а теперь в путь, до наступления полной темноты доберемся, тут километров двадцать, быстро проскочим на наших юрких «бантамах» (английские легковые машины полевого типа. — А. Ж.), — сказал нам Пшенников.

Выехали уже на закате солнца. Погода стояла ясная, холодная. Зима вовсю вступила в свои права. Было много снега. На первой машине ехал командующий, на второй — Шлыков и на третьей — я. Интервалы между ними были метров 200–300. Въехали в какую-то лощину. Здесь на нашем пути стояла разбитая машина. Пшенников, не останавливаясь, очевидно, приказал водителю объехать ее. Раздался сильный взрыв. Когда мы подбежали к машине, командующий армией, его адъютант, офицер штаба и водитель были уже мертвы. Осмотревшись, мы увидели, что место, куда въехал водитель командующего, было огорожено, висела табличка с надписью: «Минировано!» Правда, все эти предупредительные знаки были не столь заметными, однако при соблюдении должного внимания их можно было увидеть. Так нелепо погиб замечательный, душевный человек и, на мой взгляд, талантливый военачальник с хорошими деловыми качествами.

В командование 3-й армией ненадолго вступил генерал-лейтенант П. И. Батов, затем его, также на очень короткое время, сменил генерал Ф.Ф. Жмаченко, а потом в командование вступил генерал П. П. Корзун.

С выходом армии на подступы к Мценску и на реку Зуша мы начали проводить необходимые мероприятия по закреплению освобожденной территории, а также занялись приведением соединений и частей в порядок: доукомплектованием, ремонтом боевой техники, организацией службы тыла.

Фронт на орловском направлении стабилизировался. Наступила пора организации глубоко эшелонированной обороны. Наряду с этим проводились и частные армейские операции с целью улучшения тактического положения некоторых соединений, захвата у противника господствующих высот. Особенно упорно и настойчиво этой цели мы добивались против мценского выступа противника. Однако многие из проведенных операций успеха не имели. В частях армии по-прежнему ощущался острый недостаток боеприпасов и других материальных средств, мало было танков и артиллерии, а противник обладал превосходством в силах и средствах. Несмотря на это, после неудачной очередной операции принимались за планирование другой. В то время эти операции рассматривались как наиболее эффективный способ активизации нашей обороны, при котором враг держался в напряжении и не мог снимать свои силы для переброски их на более активные направления. И все же роль частных операций, на мой взгляд, преувеличивалась… За весьма скромные результаты приходилось порой нести немалые потери…

Много оперативных, тактических и организационных неувязок встречалось из-за отсутствия у нас опыта. Припоминается такой случай. Еще не наступила весна 1942 года, дороги были под снегом. В полосе нашей армии фронт выдвигал две дивизии, каждая по 12–13 тысяч личного состава, для проведения частной армейской операции. Обе дивизии почему-то следовали по одной дороге, поэтому растянулись в длинную кишку и были отличной целью дли вражеской авиации. В это время к нам в штаб прибыл командующий фронтом генерал-полковник Я. Т. Черевиченко. Зная его по довоенной службе, я обратился к нему даже с некоторым укором:

— Яков Тимофеевич, разве можно так выдвигать дивизии?

— А кто так спланировал? — спросил он.

— Дивизии выдвигаются по плану фронта, — ответил я.

— Немедленно перепланируйте их выдвижение так, как это нужно в соответствии с интересами армии, — приказал Черевиченко.

Начальник оперативного отдела А. В. Владимирский со своими помощниками и начальниками родов войск и служб быстро переработал план выдвижения дивизий. Мы изыскали

возможность обеспечить каждую из них двумя дорогами. Командирам дивизий были отданы соответствующие распоряжения. О произведенных изменениях в плане сосредоточения соединений я донес в штаб фронта. Но там наша инициатива, хотя и санкционированная командующим фронтом, была расценена как недопустимое вмешательство в прерогативы штаба фронта. Последовали организационные выводы: прибыл генерал Петрушевский с предписанием, из которого явствовало, что я отстраняюсь от должности начальника штаба армии.

В то время такое решение нуждалось в утверждении главнокомандующим Юго-Западным направлением Маршалом Советского Союза С. К. Тимошенко.

— Почему Жадова освобождаете от занимаемой должности? Какие имеются претензии к его работе? — спросил Семен Константинович командующего фронтом.

— Я лично его работой доволен, — ответил Яков Тимофеевич.

Я тогда не знал об этом разговоре. Сидел пока без дела и ждал решения Тимошенко. Никакой вины за собой не чувствовал и даже не понимал, как мог штаб фронта обидеться на меня за проявленную инициативу. Спустя три дня зашел ко мне член Военного совета Федор Иванович Шлыков:

— Хватит отдыхать. Принимайся за свои штабные дела. Тимошенко не согласился с решением штаба фронта.

Возвращался к своим делам с чувством какой-то неловкости за всех, кто был причастен к этому случаю. И все же мне недолго пришлось оставаться в должности начальника штаба 3-й армии. 12 мая 1942 года я был назначен командиром 8-го кавалерийского корпуса, сменив на этом посту генерал-майора П. П. Корзуна. Корпус находился во втором эшелоне фронта.

Что и говорить, жаль было, расставаться с боевыми друзьями, с которыми пережил, пожалуй, самую тяжелую пору бушевавшей войны: отступление, бои в окружении и выход из него. В дружном коллективе 3-й армии познал и первые радости наших успехов в ходе оборонительных и наступательных боев на тульско-орловском направлении.

В ходе войны мне больше не пришлось встречаться с третьеармейцами. Но я был рад, что им одним из первых Москва салютовала за освобождение Орла, что в боях за этот город отличилась дивизия, которой командовал бывший заместитель начальника оперативного отдела армии Алексей Федорович Кустов. Мне было приятно, что опытный оператор Алексей Викторович Владимирский стал генералом и успешно возглавлял штаб 69-й армии, а Алексею Федоровичу Кубасову доверено

командование 269-й стрелковой дивизией, с которой он прошел до светлого Дня Победы.

Не могу не вспомнить еще раз боевого комиссара штаба Николая Николаевича Амосова. Накануне моего отъезда в 8-й кавалерийский корпус мы долго прогуливались по вечернему фронтовому городу Чернь, где размещался штаб армии. Он напутствовал меня и пожелал больших успехов на новой должности.

…Знакомство с 8-м кавалерийским корпусом я начал с объявления тревоги в одной из дивизий с выдвижением в новый район сосредоточения. Отдав соответствующие распоряжения, отправился в назначенный район, чтобы там встретить полки и разыграть с ними тактические учения. Очевидно, авиация противника обнаружила выдвижение дивизии, ибо только рассвело, а в воздухе уже появились немецкие самолеты. В то время они обстреливали даже одиночные машины. Не избежали и мы этой участи: один из фашистских стервятников, оторвавшись от своей группы, начал пикировать на нашу машину. Мы свернули в лес, а там оказался овраг. Несмотря на опыт водителя Василия Корытина, машина круто пошла под откос. Я выпрыгнул из нее и сломал себе ногу. Это случилось в мае. Поскольку перелом оказался тяжелым и сложным, врачи отправили в Москву. Лечил меня знаменитый советский хирург Петр Васильевич Мандрыка, чьим именем назван теперь 2-й центральный военный Краснознаменный госпиталь.

Больше месяца пролежал в гипсе, затем разработка ноги массажем, наконец, долечивание в подмосковном санатории Архангельское. В середине лета я уже мог передвигаться, но с помощью палки. Так как на фронт меня еще не пускали, съездил в Омск к семье, побыл там около десяти дней и вернулся в Москву. Ока Иванович Городовиков уговаривал меня остаться у него в Инспекции кавалерии РККА, но я не согласился, отправился в свой 8-й кавалерийский корпус, который в это время вел бои в районе Касторное. Но командовать корпусом мне долго не пришлось. В один из напряженных боевых летних дней, вернувшись с передовой, я получил совершенно неожиданное указание: корпус сдать и в районе Сталинграда вступить в командование 66-й армией. С этой армией, впоследствии переименованной в 5-ю гвардейскую, я прошел боевой путь до дня нашей Победы и горд, что она с честью пронесла свои боевые знамена через самые ожесточенные сражения Великой Отечественной войны.

Глава вторая. Северо-западнее Сталинграда

Тяжелое лето 1942 года. Вступление в должность командарма 66-й. Октябрьские бои. Слева от нас только Волга. Долгожданный день настал. Две высоты. К. К. Рокоссовский. Мои боевые товарищи. Кольцо вокруг вражеских войск сжимается. Пленение группировки Штреккера. У Волги смолкли орудия! Некоторые итоги закончившихся боев.

К лету 1942 года крайне неблагоприятная обстановка для нашей Родины сложилась на южном крыле советско-германского фронта. В мае — июне потерпели серьезное поражение войска Крымского фронта, в результате чего были оставлены Керченский полуостров и Севастополь. Крым оказался в руках врага. Примерно в это же время неудачей для советских войск закончилась Харьковская наступательная операция Юго-Западного фронта. Все это позволило гитлеровскому командованию повести широкие наступательные действия на юго-западном направлении и к концу июля оттеснить советские войска к Дону от Воронежа до Клетской и от Суровикино до Ростова-на-Дону, выйти в большую излучину Дона, создав непосредственную угрозу Сталинграду и Северному Кавказу.

План гитлеровского командования захватить Сталинград с ходу потерпел крах. Однако обстановка в этом районе с каждым днем осложнялась. 23 августа 14-й танковый корпус 6-й немецко-фашистской армии Паулюса прорвал нашу оборону на стыке 4-й танковой и 62-й армий и в этот же день своими передовыми частями вышел к Волге на участке Латошинка, Рынок. 62-я армия оказалась отрезанной 8-километровым коридором от основных сил Сталинградского фронта. Положение защитников города стало весьма тяжелым. Противник получил возможность повести наступление на Сталинград с севера.

Ставка Верховного Главнокомандования принимала все необходимые меры для ликвидации нависшей над городом угрозы. В район Сталинграда направлялись резервные соединения и объединения.

29 августа в состав Сталинградского фронта была передана 66-я армия под командованием генерал-лейтенанта Р. Я. Малиновского, которая уже 5 сентября прямо с марша развернулась на рубеже юго-западнее и южнее Ерзовки и вместе с 1-й гвардейской и 24-й армиями наносила удар по прорвавшейся

к Волге группировке врага с задачей соединиться с 62-й армией. Однако выполнить эту задачу армии не смогли, ибо располагали слишком ограниченными силами и средствами. Например, 66-я армия, имея в своем составе девять стрелковых дивизий и занимая участок протяженностью всего 26,5 км, тем не менее была не в состоянии создать необходимую группировку для нанесения мощного удара по врагу. Дивизии были малочисленны, имевшиеся 1300 орудий и минометов обеспечены только четвертью боекомплекта боеприпасов, танков было также очень мало, материальная обеспеченность войск крайне низкая.

Такими сведениями об общей обстановке, и в частности по 66-й армии располагал я, выезжая 18 октября на машине из-под Воронежа в район Сталинграда. По пути остановился в штабе 7-го танкового корпуса и здесь впервые познакомился с его командиром генералом П. А. Ротмистровым, с которым впоследствии не раз сводила нас фронтовая судьба. О Павле Алексеевиче был наслышан как о боевом, высокообразованном танковом командире. Он встретил меня тепло, подробно проинформировал об обстановке на фронте, характере действий противника.

— Тяжело сейчас защитникам Сталинграда, — сказал на прощание Павел Алексеевич. — Но по всему видно, что скоро должен наступить перелом. Фашистские группировки перемалываются, их ударная сила угасает, моральное состояние гитлеровцев с каждым днем падает, так как обещанной легкой победы не получилось…

…20 октября, в разгар начавшейся очередной наступательной операции, я прибыл в армию, на командный пункт генерала Малиновского. Здесь находился и командующий фронтом генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский. День был пасмурный, холодный. Настроение у всех присутствующих на КП было неважное, так как готовящееся наступление вновь не предвещало успеха.

— Я думаю, — сказал Рокоссовский, — что вам, Алексей Семенович, будет полезно вместе с Родионом Яковлевичем понаблюдать за ходом боевых действий, познакомиться с обстановкой, как говорят, прямо на месте, а завтра с утра вступить официально в должность командующего армией…

Обстановка в течение дня складывалась для нашей армии крайне неблагоприятно. Когда после довольно слабой артподготовки войска армии перешли в наступление, гитлеровцы открыли такой плотный артиллерийско-минометный и пулеметный огонь, что наши части, понеся значительные потери, к вечеру только на некоторых направлениях продвинулись на 400

метров.

Мы сидели на командном пункте, вырытом в скатах какого-то оврага. Генерал Малиновский был мрачен и по-прежнему немногословен. По всему было видно, что наступление и на этот раз выдохлось и поправить дело нельзя. Откровенно говоря, молчание Малиновского неважно действовало на меня. Ведь он должен был помочь мне разобраться в причинах тех неудач, которые преследовали армию с первых же дней боев на этом направлении. В голове роились разные мысли: что делать дальше? как поправить дела? можно ли при той малочисленности соединений, крайне слабом обеспечении их боевыми материальными средствами добиться какого-либо перелома?

Хотя я и обижался на Малиновского за такой странный прием, по по-человечески понимал его состояние. Понимал, что и члену Военного совета А.М.Кривулину, начальнику штаба Ф. К. Корженевичу, начальникам родов войск и служб было куда приятнее, если бы смена руководства армии проходила в иной, более благоприятной обстановке. Но день, проведенный с ними, убедил меня, что сделать большего в тех условиях командование армии не могло.

Должен заметить, что за плечами Р. Я. Малиновского к этому времени был уже немалый опыт командования соединениями и различными объединениями. Он начал войну в роли командира корпуса, затем командовал войсками 6-й армии и Южного фронта, возглавлял Донскую группу Северо-Кавказского фронта. Буквально через два месяца после того, как мы расстались, Родион Яковлевич вернулся в район Сталинграда во главе 2-й гвардейской армии, которая сыграла важную роль в операции по разгрому группировки генерал-фельдмаршала Манштейна, стремившейся деблокировать окруженную 6-ю армию генерал фельдмаршала Паулюса…

Вечером 20 октября на передовом командном пункте собрались все командиры соединений, начальники родов войск и служб. Командующий фронтом в моем присутствии уточнил боевые задачи на следующий день, а затем детально ввел меня в обстановку в районе Сталинграда.

— Анализ проведенных нами в последние дни боев показывает, — сказал мне Рокоссовский, — что многие наши неудачи связаны с еще слабой организацией разведки противника во всех звеньях, отсутствием у командиров опыта в организации и поддержании непрерывного взаимодействия и управления, применением однообразных, главным образом фронтальных, атак, неумением многих командиров тактического звена аффективно применять имеющиеся огневые средства. Это общие

недостатки, и их надо скорее устранять…

Что касается боевых действий нашей северной группировки, в том число и 66-й армии, — продолжал Константин Константинович, — то вам с первого взгляда может показаться, что эти действия никакой ощутимой пользы не приносят. Конечно, достаточных сил для того, чтобы опрокинуть врага и погнать его, мы не имеем. Приходится каждый день атаковать противника одними и теми же силами. По если рассматривать проводимые операции в оперативно стратегическом плане, то без них Сталинграду пришлось бы еще труднее. Своими активными действиями мы держим врага в постоянном напряжении и тем самым сковываем его значительные силы, в том числе и танковые. Так что с утра сделайте очередную попытку пощекотать нервы гитлеровцев…

Проводив командующего фронтом, я задержал на короткое время командиров дивизий, поговорил с ними по поводу утреннего наступления. Естественно, что сказать больше того, что им сказал командующий фронтом, и того, что они сами знали, я не мог. Но, оставшись с ними наедине, побеседовав, почувствовал, с какой ответственностью относятся они к выполнению поставленной задачи. В тот памятный вечер начались складываться между нами взаимопонимание и доверие, которые впоследствии переросли в настоящую боевую дружбу.

По тому настроению, с которым расходились командиры дивизий, я понял, что ждать каких-либо успехов от завтрашнего наступления бесполезно. Так оно и было. Утром 21 октября наша артиллерия в течение 15 минут вела огонь по позициям врага, который по своей интенсивности даже нельзя было приравнять к хорошему артиллерийскому налету, а затем соединения армии возобновили «бои местного значения», как их тогда называли даже в сводках Совинформбюро. Однако лишь 212-й стрелковой дивизии в течение дня удалось немного потеснить врага и выйти к МТФ и колхозу «13 лет Октября». На этом боевые действия были временно приостановлены…

Более трех месяцев продолжались ожесточенные бои за Сталинград. Несмотря на настойчивые требования Гитлера, армия Паулюса не смогла преодолеть упорства защитников города, была измотана, обескровлена, деморализована и в начале ноября, по существу, была уже не в состоянии предпринять какие-либо серьезные наступательные действия.

В то же время советское Верховное Главнокомандование готовило контрнаступление с целью разгрома группы армий «Б» противника в районе Среднего Дона и Сталинграда. Общий замысел контрнаступления заключался в нанесении силами Юго-

Западного, Донского и Сталинградского фронтов ударов по сходящимся направлениям с задачей окружения и уничтожения всей действующей в этом районе вражеской группировки.

Напомню, что Донской фронт наносил два удара: один — силами 65-й армии одновременно с Юго-Западным фронтом из района восточнее Клетской на юго-восток с целью свертывания обороны противника на правом берегу Дона; второй — силами 24-й армии из района Качалинской вдоль левого берега Дона в направлении Вертячего. На 66-ю армию, как и прежде не имеющую средств усиления, возлагалась задача активными действиями севернее Сталинграда сковать здесь противника и лишить его возможности маневрировать резервами.

19 ноября 1942 года войска Юго-Западного и Донского фронтов, а 20 ноября и Сталинградского фронта после мощной артиллерийской подготовки перешли в решительное наступление и, ломая сопротивление противника, уже к 23 ноября завершили полное окружение немецко-фашистской группировки в районе Сталинграда, Успех наших соседей воодушевил воинов 66-й армии. В частях прошли митинги, партийные и комсомольские собрания, на которых зачитывалось обращение Военного совета Донского фронта, призывающее усилить удары по врагу и выполнить приказ Родины.

«Теперь, говорилось в обращении Военного совета, — на нашу долю выпала честь развивать мощное наступление на врага.

…Идя в бой, каждый из нас знает, что мы идем освобождать свою священную землю, свои города и села, свой народ от фашистских оккупантов, захвативших часть нашей страны и угнетающих свободолюбивых советских людей.

За время борьбы мы с вами закалились, получили большой военный опыт. К нам на усиление фронта прибыли новые части. Мы имеем все условия для того, чтобы наголову разбить врага, и мы это сделаем обязательно.

Какой радостной будет для нашего народа весть о нашем наступлении, о нашем продвижении вперед, об освобождении нашей родной земли!

Мы сумеем сокрушить вражеские полчища.

Вперед на врага!»[8]

66-я армия, находясь на второстепенном, направлении, как я уже писал, не располагала, силами для решительных действий, Тем не менее я приказал командирам 99. 226, 64 и 116-й стрелковых дивизий подготовить усиленные роты и батальоны и в ночь на 24 ноября провести разведку боем, с тем чтобы нащупать слабые места в обороне врага, а по возможности, овладеть выгодными для будущего наступления рубежами.

В то время перед нами оборонялась 60-я и частично 3-я мотодивизии немцев, усиленные 16-й танковой дивизией. Все они имели достаточно высокую боеспособность и, кроме того, занимали выгодные позиции. Учитывая эти обстоятельства, наш план действий предусматривал нанесение ударов на направлениях, наиболее уязвимых для врага. На них мы сосредоточили большую часть артиллерии и 12 исправных танков, которыми тогда располагали. Однако в этот план пришлось срочно вносить изменения.

С вечера 23 ноября противник неожиданно начал наносить короткие, но сильные артиллерийские огневые налеты по боевым порядкам соединений на различных участках. Это могло означать одно из двух: либо гитлеровцы обнаружили наши приготовления, либо они намереваются под прикрытием артиллерийского огня вывести часть сил и перегруппировать их на другое направление. Мы немедленно усилили наблюдение по всему фронту, особенно командирское, с общевойсковых и артиллерийских наблюдательных пунктов.

На рассвете 24 ноября командир 226-й дивизии полковник П. С. Никитченко доложил мне, что в стане противника началось оживление: одни группы пехоты и танков отходят на запад, другие — двигаются на восток или вдоль фронта. Примерно такие же действия врага были обнаружены и перед 99-й стрелковой дивизией. Вывод мог быть один: немецко-фашистское командование снимало с нашего фронта 16-ю танковую и 60-ю моторизованную дивизии для переброски их на направление главного удара советских войск. Спешка и неорганизованность, которые царили в стане врага, говорили о том, что гитлеровцам стало туго и им не до маскировки. Мы решили вмешаться в планы противника. Я приказал Никитченко немедленно перейти в наступление. Командир дивизии двинул в атаку сводный отряд под командованием энергичного и смелого командира старшего лейтенанта Степаняна. Внезапность удара отряда, решительность воинов и его командира принесли успех. Застигнутые врасплох, вражеские солдаты не оказали организованного сопротивления. В образовавшуюся во вражеской обороне брешь устремились части дивизии и вскоре овладели северными скатами господствующих высот 137,8, 139,7 и 141,0. Это благотворно повлияло на ход боевых действий в полосе всей армии.

Мною лично и через командиров штаба были поставлены задачи, командирам 343-й стрелковой дивизии генерал-майору М.А.Усенко, 299-й стрелковой дивизии полковнику Г.В. Бакланову, 99-й стрелковой дивизии полковнику В. Я. Владимирову, 49-й стрелковой дивизии полковнику А.В.Чижову

немедленно перейти в наступление готовыми к этому подразделениями, а затем и главными силами, разгромить противостоящие части противника и выйти на рубеж совхоз «Опытное поле», железная дорога, Рынок; в дальнейшем развивать наступление в общем направлении на Орловку.

Наступление развивалось вначале медленно, так как нейтральная полоса между нашими дивизиями и противником глубиной 300–400 метров была буквально начинена противотанковыми и противопехотными минами, опутана колючей проволокой, изрыта бесчисленными воронками, загромождена подбитыми танками и орудиями. В этой полосе и на переднем крае вражеской обороны то и дело возникали жаркие схватки. Но, преодолев эти препятствии, сломив сопротивление гитлеровцев, войска армии за день продвинулись на 8–12 километров, выбили противника из МТФ, колхоза «13 лет Октября», овладели населенными пунктами Томилино, Латошинка, Акатовка, Винновка, Рынок.

Вечером мне доложили, что части 99-й стрелковой дивизии соединились с группой полковника С. Ф. Горохова.

Несколько слов об этой группе. 15 октября после мощных атак пехоты и танков, поддержанных авиацией, гитлеровцам удалось овладеть тракторным заводом и прорваться к Волге. Части, действовавшие севернее завода, были отрезаны от главных сил 62-й армии. Командование ими было возложено на полковника С. Ф. Горохова. Группа Горохова заняла круговую оборону на маленьком клочке земли непосредственно у Волги и стойко удерживала его до подхода войск нашей армии. Встреча воинов двух армий была радостной и волнующей. Воины 99-й стрелковой дивизии обнимали доблестных защитников Сталинграда, которые более месяца отбивали яростные атаки противника.

К исходу 24 ноября сопротивление противника на всех направлениях усилилось. Что делать дальше? Танков армия почти не имела, общевойсковые резервы во всех звеньях были израсходованы, и усилить нажим на врага, по существу, было нечем.

Поздно вечером командующий фронтом К. К. Рокоссовский заслушал мой доклад по итогам боев за истекший день и согласился с моим выводом о необходимости соединениям армии закрепиться на достигнутом рубеже.

— Васильев[9] очень доволен действиями, армии, — сказал в заключение нашего разговора Рокоссовский. — Однако ему не понравилась ваша фамилия. Он просил передать вам его пожелание изменить ее. К утру доложите свое решение.

Задача мне была поставлена щекотливая и необычная. Поменять фамилию, с которой родился, прожил почти полжизни! Но пожелание Верховного — больше чем пожелание. Это приказ!

Я рассказал о состоявшемся разговоре члену Военного совета генералу А. М. Кривулину и начальнику штаба генералу Ф. К. Корженевичу. Начали обсуждать различные варианты.

— Не стоит вам, Алексей Семенович, ломать голову, — сказал после некоторого раздумья Феодосии Константинович Корженевич. — Можно сохранить фамилию в своей основе и заменить лишь букву «и» на букву «а».

Его предложение пришлось мне по душе. В донесении, направленном утром 25 ноября командующему фронтом, я просил впредь мою фамилию читать — Жадов, Через несколько дней мне вручили резолюцию Верховного Главнокомандующего. «Очень хорошо. И. Сталин». Этот документ у меня сохранился.

В последующие дни армия подготовила и провела операцию по захвату высот 137,8 и 139,7 севернее Орловки. Здесь враг создал ряд опорных пунктов, оборудованных землянками на 4–8 человек, перекрытыми шпалами, полуметровым слоем земли и броневыми листами, снятыми с подбитых танков. У каждой землянки был окоп с площадкой для пулемета и несколько стрелковых ячеек. Оборона была круговой, с центром у высот, откуда лучеобразно расходились четыре линии окопов, что обеспечивало взаимную огневую связь между ними и прикрытие перекрестным и фланкирующим огнем всех подступов к опорным пунктам. В первой линии окопов располагались в основном пулеметы, во второй и третьей линиях — пулеметы, противотанковые орудия, 81-мм минометы. В глубине, за третьей линией, находились огневые позиции тяжелых артиллерийских орудий. Так, непосредственно на высоте 137,8 насчитывалось около 80 пулеметов, 25–30 минометов и противотанковая батарея. Примерно такое же количество огневых средств находилось и на высоте 139,7. С овладением этими двумя высотами значительно улучшалось тактическое положение наших войск, открывались возможности просматривать и контролировать оборону противника и дорогу, идущую от Орловки на Городище, Кузьмичи, совхоз «Опытное поле». Учитывая важность этих высот, их обороняли отборные подразделении врага. Так, высоту 137,8 оборонял сводный батальон 92-го мотопехотного полка, а высоту 139,7 — сводная группа «рыцарей Железного креста» 16-й танковой дивизии. Эти подразделения поддерживали артиллерия 60-й мотодивизии и танки 16-й дивизии.

Штурмовать высоту 137,8 должны были части 343-й

стрелковой дивизии, а высоту 139,7–226-й дивизии. Для непосредственного захвата высот создавались два штурмовых отряда. В 343-й дивизии штурмовой отряд численностью 370 человек имел на вооружении 11 станковых пулеметов, 25 ручных пулеметов, 46 автоматов, 7 противотанковых ружей, 17 минометов и 15 орудий полковой и противотанковой артиллерии. Штурмовой отряд 226-й дивизии состоял из 70 человек и был вооружен 5 станковыми и 3 ручными пулеметами, 9 минометами, 9 противотанковыми ружьями и 8 полковыми орудиями. Первый отряд поддерживали артиллерийский полк и полк гвардейских минометов, а второй — дивизион артполка и батарея 120-мм минометов. Для доставки танкового десанта каждому отряду придавалось по 5 боевых машин.

К штурму высот привлекались 431-й и 432-й армейские инженерные батальоны и дивизионные саперы.

Подготовка операции началась 16 декабря. Полки доукомплектовывались личным составом за счет внутренних ресурсов армии. С подразделениями проводились занятия на местности. При этом особое внимание обращалось на действия мелких групп. В дивизиях на основе накопленного опыта был выработан метод ведения боя в опорном пункте. Группа из 4–6 бойцов, ворвавшаяся в окоп, делилась на две подгруппы, действующие в разных направлениях. В каждой подгруппе первый боец вел огонь, второй бросал гранаты, а третий наблюдал и вел огонь, обеспечивая продвижение подгруппы.

Большое внимание было уделено организации взаимодействия с артиллерией. Этими вопросами занимались заместитель командующего армией генерал-майор М.И.Козлов и заместитель начальника штаба полковник Н. И. Лямин.

Наступило вьюжное утро 25 декабря. Штурмовые отряды стремительным броском достигли вражеских окопов. Огонь со стороны противника был малоэффективным, так как его артиллерийские передовые наблюдательные пункты, находившиеся в первой траншее, были сразу же уничтожены. Через полчаса после начала атаки батальоны первого эшелона 1151-го и 1155-го стрелковых полков 343-й стрелковой дивизии очистили от гитлеровцев две линии траншеи и закрепились на западных скатах высоты 137,8.

Успешно развивалась атака частей 226-й стрелковой дивизии на высоту 139,7. Стремительный бросок танкистов с десантом пехоты в тыл высоты вызвал панику у гитлеровцев. Этим воспользовались подразделения, наступавшие с фронта, и овладели высотой.

Однако гитлеровцы не смирились с потерей ключевых высот.

В течение дня они предприняли несколько контратак, чтобы вернуть их, но успеха не добились. Большое мужество при отражении контратак противника проявили саперы. Они выдвигались вперед и на пути движения вражеских танков разбрасывали мины.

В ходе боев за высоты 139,7 и 137,8 было уничтожено и захвачено 34 орудия и миномета, 37 танков, 46 станковых и ручных пулеметов. Противник потерял убитыми и ранеными более 500 человек. Успешные действия частей 226-й и 343-й стрелковых дивизий еще раз показали, насколько важны тщательная и умелая подготовка любой операции, хорошо организованная разведка противника, четкое и тесное взаимодействие стрелковых подразделений с артиллерией, быстрая организация на занятых рубежах надежной противотанковой обороны.

Бои, проведенные армией в этот период, были хорошей репетицией перед генеральным наступлением против окруженной группировки фашистских войск под Сталинградом. Командиры и штабы всех степеней приобрели большой опыт в решении всех вопросов организации. Выросло боевое мастерство наших воинов. Они были готовы к новым сражениям с сильным противником, у которого вырвать победу было не так-то легко.

Прежде чем перейти к событиям, развернувшимся позднее, мне хотелось хотя бы кратко сказать о командующем Донским фронтом Константине Константиновиче Рокоссовском. Под его руководством нашей армии пришлось воевать до завершения Сталинградской операции. По времени этот период был не очень продолжительным — всего около шести месяцев, — но весьма тяжелым для нашей страны. Уже при первой встрече К. К. Рокоссовский произвел на меня большое впечатление ясностью, определенностью и твердостью своих суждений. В последующем, часто встречаясь с ним, я проникся глубокой симпатией и уважением к этому замечательному человеку. Константин Константинович большую часть времени проводил на боевых участках, любил вместе с командармами, командирами дивизий бывать на передовой, у нею была отличная память, и он помнил многих командиров полков, батальонов, рот и бывалых воинов.

Генерал Рокоссовский в любой обстановке был спокоен, уравновешен, с любовью относился к подчиненным, четко ставил им боевые задачи, твердо, но тактично проверял их выполнение. Константин Константинович был исключительно душевным человеком: для каждого, независимо от занимаемого им положения, находил доброе слово, умел дать умный совет, очень ценил инициативу подчиненных, внимательно и терпеливо

выслушивал их предложения. Все эти качества и огромный военный талант позволили Рокоссовскому уже на шестнадцатом месяце войны возглавить один из важнейших фронтов. К сожалению, в последующие годы нашей армии не приходилось воевать В составе фронтов, которыми командовал К. К. Рокоссовский, но я всегда восхищался его полководческим дарованием, так ярко проявившимся в битве на Курской дуге, при освобождении Белоруссии и братской Польши, в Восточно-Прусской и Восточно-Померанской операциях, в битве на Одере и в завершающей Берлинской операции…

…В ходе двухмесячных непрерывных боев у берегов Волги я хорошо изучил командиров дивизий, их заместителей по политической части, начальников штабов, сработался с членами Военного совета, с армейским штабом и начальниками родов войск.

С первых дней мне понравился командир 226-й стрелковой дивизии полковник Н. С. Никитченко своей неуемной энергией, инициативностью и находчивостью. За его плечами был большой опыт работы с людьми, он умел организовать и мобилизовать подчиненных на выполнение любой боевой задачи. Хорошими помощниками комдива были заместитель по политической части М. И. Москаленко и начальник штаба П. В. Бойко. Оба — подготовленные в военном и политическом отношении, опытные организаторы партийно-политической работы, современного боя.

Генерал-майор М. А. Усенко командовал 343-й дивизией. В легендарные годы гражданской войны за отвагу и смелость, проявленные в боях, был награжден двумя орденами Красного Знамени. Очень любил бывать среди воинов, старался сам все услышать и лично увидеть, имел замечательный, поистине отцовский характер. Ему помогали заместитель по политической части полковник В. Ф. Смирнов и начальник штаба дивизии полковник И. М. Водопьянов — офицеры с большим жизненным и боевым опытом.

299-й стрелковой дивизией командовал молодой. энергичный полковник Г. В. Бакланов. Мне нравилось в нем стремление в любой обстановке детально отшлифовывать непосредственно на местности все вопросы организации боя. Обладая хорошими деловыми качествами, он пользовался заслуженным уважением у всех, кто с ним встречался. Настоящими боевыми помощниками Бакланова были его заместитель по политической части полковник Л. С. Карагодский и начальник штаба полковник В.Н. Стражевский.

Штаб 66-й армии возглавлял генерал Ф. К. Корженевич — один из опытнейших штабных работников. Помню, еще в 1932

году меня, слушателя Военной академии имени М. В. Фрунзе, направили на стажировку в 6-ю кавалерийскую дивизию, начальником штаба которой был Феодосии Константинович. Уже тогда его высокая эрудиция в военных вопросах, оперативность и четкость в работе подчиненного штаба вызывали у меня восхищение. И здесь, под Сталинградом, в любой, самой сложной обстановке он сохранял спокойствие, ясность мышления и исключительную работоспособность. Я не раз удивлялся, насколько он глубоко и быстро разрабатывал и оформлял важнейшие оперативные документы. Под его руководством все органы управления армии всегда обеспечивали твердое и непрерывное руководство войсками и выполнение намеченных планов.

К сожалению, нам недолго пришлось поработать вместе с Феодосием Константиновичем. После завершения боев в районе Сталинграда, в марте 1943 года, он был назначен начальником штаба Воронежского фронта. Я был искрение рад этому назначению и считал, что повышение по службе Ф. К. Корженевич получил заслуженно.

В ходе войны нам пришлось встретиться только один раз на Курской дуге, когда наша 66-я армия прибыла туда из-под Сталинграда. Но мне всегда было приятно читать приказы Верховного Главнокомандующего в честь войск Юго-Западного, 3-го и 4-го Украинских фронтов, где рядом с фамилиями их командующих стояла и фамилия начальника штаба генерала Феодосия Константиновича Корженевича.

Командующий артиллерией армии Г. В. Полуэктов имел очень высокую подготовку и громаднейший опыт. Прежде чем спланировать работу своих артиллеристов, он проводил тщательнейшую рекогносцировку местности, внимательно изучал обстановку, боевые порядки врага. В ходе операций он неизменно находился на наблюдательном пункте рядом со мной, осуществляя твердое управление артиллерией армии. Полуэктова знали и глубоко уважали не только артиллеристы, но и личный состав общевойсковых соединений и частей.

Не могу не сказать несколько добрых слов в адрес командующего бронетанковыми войсками армии Даниила Семеновича Чупрыгина. Он умело организовывал взаимодействие немногочисленных танков, которыми мы тогда располагали, с пехотой и артиллерией.

Много труда и старания вкладывал в организацию управления начальник связи армии Иван Федорович Иванов. Он был настоящим помощником начальника штаба армии в этом вопросе, и надо отметить, что связь с соединениями в целом

обеспечивал твердо и непрерывно.

Самым сложным вопросом в то время был вопрос материально-технического и медицинского обеспечения боевых действий. Надо сказать, что, несмотря на трудности, личный состав тыловых частей и учреждений работал четко. Хочется отметить прекрасных организаторов этого дела — члена Военного совета по тылу Петра Ермолаевича Сухарева и начальника тыла М. В. Метелкина, хорошо подготовивших работу всех служб тыла. Главная трудность в организации подвоза материальных средств и эвакуации раненых заключалась в недостатке транспортных средств и крайней ограниченности хороших дорог. Большое значение в суровых условиях зимы имело топливо. Оно нужно было не только для приготовления пищи, но и для обогрева людей, особенно пунктов медицинской помощи и госпиталей. Нелегко было работникам тыла, но они решали этот вопрос.

Очень хочу отметить благородный труд работников медицинской службы армии, совершавших подвиги и на поле боя, и в госпитале, возвращая в строй сотни раненых.

Огромное значение на фронте имеет морально-политическая подготовка личного состава. И в решении этого вопроса политработники, партийно-политический аппарат армии, которым руководили член Военного совета Абрам Моисеевич Кривулин и начальник политотдела Федор Арсеньевич Катков, были на высоте. Они показали себя мужественными, стойкими коммунистами, хорошими организаторами партийно-политической и воспитательной работы, умело мобилизовывали коммунистов, политработников, весь личный состав на успешное выполнение боевых задач.

Можно было бы назвать еще много имен моих боевых соратников, которые отдавали все свои силы, знания и опыт общему делу — разгрому врага…

Однако вернемся к боям под Сталинградом. Все попытки германского командования спасти окруженную группировку потерпели полный крах. Положение войск Паулюса с каждым днем ухудшалось. Гитлеровское верховное командование, несмотря на это, все же решило удерживать занимаемый район, стремясь сковать значительные силы советских войск и тем самым дать возможность отойти своим армиям с Северного Кавказа.

Уничтожение окруженной группировки было возложено на войска Донского фронта. К этой операции привлекались семь общевойсковых армий — 21, 24, 57, 62, 64, 65 и 66-я.

После того как правители фашистской Германии и командование вермахта отвергли ультиматум советского

командования прекратить бессмысленное сопротивление и сложить оружие, утром 10 января войска Донского фронта перешли в решительное наступление, неумолимо сжимая кольцо окружении. К исходу 17 января протяженность линии фронта окружения сократилась со 170 до 110 км, а территория, контролируемая врагом, уменьшилась с 1400 до 60 кв. км.

Советское командование вновь предложило гитлеровцам капитулировать, и вновь это предложение было отвергнуто. Тогда после тщательной подготовки войска фронта снова перешли в наступление. К исходу 25 января площадь района окружения еще более сократилась.

Ударная группировка 66-й армии в эти дни вела напряженные бои в очень трудных зимних условиях. Нет слов, чтобы описать все тяготы, которые выпали на долю наших солдат. Повсюду перед нашими глазами вставала бескрайняя заснеженная голая степь. Укрыться от леденящего ветра и обогреться было негде. Лютый мороз — днем около 30 градусов ниже нуля, а ночью доходило до 40. Глубокий снег. Но пехота-матушка настойчиво пробивалась вперед, уничтожая яростно сопротивляющегося врага.

Несмотря на все трудности сопротивления, соединения армии уже 25 января овладели населенным пунктом Кузьмичи и совхозом «Опытное поле». На другой день части 226-й дивизии с боем взяли Орловку.

В это время, пока войска нашей армии, прогрызая оборону врага, приближались к Сталинграду с северо-востока, 21-я и 62-я армии вечером 26 января соединились в районе Мамаева кургана. В результате этой исторической встречи окруженная группировка противника была расчленена на две части — южную и северную.

27 января части 66-й армии завязали бои в северной части города — в районе тракторного завода.

Здесь оборонялась группировка, насчитывающая около 20 тысяч немецких солдат и офицеров, под командованием генерал-полковника фон Штреккера.

29 января я приехал на КП командующего 65-й армией генерал-лейтенанта П. И. Батова. Утром мы уже слышали радостное сообщение Совинформбюро: ликвидация окруженной южной группы противника завершается!

— Надеюсь, ты слышал сводку Совинформбюро? — встретил меня вопросом Павел Иванович. — Выходит, что мы с тобой на севере отстали и не в состоянии осилить несколько тысяч головорезов.

— Непременно осилим. Давайте договоримся, как лучше и быстрее выполнить эту последнюю боевую задачу на

сталинградской земле, — ответил я.

Мы уточнили обстановку, обговорили все вопросы взаимодействия при ликвидации врага в районе поселка тракторного завода и завода «Баррикады».

Здесь гитлеровцы сумели подготовить много пулеметных и артиллерийских огневых точек. Местность вокруг была сильно пересеченная, полно балок и обрывов, заваленных разбитыми автомашинами, бронетранспортерами, орудиями, танками. Заводские поселки превращены в груды развалин, нагромождение камня и железа. Все это и яростное сопротивление противника затрудняло наступление наших войск и требовало хорошо согласованных действий.

На другой день в одном из полков 226-й стрелковой дивизии непосредственно на местности мы решили все вопросы последнего штурма северных окраин города. Затем с командиром полка — смелым, энергичным подполковником Л. П. Ляховым — я прошелся по позициям, поговорил с солдатами, сержантами. У всех настроение было приподнятое, каждый понимал, что настал последний штурм и скоро в районе Сталинграда смолкнут орудия.

— Примите все необходимые меры, чтобы не поморозить людей, — еще раз предупредил я командира полка.

— Не беспокойтесь, товарищ командующий, — заверил меня Ляхов. — Все будет в порядке.

Надо сказать, что наши командиры, политработники проявляли большую заботу о бойцах, воюющих в тех неимоверно тяжелых метеорологических условиях. Личный состав был одет в полушубки, обут в валенки. На передовые позиции регулярно доставлялись горячая пища, чай, кипяток. Несмотря на все трудности в обеспечении войск, тылы армии, дивизий и полков работали в целом слаженно и со своими задачами справились.

Несмотря на то что 31 января южная группа вражеских войск, зажатая в центральной части города, была разгромлена, а ее остатки во главе с генерал-фельдмаршалом Паулюсом сдались в плен, северная группа продолжала сопротивление.

31 января и 1 февраля наши полки вместе с частями 65-й армии штурмовали район тракторного завода и завода «Баррикады». Плотным и всевозрастающим огнем артиллерии и минометов, бомбовыми ударами авиации уничтожались тысячи сопротивляющихся фашистов. Шаг за шагом пехотинцы, артиллеристы, саперы, танкисты отвоевывали у врага советскую землю.

Вот как позже описывал офицер штаба Паулюса положение немецко-фашистских войск в этом районе: «…Путь нага был

устлан трупами, которые теперь, словно из сострадании, вскоре заносило снегом… Наперегонки со смертью, которая без труда догоняла нас, армия стягивалась на все более узком пятачке преисподней…»[10]

2 февраля на 10 часов утра было назначено продолжение штурма корпусов тракторного завода. Рано утром переговорил по телефону со всеми командирами дивизий, которые доложили, что все готово к началу штурма, люди отдохнули, накормлены, настроение у всех боевое.

Было около 8 часов утра. Раздался звонок из 343-й стрелковой дивизии. Командовавший в этот период этим соединением полковник И. М. Водопьянов доложил:

— Товарищ командующий, наверное, штурмовать корпуса тракторного завода не придется. В 1151-й полк явился парламентер — лейтенант 24-го немецкого танкового полка. Он сообщил, что весь полк в составе пятисот солдат в строю и свыше восьмисот раненых согласен сдаться в плен на условиях, что их накормят и окажут медицинскую помощь. Говорит, что они уже в течение трех дней не получают ни грамма пищи, солдаты истощены до крайности, артиллерийский и минометный огонь во время вчерашнего нашего наступления нанес им большие потери.

Через два часа должен был начаться решительный штурм последнего очага сопротивления немецко-фашистских войск. Надо было торопиться.

— Парламентера доставить в штаб дивизии, в армию его не направлять. Для решения всех вопросов принятия капитуляции немецко-фашистской группировки к вам выезжает заместитель командующего армией генерал Козлов, — ответил я Водопьянову.

Дальнейшая церемония принятия капитуляции немецких войск в этом районе протекала так. В расположение противника был послан наш парламентер — старший лейтенант В. Кузин. Его сопровождал прибывший к нам немецкий парламентер. Развернув белый флаг, изготовленный из трофейного парашюта, и подойдя к проволочным заграждениям врага, Кузин крикнул на немецком языке:

— Не стрелять! Парламентер!

Сопровождавший Кузина немецкий лейтенант повторил:

— Не стрелять! Русский парламентер!

Кузин был препровожден в штаб генерал-полковника Штреккера, который размещался в подвале сборочного цеха тракторного завода. Здесь находились также трое других гитлеровских генералов.

— Советское командование поручило мне, — сказал наш парламентер, — передать вам ультиматум с условиями

капитуляции. Немецким войскам надлежит немедленно сложить оружие и прекратить всякое сопротивление.

— Согласен, — проговорил генерал-полковник Штреккер.

Между тем гитлеровские части и подразделения, не ожидая указаний своего командования, начали самостоятельно выходить из укрытий, выстраиваться и следовать в направлении наших войск. В этот день было взято в плен около 17 тысяч немецких солдат, несколько сотен офицеров, в том числе 7 полковников и 5 генералов. Доставленного ко мне генерал-полковника Штреккера я спросил:

— Как вы оцениваете проведенную советскими войсками операцию?

— На долю русских выпало большое счастье, — нехотя ответил он.

— Ну уж если вы склонны говорить о счастье, — заметил я, — то скорей уж вам — полковнику старой немецкой армии — выпало своеобразное «счастье» быть под командой ефрейтора.

Штреккер понял, что я имел в виду Гитлера. Он насупился и, немного помолчав, сказал:

— В Россию нельзя ходить с мечом, об этом мы предупредим своих внуков и правнуков…

В этот же день командующему Донским фронтом было направлено донесение: «Войска 66-й армии поставленную задачу выполнили. Заняли район поселка и завод СТЗ (Сталинградский тракторный завод. — *А. Ж.*). Вышли на западный берег Волги и соединились с частями 65-й и 62-й армий. Продолжается очистка всех занятых районов».

Так закончилась Сталинградская битва. Над лежащим в руинах городом, над великой русской рекой, на берегах которой в течение шести месяцев не смолкал днем и ночью гул канонады, воцарилась долгожданная тишина. Фронт на Волге был ликвидирован. По сталинградским дорогам, изрытым авиационными бомбами и артиллерийскими снарядами, потянулись нескончаемые колонны пленных.

В ходе боев за волжскую твердыню войсками армии было выведено из строя более 15 тысяч солдат и офицеров противника, 332 орудия, 373 танка, 412 автомашин и много другой боевой техники, захвачены большие трофеи.

Главная боевая заслуга солдат и офицеров 66-й армии в этом гигантском сражении заключается в том, что они, вступив с ходу в оборонительные бои северо-западнее Сталинграда непосредственно у Волги, активными боевыми действиями вначале сковали, а затем разгромили части 14-го танкового и 11-го армейского корпусов 6-й немецкой армии. В дальнейшем в

ходе наступления вместе с войсками генерала П. И. Батова армия освободила многие населенные пункты и северную часть города Сталинграда, в том числе тракторный завод, заводы «Баррикады», «Красный Октябрь», прилегающие к ним поселки, и соединилась с войсками 62-й армии генерала В. И. Чуйкова.

Победа, одержанная Красной Армией на Волге, это победа всего советского народа, руководимого нашей Коммунистической партией. Не случайно в дни героической эпопеи, в дни самых тяжелых испытании, многие солдаты, сержанты, офицеры непосредственно в окопах, на поле боя связали свою судьбу с родной партией: 6762 воина армии стали коммунистами, а 4426 — комсомольцами.

В трудные дни боев мы ощущали постоянную заботу о нас тружеников тыла. В ноябре 1942 года в армию приехала большая делегация Туркменской ССР во главе с Председателем Президиума Верховного Совета республики товарищем Бердыевым. Гости побывали во многих частях, непосредственно на позициях, в окопах, рассказывали воинам о своем труде, успехах. Эти теплые встречи оставляли глубокий след в сердцах солдат, командиров, воодушевляли их на новые подвиги.

Сражение на Волге явилось боевой школой закалки командиров и политработников армии. В суровых условиях они учились искусству побеждать сильного, хорошо вооруженного и опытного врага. За отличные боевые действия более пятнадцати с половиной тысяч воинов были награждены орденами и медалями Советского Союза.

В одержанной победе нашла яркое выражение дружба народов нашей многонациональной Отчизны. Открывая памятник-обелиск героям битвы на Волге, Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев подчеркнул, что, «если бы в окопах Сталинграда не стояли плечом к плечу сыны России и Украины, Белоруссии и Прибалтики, Кавказа и Сибири, Казахстана и Средней Азии — не было бы сталинградской победы»[11]

После завершения боевых действий армия, в состав которой входили 8 стрелковых дивизий, 2 стрелковые бригады и 2 укрепленных района, была размещена в балках и оврагах в окрестностях Сталинграда и началось переформирование и доукомплектование подразделений и частей, постепенное их сколачивание, ремонт боевой техники, разминирование дорог, очистка районов от трупов и разбитой техники.

В это время из состава армии были выведены закаленные в боях у стен Сталинграда 84, 99, 273-я стрелковые дивизии и 149-я стрелковая бригада. Вместо них в армию прибыли две

прославленные гвардейские дивизии — 13-я и 66-я. К февралю в армию входили: 13-я и 66-я гвардейские, 116-я и 226-я стрелковые дивизии, 7-й и 8-й танковые полки.

Впереди нас ждали новые бои!

Глава третья. На Курской дуге

В резерве Ставки. Вызов в Москву. Обстановка на фронте накаляется. Сражение под Прохоровной. В чем причина медленных темпов продвижения в ходе контрудара. Переход в контрнаступление и обеспечение ввода в сражение 1-й и 5-й танковых армий. Как была разгромлена томаровско-борисовская группировка противника. Еще раз о фальсификаторах Курской битвы.

После разгрома и пленения окруженных под Сталинградом немецко-фашистских войск 66-я армия была выведена в резерв Ставки Верховного Главнокомандовании и к середине апреля сосредоточена юго-восточнее Воронежа в районе Олень-Колодезь, Лиски. Мечетка, Хреновое, Бобров. Здесь армия была включена в только что сформированный Резервный фронт, в состав которого уже входили 2-я резервная и 24-я армии и три танковых корпуса. Командовал фронтом генерал-лейтенант М. М. Попов, а начальником штаба был генерал-лейтенант М. В. Захаров.

Кроме указанных объединений вскоре в состав фронта прибыли 46, 47, 53-я общевойсковые и 5-я гвардейская танковая армии, три танковых и два механизированных корпуса. Все эти войска располагались на рубеже Измалково, Ливны, река Кшень, Белый Колодезь — в затылок действующих впереди Центрального и Воронежского фронтов.

Для всех нас становилось ясно, что основные военные события 1943 года развернутся здесь, на курском направлении.

Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом, на Северном Кавказе и их отход на линию Севск, Рыльск, Сумы, Ахтырка, Славянск, Лисичанск, Таганрог потрясли до основания блок фашистских государств. Чтобы предотвратить его распад, укрепить резко пошатнувшийся престиж фашистской Германии, поднять моральный дух армии и населения, надо было взять реванш за поражение на Волге и Дону. С этой целью гитлеровское командование решило летом предпринять генеральное наступление на советско-германском фронте в районе Курского выступа. Это наступление в случае успеха должно было вернуть утраченную стратегическую инициативу и повернуть дальнейший ход войны в пользу вермахта.

Для осуществления этой операции, которой дали кодированное название «Цитадель», были созданы две крупные ударные группировки: одна — южнее Орла, а другая — северо-западнее Харькова. В их составе насчитывалось до 50 отборных

дивизий, в том числе 16 танковых и моторизованных, 2 танковые бригады, 3 отдельных танковых батальона и 8 дивизионов штурмовых орудий. Это составляло около 70 процентов танковых, до 30 процентов моторизованных и более 20 процентов пехотных дивизий от общего количества соединений, действовавших на советско-германском фронте., Для обеспечения операций наземных войск с воздуха на это направление было стянуто более 2 тысяч самолетов, или 60 процентов самолетного парка, находившегося на советско-германском фронте.

Этими силами враг рассчитывал концентрическим ударом на Курск окружить и уничтожить войска Центрального и Воронежского фронтов, а затем нанести удар в тыл войскам Юго-Западного фронта. В последующем предусматривалось развить наступление в северо-восточном направлении.

При подготовке к летней кампании 1943 года противник особое внимание уделял массированному применению новой боевой техники: тяжелых танков «тигр», средних — «пантера», штурмовых орудий «фердинанд», а также новых типов самолетов (истребителей «Фокке-Вульф-190а», штурмовиков «Хейнкель-129», модернизированных бомбардировщиков «Хейнкель-111»). Принимались необходимые меры по достижению внезапности наступления — путем проведения дезинформации и отвлекающих операций на других фронтах. «Ни одно наступление, — писал гитлеровский генерал Меллентин, — не было так тщательно подготовлено, как это.» [12]

Советское Верховное Главнокомандование внимательно следило за действиями противника, тщательно изучало его намерения. Поэтому оно своевременно раскрыло подготовку операции «Цитадель», ее замысел, определило направления готовящихся ударов, а затем и точное время начала наступления. Ни в одной из предшествовавших операции планы врага не были вскрыты так детально и глубоко, как накануне этой битвы.

В связи с этим в намеченный Ставкой план летнего наступления, предусматривавший нанесение главного удара на юго-западном направлении, были внесены существенные поправки.[13]

Советское командование стояло перед дилеммой — наступать под Курском или обороняться? Было принято решение встретить наступление немецко-фашистских войск преднамеренной глубокой, непреодолимой обороной, измотать и обескровить врага, а затем, перейдя в контрнаступление, завершить разгром ударных группировок — немецко-фашистских войск. Это контрнаступление должно было перерасти в общее наступление советских войск на огромном фронте.

Столь правильное, с большим предвидением стратегическое решение помог выработать коллективный разум и большой творческий опыт умудренных двумя годами войны наших государственных и военных руководителей.

Владея инициативой, располагая достаточными силами и средствами для наступления, советские войска с целью быстрейшего разгрома противника при наименьших потерях в личном составе, боевой технике и территории преднамеренно переходили к кратковременной обороне. Это был поистине новаторский и единственный в истории военного искусства случай, когда армия, переходящая к обороне, имела все необходимое для начала широких наступательных действий.

Основные усилия для нанесения сокрушительного удара по врагу сосредоточивались на орловском и белгородско-харьковском направлениях. Непосредственная оборона Курского выступа на северном фасе дуги возлагалась на войска Центрального фронта под командованием генерала армии К. К. Рокоссовского. На вероятном направлении наступления врага находилась 13-я армия генерала Н. П. Пухова, усиленная большим количеством артиллерии, танков и инженерными средствами. На южном фасе оборонялись войска Воронежского фронта под командованием генерала армии Н. Ф. Ватутина. Здесь на направлении возможного удара противника организовали оборону две армии: на рубеже от Лаптево до Белгорода — 6-я гвардейская армия (командующий генерал И. М. Чистяков) и южнее этого рубежа — 7-я гвардейская армия (командующий генерал М. С. Шумилов).

Почти три месяца советские войска напряженно вели работы по организации прочной обороны, способной отразить массированные удары немецко-фашистских полчищ, особенно танков. На направлении ожидаемых ударов противника наша оборона достигала глубины до 300 км. Широкое развитие получила система траншей, различных инженерных сооружений и заграждений. Особое внимание уделялось созданию непреодолимой противотанковой обороны, основу которой составили противотанковые опорные пункты, противотанковые районы, артиллерийско-противотанковые резервы и подвижные отряды заграждений, а также хорошо организованная система огня всех видов оружия.

В то время во всех прифронтовых районах — Курской, Белгородской, Орловской и Воронежской областях — кипела работа по оборудованию оборонительных рубежей. Нам тогда говорили, что на оборонительных работах было занято более 300 тысяч человек. Но, когда мы проезжали по местам, где велись эти

работы, казалось, что людей было больше. Работали буквально все местные жители — старики, женщины и даже дети.

После завершения сосредоточения соединений армии в новом районе Военный совет, штабы всех степеней и политорганы сразу же продолжили начатую еще под Сталинградом работу, которая обычно проводится после вывода войск из многомесячных напряженных боев, то есть приведение их в порядок. Прежде всего укрепляли тактическое звено — роты, батальоны и полки, создавали в них дееспособные партийные и комсомольские организации, укомплектовывали людьми и техникой, с тем чтобы подразделения и части как можно скорее могли планомерно заняться боевой и политической подготовкой.

Но в армии многого недоставало: личного состава, материальной части, вооружения, боеприпасов — всего того, без чего трудно сколачивать подразделения, части, соединения и готовить их к предстоящим боям. Ставка и Генеральный штаб понимали наше положение, старались сделать все возможное для приведения в боеспособное состояние оперативных объединении, находящихся в резерве. Для ускорения решения всех вопросов доукомплектования и технического оснащения командующих армиями, выведенными в резерв Ставки, зачастую вызывали в Москву. Такой вызов в апреле получил и я.

Сборы были недолгими. Захватив с собой необходимые справки и материалы, я в сопровождении адъютанта капитана А. П. Кириллова выехал в Москву. Путь наш пролегал через Воронеж, Задонск, Ефремов, Тулу — по памятным местам, где пришлось пережить тяжелые дни отступления осени 1941 года, где шли жаркие схватки с вражескими танковыми полчищами, рвавшимися к Москве.

В Москву прибыли только в середине второго дня пути. В гостинице ЦДКА, где мы остановились, быстро привел себя в порядок и поспешил в Генеральный штаб. Меня сразу же принял первый заместитель начальника Генерального штаба генерал А. И. Антонов. Он очень внимательно выслушал мой доклад о состоянии армии. Не преувеличивая, я нарисовал ему довольно печальную картину: дивизии были крайне малочисленны, слабо оснащены техникой и вооружением; армия не имела средств усиления.

— Хотя настроение личного состава приподнятое, — добавил я в заключение своего доклада, — усилить боевую готовность частей и соединений и подготовить их для решения предстоящих боевых задач возможно только после обеспечения армии в короткие сроки техникой, вооружением и необходимыми материальными запасами.

Алексей Иннокентьевич с должным пониманием отнесся к моим просьбам и сообщил, что наши заявки по всем видам довольствия будут удовлетворены.

— Принято решение о переименовании вашей армии в гвардейскую, — сказал он, — а с гвардейских соединений и объединений и спрос иной. Поэтому уже запланировано создать в армии два корпусных управления, усилить ее зенитной артиллерийской дивизией, реактивной и противотанковой артиллерией, а также другими частями специальных войск. Вопросами формирования стратегических резервов, укомплектования войск всем необходимым занимается Анастас Иванович Микоян. Поэтому вам надо сегодня же вечером явиться в Кремль для доклада и получения соответствующих указаний.

Мое пребывание в Генеральном штабе было непродолжительным. Но я не мог не заметить, что по сравнению с первыми днями войны здесь всюду царили деловитость и спокойствие. Чувствовалось, что ритм рабочего механизма Ставки отработан и налажен безупречно.

В тот же день вечером я приехал в Кремль. В приемной А. И. Микояна меня встретил вопросом ого помощник товарищ Барабанов:

— Вы готовы для доклада? У Анастаса Ивановича собраны все начальники родов войск и служб Наркомата обороны.

Я ответил утвердительно и после этого был приглашен в кабинет Анастаса Ивановича. Как сейчас помню, там находились генералы Е. А. Щаденко, П. Н. Воронов, Я. Н. Федоренко, М. П. Воробьев, Н. Д. Яковлев, В. И. Белокосков, а также командующий Войсками противовоздушной обороны страны генерал М. С. Громадин. Здесь так же, как и у А. И. Антонова, я коротко доложил о состоянии армии и представил заранее подготовленную справку о потребностях в людях, технике и вооружении.

Анастас Иванович Микоян тут же дал указания всем присутствовавшим начальникам в кратчайший срок выполнить наши заявки по всем видам и, уже обращаясь ко мне, сказал:

— Вы, товарищ Жадов, оставайтесь в Москве до полного решения вопросов по укомплектованию и оснащению поиск армии. Побывайте у начальников родов войск и служб и конкретно договоритесь с ними о сроках выполнения ваших потребностей. Съездите в Павшино, там для армии формируется зенитная артиллерийская дивизия и другие специальные части.

Последующие дни были целиком посвящены согласованию сроков обеспечения армии личным составом — у Е. А. Щаденко, артиллерийским вооружением — у П. Н. Воронова,

бронетанковым вооружением — у Я. Н. Федоренко. Последний пообещал содействовать усилению армии танковым соединением. Забегая вперед, скажу, что Яков Николаевич свое обещание выполнил: вскоре армии был придан 10-й танковый корпус генерала В.Г.Буркова. Но воевать вместе с ним нам на Курской дуге не пришлось. Его забрали из армии перед самым выходом ее на рубеж Обоянь, Прохоровка, о чем мы очень сожалели.

В один из этих дней позвонил генерал Свиридов, который ведал кадрами сухопутных войск в Главном управлении кадров Наркомата обороны, и сообщил, что на следующий день мне надлежит явиться к Михаилу Ивановичу Калинину для получения правительственных наград. С особой теплотой вспоминаю эту встречу. Председатель Президиума Верховного Совета СССР — наш горячо любимый, всеми искренне уважаемый Всесоюзный староста — вручил мне сразу два ордена: Красного Знамени — за боевые дела на Брянском фронте в конце 1941 года и в начале 1942 года и Кутузова I степени — орденский знак № 3 — за успешные действия войск 66-й армии в Сталинградской битве.

Михаил Иванович сердечно, по-отечески поздравил с высокими правительственными наградами, которыми удостоила меня Родина. Затем я был приглашен на чашку чая. Как потом узнал, у Михаила Ивановича Калинина посидеть за чашкой русского чая вошло в обычай и этот обычай поддерживался независимо от того, кого он принимал и какие вопросы при этом рассматривались. В течение почти часа М. И. Калинин расспрашивал меня о жизни соединений и частей, интересовался постановкой боевой и политической учебы в перерывах между сражениями и особенно сейчас, когда мы пополнялись новым личным составом, в основном необстрелянным, пережившим в оккупации лишения и невзгоды. Говоря о важности правильного распределения людей но подразделениям, Михаил Иванович сказал:

— В ходе воспитательной работы надо использовать собственные традиции, сложившиеся в сражениях под Сталинградом, и особенно переименование армии в гвардейскую. Воевать в рядах советской гвардии — это большая честь. Наши солдаты должны ясно представлять, что, несмотря на крупные победы, впереди еще тяжелая борьба. Противник силен, нам нельзя его недооценивать. Используйте представившуюся передышку в полной мере для того, чтобы в любую минуту быть готовыми выступить для выполнения боевой задачи. Не забывайте никогда о питании людей, присматривайтесь, как они одеты. Опрятность и на войне играет немаловажную роль, — наставлял меня Михаил Иванович Калинин.

Пребывание в Москве, беседы с членами правительства, Государственного Комитета Обороны, руководством Генерального штаба позволили мне еще больше ощутить огромную, титаническую работу Центрального Комитета нашей партии по формированию и приведению в боевое состояние стратегических резервов. Для противодействия планам врага и его разгрома готовились большие силы.

…Оглянуться не успели, как пролетела неделя напряженного, кропотливого труда в Москве. Пора было возвращаться в армию. Выехали из столицы на рассвете. Когда проезжали по притихшим, еще сохранившим свой суровый военный вид улицам, невольно взгрустнулось. У каждого советского человека с Москвой связаны определенные события в жизни. И для меня Москва значила очень много. Здесь я учился, работал, стал настоящим кадровым командиром. Возмужав в Москве, успешно командовал соединениями, вырос до командующего армией. Родина доверила мне судьбы тысяч людей, массу техники. И сейчас в Москве меня принимают руководители партии и правительства, внимательно выслушивают, советуются. А кем я был?

Вспомнилось маленькое село Никольское на Орловщине, где 30 марта 1901 года в бедной крестьянской семье я родился. Семья была большая: отец, мать и семеро детей. С 8 лет пришлось пасти скот, работать днями и ночами у кулаков на уборке картофеля, капусты, фруктов, а зимой в лесу на заготовке дров — все за гроши. Несмотря на изнуряющую работу, успешно окончил церковноприходскую школу, но дальше учиться средств не было. Приближался Великий Октябрь. К нам в село приезжал из Москвы Иван Никитич Чиненов — большевик, вступивший в партию еще в начале первой мировой войны. Он проводил большую агитационную работу, особенно среди молодежи. В 1917 году И. Н. Чиненов организовал в селе партячейку, а затем и комсомольскую организацию. Я стал комсомольцем в 1919 году. К этому времени начал лучше разбираться, кто друзья и кто враги.

Осенью 1919 года, когда к нашим краям подошли полчища Деникина, я пошел добровольцем в Красную Армию. С тех пор моя жизнь неразрывно связана с жизнью Красной Армии. В марте 1920 года меня направили в город Орел на кавалерийские курсы красных командиров, а в октябре этого же года я стал краскомом и был назначен на должность командира взвода 3-го эскадрона 62-го кавполка 11-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии. Настоящее боевое крещение получил в боях с Врангелем. С любовью и большой сердечной благодарностью вспоминаю своих первых учителей и наставников: командира дивизии Ф. М.

Морозова, комиссара П. В. Бахтурова, командира бригады Г. Г. Колпакова, командира полка Атаманова. Много пришлось исколесить боевых дорог в рядах Красной Армии при разгроме махновщины, бандитизма в Белоруссии, басмачества в Средней Азии. В начале 1921 года стал членом ленинской партии.

В родную Москву впервые попал в 1928 году — на Военно-политические курсы. Затем учеба в академии имени М. В. Фрунзе (с 1931 по 1934 год) вместе с И. Х. Баграмяном, П. С. Рыбалко, А. Д. Сидельниковым, Л. М. Сандаловым, В. Т. Обуховым, А. Ф. Казанкиным, и после се окончания служба в войсках на различных должностях — начальника штаба полка, начальника оперативной части штаба дивизии, начальника штаба корпуса.

…После моего возвращения в штаб армии было созвано расширенное заседание Военного совета с участием начальников родов войск и служб, командиров дивизий, армейских частей и командиров полков. С большим интересом был выслушан мой доклад о поездке в Москву и предстоящих мероприятиях по организационному усилению армии, ее оснащению вооружением, техникой и материальному обеспечению.

Вскоре, выполняя указания Генерального штаба, мы сформировали два корпусных управления. 32-й гвардейский стрелковый корпус имел в своем составе 13-ю и 66-ю гвардейские стрелковые и 6-ю гвардейскую воздушно-десантную дивизии. Командиром корпуса был назначен Герой Советского Союза генерал-майор А. И. Родимцев. Командуя под Сталинградом 13-й гвардейской стрелковой дивизией, Александр Ильич проявил себя отважным, умелым комдивом, пользовался огромным авторитетом и любовью у подчиненных.

В состав 33-го гвардейского стрелкового корпуса вошли 95-я и 97-я гвардейские стрелковые и 9-я гвардейская воздушно-десантная дивизии. Командовал корпусом генерал-майор И. И. Попов. 42-я гвардейская стрелковая дивизия (командир генерал-майор Ф. А. Бобров) оставалась в непосредственном подчинении армии. В состав армии также вошли вновь сформированная 29-я зенитно-артиллерийская дивизия (командир полковник М. А. Вялов), гвардейский полк реактивных минометов («катюш»), два отдельных истребительных противотанковых артиллерийских полка и другие части — инженерные, связи и тыловые. В оперативное подчинение армии, как я уже упомянул выше, был передан 10-й танковый корпус (командир генерал-лейтенант танковых войск В. Г. Бурков).

Вскоре в армию начала интенсивно поступать боевая техника, прибывать пополнение.

Укомплектование армии личным составом, в основном

молодежью, позволило нам заново пересмотреть состав стрелковых и пулеметных рот, артиллерийских и минометных батарей и других подразделений, равномерно распределить по подразделениям рядовых и сержантов, имеющих боевой опыт. Состав стрелковых рот был доведен до 80–85 человек. Не ослабляя боевых стрелковых подразделений, мы создали довольно внушительный резерв при армейском запасном полку — около 5000 человек и при учебных батальонах каждой дивизии — до 500 человек. Командирами в учебные части и подразделения были назначены офицеры и сержанты с большим боевым опытом. Эти меры впоследствии полностью себя оправдали. С выходом к Днепру мы смогли значительно восполнить потери за счет собственных учебных подразделений.

Штабом армии совместно с командующими родами войск, начальниками служб и политотделом был детально разработан план боевой и политической подготовки войск, командирской учебы, штабных тренировок с учетом сроков поступления людей и техники. Обобщался боевой опыт, полученный в боях под Сталинградом, и все, что было по-, учительным, использовалось в боевой подготовке войск и штабов.

Большим событием в нашей жизни в те дни было преобразование армии в 5-ю гвардейскую. Этот акт — признание мужества, стойкости, отваги и героизма личного состава в боях под Сталинградом.

Военный совет, командиры, политработники, партийные и комсомольские организации провели большую работу среди личного состава, разъясняя значение этого знаменательного события в боевой биографии армии. В частях царил огромный подъем: ветераны армии и молодые воины выражали решимость бить ненавистного врага по-гвардейски. Все это, естественно, способствовало повышению качества боевой и политической подготовки.

9 мая 1943 года войска армии по указанию Ставки начали перегруппировку в район западнее Старого Оскола. Там готовился оборонительный рубеж Степного военного округа, и на участке Заосколье, Александровка, Белый Колодезь его должна была оборудовать 5-я гвардейская армия.[14] Перегруппировка армии проходила по территории, недавно освобожденной от гитлеровских захватчиков. Многие дороги, районы, удобные для привалов и отдыха, таили в себе грозную опасность: они еще не были полностью очищены от вражеских мин, неразорвавшихся снарядов. Особенно неблагополучно обстояло дело на рубеже реки Дон. Все это требовало четкой организации марша и соблюдения дисциплины в ходе передвижения. Несмотря на то

что при подготовке к маршу во всех звеньях была проведена большая разъяснительная работа, особенно среди нового пополнения, подрывы людей и техники на минах все же случались.

Из-за неосмотрительности и, я бы сказал, пренебрежения возможной опасностью погиб герой Сталинграда, командир 97-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майор М. А.Усенко. Объезжая полки вместе с начальником политотдела дивизии полковником В. Ф. Смирновым и еще двумя офицерами штаба с целью проверки их готовности к маршу, он требовал соблюдения строжайшей дисциплины и осмотрительности, использования для движения только запланированных дорог, но сам же нарушил это правило.

12 мая, следуя на машине в расположение 1151-го стрелкового полка, Усенко решил сократить расстояние и приказал при въезде в деревню Урьево-Покровскою повернуть на натоптанный колонный путь. Несмотря на то что здесь был установлен шлагбаум и местные жители уговаривали не ездить по этой дороге, комдив остался непреклонен. Завершив работу в полку, генерал Усенко возвращался по этой же дороге. Но на этот раз при въезде в деревню машина наскочила на мину, раздался оглушительный взрыв, генерал-майор М. А. Усенко, два командира и водитель погибли. Полковник Смирнов избежал этой трагической участи, так как остался в полку. Я узнал о происшествии, находясь в районе Старого Оскола на рекогносцировке оборонительного рубежа, и не только был потрясен, но и недоумевал, как опытный генерал, которого я только накануне строго предупреждал о соблюдении осторожности, мог нарушить это требование.

Я рассказал подробнее об этом случае для того, чтобы подчеркнуть, что дисциплина, точное исполнение приказов являются законом для всех, независимо от служебного положения. Забвение этих требований не раз приводило к печальным последствиям, неоправданной гибели людей и техники.

Соединения первого эшелона армии — 13-я и 66-я гвардейские стрелковые дивизии 32-го гвардейского стрелкового корпуса и 95-я и 97-я гвардейские дивизии 33-го гвардейского стрелкового корпуса, — совершив более чем 300-километровый марш, к утру 16 мая прибыли в отведенные им полосы на оборонительном рубеже и приступили к его оборудованию на участках: 13-я дивизия — Заосколье, Александровка; 66-я дивизия — (иск.) Александровка, (иск.) Русановка; 97-я дивизия — Русановка, Калинкин и 95-я дивизия — безымянная высота в 5 км

севернее Скородное, Белый Колодезь.

Спустя пять дней сюда вышли соединения вторых эшелонов корпусов, которые сосредоточились: 6-я гвардейская воздушно-десантная дивизия — Ржавец, Салтыково; 9-я гвардейская воздушно-десантная дивизия — (иск.) Салтыкове, Кутузово, совхоз «Старый Оскол». Дивизия армейского подчинения — 42-я гвардейская — Малахов, Ольшанка, Воскресеновка. Указанные соединения приступили к оборудованию второй полосы на оборонительном рубеже Степного военного округа.

10-й танковый корпус сосредоточился юго-восточнее Старого Оскола. Специальные армейские части и соединения — между дивизиями первого и второго эшелонов. Штаб армии — в населенном пункте Новая Деревня.

Войска армии в этот период выполняли две основные задачи: готовили мощный оборонительный рубеж и занимались сколачиванием частей и подразделений к решающим летним сражениям. В связи с этим на боевую подготовку отводилось 6–9 часов в сутки и на оборонительные работы — 4–6 часов.

Хотя нагрузка на людей была очень высокая, все намеченные мероприятия выполнялись строго по плану. В тактической подготовке преобладала наступательная тематика. Большое внимание уделялось разведке, борьбе с танками противника, организации противовоздушной обороны. Все учения подразделений и частей проводились с участием артиллерии, специальных войск. Многие учения проходили с боевой стрельбой.

И конце июня 1943 года командующим Степным военным округом был назначен генерал-полковник И. С. Конев, имевший к тому времени уже большой опыт руководства крупными оперативными объединениями. Иван Степанович со свойственной ему энергией занялся вопросами боевого сколачивания соединений и объединений и подготовки их к предстоящим сражениям.

К началу июля части и соединения армии были в достаточной степени укомплектованы и подготовлены к выполнению боевых задач, оснащены вооружением и боевой техникой.

К этому времени армия оборудовала оборонительный рубеж, состоящий из двух оборонительных полос с предпольем. Каждая полоса включала две позиции. Передний край первой полосы проходил по линии Заосколье, Александровка, Русановка, Скородное, Белый Колодезь. Вторая полоса была оборудована в 10–15 км от переднего края первой полосы и проходила по рубежу Ржавец, Салтыково, Богословка, Ольшанка.

Глубина оборонительного рубежа составляла 40 км.

Оперативное построение армии на оборонительном рубеже было следующее. 32-й гвардейский стрелковый корпус занимал позиции на правом фланге армии. В его первом эшелоне были 13-я и 66-я гвардейские стрелковые дивизии и во втором — 6-я гвардейская воздушно-десантная дивизия. На левом фланге армии располагался на позициях 33-й гвардейский стрелковый корпус, в первом эшелоне которого были 97-я и 95-я гвардейские стрелковые дивизии, во втором — 9-я гвардейская воздушно-десантная дивизия. 42-я гвардейская стрелковая дивизия располагалась на второй полосе в качестве резерва армии.

Готовя войска к предстоящим боям, мы прекрасно понимали, что армия может быть использована или в составе Степного военного округа, преобразующегося при первой же необходимости во фронт, или передана одному из обороняющихся впереди фронтов. Поэтому для меня не явился неожиданностью вызов в конце июня к командующему Воронежским фронтом генералу армии Н. Ф. Ватутину.

Заслушав мой доклад о состоянии войск армии, Николай Федорович сказал:

— По имеющимся данным, в ближайшее время ожидается наступление противника на Курск. Обстановка может сложиться так, что армии придется по тревоге выходить на угрожаемое направление. Поэтому все части и соединения необходимо привести в полную боевую готовность, с тем чтобы обеспечить их быстрое прибытие в назначенные районы.

После этого я встретился с генералом С. П. Ивановым, который возглавлял штаб фронта. Он ознакомил меня с общей обстановкой на советско-германском фронте и более подробно — в полосе фронта.

Поскольку армия могла быть задействована в составе фронта уже в период оборонительного сражения, то мною заранее с группой офицеров штаба была проведена рекогносцировка местности и дорог на вероятном направлении действий армии — Обоянь и Прохоровка. В ходе рекогносцировки состоялась обстоятельная беседа по вопросам взаимодействия с командующим 6-й гвардейской армией генерал-лейтенантом И. М. Чистяковым на его наблюдательном пункте.

Утром 5 июля 1943 года началась Курская битва. Ударные группировки немецко-фашистских войск двинулись на Курск с севера и юга.

Мы внимательно следили за ходом развернувшихся ожесточенных сражений на Воронежском и Центральном фронтах. А обстановка там все больше обострялась, особенно в полосе 6-й

гвардейской армии Воронежского фронта, где противник наносил главный удар.

В ночь на 7 июля из состава нашей армии убыл на этот фронт 10-й танковый корпус, который к полудню сосредоточился в районе Прохоровка, Ямки, Правороть. Через день пришел и наш черед. Прилетевший 8 июля на командный пункт армии генерал-полковник И. С. Конев сообщил, что приказом Ставки 5-я гвардейская армия переходит в подчинение командования Воронежского фронта, и тут же поставил задачу: к утру 11 июля выйти на рубеж реки Псёл, занять оборону и не допустить дальнейшего продвижения противника на север и северо-восток. И. С. Конев предупредил, что восточнее Прохоровки к исходу дня 9 июля сосредоточиваются корпуса 5-й гвардейской танковой армии генерал-лейтенанта танковых войск П. А. Ротмистрова.

Итак, армия получила боевую задачу совершить форсированный 120–140-километровый марш и занять оборону. Необходимо подчеркнуть, что командованию, штабу и соединениям армии в период с 8 по 23 июля (до окончания оборонительного сражения на Воронежском фронте) приходилось действовать в чрезвычайно сложной обстановке. За этот отрезок времени нам пришлось дважды переходить к обороне и дважды организовывать наступление. Причем переход от одних действий к другим осуществлялся в крайне сжатые сроки.

Выдвижение армии на указанный рубеж мы провели организованно и быстро, этому помогла проведенная заранее рекогносцировка… Согласно принятому мною решению штаб армии, возглавляемый генерал-майором П.И. Ляминым, В Считанные часы спланировал марш: наметил полосы и маршруты движения для корпусов, рубежи регулирования, районы привалов. Для каждого корпуса выделялось по четыре маршрута, из расчета два на каждую дивизию первого эшелона. Для штаба армии и армейских частей выделялся отдельный маршрут. В это время мною были поставлены задачи на марш командирам корпусов, частям и соединениям армейского подчинения.

Закончив с организацией марша, я с членом Военного совета генерал-майором Л. М. Кривулиным, командующими артиллерией, бронетанковыми войсками, армейским инженером, группой офицеров оперативного и разведывательного отделов штаба, подразделениями связи выехал вперед, в район нового расположения КП армии — лес в 1,5 км юго-западнее Яригино. Контроль за совершением марша осуществлял, мой первый заместитель генерал-майор М. И. Козлов, а также начальник штаба, которые следовали с колонной штаба армии по центральному армейскому маршруту.

Армия не была обнаружена авиаразведкой противника и совершила марш без каких-либо помех. Ее прикрытие с воздуха осуществлялось силами 29-й зенитной артиллерийской дивизии (командир дивизии полковник М. А. Вялов), которая двигалась от рубежа к рубежу на уровне колонн соединений корпусов первого эшелона. Кроме того, войска армии очень хорошо прикрывались истребительной авиацией Степного фронта.

10 июля в районе КП армии я встретил представителя Ставки Верховного Главнокомандования Маршала Советского Союза А. М. Василевского. Это была моя первая встреча с Александром Михайловичем. Я доложил ему о состоянии армии, а также о полученной задаче. Александр Михайлович был очень озабочен. Он сказал мне:

— Обстановка в полосе 6-й гвардейской и 1-й танковой армий очень сложная. Противник рвется на Обоянь. Хотя наши войска и остановили его продвижение, но не исключена возможность, что он перегруппирует свои главные силы, попытается нанести удар на Прохоровку и далее повернуть на север, чтобы обойти Обоянь с востока. Поэтому нужно быстрее выйти на указанный рубеж, организовать оборону и не допустить прорыва противника за реку Псёл.

Таким образом, в разговоре с А. М. Василевским шла речь главным образом об обороне, а о возможном участии армии в контрударе фронта даже не упоминалось.

В своем донесении И. В. Сталину о действиях войск фронта за 7 июля генерал армии Ватутин также ничего не говорил о контрударе. Он высказал просьбу Верховному Главнокомандующему «для прочного прикрытия обояньского направления и, главное, для обеспечения своевременного перехода войск в контрнаступление в наиболее выгодный момент необходимо теперь же начать быстрое выдвижение армии генерала Жадова в районе Обоянь, Прохоровка, Марьино; а армии генерала Ротмистрова в районе Призначное (10 км вост. Прохоровка)…»[15]

Утром 11 июля дивизии 32-го гвардейского стрелкового корпуса начали занимать оборону по северному берегу реки Псёл на участке Обоянь, Ольховатка. Впереди атаки небольших групп танков противника отражали части 31-го и 10-го танковых корпусов 1-й танковой армии[16] совместно с частями 51-й гвардейской стрелковой дивизии 6-й гвардейской армии.

Соединения 33-го гвардейского стрелкового корпуса занимали оборону на рубеже Семеновка, Веселый. Перед ними вела тяжелый бой с танками противника 52-я гвардейская стрелковая дивизия 6-й гвардейской армии. Сплошного фронта не

было. Поэтому части 95-й гвардейской стрелковой дивизии, которой в этот период командовал заместитель командира — полковник А.Н. Ляхов, и 9-й гвардейской воздушно-десантной дивизии полковника А М. Сазонова, не успев занять оборону, вынуждены были с ходу вступить в бой с атакующими частями 2-го танкового корпуса СС. Первым принял удар врага 3-й батальон 26-го гвардейского воздушно-десантного полка 9-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, который оборонял совхоз «Октябрьский». Он был атакован батальоном пехоты противника при поддержке 40 танков. Атаке предшествовали короткая, но мощная артиллерийская подготовка и бомбовый удар немецкой авиации. Завязался ожесточенный бой. Гвардейцы мужественно отражали атаки вражеской пехоты и танков. Но силы были неравными, и противник начал теснить наши подразделения. Яростным атакам подверглись 287-й гвардейский стрелковый полк и 290-й полк 95-й гвардейской стрелковой дивизии.

Наблюдая за началом оборонительного сражения, я сделал вывод, что противник нащупывает наши слабые места, с тем чтобы ввести в действие свои главные силы. И действительно, уже в середине дня на высоту 252,2 и в направлении совхоза «Октябрьский» гитлеровцы бросили в бой до сотни танков. По позициям 26-го гвардейского воздушно-десантного полка гвардии подполковника Г. М. Кашперского и 287-го гвардейского стрелкового полка гвардии подполковника Ф. М. Заярного нанесли бомбовый удар более 50 бомбардировщиков врага.

Земля дрожала от разрывов снарядов и бомб. Ожесточенный бой длился весь день. К вечеру пришлось ввести в дело резерв армии — 42-ю гвардейскую стрелковую дивизию — и перебросить сюда же истребительно-противотанковый и реактивный минометный полки. К ночи враг, продвинувшийся всего на 2–3 км, был остановлен.

Надо признать, мы не предполагали, что события на фронте будут развиваться столь стремительно и что нам не удастся заблаговременно занять оборону на рубеже Обоянь, Прохоровка. К тому же при совершении марша соединения не выделили сильные передовые отряды. Это привело к тому, что главным силам дивизий пришлось развертываться непосредственно под воздействием наступающих гитлеровцев.

К исходу дня 11 июля на этом участие Воронежского фронта наступил опасный кризис.

Вечером я получил приказ командующего фронтом, в котором армии ставилась задача с утра 12 июля нанести контрудар левофланговым 33-м стрелковым корпусом совместно с 5-й гвардейской танковой армией в направлении Большие

Маячки; правофланговым 32-м корпусом совместно с 6-й гвардейской армией — в направлении Красная Поляна, Гремячий. Ближайшей задачей 5-й гвардейской армии был выход в район Грязное, Малые Маячки, Тетеревино, совхоз «Комсомольский», последующей — в район Погореловка, Яковлево.

На организацию контрудара оставалось всего несколько часов светлого времени и короткая летняя ночь. За это время нужно было многое сделать: принять решение, поставить задачи соединениям, провести необходимую перегруппировку, распределить и расставить армейскую и приданную армии артиллерию: вечером на усиление армии прибыли минометная и гаубичная артиллерийская бригады. К сожалению, они имели крайне ограниченное количество боеприпасов — меньше половины боекомплекта. Напомню читателю, что танков мы не имели вообще.

Вся организационная работа проходила на НП армии. Решение на контрудар принималось в присутствии руководящего состава штаба и управлений армии. Здесь же начальник оперативного отдела наносил его на карту с указанием задач корпусам и дивизиям, Одновременно эти задачи оформлялись в виде боевых распоряжений и с офицерами связи отправлялись по назначению. Затем были определены задачи артиллерии, инженерным войскам, а также решены другие вопросы, связанные с предстоящим наступлением. После завершения всей этой работы большая часть офицеров штаба и управлений армии, политического отдела отправилась в соединения и части, для того чтобы помочь их командирам подготовить подчиненных к выполнению поставленных задач.

К рассвету 12 июля в исходное положение для наступления (южнее реки Псёл) были выведены дивизии 32-го гвардейского стрелкового корпуса, проведена некоторая перегруппировка. Так, 6-я гвардейская воздушно-десантная дивизия гвардии полковника М. И. Смирнова из состава корпуса переводилась в армейский резерв, сосредоточивалась в районе Средняя Ольшанка, Остренький с задачей быть в готовности к вводу в бой в общем направлении Петровка, Васильевка, Грязное; 42-я-гвардейская стрелковая дивизии генерал-майора Ф. А. Боброва переподчинялась 33-му корпусу для обеспечения стыка 9-й воздушно-десантной и 95-й стрелковой дивизий. Была проведена перегруппировка и внутри 33-го гвардейского стрелкового корпуса.

Ночь на 12 июля была на редкость спокойная, но мы знали, что это было затишье перед бурей. Каждый гвардеец прекрасно понимал, что наступил решающий момент. Многие бойцы и

командиры в эту ночь подали заявления о приеме в члены партии и в ряды ленинского комсомола. Заявления, как правило, были краткими: «Прошу принять в члены партии. С врагом буду биться до последней капли крови».

Наступило утро. В 8 часов 30 минут после короткого артиллерийского налета начали атаку наносившие главный удар 18, 29 и 2-й гвардейский танковые корпуса, входившие в состав 5-й гвардейской танковой армии. Одновременно перешли в наступление три эсэсовские танковые дивизии: «Мертвая голова», «Рейх» и «Адольф Гитлер», имевшие в своем составе около 500 танков. Командовали этими дивизиями опытные генералы вермахта. Кроме того, сюда подошли основные силы 3-го танкового корпуса гитлеровцев, в котором насчитывалось до 200 танков. Развернулось ожесточенное, известное теперь всему миру танковое сражение под Прохоровкой. С обеих сторон в районах западнее и южнее Прохоровки в сражении участвовало около 1200 танков.

Вместе с танкистами 5-й гвардейской танковой армии поднялись в атаку дивизии 33-го гвардейского стрелкового корпуса. Однако продвинуться вперед им не удалось. Правофланговые 95-я и 42-я гвардейские стрелковые дивизии были атакованы частями танковой дивизии СС «Мертвая голова» (более 100 танков). С беззаветной храбростью сражались гвардейцы с танками и мотопехотой противника. Артиллеристы и бронебойщики расстреливали в упор вражеские танки, бились до последнего патрона, снаряда.

Во второй половине дня большой группе вражеской мотопехоты с танками удалось на узком участке прорваться через боевые порядки наших дивизий в направлении высоты 226,6 и выйти в район хутора Полежаев, что западнее Прохоровки. Дальше к востоку наших войск не было, там располагались только штабы, тыловые части и учреждения армии. Создалось опасное положение на флангах 5-й гвардейской танковой армии и 33-го гвардейского стрелкового корпуса. Генерал П. А. Ротмистров выдвинул в полосу корпуса 24-ю танковую и 10-ю механизированную гвардейские бригады, которые совместно со стрелковыми частями контратаковали прорвавшуюся вражескую группировку, нанесли ей значительные потери и вынудили перейти к обороне.

Наступавшие на правом фланге 13-я и 66-я гвардейские стрелковые дивизии 32-го гвардейского стрелкового корпуса были атакованы частями 11-й танковой дивизии противника, на их боевые порядки обрушились удары бомбардировочной авиации. Нашим соединениям пришлось вести борьбу с

вражескими танками только своими штатными средствами, и поэтому продвижение их было небольшим — 1–2 км. Левофланговой 97-й гвардейской стрелковой дивизии полковника И. И. Анциферова, против которой действовала вражеская мотопехота без танков, удалось продвинуться вперед на 3–4 км и закрепиться на достигнутом рубеже.

В моей памяти никогда не изгладятся воспоминания об умелых и дерзких действиях воинов двух 5-х гвардейских армий — танковой и общевойсковой — в сражении под Прохоровкой. Беспримерная стойкость, массовый героизм были нормой поведения всех гвардейцев в этом кровопролитном сражении.

…В 12 часов 15 минут пехота и до 100 танков противника предприняли контратаку в направлении высоты 230,7. Вскоре в этот район прорвалось более 40 танков и несколько сотен мотоциклистов. Находясь на наблюдательном пункте, оборудованном на этой же высоте, я приказал командиру 233-го гвардейского артиллерийского полка подполковнику А. П. Ревину уничтожить фашистские танки. В ожесточенном бою, развернувшемся на южных скатах высоты, гвардейцы-артиллеристы стояли насмерть.

Находясь ОТ места боя в 200–300 метрах, я наблюдал за ним. Как сейчас вижу сержанта, коммуниста, командира орудия Андрея Борисовича Данилова — сибиряка-красноярца, воина-сталинградца. Рядом с ним стояли насмерть украинец Панченко, казах Ибраев, башкир Абдульманов, узбек Латынов, мордвин Панкратов. Когда в неравном поединке с врагом пал весь расчет, Данилов продолжал единоборство с наступающими танками. После гибели соседнего расчета к орудию встал командир полка Ревин. На моих глазах Ревин поджег вражескую «пантеру», а гвардейцы-артиллеристы автоматным огнем и гранатами остановили мотоциклистов.

На поле боя остались 16 сожженных танков с крестами на бортах и сотни трупов вражеских мотоциклистов и автоматчиков. Но и многие воины-гвардейцы навсегда остались лежать у подножия высоты 236,7…

Вся армия знала отважных бронебойщика Мухтара Амирова, командира роты гвардии старшего лейтенанта Давыдова, командиров батальонов гвардии майоров Козубского, Ветушкина, командиров полков гвардии подполковников Заярного, Панихина, Власенко, Белецкого, зенитчиков дивизии полковника Вялова и многих других. С особой теплотой хочу отметить одного из командиров полков 9-й гвардейской воздушно-десантной дивизии — подполковника П. П. Назарова. Надо сказать, что он не был кадровым военным. До войны окончил Московскую

консерваторию и стал хорошим музыкантом. В тяжелое для нашей Родины время П. Н. Назаров сменил музыкальные инструменты на боевое оружие и уже к 12 июля временно командовал полком. В последующих боях был два раза ранен, но оставался в строю. После войны он стал видным военным дирижером, генерал-майором. В течение многих лет Назаров дирижировал сводным оркестром во время парадов на Красной площади.

Как всегда, впереди были коммунисты и комсомольцы. Они находились на самых ответственных участках боя, являя собой пример героизма и отваги. За период битвы под Курском непрерывно росли ряды партийных организаций. Только с 11 по 15 июля 1943 года партийные организации нашей 5-й гвардейской армии пополнились более полутора тысячами кандидатов и членов партии.

Много теплых слов хотелось бы сказать в адрес летчиков 2-й воздушной армии генерала С. А. Красовского, которые прикрывали нас с воздуха и днем и ночью наносили удары по врагу.

…В ожесточенных боях 12 и 13 июля ударная группировка противника, потерявшая большое количество живой силы и техники, особенно танков, была остановлена. Однако немецко-фашистское командование не отказалось от намерений прорваться к Курску в обход Обояни с востока. В свою очередь войска, участвовавшие в контрударе Воронежского фронта, делали все, чтобы выполнить поставленные им задачи. И это противоборство двух группировок — наступающей немецкой и наносящей контрудар нашей — продолжалось вплоть до 16 июля, в основном на тех рубежах, которые они занимали.

16 июля 5-я гвардейская армия и наши соседи получили приказ командующего Воронежским фронтом о переходе к жесткой обороне. В приказе это мотивировалось тем, что хотя противнику нанесены большие потери в личном составе и материальной части и его план по захвату Обояни и Курска сорван, однако он не отказался от своих целей и стремится ежедневным наступлением главными силами обойти Обоянь с востока, а также расширить захваченный плацдарм. Для того чтобы окончательно истощить силы наступающего противника, армиям Воронежского фронта следует перейти к упорной обороне на занимаемых рубежах с задачей не допустить ее прорыва противником[17]. Требования о совершенствовании обороны с развитой системой огня и инженерно-минных заграждений штабом фронта подтверждались до 18 июля. Одновременно с организацией обороны мы должны были вести активную разведку

противника усиленными стрелковыми батальонами с целью захвата тактически важных высот, примыкающих к его переднему краю[18].

В ходе боевых действий усиленных батальонов, а также разведки поисками обнаружилось, что активность противника резко упала, а интенсивность огня у переднего края, наоборот, еще больше повысилась. Мы доложили об этом в штаб фронта. Как потом стало известно, немецко-фашистское командование в эти дни часть танковых дивизий выводило из ударной группировки для переброски их на другие участки фронта (в район Орла и в Донбасс).

18 июля армия перешла к преследованию противника, начавшего отход. Времени на его организацию было всего несколько часов. Мы успели поставить задачи командирам корпусом и дивизии: какими наиболее важными опорными пунктами противника необходимо овладеть, потребовали ближе подтянуть артиллерию к наступающим частям. Стрелковые дивизии наступали в широких полосах в том построении, В котором они занимали оборону. Поэтому продвинулись они лишь на 5–7 км. На следующий день, проведя необходимую перегруппировку и уплотнив боевые порядки дивизий, мы добились больших результатов: продвинулись на глубину 10–15 км. К вечеру 23 июля противник, действовавший в полосе нашей и соседних армий, был отброшен на рубеж, с которого он начал наступление 5 июля.

Таким образом, контрудар, предпринятый войсками Воронежского фронта 12 июля, в своем развитии разделяется как бы на два этапа: с 12 по 16 июля, когда наши армии, наносящие контрудар, вели борьбу с наступающей группировкой противника, и с 18 по 23 июля, когда они сами начали наступление против врага, отводившего свои войска, со средним темпом продвижения 5–6 км в сутки.

Часто нам, непосредственным участникам боев под Прохоровкой, задают вопрос: чем объясняются столь медленные темпы продвижения армий Воронежского фронта в ходе развития контрудара с 12 по 23 июля?

Попробую ответить на этот вопрос, исходя главным образом из опыта соединений 5-й гвардейской армии. Первая причина, на мой взгляд, заключается в том, что противник, хотя и понес большие потери в ходе наступления, располагал еще значительными силами, особенно в танках и авиации, для ведения активной обороны. Немецко-фашистские войска оказывали нашим наступающим соединениям упорное сопротивление, часто переходили в контратаки танковыми

группами в составе до 30 и более танков.

В то же время соединения 5-й гвардейской армии наступали в широкой полосе, достигающей 50 и более километров, к тому же не могли нанести достаточно эффективное огневое поражение противнику, ибо располагали только своими штатными силами и средствами. Да и в армии средств усилении было мало. Я, например, мог маневрировать только двумя армейскими противотанковыми полками, полком гвардейских минометов и приданной минометной бригадой, которая имела 0,5 боекомплекта. Особенно сказалось на темпах нашего наступления отсутствие в боевых порядках стрелковых дивизий танков непосредственной поддержки пехоты.

Считаю необходимым отметить также и вторую причину. Армия вводилась в бой, а мы слабо знали обстановку, которая была на этом участке крайне сложной и напряженной. Информация штаба армии о действиях противника и своих войск фронтовым командованием была нерегулярной. Это, по-видимому, объяснялось тем, что враг еще рвался вперед. Нельзя сказать, что мы не интересовались тем, что творится впереди. В поисках этой информации мне удалось 11 июля встретить заместителя командующего 6-й гвардейской армией генерала К. П. Трубникова. Его сведения в какой-то мере помогли уточнить детали предстоящих действий армии.

Помню, 16 июля к нам на КП прибыл представитель Ставки, заместитель Верховного Главнокомандующего Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Он поинтересовался, как был организован ввод армии для нанесения контрудара 12 июля. По этому вопросу он беседовал со мной, с командирами корпусов, командующим артиллерией армии генерал-майором Г. В. Полуэктовым. Оставшись со мной наедине, он выразил недовольство организацией ввода армии в бой и сделал мне строгое внушение за то, что полностью укомплектованная личным составом, хорошо подготовленная к выполнению боевых задач армия вводилась в сражение без усиления танками, достаточным количеством артиллерии и крайне слабо обеспеченной боеприпасами. В заключение Георгий Константинович сказал:

— Если по каким-либо причинам штаб фронта не сумел своевременно обеспечить армию всем необходимым, то вы должны были настойчиво просить об этом командующею фронтом или в крайнем случае обратиться в Ставку. За войска армии и выполнение ими поставленной задачи отвечают прежде всего командарм, командиры корпусов и дивизии.

Я всю войну помнил это указание Маршала Советского Союза

Г. К. Жукова и руководствовался им. Между прочим, обращаться в Ставку за какими-либо разъяснениями и помощью — такие мысли мне и в голову тогда не пришли.

Не могу не вспомнить еще об одном случае, который произошел в те дни. На должность заместителя командующего фронтом, по-видимому в порядке стажировки, С Дальнего Востока прибыл генерал армии И. Р. Апанасенко, с которым мы расстались в Средней Азии накануне войны. Он по-прежнему был полон энергии, стремился поскорее разобраться в обстановке, рвался на передовую. Встретив в один из напряженных дней Апанасенко, я вместе с ним поехал в один из корпусов, затем в соседнюю 1-ю танковую армию. Вернулись, наскоро перекусили и договорились, что немного отдохнем и поедем в армию к И. М. Чистякову. Всю предыдущую ночь я не спал: мы готовили контрудар по врагу. Поэтому после обеда прилег, наказав разбудить через пару часов. Апанасенко, не дождавшись меня, уехал в 6-ю гвардейскую армию. Проснувшись, я, не мешкая, поехал за ним и по дороге узнал, что Иосиф Родионович тяжело ранен. Оказывается, направляясь с командного пункта И. М. Чистякова к своей машине, он попал под бомбежку. 5 августа 1943 года герой гражданской войны, замечательный советский военачальник И. Р. Апанасенко скончался…

Но вернемся к событиям 23 июля, когда немецко-фашистским войскам, отошедшим на рубеж, с которого они начали операцию «Цитадель», удалось вновь закрепиться на нем. С выходом наших армий к этому рубежу закончился оборонительный этап Курской битвы. Была одержана крупная победа над врагом, гитлеровцы понесли невосполнимые потери. Планы фашистского командования на летнюю кампанию 1943 года были сорваны.

Теперь, чтобы противник не смог стабилизировать фронт, необходимо было без каких-либо длительных пауз переходить в контрнаступление на юго-западном направлении.

Однако, как вспоминал Г. К. Жуков, войска Воронежского и Степного фронтов «не могли сразу перейти в контрнаступление, хотя этого и требовал Верховный Главнокомандующий. Нужно было пополнить запасы горючего, боеприпасов и другие виды материально-техническою обеспечения, организовать взаимодействие всех родов войск, тщательную разведку, произвести некоторую перегруппировку войск, особенно артиллерии и танков. По самым жестким подсчетам, на все это необходимо было минимум восемь суток»[19].

В контрнаступлении под Белгородом Воронежский фронт наносил главный удар силами 5-й и 6-й гвардейских армий, 5-й гвардейской танковой и 1-й танковой армий в общем

направлении на Золочев и Валки. 25 июля нами была получена директива фронта о подготовке операции.

Прежде всего хочу отметить, что в предстоящей операции 5-й гвардейской армии предстояло впервые за ее боевую практику решить чрезвычайно важную задачу: осуществить прорыв хорошо подготовленной обороны противника и обеспечить в полосе армии во взаимодействии с соседями ввод в прорыв 1-й и 5-й гвардейских танковых армий с целью развития успеха ими в оперативной глубине и быстрейшего разгрома противостоящей группировки врага.

5-я гвардейская армия находилась на левом крыле оперативного построения Воронежского фронта. После решения основной задачи — прорыва обороны противника на участке Вознесенский, Журавлиный, уничтожения его противостоящих частей и обеспечения ввода в прорыв двух танковых армий — она должна была развить удар в общем направлении Золочев, Ольшаны, во взаимодействии с 6-й гвардейской и 53-й армиями и действующими впереди 1-й и 5-й танковыми армиями уничтожить белгородскую группировку противника и к исходу седьмого дня операции выйти на рубеж Богодухов, Ольшаны, Дергачи.[20]

Справа от нас 6-я гвардейская армия наносила удар в юго-западном направлении на Богодухов, Мерефа; слева — 53-я армия Степного фронта наступала в общем направлении на Репное, что западнее Белгорода.

Мое решение на предстоящую операцию коротко заключалось в следующем: сосредоточив на узком участке Драгунское, Березов пять дивизий, усиленных всеми приданными танками и артиллерией, мощным ударом в направлении Зеленая Дубрава, Орловка прорвать оборону противника на всю глубину и выйти на рубеж Пушкарное, Раково. В дальнейшем, развивая наступление на Орловку, а частью сил вдоль южного берега реки Ворскла на Томаровку и на восток на Стелецкое (южн.), расширить прорыв, уничтожить занимающие оборону перед фронтом армии войска противника и обеспечить ввод в прорыв танковых армий.

С вводом в прорыв танковых армий планировалось развить удар в общем направлении на Орловку и к исходу второго дня операции овладеть рубежом Борисовка, Бессоновка.

Общая глубина операции составляла 85–90 км, продолжительность — 7–8 суток, среднесуточный темп продвижения предусматривался 15–20 км. Ширина полосы наступления — 16 км.

К началу операции армия была значительно усилена — артиллерийской дивизией прорыва, дивизией реактивных

минометов, зенитной артиллерийской дивизией, истребительной противотанковой артиллерийской бригадой, двумя пушечными и пятью истребительно-противотанковыми артиллерийскими полками, четырьмя полками реактивных минометов, минометным полком, одной танковой бригадой, двумя танковыми и тремя самоходно-артиллерийскими полками.

Немалый интерес, на мой взгляд, представляет подготовка операции. Если говорить о характерных чертах работы командования и штаба армии, то прежде всего нужно отметить, что нам удалось в относительно короткий срок, всего за шесть дней (с 25 июля по 1 августа), полностью провести все подготовительные мероприятия. Сделано это было благодаря дружной работе всего коллектива штаба и управлений армии.

Исходя из принятого решения на операцию, в течение двух дней были разработаны все необходимые планирующие и боевые документы: план операции на карте с необходимыми пояснениями, боевой приказ, плановая таблица взаимодействия, планы разведки и вывода войск в исходные районы для наступления, планы боевого применения родов войск и служб, план партийно-политической работы; отданы соответствующие боевые распоряжения соединениям и частям. На основе этих планов и поставленных задач в течение последующих четырех дней, главным образом на местности, осуществлялась подготовка к наступлению корпусов, дивизий, соединений и частей других родов войск при непосредственном участии офицеров штаба и управлений армии.

При организации прорыва главное внимание мы обратили на изучение построения обороны противника, системы ее огня, расположения артиллерии и резервов. Для сбора информации о противнике развернули широкую сеть круглосуточных общевойсковых и артиллерийских офицерских постов наблюдения. Активно велись поиски и боевая разведка переднего края вражеской обороны. Все это позволило нам составить довольно ясное представление о ее слабых и сильных сторонах. Хорошая организация всех перечисленных выше мероприятий прежде всего заслуга офицеров Б. Т. Иванова, В. П. Черепанова, П. С. Василенко, С. Е. Кузьмина.

В ходе ночных поисков разведывательных подразделений и разведки боем, проведенных на многих участках, были захвачены командные высоты, балки, перелески, весьма удачные для сосредоточения и развертывания войск.

С большим знанием дела командующим и штабом артиллерии армии спланировано артиллерийское наступление. Непосредственную помощь в этом нашим артиллеристам оказал

заместитель командующего артиллерией Красной Армии генерал-полковник артиллерии М. П. Чистяков. Артиллерийская подготовка атаки, продолжительностью почти 3 часа (170 минут), планировалась на глубину главной полосы обороны противника (6–8 км). К ней привлекались кроме штатной и приданной армии артиллерии артиллерия и минометы 1-й и 5-й гвардейской танковых армий, что дало возможность создать очень высокую плотность огневых средств — до 230 орудий и минометов на километр фронта.

С целью обеспечения централизации управления огнем и перехода к децентрализации и поддержке массированным огнем частей и соединений в стрелковых полках первого эшелона создавались артиллерийские группы прямой наводки по 15–20 орудий различных калибров и полковые артиллерийские группы в составе 2–4 дивизионов. Дивизионные артиллерийские группы имели по 3–4 дивизиона. Артиллерийская дивизия прорыва составляла армейскую артиллерийскую группу.

Исключительно интересным и поучительным был график артиллерийской подготовки, который включал мощные огневые налеты продолжительностью от 5 до 15 минут, период полного молчания, период методического подавления целей в сочетании с залпами реактивных минометов и ударами штурмовой авиации по опорным пунктам, огневым позициям и резервам противника. Последний огневой налет должен был вестись с нарастающим темпом огня (до технически возможных пределов) и закапчиваться залпом реактивных минометов с последующим переходом артиллерии к постановке огневого вала.

Такое построение артподготовки не позволяло противнику правильно определить момент начала атаки нашей пехоты и танков. Поддержка атаки пехоты и танков предусматривалась огневым валом по траншеям первой позиции, а сопровождение боя в глубине последовательным сосредоточением огня по очагам сопротивления противника и его контратакующим резервам. Я лично да и другие общевойсковые командиры в ходе этой работы узнали много нового в искусстве планирования артиллерийского наступления.

Непосредственная авиационная подготовка и поддержка атаки возлагались на штурмовую и бомбардировочную авиацию 2-й воздушной армии генерал-лейтенанта авиации С. А. Красовского. Штурмовые и бомбардировочные соединения должны были эшелонированными и сосредоточенными ударами громить войска, артиллерию, штабы и резервы противника в пределах главной и второй полос вражеской обороны.

Дивизии получили для прорыва полосы до 3 км. Для того

чтобы атака переднего края обороны и прорыв первой позиции прошли успешно, танки непосредственной поддержки пехоты были приданы стрелковым полкам первого эшелона, а не дивизиям, как это было раньте. Кроме того, как я уже отмечал, в этих полках создавались артиллерийские группы по 15–20 орудий для ведения огня прямой наводкой.

Совершенно новым делом была для нас организация обеспечения ввода в прорыв танковых армий. Эту проблему мы решали совместно с командующими танковыми армиями — генерал-лейтенантами танковых войск М. Е. Катуковым и П. А. Ротмистровым — и с их штабами. Обоих танковых командармов особенно волновали два вопроса: выделение абсолютно свободных от каких бы то ни было войск маршрутов движения для танковых корпусов к рубежу ввода в прорыв, а также надежное огневое обеспечение танкистов во время развертывания на этом рубеже.

Действительно, вопрос с маршрутами был очень сложный. На относительно узком участке — шириной до 10 км — должны были двигаться одновременно четыре танковых корпуса (первые эшелоны танковых армий), которым требовалось минимум четыре, а нормально — восемь маршрутов. Когда войска общевойсковой армии находятся в исходном положении, то на всех дорогах и маршрутах действует строжайший режим регулирования движения. Но мы знали, что, как только начнется атака, все устремятся вперед и очень трудно будет уследить за тем, чтобы маршруты, выделенные для танкистов, не были бы кем-то заняты. Тогда было принято решение колонны бригад первых эшелонов танковых корпусов заранее подтянуть ближе к атакующей пехоте и танкам, на удаление 2–3 км от них. В этом случае маршруты танкистов уже никто не мог бы занять.

Огневое обеспечение танковых корпусов во время их развертывания на рубеже ввода в прорыв возлагалось на армейскую артиллерийскую группу (13-ю артиллерийскую дивизию прорыва генерала Д.М. Краснокутского) и четыре полка гвардейских минометов. Они должны своим огнем подавлять вражескую артиллерию, особенно противотанковую, во время обгона пехоты танковыми бригадами.

Большая, кропотливая работа по обеспечению прорыва была проделана начальниками инженерных войск, войск связи, начальником тыла и офицерами их штабов. Инженерные войска оборудовали значительное количество дорог и колонных путей, в том числе для танкистов, проделали проходы в минных полях. Связисты организовали надежную проводную и радиосвязь между всеми элементами оперативного построения армии и с соседями.

Служба тыла обеспечила войска боеприпасами, горючим и продовольствием. К началу операции в соединениях и частях имелось 1,5–2,5 боекомплекта боеприпасов всех видов и 2–2,5 заправки горючего.

Под руководством Военного совета и политотдела армии политотделы корпусов и дивизий, партийные и комсомольские организации частей и подразделений провели исключительно целеустремленную работу по разъяснению личному составу важности поставленных задач и созданию у воинов высокого наступательного порыва. Основное внимание уделялось пропаганде успехов Красной Армии в июльских боях, в которых принимали активное участие соединения 5-й гвардейской армии.

С большим подъемом был встречен в армии приказ Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина от 24 июля 1943 года об окончательной ликвидации летнего немецкого наступления, в котором в числе отличившихся в боях отмечалась и 5-я гвардейская армия. Вечером 24 июля, как только приказ был передан но радио, политотдел армии организовал через политотделы соединений немедленное доведение этого важного военно-политического документа до всего личного состава. Работники политотделов соединений, политический аппарат частей отправились на передний край, знакомя гвардейцев с вдохновляющими строками этого приказа. К утру 25 июля 1943 года приказ в подразделения поступил уже в виде отдельной листовки. Агитаторы провели групповые читки, беседы. Во вторых эшелонах и тыловых частях прошли митинги.

Надо отметить, что в ходе июльских боев партийные организации армии потеряли около 40 % своего состава. Такие же потери понесли и комсомольские организации. Выбыло из строя много парторгов, комсоргов, агитаторов взводов и значительное число партийных и политических работников частей. Путем правильной расстановки партийно-комсомольских сил, приема в партию и комсомол новых членов были восстановлены партийные и комсомольские организации, назначены взамен выбывших из строя сотни парторгов и комсоргов рот и батарей, десятки парторгов и комсоргов батальонов и дивизионов. С ними были проведены семинары и совещания по практическим вопросам партийной и комсомольской работы. Накал партийно-политической работы в войсках армии был весьма высок, и ее результаты сказывались на каждом шагу. Гвардейцы пополняли ряды партии и комсомола. Только, например, в 32-м гвардейском стрелковом корпусе накануне наступления — 2 августа — было подано около 400 заявлений с просьбой принять в ряды Коммунистической партии и ленинского комсомола.

Особое внимание при подготовке предстоящей операции политорганы армии уделяли работе в партийных и комсомольских организациях тыловых частей и подразделений. Проверялась их готовность своевременно и бесперебойно обеспечивать питание личного состава, доставку боеприпасов, готовность санитарных подразделений и частей к своевременной эвакуации раненых с поля боя, их приему и обработке.

Политотдел армии придавал большое значение координации партийно-политической работы с взаимодействующими объединениями, соединениями и частями, особенно с 5-й гвардейской и 1-й танковыми армиями. Был проведен ряд совместных совещаний различных звеньев политработников взаимодействующих армий по обмену опытом организации и ведения политработы в ходе боевых действий…

…1 августа на командный пункт 5-й гвардейской армии приехали командующий Воронежским фронтом генерал армии Н. Ф. Ватутин и член Военного совета генерал-лейтенант Н. С. Хрущев. К этому времени здесь уже находились командармы: 6-й гвардейской — генерал И. М. Чистяков, 5-й гвардейской танковой — генерал П. А. Ротмистров, 1-й гвардейской танковой — генерал М. Е. Катуков и 2-й воздушной — генерал С. А. Красовский. Заслушав наши решения и доклады о готовности войск к наступлению, командующий фронтом особенно тщательно рассмотрел с нами вопросы артиллерийского и авиационного наступления, организации атаки переднего края и прорыва вражеской обороны, наступления танков с пехотой за огневым валом в высоких темпах. Большое внимание было уделено организации ввода в сражение танковых армий.

Заканчивая работу по организации наступательной операции, генерал армии Н. Ф. Ватутин сказал:

— Военный совет фронта возлагает большие надежды на все армии, и особенно на 5-ю гвардейскую. Она действует на направлении главного удара фронта, имеет наибольшее количество средств усиления, опытный личный состав и богатые боевые традиции. Кроме того, после прорыва обороны противника на участке в шесть километров армия обеспечивает ввод в сражение подвижной группы фронта в составе двух танковых армий для развития наступления в общем направлении на Богодухов, Валки, в обход Харькова с запада. На вашей армии, товарищ Жадов, лежит особая ответственность.

На этом подготовка к операции была закончена.

В ночь на 3 августа войска армии заняли исходное положение для наступления. В это же время к нам на НП прибыл Маршал Советского Союза Г. К. Жуков и оставался здесь до утра 4 августа.

Георгий Константинович оказал нам большую помощь в самый ответственный первый день наступления.

В 5 часов утра 3 августа мощным залпом гвардейских минометов началась артиллерийская и авиационная подготовка. Вражеский передний край заволокло дымом и пылью от разрывов снарядов, мин и бомб. В течение трех часов оборона противника была парализована, его ответный огонь был очень слаб.

В 8 часов в сопровождении огневого вала начали атаку переднего края обороны противника танки непосредственной поддержки пехоты и стрелковые части. Смело и стремительно пошли в атаку соединения 32-го гвардейского стрелкового корпуса под командованием Героя Советского Союза генерала А. И. Родимцева: 66-я гвардейская дивизия генерал-майора А. В. Якшина, 97-я гвардейская полковника И. И.Анциферова, 13-я гвардейская дивизия генерал-майора Г. В. Бакланова — и 33-го гвардейского стрелкового корпуса под командованием генерала М. И.Козлова: 95-я гвардейская дивизия генерал-майора Н. С. Никитченко, 6-я гвардейская воздушно-десантная дивизия генерал-майора м. И. Смирнова, 9-я гвардейская воздушно-десантная дивизия полковника А.М.Сазонова. В армейском резерве находилась 42-я гвардейская дивизия генерал-майора Ф. А. Боброва. Справа от нас начали атаку соединения 23-го стрелкового корпуса 6-й гвардейской армии, а слева — 53-й армии генерала И. М. Манагарова и 69-й армии генерала В. Д. Крученкина Степного фронта.

Стремительная атака наших войск при поддержке мощного огневого вала, сопровождаемая непрерывными бомбовыми ударами летчиков 2-й воздушной армии, застала вражеских солдат в укрытиях. Не зная, что атака началась, они ожидали конца артиллерийской подготовки. Перенос огня в глубину обороны не был замечен противником. Поэтому появление наших танков и пехоты на переднем крае застало гитлеровцев врасплох. Сопротивление было немыслимо. Фашисты начали сдаваться в плен.

Один из унтер-офицеров 6-й роты 394-го моторизованного гренадерского полка на допросе показал: «За четыре года службы в армии я никогда не переживал такого ужаса, какой пережил за одно утро 3 августа. Это утро убедило многих немецких солдат и офицеров в количественном и качественном превосходстве русского оружия и боевой техники над германским оружием и техникой. Это относится в первую очередь к артиллерии, а также к авиации, минометам, некоторым видам автоматического стрелкового оружия. Во всех последних боях преимущество русской артиллерии было очевидным. Особенно страшны русские

минометы, от которых буквально нет спасения. В этом мы не раз убеждались и раньше, а особенно теперь»[21]

Можно понять самочувствие вражеских солдат и офицеров. Ведь в полосе наступления 5-й гвардейской армии (16 км) была создана такая высокая плотность артиллерии и минометов, что появилась возможность иметь на каждые 15–18 квадратных метров площади вражеской обороны один разрыв снаряда калибра 76 мм и выше. Это буквально парализовало сопротивление противника на главной полосе обороны. Вражеские батареи, пытавшиеся вести огонь, тут же подавлялись нашей артиллерией и авиацией. Первые три траншеи гитлеровцев были заняты нашими войсками почти без единого выстрела. И только потом, когда шок от огня нашей артиллерии и ударов авиации стал проходить, сопротивление противника начало возрастать. Однако стрелковые подразделения и танки непосредственной поддержки пехоты не снизили темпа наступления и к 13 часам вклинились в оборону противника на глубину 4–5 км. Это дало возможность следовавшим за нашей пехотой бригадам первых эшелонов танковых корпусов 1-й и 5-й гвардейских танковых армий в середине дня обогнать боевые порядки стрелковых частей, развернуться, завершить прорыв всей тактической зоны обороны и, развивая успех в оперативной глубине, передовыми соединениями продвинуться до 30 км.

Таким образом, прорыв вражеской обороны был осуществлен быстро и без существенных потерь с нашей стороны. К исходу первого дня операции войска 5-й гвардейской армии вслед за танковыми армиями продвинулись на глубину до 20 км.

Утром 4 августа наступление началось мощным огневым налетом артиллерии и массированным ударом авиации по переднему краю и тылам противника. Танки и пехота, прижимаясь к разрывам своих бомб и снарядов, пошли в атаку. По всему фронту завязались ожесточенные бои.

Противнику в этот день удалось задержать продвижение соседнего 23-го стрелкового корпуса 6-й гвардейской армии севернее Томаровки. Задержано было и продвижение 66-й и 97-й гвардейских стрелковых дивизий нашей армии, наступавших восточное Томаровки. Лишь 13-я дивизия 32-го гвардейского стрелкового корпуса и 33-й гвардейский стрелковый корпус совместно с танковыми корпусами 1-й и 5-й гвардейской танковых армий продолжали развивать наступление, углубляясь на юго-запад и юг. К исходу дня 5 августа этой группировке удалось выйти в район Кулешовка, Цыганки, Орловка, Алмазово, в то время как правофланговые соединения 32-го гвардейского стрелкового корпуса и 23-го гвардейского стрелкового корпуса 6-

й гвардейской армии еще дрались за Томаровку, Стригуны, Борисовку. Такое медленное продвижение на этом направлении объяснялось тем, что здесь оборонялась довольно крупная группировка противника, состоящая из одной танковой и нескольких пехотных дивизий. Враг рассчитывал этими силами удержать томаровско-борисовский узел, чтобы использовать его для нанесения контрудара по основанию образовавшейся горловины прорыва.

Уничтожение томаровско-борисовской группировки врага было возложено на 32-й гвардейский стрелковый корпус. Чтобы замкнуть окончательно кольцо окружения, я приказал Родимцеву повернуть 13-ю гвардейскую стрелковую дивизию генерала Г. В. Бакланова в район Головчино. С картой-приказом в дивизию был послан начальник штаба корпуса полковник И. А. Самчук.

Задача дивизии была непростая. Надо было остановить полки и осуществить сложный маневр ими вдоль шоссе и железной дороги Борисовка — Грайворон. Под руками у Глеба Владимировича оказался 3-й батальон 39-го гвардейского стрелкового полка, которым командовал гвардии капитан П. Г. Мищенко. Не раздумывая долго, командир дивизии поставил батальону задачу: захватить с ходу станцию Хотмыжск, выйти к Головчино, отрезать пути отхода врага со стороны Борисовки и продержаться там до подхода главных сил дивизии. Батальон был усилен одиннадцатью танками. Далее Бакланов решил лично догнать 39-й полк, который ушел вперед километров на двенадцать, и повернуть его в указанный район. Надо было спешить, так как день 5 августа был, по существу, на исходе — надвигалась украинская ночь с ее кромешной темнотой. Штаб дивизии во главе с полковником Т. В. Бельским получил приказ переместиться в совхоз «Березовский».

Благодаря четкой организации управления, к середине ночи все части дивизии закончили обходный маневр и вышли на рубеж Березовка, южная окраина Головчино. Как выяснилось впоследствии, дивизия оказалась на острие удара отступающих частей противника.

Перевалило за полночь, когда до меня и Родимцева докатился гул канонады с направления, куда вышла дивизия Бакланова.

— Александр Ильич, свяжитесь с Баклановым или Бельским и узнайте, что у них там творится, — обратился я к командиру корпуса. Откровенно говоря, у меня нет-нет да и закрадывались опасения за исход этого ночного боя, так как знал, что в кольце окружения находится 19-я танковая дивизия генерал-лейтенанта Шмидта. Его «тигры» представляли серьезную опасность для

нашей поспешно занятой обороны.

— Бельский доложил, что части дивизии атакованы по всему фронту. В районе расположения командного пункта дивизии также разгорелся ожесточенный бой. Обстановка пока остается неясной и даже противоречивой, — вот все, что мог доложить мне Родимцев после своего разговора с начальником штаба дивизии.

И действительно, плотная ночная темнота не позволяла разобраться в истинном положении вещей. Правда, в таких условиях и противнику было нелегко: он натыкался везде на наши части, метался в поисках возможных брешей в обороне и неизбежно втягивался в бой.

Гвардейцы дрались мужественно и с большим мастерством. Бакланов на одном участке, а Бельский на другом уверенно руководили действиями частей дивизии.

В течение 6 и 7 августа 13-я и 97-я гвардейские стрелковые дивизии 32-го гвардейского стрелкового корпуса во взаимодействии с 23-м корпусом 6-й гвардейской армии и танкистами генерала М. Е. Катукова завершили разгром томаровско-борисовской группировки противника, в составе которой были 19-я танковая, 57, 255 и 322-я пехотные дивизии. Враг потерял свыше 5 тысяч убитыми, около 2 тысяч солдат и офицеров было взято в плен. Захвачено 40 исправных танков, свыше 500 машин и другой боевой техники.

Победа над врагом была одержана большая, но она досталась нам дорогой ценой. Мы недосчитались в своих рядах многих замечательных гвардейцев, отдавших свою жизнь за свободу родной советской земли.

…Развивая дальнейшее наступление на Золочев, Валки вслед за частями танковых армий, войска 5-й гвардейской армии продвинулись до 110 км и к исходу 11 августа вышли на рубеж Крысино, Б. Рогозянка. Была перерезана шоссейная дорога Харьков — Сумы и тем самым создана угроза тыловым коммуникациям харьковской группировки противника с запада. Чтобы не допустить дальнейшего глубокого охвата немецких войск в районе Харькова Воронежским фронтом, гитлеровское командование предприняло контрудар по 1-й танковой армии и левому флангу 5-й гвардейской армии. Контрудар наносился силами трех танковых дивизий противника: «Великая Германия», «Мертвая голова», «Рейх», пытавшихся прорваться к Богодухову.

Здесь мне хотелось бы остановиться на двух важных событиях, которые были весьма характерными в ходе развития операции и оказали большое влияние на методы работы командования и штаба 5-й гвардейской армии. Я имею в виду разгром упомянутой выше вражеской группировки в районе

Борисовка, Головчино 6–7 августа и отражение контрудара танковых дивизий противника юго-восточнее Богодухова на завершающем этапе операции.

События, связанные с разгромом борисовской группировки противника, нашли отражение в военных мемуарах генерала армии С. М. Штеменко «Генеральный штаб в годы войны», где говорится: «На четвертый день наступления (т. е. 6 августа. — А. Ж.) выявилось, что 5-я гвардейская армия А. С. Жадова и 1-я танковая армия М. Е. Катукова были вынуждены часть сил ударной группировки временно нацелить на ликвидацию противника, угрожающего флангу из района Томаровка и Борисовка. При докладе обстановки Верховному Главнокомандующему в ночь на 7 августа, — пишет далее С. М. Штеменко, — тот обратил на это внимание и усмотрел тенденцию к нарушению принципа массирования войск. В результате командующему Воронежским фронтом пошло следующее указание:

«Из положения войск 5-й гв. армии Жадова видно, что ударная группировка армии распылилась и дивизии армии действуют в расходящихся направлениях. Товарищ Иванов[22] приказал вести ударную группировку армии Жадова компактно, не распыляя ее усилий в нескольких направлениях. В равной степени это относится и к 1-й танковой армии Катукова»[23].

Хотя это требование и адресовалось командующему фронтом, однако смысл его явно указывал на якобы неправильные действия командования 5-й гвардейской и 1-й танковой армий, нарушающих принцип массирования сил.

Что же в действительности произошло? Утром 5 августа дивизии, наступавшие на смежных флангах 6-й и 5-й гвардейских армий, выбили противника из опорных пунктов Томаровка и Зыбино. Южнее их находились населенные пункты Борисовка, Головчино, Хотмыжск, хорошо подготовленные к обороне. Сюда отошли боевые группы четырех дивизий противника — двух пехотных (332-й, 255-й), двух танковых(11-й, 19-й), — имевших в общей сложности около 20 тысяч солдат и офицеров и более 100 танков[24].

Я посоветовался с командующим 6-й гвардейской армией генералом И. М. Чистяковым. Прикинули разные варианты действий. Если вытеснить эту группировку, то она отойдет на тылы 1-й танковой армии, далеко ушедшей вперед. Ее можно было обойти, оставив прикрытие, скажем, по одной дивизии. Правда, в этом случае противник может смять их и наделать бед у нас в тылу. Мы пришли к выводу силами смежных корпусов обеих армий окружить и быстро уничтожить вражескую группировку, на

что было получено разрешение командующего фронтом.

К исходу 6 августа правофланговые 66-я и 97-я гвардейские стрелковые дивизии 32-го гвардейского стрелкового корпуса вели бой на восточной и юго-восточной окраинах Борисовки, 13-я гвардейская стрелковая дивизия — на южной и восточной окраинах Головчино, отрезав пути отхода противнику на юг. С запада вражескую группировку охватили соединения 6-й гвардейской армии и дивизии 23-го стрелкового корпуса 27-й армии.

Если изобразить положение войск 5-й гвардейской армии на карте к исходу дня, то получится следующая картина. Левофланговый 33-й гвардейский стрелковый корпус армии и 42-я гвардейская стрелковая дивизия, наступая вслед за 5-й гвардейской танковой армией, продвигались вперед, обращенные фронтом почти на юг. Правофланговый 32-й гвардейский стрелковый корпус, несколько отстав от 33-го, вел бои на рубеже Борисовка, Головчино, развернувшись фронтом на запад и северо-запад. Корпуса 1-й танковой армии, оторвавшись от стрелковых войск на 20–30 км, вели бои на подступах к Богодухову.

Такое положение корпусов 5-й гвардейской армии и было зафиксировано офицерами Генерального штаба, но, видимо, без должного анализа причин их действий в расходящихся направлениях. Ведь поворот 32-го гвардейского корпуса фронтом на запад был продиктован необходимостью быстрейшей ликвидации крупных сил противника на фланге ударной группировки фронта в условиях назревавшего контрудара противника с юга. Если бы этому факту было придано надлежащее значение, то, очевидно, не было бы никаких оснований квалифицировать действия командования армии как нарушение принципа массирования сил и указания командующему фронтом носили бы иной характер.

В результате выполнения этого решения в течение 7 августа борисовская группировка противника была разгромлена. Враг потерял только убитыми несколько тысяч солдат и офицеров, оставил на поле боя 40 танков и много другой техники. Остатки его дивизий в беспорядке бежали на Грайворон и Ахтырку. Фланг и тыл ударной группировки фронта были теперь в безопасности. После выполнения задачи в районе Борисовка, Головчино дивизии 32-го гвардейского стрелкового корпуса были повернуты на юг и к 10 августа вышли в район южнее Золочева, опередив соединения 33-го гвардейского стрелкового корпуса, как раз накануне контрудара противника в районе Богодухова.

Мы остановились на этом событии несколько подробнее лишь для того, чтобы у читателей сложилось правильное и ясное

представление о действиях командования и войск 5-й гвардейской и 1-й танковой армий 6–7 августа.

Как я уже говорил, на завершающем этапе операции войскам 5-й и 6-й гвардейских армий совместно с соединениями 1-й и 5-й гвардейской танковых армий пришлось отражать контрудар трех танковых дивизий СС противника — «Рейх», «Викинг» и «Мертвая голова», имевших более 500 танков юго-восточнее Богодухова.

Как развивались события, предшествовавшие контрудару противника?

К исходу 11 августа оперативное построение армии оказалось не совсем выгодным. Правофланговые части 32-го гвардейского стрелкового корпуса, наступавшие совместно с 5-й гвардейской танковой армией, вышли в район Богодухов, Крысино, Рогозянка, в то время когда левый фланг армии — 33-й гвардейский стрелковый корпус — значительно отстал. По существу, войска армии были развернуты фронтом на юг.

Оцепив обстановку, командование фронта приняло решение из района Богодухова нанести удар во фланг и тыл противнику и тем самым помочь войскам 53-й армии генерала Манагарова овладеть Харьковом. Рано утром 12 августа мы с П. А. Ротмистровым, командующими артиллерией и командирами корпусов провели рекогносцировку, организовали взаимодействие и договорились но всем конкретным вопросам предстоящего наступления. Когда мы возвращались на наблюдательный пункт, в воздухе появилась авиация противника, которая группами по 20–50 самолетов нанесла бомбовые удары по району Богодухов, Крысино, а спустя почти два часа перед фронтом армий развернулась огромная лавина гитлеровских танков. Немецко-фашистское командование нацелило этот контрудар в стык 1-й танковой и 5-й гвардейской армий с тем, чтобы рассечь ударную группировку Воронежского фронта на части, остановить ее наступление и этим самым облегчить положение своих войск, удерживающих Харьков.

Бои с вражеской группировкой носили чрезвычайно упорный и ожесточенный характер. Враг, не считаясь с потерями, любой ценой стремился прорваться к Богодухову. Но многочисленные попытки его мотопехоты и танков прорваться в этот район были успешно отражены. Важную роль здесь, как я считаю, сыграло хорошо налаженное взаимодействие между командованием и штабами 5-й гвардейской, 1-й и 5-й гвардейской танковых армий, которое позволило быстро осуществить маневр силами и средствами на угрожаемые направления. Большое значение также имело максимальное использование всей мощи огня танков, пушечной, гаубичной и противотанковой артиллерии, залпов

гвардейских минометов по атакующей вражеской мотопехоте и танкам. Исчерпав все свои наступательные возможности, противник 17 августа юго-восточнее и южнее Богодухова перешел к обороне.

Вскоре ударная группировка Воронежского фронта, в составе которой продолжала действовать 5-я гвардейская армия, возобновив наступление, при поддержке 2-й воздушной армии отбросила врага на юго-запад, оказав тем самым содействие войскам Степного фронта, штурмующим Харьков.

Успешное контрнаступление Красной Армии на белгородско-харьковском направлении завершило Курскую битву.

Курская битва, как известно, положила начало стратегическому наступлению Красной Армии летом и осенью 1943 года. По своим масштабам и военно-политическим результатам она была одной из величайших битв второй мировой войны, во многом определившей ее дальнейший ход и исход. После Курской битвы фашистская Германия оказалась на краю катастрофы.

В этой связи мне хотелось бы кратко сказать о том, как реакционные буржуазные военные историки, мемуаристы и военные обозреватели в своих книгах и статьях пытаются замолчать величие нашей победы в битве под Курском или писать об этой битве как о малозначащем эпизоде войны, прибегая к различным фальсификаторским измышлениям.

Вот перед нами лежит книга видного военного обозревателя газеты «Нью-Йорк таймс» Х. Болдуина «Проигранные и выигранные битвы». В ней утверждается, что одиннадцать крупнейших сражений определили лицо второй мировой войны, и ни одной строчки нет о Курской битве, как, впрочем, и о битве под Москвой, а также о других грандиозных сражениях, происходивших на советско-германском фронте. Исключение делается лишь для одной Сталинградской битвы. Вместе с тем автор с серьезным видом пытается убедить читателя в огромном значении происходившего в 1943 году боя на атолле Тараза в Тихом океане, в котором со стороны американцев участвовал 15-тысячный отряд, а со стороны японцев — всего 3,5 тысячи солдат.

Болдуин не одинок. Стремление замолчать героическую борьбу советского народа и непомерно преувеличить роль вооруженных сил США и Англии в разгроме фашистской Германии является господствующей тенденцией в буржуазной историографии. В изданном видными американскими историками сборнике статей «Важнейшие решения», посвященном проблемам выработки в ходе прошлой войны ответственных стратегических решений, битва под Курском также обходится

полным молчанием. В работе английского военного теоретика Фуллера «Вторая мировая война» событиям под Курском посвящен лишь один абзац, а в книге другого английского историка — Лиддел Гарта «Стратегия непрямых действий» о них говорится в нескольких строках.

Битые гитлеровские вояки, пытающиеся снять с себя ответственность за поражение в битве под Курском, приложили немало усилий к тому, чтобы в своих трудах и статьях писать о ней как можно меньше. Так, например, в обширном исследовании, написанном группой бывших генералов и офицеров вермахта, «Мировая война 1939–1945 гг.», в книге К. Типпельскирха «История второй мировой войны» и многих других работах наступлению немецких войск под Курском посвящены лишь один-два абзаца. А в ряде трудов западногерманских авторов, претендующих на освещение наиболее важных событий второй мировой войны, об этом сражении вообще нет никакого упоминания.

Буржуазные, особенно западногерманские, историки стараются всячески исказить смысл и значение нашей победы в Курской битве. Они упорно повторяют версию о том, что немецкое наступление под Курском (операция «Цитадель») не занимало большого места в планах гитлеровского командования.

Так, например, в обширном военно-историческом исследовании Э. Клинка «Закон действия. Операция «Цитадель», 1943 год» утверждается, что наступление на Курск преследовало ограниченные цели: сокращение линии фронта, высвобождение части сил, ослабление противника, приобретение русской рабочей силы для военной экономики Германии. В то же время в труде всячески преувеличивается значение боевых действий англоамериканских войск в бассейне Средиземного моря. Автор пытается представить эти действия как «решающий фактор» стратегии и политики того времени. Другой западногерманский историк — М. Домарус также утверждает, что операция «Цитадель» имела целью лишь «захватить Курск».

Имелись ли основания для подобных утверждений у этих авторов и сторонников их точки зрения? Нет. Наоборот, немецкие документы того времени свидетельствуют о том, что гитлеровское командование требовало использовать в операции «Цитадель» лучшие соединения, лучшее оружие, лучших командиров и большое количество боеприпасов.

И действительно, фашистская Германия для проведения этой операции мобилизовала всю мощь своей военной машины: наиболее боеспособные танковые, моторизованные, пехотные дивизии и соединения воздушного флота, новейшую боевую

технику. Гитлер в оперативном приказе № 6 на проведение операции «Цитадель» указывал: «Этому наступлению придается решающее значение. Оно должно завершиться быстрым и решающим успехом… дать в наши руки инициативу на весну и лето текущего года». Таковы исторические факты. Они начисто опровергают измышления фальсификаторов истории.

Широкое распространение в буржуазной историографии получила версия о непричастности генералов фашистской Германии к сокрушительному поражению, которое понес вермахт в битве под Курском. Эта ложь тоже с дальним прицелом. В ней явно отразился курс на реабилитацию генералитета и армии фашистского государства, на прославление военного искусства вермахта, на умаление роли Советского Союза, его Вооруженных Сил, нашего военного искусства. С этой целью издается громадное количество книг, статей, в которых «доказывается», что в поражении вермахта виноват только один Гитлер.

Однако факты показывают, что операцию «Цитадель» планировал не только гитлеровский генеральный штаб сухопутных войск. Самое непосредственное и активное участие в этом принимали командующие и штабы групп армий «Юг» и «Центр». Главными исполнителями этой операции являлись генерал-фельдмаршалы Манштейн и Клюге. Но благодаря умелым действиям советского Верховного Главнокомандования, командования фронтов и армий, героическим усилиям наших славных воинов широко разрекламированное ведомством Геббельса немецкое наступление через восемь дней полностью провалилось.

В буржуазной военной историографии иногда даются и объективные оценки важнейших битв Великой Отечественной войны. Так, например, известный французский историк А. Константини рассматривает Курскую битву как одну из крупнейших операций второй мировой войны, закончившуюся беспрецедентным разгромом вермахта. Английский историк Дж. Джукс в своей книге «Битва. Битва танков», изданной в 1969 году, считает, что провал немецкого наступления под Курском предопределил исход второй мировой войны. Небезынтересно признание западногерманского историка П. Карелла, который в своей книге «Сожженная Земля», вышедшей в 1970 году, пишет: «Подобно тому, как битва при Ватерлоо в 1815 году решила судьбу Наполеона, покончив с его господством и изменив лицо Европы, победа под Курском ознаменовала поворотный пункт в войне и два года спустя непосредственно привела к падению Гитлера и поражению Германии, тем самым изменив облик всего мира». Подобные признания, конечно, важны, хотя и не полны.

В гигантской по своему размаху и ожесточенности сражений Курской битве был окончательно сломан хребет немецко-фашистской армии. Эта битва была одним из важнейших рубежей на трудном, героическом пути советского народа к полной победе над гитлеровской Германией.

Глава четвертая. Полки идут к Днепру

Вновь в составе Степного фронта. Действия передовых отрядов. Форсирование Ворсклы. Штурм Полтавы. На плечах отступающих гитлеровцев к Днепру. Освобождение Кременчуга. Плацдармы захватить не удалось.

В первой половине сентября 1943 года 5-я гвардейская армия, вновь переданная в состав Степного фронта, вступила на территорию Полтавщины. Противник оказывал упорное сопротивление на выгодных для обороны рубежах, его артиллерия и авиация наносили по нашим наступающим войскам мощные огневые удары, приходилось отбивать сильные контратаки переброшенных из резерва свежих частей 106-й пехотной дивизии и танковой дивизии СС «Рейх». Гитлеровцы стремились выиграть время и как можно больше вывезти из Левобережной Украины хлеба, скота, угля, оборудования заводов и фабрик, других материальных ценностей и обеспечить организованный отход своих войск за Днепр.

Нам было нелегко. Чувствовалась усталость личного состава от непрерывных боев и маршей, ощущались перебои в материальном обеспечении. Но гвардейцы понимали, что пока нельзя рассчитывать на передышку. Не давать ни минуты покоя врагу — таков был девиз гвардейцев. Несмотря на все трудности, соединения и части действовали смело и дерзко. Подвижные отряды выходи ли на фланги гитлеровцев, просачивались в тылы, создавали панику и захватывали опорные пункты врага.

К 20 сентября соединения армии вышли на ближние подступы к Полтаве. До Днепра оставалось 70–120 км.

Командующий фронтом генерал армии И. С. Конев, стремясь быстрее разгромить отходящие на Кременчуг и Днепродзержинск войска неприятеля, форсировав с ходу Днепр, овладеть плацдармами на его правом берегу, требовал от командующих армиями энергичнее вести преследование отступающего противника и к 24–25 сентября овладеть переправами на Днепре.

В связи с этим армия получила оперативную директиву фронта, в которой ей ставилась следующая задача: «…Энергично развивать наступление в общем направлении Решетиловка, Фрунзовка и, обходя Полтаву с севера, выйти 21 сентября на фронт реки Ворскла и овладеть переправами у Столовцы и Петровка; 22 сентября — главными силами форсировать Ворсклу

и выйти на рубеж Бугаевка, Войтовка, Подлепечи; 23 сентября — на рубеж Шиловка, Михеевка, Песчаное; 24 сентября — Фрунзовка, Манжеллая, а подвижными отрядами овладеть переправами на Днепре в районе Тарубище, Кременчуг. 25 сентября — овладеть городом Кременчуг»[25].

Как видим, задача армии по дням была определена достаточно четко. Заглядывая вперед, скажу, что в целом эти сроки были выдержаны. Предвидения командования фронта о ходе развития операции и характере действий противника оправдались.

В полосе наступления армии находилась Полтава. Данные разведки свидетельствовали, что враг готовится упорно драться за город, надеясь задержать на этом рубеже наши войска. Гарнизон Полтавы был увеличен вдвое. По правому берегу Ворсклы заблаговременно подготовлены сильные оборонительные позиции. Подступы к городу насыщены различными инженерными сооружениями. В самой Полтаве каменные здания приспособлены к круговой обороне, все мосты на реке взорваны. Словом, в городе и его окрестностях был подготовлен мощный узел обороны, являющийся одним из звеньев цепи оборонительных рубежей и опорных пунктов, протянувшихся по всей Левобережной Украине.

Получив директиву фронта, я со штабом разработал следующий план действий. 32-му гвардейскому стрелковому корпусу (97, 13 и 66-я гвардейские стрелковые дивизии) ставилась задача наступать в направлении Решетиловка, Власовка, стремительно обойти Полтаву с северо-востока и отрезать пути отхода противнику к Днепру. 33-й гвардейский стрелковый корпус (95-я гвардейская стрелковая и 9-я гвардейская воздушно-десантная дивизии), наступая на Полтаву с востока, должен был штурмом овладеть городом. В резерве армии оставалась 6-я гвардейская воздушно-десантная дивизия в готовности нанести удар в направлении Грачи.

Как и в предыдущих боях, создавались сильные передовые отряды. Так, в. передовой отряд 32-го гвардейского стрелкового корпуса включили 39-й гвардейский стрелковый полк, 57-й танковый полк. 301-й истребительно-противотанковый и 1902-й самоходно-артиллерийский полки, огнеметную роту и роту саперов. Возглавил отряд боевой, опытный офицер — заместитель командира 13-й гвардейской стрелковой дивизии полковник П. В. Гаев. Задача отряда — наступать в направлении Щорсовка, Нестеровка и к исходу 20 сентября овладеть переправами на реке Ворскла в районе Петровки.

Выполняя поставленную задачу, передовой отряд полковника

Гаева уже к вечеру 21 сентября вышел к Ворскле, форсировал ее в районе Кротенково, захватил плацдарм и завязал бой с частями противника, оборонявшимися на западном берегу. К этому же времени к реке неподалеку от города вышел передовой отряд 33-го гвардейского стрелкового корпуса…

Главные силы корпусов за 20 сентября с боями продвинулись на 10–25 км. 32-й корпус вышел на рубеж Бучайское, Малая Михайловка, Егорьевка, Ново-Диброва; 33-й корпус — северо-восточная окраина Новолисовщины, восточная окраина Сторожевой. Противник продолжал оказывать ожесточенное сопротивление, широко применяя танковые засады, упорно обороняя господствующие высоты, населенные пункты, дороги.

21 сентября соединения вышли к восточному берегу Ворсклы. Однако овладеть Полтавой им с ходу не удалось. Предстояли нелегкие бои с форсированием реки и преодолением развитой системы обороны врага на ее западном берегу.

В этот день на КП армии приехал генерал армии И. С. Конев. Задержка нашей и 53-й армии генерал-лейтенанта И. М. Манагарова у Полтавы обеспокоила командующего фронтом, так как могла замедлить выход к Днепру.

Для изучения сложившейся обстановки непосредственно на месте Иван Степанович вместе со мной выехал в 33-й гвардейский стрелковый корпус генерал-майора М. И. Козлова, наступавший на Полтаву с востока. Осматривая местность, Конев проговорил:

— Да, местность в полосе наступления корпуса действительно никудышная. А ведь ваш участок форсирования реки совпадает с местом переправы армии Петра Первого перед битвой со шведами под Полтавой в 1709 году. Ну, если тогда русские прошли, то и мы пройдем.

В наиболее трудном положении оказалась 95-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора Н. С. Никитченко. В полосе наступления этого соединения вдоль правого берега реки раскинулась низина, которая упиралась в высоту с обрывистым скатом. Здесь у противника были установлены пулеметы, орудия прямой наводки, затаились в засаде штурмовые орудия. Нам пришлось на наблюдательном пункте командира дивизии вместе с ним отработать все детали предстоящего штурма Полтавы. Генерал Конев поставил дивизии задачу к рассвету 23 сентября освободить город от гитлеровцев.

Мы понимали, что при выполнении поставленной задачи 95-я гвардейская стрелковая дивизия будет нуждаться в поддержке соседа, поэтому проехали и в 97-ю гвардейскую стрелковую дивизию, где заслушали решение ее командира полковника И. И. Анциферова и поставили соединению аналогичную задачу.

Беседуя с командованием соединений, генерал Конев обращал их внимание в первую очередь на особо тщательную подготовку штурма, организацию и поддержание взаимодействия во всех звеньях при ведении боевых действий в самом городе, требовал от политработников активной работы по мобилизации личного состава на лучшее выполнение предстоящей боевой задачи.

22 сентября на рассвете после мощного артиллерийского огневого налета войска армии начали форсирование реки: 32-й гвардейский стрелковый корпус — на участке Подворовка, Голоды; 33-й гвардейский стрелковый корпус — на участке Олиперы, Вокулицы, станция Полтава-южная.

Первыми вслед за передовым отрядом полковника Гаева переправились подразделения 13-й гвардейской стрелковой дивизии. Вслед за гвардейцами генерала Г. В. Бакланова неудержимой лавиной пошли части 66-й гвардейской стрелковой дивизии. Противник был ошеломлен столь стремительной атакой и начал отходить. К концу дня соединения 32-го гвардейского стрелкового корпуса вышли на рубеж Лучки, Решетиловка, хутор Жуки, создав угрозу правому флангу и тылу обороняющейся группировки врага и благоприятные условия для штурма города соединениям 33-го гвардейского стрелкового корпуса.

А непосредственно у Полтавы события развивались следующим образом. В 19 часов 22 сентября 95-я гвардейская стрелковая и 9-я гвардейская воздушно-десантная дивизии, тесно взаимодействуя с частями 84-й Харьковской стрелковой дивизии генерал-майора П. И. Буняшина 53-й армии, наступавшими с юга, начали штурм города. Гитлеровцы отчаянно сопротивлялись. В течение ночи шли горячие схватки на каждой улице. Как потом стало известно, первыми в город ворвались разведчики 95-й гвардейской стрелковой дивизии. Проникнув в центр города, они водрузили красный флаг на старинном памятнике в честь победы русского оружия над шведами в исторической битве под Полтавой — обелиске Славы. Вслед за разведчиками в город с разных сторон ворвались специально подготовленные штурмовые отряды двух дивизий нашей армии и 84-й дивизии 53-й армии. В упорных уличных боях части этих соединений к утру 23 сентября очистили Полтаву от немецко-фашистских захватчиков.

Несмотря на раннее утро, население города с ликованием встречало своих освободителей. Подъехав к городу и заслушав доклад командира 33-го гвардейского корпуса генерала М. И. Козлова о полном освобождении Полтавы, я испытал чувство огромной радости и гордости за наших богатырей-гвардейцев, которые в неимоверно трудных условиях блестяще выполнили

поставленные задачи. Но чем дальше я ехал по улицам города, тем сильнее моя радость омрачалась бесчисленными картинами злодеяний гитлеровцев. В одном месте нас остановила большая толпа жителей. Оказалось, что люди собрались у школы, в которую фашисты перед своим уходом согнали жителей близлежащих домов, заперли их, а здание подожгли. Со слезами на глазах женщины наперебой рассказывали об этом чудовищном преступлении фашистов. Спасли обреченных на смерть советских людей воины 95-й гвардейской стрелковой дивизии.

23 сентября мы слушали но радио приказ Верховного Главнокомандующего, а затем салют в честь освободителей мощного узла обороны врага на Левобережной Украине — города Полтавы.

Гордое наименование Полтавских засияло золотом на боевых знаменах 9-й гвардейской воздушно-десантной и 95-й гвардейской стрелковой дивизий, непосредственно штурмовавших город, а также 13, 66 и 97-й гвардейских стрелковых дивизий, 42-й легкоартиллерийской бригады, 301-го истребительно-противотанкового артиллерийского и 57-го тяжелого танкового полков, 431-го инженерного батальона, 294-й истребительной и 266-й штурмовой авиационных дивизий.

В боях за Полтаву мы потеряли многих отважных красноармейцев, сержантов и офицеров. Погибли на подступах к городу замечательные люди — заместитель командира 95-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии полковник Андрей Никитич Ляхов и командир 34-го гвардейского стрелкового полка 13-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии подполковник Дмитрий Иванович Панихин. Полтавчане с любовью чтут память погибших. На их могилах в сквере у городского вокзала всегда живые цветы…

…Основательно потрепанная под Полтавой группировка немецко-фашистских войск отступала к Кременчугу — крупному узлу обороны на левом берегу Днепра. К кременчугским переправам устремились и гитлеровские части, отходившие из-под Ахтырки и Харькова. В районе переправ скопились тысячи гитлеровцев, масса боевой техники врага. Здесь же были и советские люди, угоняемые в Германию фашистами.

Теперь задача армии заключалась в том, чтобы как можно быстрее разгромить отходящие вражеские войска на подступах к Днепру и захватить плацдармы на его противоположном берегу.

Кременчугский предмостный плацдарм укреплялся немецко-фашистскими войсками в течение длительного времени. В полный профиль отрыты окопы и траншеи, на десятки километров протянулись противотанковые рвы, подступы к ним

были заминированы. За мощными инженерными сооружениями укрылись отборные гитлеровские дивизии СС «Рейх», «Великая Германия» и другие.

Вновь, как и перед броском к Полтаве, генерал армии Конев требовал от нас не снижать темпов наступления, не допустить отхода врага за Днепр, а главное, ни в коем случае не позволить гитлеровцам закрепиться на каком-нибудь плацдарме на левом берегу Днепра.

Соединения армии, преследуя отступающие остатки 223-й пехотной дивизии, танковой дивизии СС «Мертвая голова» и 3-й танковой дивизии, 28 сентября вышли к Кременчугу. Должен заметить, что в полосе наступления армии находились основные переправы противника через Днепр, поэтому он особенно упорно оборонял созданные здесь предмостные укрепления.

Оценив обстановку, я решил 29 сентября начать штурм города, разгромить обороняющую его группировку врага и с ходу начать форсирование Днепра на участке Максимовна, Кривуши, прикрыв Кременчуг одним воздушно-десантным полком. Исходя из принятого решения, получили задачи и корпуса.

32-й гвардейский стрелковый корпус во взаимодействии с 1-м механизированным корпусом генерала М. Д. Соломатина наносил удар на фронте хутор Большой Гергель, хутор Гориславцы с задачей выйти к Днепру северо-западнее Кременчуга, а затем форсировать его на участке остров «Каска», Власовка.

33-й гвардейский стрелковый корпус, прикрываясь частью сил 95-й гвардейской стрелковой дивизии на фронте Безродовка, Огневка, наносил удар в направлении Алиферовка, северная окраина Кременчуга, освобождал город, а затем форсировал Днепр на участке (иск.) Власовка, Кременчуг.

Хочу отметить, что после взятия Полтавы мы не имели никаких пауз в ходе наступления. Новые боевые задачи корпусам мы поставили, как говорится, в пути. Поэтому уже 28-го и в ночь на 29 сентября начались бои непосредственно за Кременчуг. Штурмовали город наши войска одновременно со всех направлений, рассекая вражеский плацдарм и уничтожая гитлеровцев по частям. С востока и севера в город ворвались части 9-й и 6-й гвардейских воздушно-десантных дивизий, 13-й и 95-й гвардейских стрелковых дивизий, а с юго-востока — части 1-го механизированного корпуса. Наши воины сражались мужественно, показывали высокое боевое мастерство. Не могу не отметить четкую работу штабов армии, корпусов и дивизий, отличное взаимодействие танков, пехоты и артиллерии. 29 сентября войска 5-й гвардейской армии во взаимодействии с 53-й армией полностью очистили Кременчуг от врага.

Вечером 29 сентября 1943 года приказ Верховного Главнокомандования известил Родину об очередной победе советских войск. В нем, в частности, говорилось: «…В боях за освобождение города… особо отличились: 97-я гвардейская Полтавская стрелковая дивизия генерал-майора Анциферова, 6-я гвардейская воздушно-десантная дивизия полковника Смирнова… 469-й минометный полк майора Чернявского, 308-й гвардейский минометный полк полковника Гольдина, 1902-й самоходный артиллерийский полк подполковника Грдзелишвили»[26].

Всем этим соединениям и частям, кроме 97-й дивизии, было присвоено наименование Кременчугских. 97-я гвардейская Полтавская стрелковая дивизия, второй раз отличившаяся в боях с немецкими захватчиками, была представлена к награждению орденом Красного Знамени.

После освобождения Кременчуга нам предстояло как можно быстрее форсировать Днепр. Эта задача была не из легких. Разведка сообщала, что противник главное внимание уделял обороне кременчугского направления, считая его наиболее вероятным местом форсирования, и соответственно готовился сорвать наши планы.

Гитлеровская пропаганда объявила, что Восточный вал, созданный по Днепру, способен выдержать любой натиск. Враг рассчитывал на этом рубеже остановить наступление советских войск и стабилизировать фронт. Нашей разведкой было установлено, что оборонительные позиции подготовлены не только непосредственно у берега, но и в глубине. Населенные пункты и господствующие высоты приспособлены к круговой обороне. Позиции противника прикрыты проволочными и минновзрывными заграждениями. Кроме того, западный берег реки господствовал над восточным. Перед фронтом армии и на флангах раскинулся ряд населенных пунктов, и среди них такие крупные, как Крюков, Ново-Георгиевск, Табурище, которые вместе с многочисленными рощами и зарослями кустарников надежно укрывали от нашего наблюдения боевые порядки гитлеровцев. Наличие же большого количества командных высот позволяло противнику просматривать позиции наших войск.

На восточном берегу Днепра в районе, куда вышли соединения армии, не было скрытых подступов к реке, которые позволяли бы незаметно для врага накапливать живую силу, переправочные средства, подвозить боеприпасы. Войска располагались на песчаной местности, причем пески были сыпучие, труднопроходимые, стоило копнуть лопатой, как тотчас же проступала подпочвенная вода.

Но медлить, несмотря на все эти трудности, мы не могли. В течение двух дней я с командирами корпусов и дивизий непосредственно на местности готовил форсирование. Были уточнены задачи соединениям первого эшелона, побывали мы в головных подразделениях, которые открывали переправу через Днепр. Много хлопот доставили перегруппировка артиллерии и вывод ее на новые огневые позиции. Командующий артиллерией армии генерал Г. В. Полуэктов, его начальник штаба полковник А. И. Холодный, офицеры штаба майоры Г. Т. Мацюк, А. К. Горлинский, С. Е. Кузьмин сразу же после освобождения Кременчуга выехали в артиллерийские соединения и части для решения этой задачи.

Противник все это время обстреливал районы, запятые войсками армии, из орудий и минометов. К сожалению, не обошлось без потерь. Так, в лесу севернее Кременчуга, около своего родного города, погиб гвардии полковник Холодный. Все мы тяжело переживали смерть этого чудесного человека, отличного артиллериста…

Для форсирования Днепра в первый эшелон были выделены: в 32-м гвардейском стрелковом корпусе — 13-я и 97-я гвардейские стрелковые дивизии; в 33-м гвардейском стрелковом корпусе — 6-я гвардейская воздушно-десантная и 95-я гвардейская стрелковая дивизии. В каждом корпусе во втором эшелоне было по дивизии.

Ночь на 3 октября выдалась звездная. Над спокойным могучим Днепром изредка взлетали ракеты и, опускаясь, медленно гасли. Темень то и дело прочерчивали очереди трассирующих пуль. На душе было неспокойно. Чувствовал, что трудно нам придется, но раздумывать уже было некогда.

Первыми начали форсирование части 95-й гвардейской стрелковой дивизии, но пробиться через плотный заградительный огонь противника им не удалось. Вначале казалось, что на участке 6-й гвардейской воздушно-десантной дивизии дела пошли успешнее. Смешанные группы разведчиков и саперов 17-го и 20-го гвардейских воздушно-десантных полков форсировали Днепр и закрепились на острове Большой. Однако все попытки развить этот незначительный успех провалились. Батальонам первого эшелона этих полков не удалось пробиться к острову. В полосе 32-го корпуса дивизии первого эшелона захватили небольшие островки восточнее Бухарешты и остров «Каска».

Таким образом, армии не удалось захватить плацдармы на западном берегу Днепра. Были захвачены лишь отдельные островки севернее Кременчуга.

В чем причина этих наших неудач? Прежде всего хочу

подчеркнуть, что соединения армии вышли к Днепру с большим некомплектом в людях и боевой технике. В армии не хватало боеприпасов. Коммуникации оказались сильно растянутыми. Ведь к этому времени войска прошли с боями от Белгорода более 300 км. Разбитые шоссейные и железные дороги и взорванные мосты еще восстанавливались, что затрудняло подвоз материальных средств. Наконец, надо признать, что мы недооценили и оборону противника на западном берегу Днепра, полагая, что все же сумеем наличными силами выбить его с занимаемых позиций и захватить плацдармы.

В течение последующих семи дней соединения армии вели непрерывные тяжелейшие бои на захваченных островках. Особенно тяжело пришлось 97-й гвардейской стрелковой дивизии на острове «Каска». Песчаная часть острова, захваченная гвардейцами, была совершенно открытой и хорошо просматривалась врагом. Окопы, вырытые в песчаном грунте, от частых разрывов снарядов и мин осыпались, наполнялись подпочвенной водой. Подвижные части стрелкового оружия забивались песком.

Вскоре нам стало ясно, что захваченные островки не имели тактического значения, ибо не обеспечивали развертывания частей и соединений для продолжения наступления.

В боях на этих островках мы понесли немалые потери. Погиб заместитель командира 13-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии полковник П. В. Гаев. Не верилось, что пет с нами больше этого храброго, волевого, инициативного офицера. Кроме П. В. Гаева дивизия эта потеряли заместителя командира 34-го гвардейского стрелкового полка по политической части гвардии подполковника П. В. Данилова, был тяжело ранен командир 42-го гвардейского стрелкового полка Герой Советского Союза гвардии подполковник С. П. Березин…

Очень кратко расскажу, как развивались события в армиях фронта, действовавших южнее Кременчуга, ибо именно туда вскоре была переброшена наша армия.

7-я гвардейская армия генерала М. С. Шумилова, наступая в центре оперативного построения фронта, 24 сентября главными силами вышла к Днепру юго-восточнее Кременчуга на фронте протяжением до 30 км и через два дня на подручных средствах форсировала реку и захватила плацдарм до 5 км по фронту и в глубину. Спустя два дня успешно форсировала Днепр и 37-я армия генерала М. Н. Шарохина в районе села Мишурин Рог. После ожесточенных боев ей удалось расширить захваченный плацдарм до 35 км по фронту и до 12 км в глубину.

С этих плацдармов войска фронта и повели широкие

наступательные операции на кировоградском и криворожском направлениях.

Закапчивая рассказ о боях за Днепр, хочу отметить, что героизм наших людей при форсировании реки был массовым. Изобретательность и инициатива красноармейцев, сержантов и офицеров были беспредельны. Большую роль в этом сыграла полученная накануне наступления к Днепру директива Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина, в которой прямо указывалось, что за успешное форсирование крупных водных преград личный состав, проявивший наибольшее мужество и отвагу, будет удостаиваться звания Героя Советского Союза.

Бои за Днепр повсеместно были трудными и кровопролитными. И хотя нашей армии, как я уже говорил, не удалось форсировать реку, семь дней и ночей мы на своих крошечных островках держали в напряжении гитлеровцев и не позволяли им перебрасывать отсюда силы в район юго-восточнее Кременчуга — туда, где армии фронта вели успешные бои по расширению захваченных плацдармов.

Глава пятая. На Правобережной Украине

Готовимся наступать. Вой на днепровских плацдармах. Беда в районе Верблюжий. Александрийско-Знаменская операция. Академик С. С. Юдин. Разгром кировоградской группировки врага. По весенним дорогам к Южному Бугу и Днестру. Небольшой плацдарм на Днестре. Входим в состав 1-го Украинского фронта.

После выхода к Днепру и захвата плацдармов на его западном берегу Степной фронт получил задачу развернуть широкие наступательные действия в общем направлении на Пятихатку и Кривой Рог, овладеть этими городами, а затем развить успех в сторону Апостолово с целью отрезать пути отхода на запад днепропетровской группировке противника, сдерживавшей продвижение войск Юго-Западного фронта.

Планировалось начать наступление с плацдармов южнее Кременчуга в полосе 37-й, 7-й гвардейской, 57-й армий. На эти плацдармы перегруппировывалась 5-я гвардейская армия, а также 5-я гвардейская танковая армии.

По плану командующего фронтом 5-я гвардейская армии получила задачу нанести удар с рубежа Куцеволовка, Калужино (на фронте 15 км) четырьмя стрелковыми дивизиями, прорвать оборону и к исходу первого дня выйти на рубеж Владимировка, Липовый; ударом двух стрелковых дивизий ликвидировать узел сопротивления в Дериевке.

37-й армии предстояло нанести главный удар на правом фланге силами четырех стрелковых дивизий, прорвать вражескую оборону и к исходу первого дня выйти на рубеж Липовый, Лиховка.

5-я гвардейская и 37-я армии (командующий — генерал-лейтенант М. Н. Шарохин) имели также задачу обеспечить на рубеже Катериновка, Лиховка ввод в прорыв 5-й гвардейской танковой армии (командующий — генерал-лейтенант танковых войск П. А. Ротмистров) для развития наступления на Пятихатку, Кривой Рог, овладения одним танковым корпусом Александрией и дальнейшего наступления на Кировоград.

7-я гвардейская армия (командующий — генерал-лейтенант М. С. Шумилов) наносила главный удар на правом фланге силами четырех стрелковых дивизий, а 57-я армия — также на правом фланге — тремя стрелковыми дивизиями. 52-я армия (командующий — генерал-лейтенант К. А. Коротеев) и 4-я

гвардейская армия (командующий — генерал-лейтенант И. В. Галанин) получили задачу активными действиями на широком фронте и наступлением с занимаемых ими плацдармов сковать противника, лишив его свободы маневра. Готовность войск к наступлению намечалась к исходу 13 октября[27].

Для выполнения поставленной 5-й гвардейской армии задачи мы стремились создать достаточно сильную ударную группировку на участке прорыва, который составлял около 7 км, хотя и располагали для этого небольшими возможностями. Оперативное построение было неглубоким, в резерв армии я смог выделить два стрелковых полка. Боевые порядки стрелковых корпусов и большей части дивизий строились в один эшелон.

Для организации артиллерийского наступления и максимального массирования артиллерии на направлении главного удара большая часть фронтовой артиллерии была придана 5-й и 7-й гвардейским и 37-й армиям. Это позволило иметь плотность соответственно более 100, а на некоторых участках — 120–150 орудий и минометов калибра 76 мм и выше на 1 км участка прорыва. Продолжительность артиллерийской подготовки — 55 минут. Ввод в прорыв танковой армии обеспечивался артиллерией 5-й гвардейской и 37-й армий.

Авиационное обеспечение боевых действий армии осуществлялось 1-м штурмовым авиационным корпусом 5-й воздушной армии. Для более четкого управления авиацией в ходе боя и поддержания постоянного взаимодействия с наземными войсками командир корпуса генерал-лейтенант В. Г. Рязанов находился на командном пункте армии.

При организации противовоздушной обороны главное внимание обращалось на прикрытие сосредоточения войск и переправ. Планирование действий зенитной артиллерии и руководство ее огнем осуществлялись в масштабе фронта. С этой целью временно была создана артиллерийская группа из шести зенитных артиллерийских дивизий и четырех армейских зенитных артиллерийских полков. Командный пункт этой группы находился в Переволочной. Как показал опыт, создание такой группы себя оправдало.

Важное место отводилось инженерному обеспечению операции. Для переброски войск и техники на правый берег Днепра инженерные войска (начальник инженерных войск фронта генерал А. Д. Цирлин) организовали полосу фронтовых переправ, состоявшую из трех армейских участков: 5-й гвардейской, 37-й и 7-й гвардейской армий.

Сложные задачи пришлось решать тыловым органам. Основной железной дорогой для фронта являлся участок Харьков

Полтава — Кременчуг. Отступая, гитлеровцы сильно ее разрушили. 36 мостов, из них 6 больших, были взорваны. Восстановление дороги к началу операции не было закончено. Основными станциями снабжения армий ударной группировки были Харьков, Мерефа, Полтава.

От них грузы подвозились автотранспортом (150–200 км), но машин не хватало. Положение еще более осложнилось, когда пошли дожди и дороги стали труднопроходимыми. Усилиями тыловых органов к 15 октября удалось создать в войсках запасы боеприпасов, по существу, только на один день боя. Еще хуже обстояло дело с горючим. Все это впоследствии отрицательно сказалось на ходе операции.

В период подготовки наступления Военный совет армии, политорганы, партийные и комсомольские организации провели большую работу по доведению боевой задачи до каждого воина. В частях гвардейцы рвались в бой. Лучшие солдаты и офицеры, отличившиеся в предыдущих боях, вступали в ряды партии и комсомола.

Особенность подготовки операции заключалась не только в том, что ее надо было провести в короткие сроки, но и в том, что она проходила в условиях непрерывных боев за удержание и расширение плацдармов.

Нелегко пришлось вначале 5-й гвардейской армии. В ночь на 9 октября мы сдали свой боевой участок 4-й гвардейской армии, затем совершили почти 100-километровый марш вдоль линии фронта, переправились на правый берег Днепра и приняли боевой участок у 37-й армии. Надо заметить, что не менее сложная задача встала перед 5-й гвардейской танковой армией, соединениям которой пришлось совершить комбинированный марш на расстояние свыше 200 км. Марш должен был совершаться только ночью, однако, учитывая наступившую ненастную погоду, проводился и днем. Но это не намного ускорило выдвижение армии. Дороги стали труднопроходимыми.

Таким образом, войска фронта закончить перегруппировку в установленный срок не смогли. В связи с этим 13 октября И. С. Конев обратился в Ставку с просьбой перенести начало наступления на одни сутки[28]. Ставка дала согласие. Однако и к этому времени 5-я гвардейская танковая армия не завершила сосредоточения, и ее соединениям пришлось вступать в бой с ходу.

Следует отметить, что в последний день подготовки наступления положение наших войск на плацдарме осложнилось. 14 октября противник силами трех танковых и трех пехотных дивизий нанес сильный контрудар в стык 37-й и 7-й гвардейской

армий. Наши войска отразили атаки и нанесли врагу большой урон. Но при этом и наши дивизии, особенно 7-й гвардейской армии, понесли потери, тщательно организованное взаимодействие было нарушено. Для отражения контрудара пришлось израсходовать значительное количество боеприпасов.

В 10 часов утра 15 октября войска 5-й гвардейской армии совместно с соединениями 37-й армии после артиллерийской подготовки, поддерживаемые авиацией 5-й воздушной армии, совершившей в этот день около 500 самолето-вылетов, перешли в наступление с плацдармов Дериевка, Куцеволовка, Мишурин Рог. Завязались ожесточенные бои. Противник контратаками танков и пехоты стремился задержать продвижение наших войск. Его авиация нанесла ряд бомбовых ударов по боевым порядкам наступающих. Вскоре пошел дождь, видимость ухудшилась, резко снизилась эффективность артиллерийского огня. Стрелковые соединения армии, не имея необходимой танковой поддержки, за несколько часов боя смогли овладеть только первой линией траншей и окопов.

День перевалял за вторую половину, а наше наступление, по существу, приостановилось. Что делать? На наблюдательный пункт командира 13-й гвардейской стрелковой дивизии вместе со мной приехали генералы П. Л. Ротмистров, Г. В. Полуэктов, А. И. Родимцев, командир 18-го танкового корпуса генерал К. Г. Труфанов. Начали анализировать обстановку, решать, что же предпринять, чтобы сломить сопротивление противника. На передовой же воцарилась в это время необычная тишина. Как будто и не было никакого наступления.

— А ведь у фашистов сейчас по расписанию обед, — сказал генерал Труфанов. — Они считают, что наше наступление захлебнулось и вряд ли на исходе дня мы предпримем какие-либо активные действия. Не воспользоваться липам этим моментом? — предложил командир корпуса.

Идея генерала Труфанова пришлась всем по душе. Доложили И. С, Коневу, который ее поддержал. Тут же пошли команды соединениям, артиллерии и всем родам войск. Был нанесен короткий, но мощный 15-минутный артиллерийский налет, и войска вновь поднялись в наступление. Фашисты были захвачены врасплох и не смогли оказать стойкого организованного сопротивления. Через несколько часов оборона врага была прорвана и наши части устремились вперед.

Чтобы не дать противнику закрепиться на промежуточных рубежах, а также увеличить силу удара, командующий фронтом ввел в сражение всю 5-ю гвардейскую танковую армию. Танкистам генерала Ротмистрова пришлось начинать боевые

действия в сложных условиях. Недостаток дорог и малая емкость плацдарма не позволяли осуществить танковый удар всеми силами одновременно. В 17 часов в полосе 5-й гвардейской армии были введены две бригады 18-го танкового корпуса генерала К. Г. Труфанова. Но и после этого противник продолжал упорно сопротивляться.

На следующий день погода совсем испортилась, пошел проливной дождь. Продвижение дивизий 32-го и 33-го гвардейских стрелковых корпусов почти приостановилось. Не лучше обстояло дело и у соседей.

Однако враг все-таки не выдержал натиска гвардейцев-танкистов и начал отходить. В 16 часов на стыке 7-го механизированного и 18-го танкового корпусов был введен в сражение 29-й танковый корпус генерал-майора танковых войск И. Ф. Кириченко. Узкий участок ввода корпуса, около 2 км, позволил развернуться и вступить в бой только одной бригаде, которая продвинулась всего на 2–3 км. 18-й танковый корпус, отражая контратаки танков и пехоты с запада, действовал в боевых порядках стрелковых соединений 5-й гвардейской армии. Более успешно наступал 7-й механизированный корпус, который продвинулся на 15–17 км и вышел к юго-западной окраине Лиховки.

Хорошие сообщения поступали из штаба 7-й гвардейской армии, которая в первый день наступления атаковала противника несколько позже нас в 13 часов. 16 октября эта армия овладела Бородаевкой, уничтожила вклинившегося здесь противника и восстановила свой плацдарм.

Таким образом, только на второй день операции на направлении главного удара обозначился значительный успех. За два дня оборона противника была прорвана на фронте свыше 40 км, наши войска продвинулись на глубину до 17 км. Для развития наметившегося успеха, а также для расширения прорыва в сторону флангов требовался ввод дополнительных сил. Как известно читателю, 5-я гвардейская танковая армия тремя корпусами уже вела наступление, а других резервов у командования не было.

Координировавший действия Воронежского и Степного фронтов Маршал Советского Союза Г. К. Жуков 16 октября доносил Верховному Главнокомандующему: «Создается благоприятная обстановка для развития прорыва… Я считаю, будет очень хорошо, если Вы прикажете перебросить от Малиновского пару танковых корпусов и 5–6 стрелковых дивизий. Будет лучше, и мы скорее разгромим запорожско-криворожскую группировку противника ударом Степного фронта, нежели со

стороны Малиновского. Я также прошу быстрее подавать Коневу горючее и боеприпасы»[29].

Как известно, Ставка согласилась с этим предложением и приказала выделить из состава Юго-Западного фронта четыре стрелковые дивизии и 1-й гвардейский механизированный корпус, а из состава Южного фронта — 20-й танковый корпус и направить их на усиление Степного фронта. Одновременно генерал армии И. С. Конев провел внутрифронтовую перегруппировку сил и средств. 53-й армии было приказано оставить на занимаемом плацдарме западнее Колеберды только две стрелковые дивизии, а четыре дивизии вывести в резерв[30]. Затем она получила задачу ввести главные силы на правый берег Днепра и из-за правого фланга 5-й гвардейской армии наступать левофланговыми соединениями в направлении Александрия, Кировоград, а соединениями правого фланга обеспечить ударную группировку с северо-запада.

Армиям левого крыла фронта было приказано развивать наступление в направлении Пятихатки и расширять фронт прорыва в сторону флангов в направлении Онуфриевка, Верховцы. 5-я гвардейская танковая армия должна была при поддержке 1-го штурмового и 4-го истребительного авиационных корпусов продолжать наступление на Пятихатку, Кривой Рог, имея один танковый корпус за правым флангом в готовности для развития удара на Александрию. При этом армия, наступая на Кривой Рог, до выхода пехоты должна была обеспечить себя слева по реке Саксагань, а одной танковой бригадой нанести удар во фланг и тыл противника, оборонявшегося в Дериевке, и совместно с правофланговыми дивизиями 5-й гвардейской армии овладеть этим узлом сопротивления[31].

Как видим, танковая армия вынуждена была не только развивать наступление на расходящихся направления и беспокоиться о прикрытии своих флангов, но и выделять часть сил для поддержки общевойсковых армий, так как своих танков они не имели.

Немецко-фашистское командование было сильно обеспокоено ситуацией, сложившейся в полосе наступления Степного фронта, и приняло срочные меры по усилению своей группировки на этом направлении. К месту прорыва выдвинулись резервные и ранее оборонявшиеся на Днепре на пассивных участках соединения и части. Это вынудило командующего Степным фронтом выделить для прикрытия флангов крупные силы, в том числе и танковые.

Возобновив наступление, войска фронта добились некоторых успехов. Соединения 5-й гвардейской армии при содействии танковой бригады 18-го танкового корпуса ночной атакой

овладели сильным узлом сопротивления — Дериевкой и высотами западнее этого населенного пункта, что значительно улучшило положение войск на плацдарме.

Надо сказать, что противник стремился любой ценой остановить продвижение наших войск. Каждое село, каждую высоту приходилось брать с боем. Наступали гвардейцы по вязким от непогоды полям и размытым, непроходимым дорогам. К тому же фронт армии по мере удаления от Днепра все расширялся и расширялся: если в середине октября он составлял 18 км, то к концу ноября растянулся уже на 45 км. Это привело к тому, что между наступающими соединениями появились разрывы. Противник воспользовался создавшимся положением и нанес несколько сильных фланговых контрударов.

Один из них пришелся по частям 13-й гвардейской стрелковой дивизии. Когда 21 октября дивизия вышла на рубеж Чечеливка, Ново-Мануиловка, Петрово, ее неожиданно переподчинили командующему 7-й гвардейской армией генералу М. С. Шумилову. Кстати, с Михаилом Степановичем мы были очень дружны, и хочется сказать здесь несколько добрых слов о нем. Я любил и уважал Михаила Степановича не только как смелого, боевого и опытного командарма, закаленного в тяжелых сражениях, но и как замечательного человека. Меня всегда восхищали в Шумилове кипучая энергия, гибкость и оперативность, когда мы совместно организовывали боевые действия на флангах наших армий, согласовывали усилия войск в ходе многих операций. Михаил Степанович никогда не отказывал в помощи соседу и не раз проводил самые сложные маневры силами своей армии для достижения общего успеха…

…Я всегда был рад помочь М. С. Шумилову и немедленно выполнил приказ: передал ему временно лучшую дивизию армии. Михаил Степанович поставил командиру 13-й гвардейской дивизии задачу: с утра 22 октября форсированно развивать наступление в направлении Чечеливка, Спасово, Верблюжка. Мы ежедневно интересовались судьбой дивизии и были очень удовлетворены, узнав, что к вечеру 28 октября части дивизии, пройдя более сорока километров, выполнили поставленную задачу: достигли населенного пункта Верблюжка. А далее, к сожалению, приключилась беда.

— С выходом в район Верблюжки, — рассказывал мне потом Глеб Владимирович Бакланов, — дивизия оказалась в сложном положении. Соседей ни справа, ни слева не было, а между тем полки, несмотря на усталость, продолжали продвигаться на Новую Прагу, будучи уверены, что им ничего не угрожает.

Посоветовавшись с начальником штаба полковником Т. В.

Бельским, Бакланов приказал ему остаться в Верблюжке и развернуть здесь командный пункт дивизии, а сам направился разыскивать соседа слева, рассчитывая до наступлении темноты найти дивизию полковника Мошляка, которая, по замыслу Шумилова, должна была наступать левее 13-й дивизии. Пришлось ему исколесить изрядное количество километров, и только к концу дня удалось найти своего соседа слева: дивизия полковника Мошляка оказалась значительно левее и сзади. Договорившись о порядке дальнейших действии. Бакланов к полуночи вернулся в Верблюжку. Осмотрев место расположения командного пункта, Бакланов сразу же понял, что оно выбрано неудачно. Несмотря на возражения начальника штаба, комдив приказал немедленно свернуть командный пункт и перенести его в восточную часть деревни, которую отделяла от западной части небольшая речушка. Все-таки преграда! Но и на новом месте тревога не покидала Бакланова.

— На рассвете 29 октября, — продолжал свой рассказ Глеб Владимирович, — противник, воспользовавшись разрывами между боевыми порядками полков, значительными силами пехоты при поддержке танков прорвался в направлении Верблюжки. 34-й и 39-й гвардейские стрелковые полки, не успевшие закрепиться на достигнутых рубежах, не смогли остановить противника и начали отходить; 42-й гвардейский стрелковый полк оказался в окружении. Управление частями нарушилось, так как штаб дивизии, подвергшийся нападению, был вынужден поспешно свернуться и отступать на восток. В тяжелом положении оказались 1-й и 5-й гвардейские механизированные корпуса, командиров которых — генерал-лейтенанта И. Н. Руссиянова и генерал-майора Б. М. Скворцова — я встретил по пути. Посовещавшись, мы решили отвести войска за реку Ингулец и на этом рубеже остановить противника. Это было то место, с которого дивизия только вчера начала свой марш-бросок на Верблюжку! Тяжело было вновь возвращаться в исходное положение, но другого выхода в создавшейся обстановке не было.

Отойдя к вечеру за Ингулец, — рассказывал Бакланов, — я поспешил с докладом к генералу Шумилову. Михаил Степанович очень спокойно выслушал мой доклад, задал несколько весьма существенных вопросов, не устроил мне никакого разноса, а лишь четко и категорично поставил задачи на ближайшее будущее: занять плотную оборону, контратакующих немцев остановить, 42-й полк найти и вывести из окружения…

…Теперь несколько слов о том, как развивались события в районе действий 42-го гвардейского стрелкового полка. Об этом

поведал нам его командир гвардии майор И. К. Половец после выхода из окружения. Полк, заняв село Подмосковное, закрепился в нем и до наступления темноты отбивал ожесточенные атаки гитлеровцев. К вечеру фашистские танки ворвались в село. Подразделения полка двинулись на восток. По пути к полку присоединились два танка, несколько орудий и машин с боеприпасами из других частей дивизии.

Командир полка решил прорываться в районе Спасово, Красно-Константиновка, но при этом предстояло пересечь дорогу, на которой засели гитлеровцы. Иван Кузьмич Половец приказал артиллеристам и минометчикам нанести огневой удар по всей обороне противника перед фронтом полка, а затем перенести огонь на фланги. В. этот момент подразделения стремительно атаковали вражеские позиции, прорвали их, и полк полностью, с артиллерией и обозами, ночью 31 октября вышел к своим.

В этом была огромная заслуга талантливого командира, человека железной воли, майора Ивана Кузьмича Половца. Указом Президиума Верховного Совета СССР за совершенный подвиг ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Многие гвардейцы полка были награждены орденами и медалями.

Хотелось бы отметить, что для тех октябрьских беев, проходивших в условиях непогоды и распутицы, характерными были смелые, решительные действия не только соединений и частей, но главным образом мелких подразделений — роты, взвода, отделения, которые без опаски вырывались вперед, заходили в тыл противнику, сеяли там панику, громили узлы сопротивления, заставляли бросать их иногда без боя. Однако непогода изматывала и наши силы. К концу октября возросло и сопротивление противника. Немецко-фашистское командование перебросило в полосу наступления армии две свежие дивизии — 6-ю танковую и 376-ю пехотную. Им удалось остановить наши соединения на рубеже Марьевка, Куколовка, Новостародуб, Зыбкое.

Подводя итоги октябрьских боев, следует отметить, что 5-я гвардейская армия прошла с боями от Днепра более 60 км. К этому времени командование 2-го Украинского фронта[32] не располагало силами для того, чтобы продолжать наступление, и поэтому его армии были вынуждены перейти к обороне. Таким образом, первый этап боев войск фронта на днепровских плацдармах закончился выходом на рубеж Дериевка, Зыбкое, Куколовка, Новостародуб, Петрово и на подступы к Кривому Рогу и Кировограду.

Был на исходе 1943 год. В результате летне-осеннего

наступления Красная Армия продвинулась на запад на 300–600 км., освободила более 395 тыс. кв. км родной советской земли. Ни огромная усталость от непрерывных боев, ни осенняя распутица не смогли снизить высокого наступательного порыва наших войск, ведущих борьбу за освобождение родной страны.

Как уже говорилось выше, к концу октября войска 2-го Украинского фронта перешли временно к обороне. Однако активные боевые действия мы не прекращали. Хотя сил у нас тогда было маловато, соединения ни на минуту не ослабляли давления на врага, не оставляли ему никаких шансов создать устойчивую позиционную оборону.

5-я гвардейская армия провела ряд частных операций по улучшению своего оперативного положения, наиболее важной из которых была Александрийско-Знаменская, переросшая впоследствии во фронтовую наступательную операцию.

10 ноября 1943 года я был вызван в штаб фронта, где нашей армии была поставлена следующая задача: подготовить и провести наступательную операцию с целью прорвать оборону противника на участке Зыбкое, Петрозагорье и, нанося главный удар в общем направлении на Павлыш, Знаменка, во взаимодействии с левофланговыми соединениями 53-й армии разгромить павлышско-александрийско-знаменскую группировку гитлеровцев и овладеть крупными населенными пунктами Павлыш, Александрия, Знаменка, Новая Прага. Генерал И. С. Конев предупредил меня, что в случае успешных действий армии ей будет передан 8-й механизированный корпус генерала А. М. Хасина. Готовность к наступлению была намечена на 20 ноября.

Что представляла собой оборона противника перед фронтом армии? Данными всех видов разведки было установлено, что на фронте Зыбкое, Куколовка и далее на юг к Новостародубу обороняются части 176, 376 и 384-й пехотных дивизий. При этом 376-я дивизия прибыла на фронт из Франции, была укомплектована и вооружена на 80–90 процентов. Пехотные полки были трехбатальонного состава, в ротах насчитывалось по 110–130 человек. Дивизия прошла хорошую подготовку и была весьма боеспособной.

На переднем крае первой и второй позиций противника созданы опорные пункты, плотная система всех видов огня; танкодоступные участки минированы. Населенные пункты на переднем крае и в глубине подготовлены к круговой обороне. Резервы врага располагались в районах Ивановка, Ворошиловка, Александрия. К началу наступления было выявлено 28 артиллерийских и 11 минометных батарей, наличие танковых частей в районах Кировограда, Оржанки, Новой Праги. Всего в

первой линии противник имел до 11 пехотных батальонов, 3 батальона в резерве, 5 дивизионов артиллерии. Средняя тактическая плотность составляла один батальон на 3,6–4 км. Наиболее слабая оборона была на участке Зыбкое, Куколовка.

В целом противник располагал не такими уж большими силами и средствами. Но и наша армия ощущала острый недостаток в личном составе и боевой технике. Войска в предыдущих боях понесли значительные потери и были растянуты на 45 км фронта; запасы снарядов, мин, горючего были небольшие, тылы отставали. Особенно тяжелыми и сложными были условия погоды и местности. Как назло, продолжались частые дожди, дороги раскисли, мосты были разрушены, лощины и балки стали непроходимыми. Машины буквально тонули на дорогах. Основными средствами передвижения и подвоза стали лошади и быки.

Тщательно оценив обстановку, я принял следующее решение: главный удар нанести из района Зыбкое, Петрозагорье в общем направлении на Павлыш, прорвать здесь оборону противника, разгромить во взаимодействии с частями 53-й армии его группировку и на второй-третий день операции выйти на рубеж Ануфриевка, Павлыш, Васильевка, Грохокляй, Куколовка. В дальнейшем, после некоторой перегруппировки сил, развить наступление в направлении Васильевка, Знаменка, обходя Александрию с северо-востока, разгромить александрийско-знаменскую группировку и захватить Александрию и Знаменку.

Выполнение основной задачи возлагалось на правофланговый 32-й гвардейский стрелковый корпус генерала А. И. Родимцева в составе 95, 97, 110-й гвардейских, 214-й стрелковых дивизий и 57-го и 139-го танковых полков.

3-й гвардейский стрелковый корпус генерала М.И.Козлова в составе 6-й, 9-й гвардейских воздушно-десантных и 84-й стрелковой дивизий наносил вспомогательный удар, а также прикрывал левый фланг ударной группировки армии.

В резерв армии была выделена 13-я гвардейская стрелковая дивизия, сосредоточившаяся в районе Червона Каменка.

Всего на направление главного удара армии привлекалось шесть стрелковых дивизий, два танковых полка и до 70 процентов всей артиллерии. Артиллерийская подготовка была рассчитана на 3 часа 15 минут. В полосе 32-го корпуса было сосредоточено 617 орудий и минометов разного калибра. Характерной особенностью артиллерийского наступления явилось выделение большого количества орудий для стрельбы прямой наводкой и непосредственного сопровождения стрелковых рот.

При подготовке операции соединения армии были пополнены

личным составом за счет выздоравливающих легкораненых, а также контингентов, призванных в освобожденных районах. В полках интенсивно проводились занятия по сколачиванию рот, батальонов. Непосредственно на местности отрабатывались вопросы организации наступления и атаки, взаимодействия между стрелковыми подразделениями и средствами усиления — танковыми, артиллерийскими и инженерными.

Делалось все возможное для подвоза необходимого количества боеприпасов и горючего. Большую помощь в этом оказывало нам местное население, на быках и лошадях доставлявшее снаряды и мины непосредственно в позиционные районы артиллерии. В ряде мест через заполненные водой балки пришлось организовать подачу снарядов на позиции по цепочке воинов. Все это дало возможность довести запас боеприпасов до одного боекомплекта.

В установленное время пехота мелкими группами выходила на позиции для атаки; танки непосредственной поддержки пехоты занимали исходные позиции, а артиллерия — огневые позиции там, где боеприпасы были выложены на грунт для проведения артподготовки; саперы подготавливались для проделывания проходов в минных полях и сопровождения пехоты и танков в ходе атаки и наступления. Командиры и штабы имели подготовленные КП и НП. Таким образом, преодолев все трудности, войска ударной группировки армии к исходу 19 ноября были готовы к наступлению.

20 ноября в 9 часов 15 минут после продолжительной артподготовки и ударов авиации пехота и танки 95-й гвардейской стрелковой дивизии полковника А. И. Олейникова. 97-й — генерала И. И. Анциферова, 110-й — полковника М. И. Огородова, 214-й стрелковой дивизии полковника Г. Н. Жукова и 6-й гвардейской воздушно-десантной генерал-майора М. Н. Смирнова, танкисты 57-го и 139-го танковых полков дружно атаковали передний край обороны противника. Даже теперь, спустя более тридцати лет, вспоминая эту атаку, трудно рассказать, как наши танки и пехота в условиях непогоды, непролазной грязи, слякоти, показав исключительную напористость, высокий боевой дух, стремительно бросились на врага. По правде говоря, хотя в ходе подготовки операции мы сделали все возможное и невозможное для того, чтобы обеспечить успех атаки, червячок сомнения иногда закрадывался в наши сердца: пройдут ли танки, артиллерия. Уж очень плохая была погода. Мы с облегчением вздохнули, когда наши доблестные гвардейцы ворвались в траншеи противника. Сколько мужества, беспредельной храбрости было проявлено в этих невероятно

трудных условиях!

В связи с обозначившимся успехом с 24 часов этого же дня армии был переподчинен 8-й механизированный корпус. Директивой командующего фронтом корпусу была поставлена следующая задача: с утра 21 ноября войти в прорыв на участие Зыбкое, Петрозагорье и, развивая наступление в направлении Недогарки, Протопоповки, в обход Александрии с севера, к исходу 21 ноября овладеть районом Новоалександровка, Користовка, Александрия. На 22 ноября корпусу ставилась задача овладеть районом и железнодорожным узлом Знаменка. Этой же директивой фронта армии указывалось энергичнее развивать наступление в общем направлении на Павлыш, с разворотом удара левым флангом на Александрию, введя здесь все резервные дивизии[33].

Немецко-фашистское командование понимало, что начавшаяся операция может привести к потере Александрии и Знаменки и разгрому дивизий, оборонявших подступы к ним. Поэтому оно уже 20 ноября начало перебрасывать из района Кривого Рога 11-ю и 14-ю танковые дивизии. Была возвращена и 6-я танковая дивизия, которая находилась на пути в Германию для переформирования[34].

Утром 21 ноября бои по всему фронту армии возобновились с новой силой. Решительно взламывая оборону врага, уничтожая и подавляя огнем, штыком и гранатой его сопротивление, соединения армии не прекращали наступление пи днем, ни ночью. За трое суток напряженных боев была в основном выполнена ближайшая задача: войска вышли на рубеж Павлыш, Косовка, Громоклей, Новосветополь. С этого рубежа после небольшой перегруппировки, которая была проведена в ходе боевых действий, с утра 24 ноября наступление продолжалось в общем направлении на Знаменку.

Преодолевая сопротивление противника в опорных пунктах и отражая его контратаки, войска армии в начале декабря овладели: 110-я дивизия — Янивом, 214-я — Диковкой; 8-й мех корпус, 95-я и 97-я дивизии вели наступление на разъезд Диковка; 13-я дивизия захватила Протопоповку; 111-я и 9-я воздушно-десантная дивизии выбили противника из восточной части Александрии и готовились к форсированию реки Ингулец.

К этому времени правее нас 5-я гвардейская танковая армия генерала П. А. Ротмистрова овладела поселком Дмитровка. Туда же выходили части 53-й армии. Левее наступал 35-й гвардейский стрелковый корпус генерала Горячева, обходя Новую Прагу и Митрофановку с юго-востока. Обстановка и условия действий для соединений 5-й гвардейской армии значительно улучшались.

Однако противник предпринимал все новые и новые попытки остановить наше наступление. 3 ноября силами 4-й и 11-й танковых и 10-й моторизованной дивизий он нанес контрудар в направлении разъезда Диковка по нашим 214, 95 и 97-й дивизиям и 8-му механизированному корпусу. Трое суток шли тяжелые, кровопролитные бои. Проявляя мужество, упорство и героизм, наши части и соединения нанесли противнику большие потери и отбросили его на запад.

6 декабря штурмом был освобожден город Александрия, а на следующий день — Новая Прага.

Противник продолжал яростно сопротивляться на подступах к городу Знаменка. Но сдержать натиск гвардейцев он уже не мог, и 9 декабря в результате двухдневных напряженных боев войска 5-й гвардейской армии во взаимодействии с 5-й гвардейской танковой армией при поддержке авиации 5-й воздушной армии овладели этим мощным опорным пунктом на кировоградском направлении.

К 10 декабря войска 2-го Украинского фронта вышли на рубеж: 5-я гвардейская танковая армия — северо-западнее Знаменки; 5-я гвардейская армия своей 6-й воздушно-десантной дивизией — западнее Знаменки, 214, 95 в 97-и дивизиями — западнее Мошорино, 9-й воздушно-десантной, 13-й и 111-й дивизиями — западнее Митрофановки, 33-м корпусом — южнее Митрофановки.

Войска фронта, завершив бои по прорыву укрепленной полосы немецко-фашистских войск на реке Ингулец, освободив города Александрия и Знаменка, приостановили дальнейшее наступление и закрепились на достигнутом рубеже.

Александрийско-Знаменская операция 5-й гвардейской армии примечательна тем, что успехи, достигнутые в первый день, позволили командующему фронтом нарастить ее усилия действиями фланговых армий — 5-й гвардейской танковой и 53-й общевойсковой. Таким образом, армейская операция, по существу, переросла во фронтовую и продолжалась 20 суток. Темпы наступления были невысокими. Это объясняется прежде всего исключительна плохими погодными условиями. Непрерывные дожди, приведшие в непроезжее состояние дороги, по существу, исключили возможность проведения глубоких маневров во фланг и тыл противнику — наиболее характерных для наших войск способов действий в ходе развития наступательных операций. Конечно, надо отдать должное и противнику, который использовал плохую погоду для создания устойчивой обороны на естественных рубежах.

В ходе проведенной операции были еще раз

продемонстрированы мастерство и героизм воинов, умение командиров всех степеней умело организовать и вести боевые действия в любых условиях, превосходство советской боевой техники и вооружения над техникой и вооружением врага.

Нам было особенно приятно, что в очередных приказах Верховного Главнокомандующего были отмечены отличившиеся в боях за Александрию и Знаменку соединения 5-й гвардейской армии: 110-я дивизия полковника М. И. Огородова, 6-я воздушно-десантная — генерала Смирнова, 95-я дивизия — полковника Олейникова, 111-я — полковника Бушина, 214-я — полковника Жукова, 8-й механизированный корпус генерала Хасина, артиллеристы полковников Степащенко, Сонина, подполковника Гольдина и майора Затульского…

Рассказывая об ожесточенных боях этого периода войны, хочу отметить, что Ставка Верховного Главнокомандования постоянно уделяла огромное внимание вопросам материального обеспечения войск, особенно же — сохранения жизни воинов, восстановления здоровья раненых и больных фронтовиков. Начальник Главного военно-медицинского управления генерал-полковник медицинской службы Е. И. Смирнов — опытный медик и заботливый человек — широко пользовался услугами крупных специалистов-медиков для оказания помощи в организации военно-медицинской службы в соединениях и объединениях и непосредственного участия в лечении больных и раненых. В этих целях в действующую армию направлялись группы специалистов, которыми руководили выдающиеся ученые в различных областях медицины.

В конце ноября 1943 года, как раз в ходе боев на подступах к городу Александрия, наш главный армейский хирург Евгений Николаевич Попов, к слову сказать, человек большой души и мастер своего дела, сообщил мне приятную новость: в армию прибыла группа медицинских работников, которую возглавляет один из выдающихся наших хирургов академик Сергей Сергеевич Юдин, чтобы помочь улучшить медицинскую службу в соединениях армии, показать армейским медикам некоторые новые методы лечения раненых. Группа привезла с собой юдинские операционные столы, очень удобные для работы в полевых условиях.

Я попросил своих подчиненных устроить всех приехавших во втором эшелоне управления армии, создать им максимально удобные в сложившейся обстановке условия для работы и при первой возможности познакомить меня с С.С. Юдиным. Еще до войны мне приходилось не раз слышать, что это очень крупный хирург, делающий сложнейшие желудочные операции и

искусственные пищеводы, и имя его широко известно не только у нас в стране, но и за ее пределами.

Спустя некоторое время Сергей Сергеевич приехал на командный пункт армии, где и состоялось наше первое личное знакомство. Его внешность и манера вести себя сразу же произвели на всех очень сильное впечатление. Это был человек довольно высокого роста, худощавый, с длинными кистями и длинными пальцами рук. У него были умные, острые, я бы даже сказал, пронзительные глаза и худое, подвижное, как бы состоявшее из одних мышц, лицо, на котором очень быстро, почти мгновенно, выражались все чувства, владевшие в ту или иную минуту Сергеем Сергеевичем. Одет он был в длинноватую даже по его росту шинель, к которой еще, видимо, не совсем привык.

В разговоре при первой встрече Сергей Сергеевич так и не сказал ни одного слова о себе. Говорил только о цели приезда и о своем желании как можно скорее приступить к делу. Чувствовалось, что это человек большого ума и быстрых решений, энергичный, что, однажды приняв решение, сделает все, чтобы его выполнить.

Свои соображения об армейской медицинской службе и о методах лечения раненых он излагал нам очень горячо, убедительно. Разговор с ним у меня до сих пор остался в памяти.

— Закон медицинской службы на войне, — говорил Сергей Сергеевич, — оказание помощи раненым как можно быстрее, дорожа каждой минутой. А для этого нужно, чтобы медпункты, медсанбаты, госпитали располагались возможно ближе к наступающим или обороняющимся войскам. Задача командиров и начальников обеспечить немедленную доставку раненых к пунктам обработки. В условиях маневренной войны и быстрых темпов наступления расширение объема неотложных хирургических вмешательств — одна из первостепенных задач медицинской службы. Ее выполнение возможно за счет максимального переноса хирургических вмешательств в госпитали первой линии и даже в медсанбаты. Мы проведем сборы врачей и покажем им на практике все те возможности, которые существуют для операций раненых в самой различной обстановке.

Сергей Сергеевич с особенным жаром говорил о необходимости качественной хирургической обработки раненых с повреждением крупных суставов нижних конечностей. Обычно такие ранения давали на фронте весьма высокий процент тяжелых, а подчас и смертельных осложнений, и поэтому С. С. Юдин уделял особое внимание этой категории раненых и разработал наиболее рациональные приемы их оперативной

обработки, придавая чрезвычайно важное значение быстрой гипсовке раненых конечностей.

После нашей беседы Сергей Сергеевич начал объезжать госпитали, медсанбаты, полковые медпункты. В течение всего времени пребывания в нашей армии Юдин решал общие организационные задачи, проводил сборы врачей и в то же время ежедневно оперировал раненых. Бывали дни, когда он делал по десять — двенадцать операций в сутки под артиллерийским обстрелом и авиационной бомбежкой. Убедить его не ездить в опасные места было невозможно. Туда, куда ему нужно было добраться, он добирался в любую погоду, по любым дорогам, на любых видах транспорта, лишь бы спасти жизнь тем, кто рисковал ею, защищая Родину.

Работая день и ночь, Сергей Сергеевич находил время для бесед не только с медицинскими работниками, но часто и охотно встречался и разговаривал с командирами и политработниками на общие медицинские темы, знакомя их со своими взглядами на организацию медицинской службы во фронтовых условиях.

В беседах с нами Сергей Сергеевич часто вспоминал мужество и мастерство знаменитого русского хирурга Пирогова, подробно рассказывал о его работе. Как мне показалось, Юдин очень высоко ценил Пирогова, любил его и старался ему подражать. Не раз он говорил нам и о Бурденко, очень высоко оценивая деятельность этого выдающегося ученого и хирурга.

Как-то однажды поздно вечером мы сидели в одном из немногих сохранившихся после боев домиков маленького украинского хутора. Член Военного совета армии П. Е. Сухарев, начальник тыла М. В. Метелкин, армейский хирург Е. И. Попов беседовали с Юдиным по вопросам лечения и эвакуации раненых, возвращения в строй выздоравливающих, особенно после легких ранений. Говорили о том, что нужно предпринять, чтобы ускорить и улучшить это дело. Неожиданно в домике появился начальник штаба армии Н. И. Лямин и сказал, что ему только что позвонили из соседней 53-й армии и сообщили, что там произошло несчастье: наблюдательный пункт подвергся артобстрелу, тяжело ранены несколько генералов, офицеров, красноармейцев. Сергей Сергеевич вскочил с места, как солдат по сигналу «Тревога», и немедленно вызвал операционную сестру Марину Петровну Голикову, свою замечательную самоотверженную помощницу. Мы сейчас же снарядили вездеход, для страховки запрягли еще и повозку с хорошими, сильными лошадьми, дали проводников, и Юдин тут же, темной ночью, отправился в дорогу и, приехав на место, сделал все, чтобы спасти раненых.

Вспоминаю, что в январе 1944 года, когда проводилась

Кировоградская операция, на наблюдательном пункте армии находился Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков. Наступление развивалось успешно, в прорыв был введен механизированный корпус генерала Ф. Г. Каткова. Неожиданно появился Сергей Сергеевич Юдин. Жуков тепло поздоровался с ним — они были и раньше хорошо знакомы — и спросил:

— Зачем вы, Сергей Сергеевич, пожаловали на передовые позиции?

— Как же не пожаловать сюда, ближе к вам, — ответил Юдин. — Где же, как не здесь, мы лучше увидим и узнаем, куда нам, медикам, направлять свои усилия.

Побеседовав с хирургом, Жуков уехал в штаб фронта, а Сергей Сергеевич, вместе с которым на этот раз был другой замечательный хирург — Б. С. Розанов, с моего разрешения отправился в медсанбат дивизии, действовавшей на главном направлении. В ходе Кировоградской операции группа врачей под руководством Юдина и при его личном участии очень много сделала для раненых солдат и офицеров, оказала большую помощь медицинским органам освобожденного города и области.

Сергею Сергеевичу не раз доводилось, находясь в наступающих дивизиях, видеть многие преступления, которые совершали фашисты на нашей земле: сожженные села, убитых женщин и детей; и он разделял, не мог не разделять ту ненависть, которую испытывали к фашистам наши солдаты. Однажды, присутствуя на допросе пленных эсэсовцев, у которых были изъяты фотографии, запечатлевшие зверства гитлеровцев, Юдин сказал:

— Я не в состоянии тронуть и, конечно, не трону пальцем человека, попавшего в плен, но убить своими руками фашиста, который сражается против нас с оружием в руках, я бы очень хотел.

Вскоре я узнал, что этот разговор имел продолжение. Сергей Сергеевич уговорил командующего артиллерией генерала Г. В. Полуэктова, поехал вместе с ним на артиллерийские позиции и там настоял на том, чтобы ему разрешили самому сделать несколько выстрелов из орудия по разведанным целям врага.

Ровно через год, в январе 1945 года, в ходе Висло-Одерской операции, мы вновь встретились с неутомимым С. С. Юдиным. К нашей великой радости, Сергей Сергеевич прибыл со своей группой, чтобы в который раз снова быть в гуще боевых событий, работать, работать и еще раз работать там, где труднее, где опаснее.

При подходе к Одеру был ранен командир 14-й гвардейской стрелковой дивизии Герой Советского Союза генерал В. В.

Скрыганов. Обстановка в это время была очень опасная: в тылу у нас бродили отходившие по лесам большие группы гитлеровцев, в воздухе непрерывно висели немецкие истребители, базировавшиеся на своих передовых аэродромах. Поднявшись с них, фашистские летчики из состава частей противовоздушной обороны Бреслау, имевшие, кстати, высокую летную подготовку, обстреливали на дорогах даже одиночные легковые машины. А наша истребительная авиация, не имея достаточного количества прифронтовых аэродромов, базировалась довольно далеко от линии фронта, появлялась над полем боя только на десять — пятнадцать минут, а затем вынуждена была возвращаться для заправки. Словом, на дорогах было небезопасно. Но, как только Сергей Сергеевич узнал о ранении генерала Скрыганова, он немедленно помчался по этим опасным для дневного передвижения дорогам в дивизию, чтобы помочь ее командиру, ранение которого, к несчастью, оказалось смертельным.

Незадолго до отъезда из нашей армии Юдин ночью приехал ко мне на командный пункт проститься. Здесь он высказал пожелание, чтобы, как только завершится операция, ему разрешили взять в Москву, в Институт имени Склифосовского, для дальнейшего наблюдения и лечения 250–300 оперированных им тяжелораненых воинов. По дороге в Москву Сергей Сергеевич заехал в штаб фронта и обратился с этой просьбой к Ивану Степановичу Коневу. Командующий фронтом охотно удовлетворил просьбу Юдина. Штаб армии получил указание позаботиться об отправке железнодорожного состава с ранеными и обеспечить их в пути всем необходимым.

Прощаясь в ту ночь с Сергеем Сергеевичем и его группой, Военный совет армии выразил им сердечную благодарность. Мы до конца войны помнили о благороднейшей большой работе, которую у нас проделал Юдин вместе со своими коллегами. О них, как о настоящих патриотах, мужественных людях, вспоминали не только у нас в штабе армии, но и во многих дивизиях и полках, где они бывали и работали.

Благодаря оказанной ими помощи, самоотверженной работе наших медиков, сложившейся более совершенной системе медслужбы, мероприятиям командиров, политработников всех звеньев была сохранена жизнь многих тысяч воинов и обеспечено возвращение в строй по 5-й гвардейской армии свыше 70 процентов раненых.

В июне 1945 года, после Парада Победы, я вместе с генералами А. И. Родимцевым, Г. В. Баклановым и группой офицеров армии побывал в Институте имени Склифосовского. В сопровождении С. С. Юдина мы прошли по палатам и навестили

раненых офицеров и красноармейцев, которые прибыли долечиваться из армейских госпиталей в Москву. Здесь были раненые главным образом с огнестрельными переломами бедер и повреждениями крупных суставов. Многие из них уже выздоровели и собирались выписываться, а все остальные были в хорошем состоянии и долечивались с твердой уверенностью в скором полном выздоровлении. Наши гвардейцы очень тепло отзывались и о лечении, которое проводилось в Институте, и о той заботе, которой их окружили, выражали свою горячую признательность С. С. Юдину.

Я был за границей, когда скончался Сергей Сергеевич, и мне, к величайшему сожалению, не довелось проводить его в последний путь. И я, и многие советские люди глубоко переживали эту утрату. В лице Сергея Сергеевича Юдина наша страна потеряла замечательного хирурга и удивительного человека. Я испытал глубокое удовлетворение, когда узнал, что С. С. Юдину вместе с В. Н. Шамовым была посмертно присуждена Ленинская премия за их выдающиеся работы в области медицины.

С огромным интересом прочитал опубликованную уже после смерти Сергея Сергеевича его книгу «Размышления хирурга», вышедшую с предисловием министра здравоохранения СССР Б. В. Петровского, Когда я читал эту книгу, вновь и вновь вспоминал с благодарностью те суровые дни, когда меня, военного человека, судьба свела с Сергеем Сергеевичем Юдиным, И, вспомнив это, решил написать все то, что знал, и то, что думал о Сергее Сергеевиче Юдине. Мне даже казалось, что я обязан это сделать, потому что все мои товарищи по оружию, воины 5-й гвардейской армии, продолжают и много лет спустя после войны и после смерти Сергея Сергеевича хранить благодарную память о нем.

Никогда не забудутся первые дни нового, 1944 года. Они ознаменовались победами Красной Армии на Правобережной Украине. Перешедшая в канун Нового года (24 декабря) в наступление ударная группировка 1-го Украинского фронта уже на третий день операции овладела сильным опорным пунктом врага — Радомышлем. В первых числах января войска фронта освободили от фашистских захватчиков Новоград-Волынский, Бердичев и Белую Церковь. В результате Житомирско-Бердичевской операции, завершившейся 15 января, 1-й Украинский фронт нанес 1-й и 4-й танковым армиям врага чувствительные удары и продвинулся за три недели на запад от 80 до 200 км. Однако левый фланг фронта оставался на Днепре, в районе Ржищева.

В связи с успешным наступлением войск 1-го Украинского

фронта Ставка Верховного Главнокомандования 26 декабря 1943 года поставила 2-му Украинскому фронту следующую задачу: «… Прочно удерживая занимаемый рубеж на своем левом фланге, не позднее 5 января 1944 года возобновить наступление, нанося главный удар на Кировоград силами не менее четырех армий, из которых одна танковая. Ближайшая задача — разбить кировоградскую группировку противника и занять Кировоград, охватывая его с севера и юга. В дальнейшем овладеть районом Новоукраинка, Помошная и наступать на Первомайск с целью выхода на реку Южный Буг, где и закрепиться. Одновременно нанести вспомогательный удар силами двух армий в общем направлении Шпола, ст. Христиновка»[35].

Перед 2-м Украинским фронтом оборонялись 8-я и часть войск 6-й армии в составе 22 дивизий, в том числе 5 танковых и 2 моторизованные. Основные силы противника действовали в первом эшелоне. В резерве находились две танковые, одна моторизованная и три пехотные дивизии.

Придавая большое значение Кировограду как важному опорному пункту, стоящему на магистральных путях Южной Украины, немецко-фашистское командование на подступах к городу и в самом городе создало сильную оборону. Крупные каменные здания были подготовлены к круговой обороне, создана плотная система перекрестного и флангового огня, установлены многочисленные ряды проволочных заграждений и минные поля. Противник отчетливо представлял, что потеря Кировограда угрожала разрыву всего его южного фронта. Для обороны города перебрасывались значительные силы пехоты и танков.

Командующий фронтом И. С. Конев решил разгром кировоградской группировки противника осуществить двумя ударными группировками: первой — в составе 5-й гвардейской армии с 7-м механизированным корпусом — наступлением с рубежа Кохановка, Константиновка, ст. Медерово, Митрофановка в общем направлении Вершиполье, Казарка, Грузкое в обход Кировограда с северо-запада; второй — в составе 7-й гвардейской и 5-й гвардейской танковой армий — наступлением на Покровское в обход Кировограда с юго-востока.

Следует отметить, что в этой операции, которая должна быть проведена в высоком темпе, важная роль отводилась подвижным войскам: 7-му механизированному корпусу генерала Ф. Г. Каткова — опытного боевого танкиста — и 5-й гвардейской танковой армии генерала П. А. Ротмистрова.

Остановлюсь более подробно на задаче, поставленной 5-й гвардейской армии в Кировоградской операции. Армия, прорывая оборону противника на участке северо-западнее Кохановки, Нов.

Николаевки, наносила главный удар в направлении Субботцы, сев. окраина Кировограда, Грузкое и к исходу первого дня операции должна была овладеть: 7-м механизированным корпусом — Грузкое, разъезд Лелековка, главными силами — рубежом Донино Каменка, Марьевка, Аджамка, а передовыми отрядами — Северинка, Большая Мамайка. К исходу второго дня планировалось разгромить кировоградскую группировку врага, очистить Кировоград от гитлеровцев и выйти на рубеж Осиновата, Обозновка, Соколовские хутора.

Оперативное построение армии выглядело так: первый эшелон — два стрелковых корпуса (семь дивизий), второй эшелон (армейский резерв) — две стрелковые дивизии; подвижную группу армии составлял 7-й механизированный корпус. Были созданы также армейская артиллерийская группа, зенитная артиллерийская группа, противотанковый и инженерный резервы.

Имея протяженность фронта 30 километров, армия прорывала оборону противника на участке в 12 километров.

Соединениям армии были поставлены следующие задачи.

32-му гвардейскому стрелковому корпусу в составе 95, 97 и 110-й гвардейских стрелковых дивизий с 57-м армейским танковым полком — нанести главный удар в общем направлении Казарно, Нововодяное, разъезд Лелековка. К исходу дня главными силами выйти на рубеж (иск.) Домино Каменка, Марьевка, а передовыми отрядами, используя продвижение 7-го механизированного корпуса, — к реке Ингул. В дальнейшем корпус должен был развить успех в направлении Северинка, разъезд Лелековка, обходя Кировоград с севера-запада и запада, и частью сил на Водяное и на второй день операции овладеть рубежом Осиновата, разъезд Лелековка, содействуя 33-му корпусу в штурме Кировограда.

33-му гвардейскому стрелковому корпусу своими левофланговыми 6-й и 9-й воздушно-десантными дивизиями прочно удерживать рубеж Новороmановка, (иск.) Мощдрино. Правым флангом — 13-й гвардейской и 214-й дивизиями — прорвать оборону противника, нанося главный удар на Субботцы, северная окраина Кировограда, и развивать наступление в общем направлении на Зеленый Гай в обход Аджамки с севера и северо-запада, свертывая боевые порядки противника перед фронтом корпуса, одновременно перейти в наступление и силами левого фланга — 6-й и 9-й воздушно-десантными дивизиями — с задачей овладеть Аджамкой.

К исходу первого дня операции планировался выход главных сил на рубеж (иск.) Марьевка, Аджамка и далее — наступление к северной окраине Кировограда, а частью сил на Новую

Григорьевну, Кущевку и освобождение Кировограда во взаимодействии с 32-м корпусом. К концу второго дня 33-й гвардейский стрелковый корпус должен был выйти на рубеж разъезд Лелековка, Соколовские хутора.

7-й механизированный корпус вводился в прорыв в полосе 32-го корпуса и к исходу первого дня операции должен был выйти в район Грузкое, разъезд Лелековка и помочь 33-му гвардейскому стрелковому корпусу в освобождении Кировограда.

В армейский резерв выделялись две стрелковые дивизии для действий: 84-я — в полосах 97-й и 95-й дивизий; 111-я — в полосах 13-й или 214-й дивизий.

Как стало известно из данных разведки, перед фронтом армии оборонялись части 10-й моторизованной, 14-й танковой и 376-й пехотной дивизий. Первая полоса обороны противника представляла собой систему опорных пунктов, оборудованных инженерными сооружениями полевого типа, противотанковыми и противопехотными заграждениями.

На подготовку войск к боевым действиям и планирование операции времени было крайне мало. Начало операции намечалось на 5 января 1944 года, а оперативную директиву фронта о ее начале мы получили только 2 января. В ней говорилось:

«1. Исходное положение передовыми батальонами и артиллерией запять в ночь на 4 января 1944 г. Провести самоокапывание пехоты. Установить связь и организовать наблюдательные пункты. С 4 на 5 января полностью занять исходное положение всем боевым порядком.

2. День 4 января полностью использовать для отработки вопросов взаимодействия в звене рота, батарея, батальон, артдивизион. Отработать на местности направления и объекты атаки, взаимодействие с соседями; установить характер обороны противника и его укреплений, чтобы объекты атаки были видны и командирам стрелковых подразделений, особенно рот и батальонов, и командирам батарей, и командирам дивизионов.

3. Провести общую разведку для окончательного уточнения переднего края, системы огня противника и характера инженерных укреплений»[36].

Я привел дословно эту директиву, чтобы показать, насколько сложные и объемные задачи приходилось выполнять командующим, командирам и штабам в крайне сжатые сроки. И, надо сказать, что, несмотря на трудности, мы их успешно решали, ибо знали, что за каждый малейший просчет придется платить жизнями наших гвардейцев. Вся работа командиров и штабов проводилась на местности. Политорганы, парторганизации

разъясняли задачу, стоящую перед войсками, — быстрейшее освобождение города Кировограда и всей Правобережной Украины. В члены партии и ленинского комсомола принимались лучшие, отличившиеся в боях воины. Вместе с командирами они помогали солдатам, особенно нового пополнения, осваивать передовой боевой опыт. Широко популяризировались традиции гвардейских соединений и частей, ветеранов, героев армии. Целеустремленная партийно-политическая работа в период подготовки операции еще выше подпила наступательный порыв и боеспособность личного состава.

Первые дни нового года в полосе армии прошли спокойно. Ночью и днем 4 января 1944 года после завершения перегруппировки дивизии провели разведку боем с целью вскрыть огневую систему вражеской обороны. Артиллерия закончила пристрелку целей. В ночь на 5 января соединения армии заняли исходное положение для наступления.

Рано утром на наблюдательный пункт армии прибыл Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, Он внимательно выслушал мой доклад о готовности войск к началу наступления. Георгий Константинович заметил нам, что Кировоград может оказаться крепким орешком, успех его штурма будет зависеть от быстрого выхода соединений генерала Родимцева на его подступы с востока, а 33-го корпуса — с северо-запада.

— Следите за событиями на флангах армии, не упустите момент ввода 7-го механизированного корпуса. Может статься, что именно в полосе действий 5-й гвардейской армии будет решена судьба всей Кировоградской операции, — сказал маршал Г. К. Жуков.

Так оно в действительности и получилось. В 8 часов 45 минут началась артиллерийская подготовка, саперы приступили к проделыванию проходов в минных нолях. Через час пехота с танками непосредственной поддержки смело и дружно атаковали противника. Атака и наступление развивались настолько успешно и стремительно, что уже через два с половиной часа в полосу прорыва 32-го гвардейского стрелкового корпуса на больших скоростях двинулся 7-й механизированный корпус генерала Ф. Г. Каткова. К исходу дня оба корпуса вышли к реке Ингул на рубеж Подмосковная, Большая Мамайка, создав благоприятные условия для обхода Кировограда с северо-запада.

По-другому развивались события на направлении главного удара фронта — в полосе наступления 7-й гвардейской армии. Здесь стрелковые подразделения столкнулись с более сильным сопротивлением противника и к установленному времени ввода 5-й гвардейской танковой армии не смогли прорвать оборону

врага на достаточную глубину. Пришлось корпуса танковой армии вводить для допрорыва обороны противника, поэтому на этом участке к исходу 5 января войска смогли выйти лишь на рубеж северо-восточная окраина Червовый Яр, Плавни.

Учитывая трудности, возникшие в полосе 7-й гвардейской армии, и успешное развитие наступления на нашем участке, командующий фронтом с утра 6 января переподчинил мне 8-й механизированный корпус 5-й танковой армии и приказал «развить энергичное наступление 7-м и 8-м механизированными корпусами в обход Кировограда с северо-запада в общем направлении на Грузкое, разъезд Лелековка с целью перерезать пути, ведущие из Кировограда на запад и северо-запад, и во взаимодействии с войсками 5-й танковой армии овладеть Кировоградом»[37].

Такое решение И. С. Конева вытекало из сложившейся обстановки, и его выполнение обеспечило успех всей операции.

Рано утром 6 января соединения армии возобновили наступление, обходя Кировоград с севера. Противник с целью локализации прорыва перебросил на наше направление свои резервы и провел из района Густой Гай, Марьевка, Зеленый Гай сильные контратаки пехотой и танками, особенно по нашему левому флангу.

Соединения 32-го и 33-го гвардейских стрелковых корпусов вместе с артиллерией, танками НПП успешно отбивали контратаки врага и упорно продвигались вперед.

Мне хочется особо отметить мужество и отвагу воинов 289-го гвардейского стрелкового полка под командованием гвардии майора Ю. А. Науменко, 294-го гвардейского стрелкового полка гвардии подполковника А. Д. Харитонова, 287-го стрелкового полка подполковника Ф. М. Заярного, зенитчиков 29-й зенитно-артиллерийской дивизии полковника М. А. Вялова, 39-го гвардейского стрелкового полка, которым командовал гвардии подполковник А. К. Шур.

К исходу второго дня операции армия расширила прорыв по фронту до 70 км и продвинулась в глубину обороны противника до 30 км.

В это время корпуса 5-й гвардейской танковой армии с ходу преодолели второй оборонительный рубеж врага по реке Аджамка и продолжали успешно продвигаться к Кировограду. Во второй половине дня 6 января 29-й танковый корпус вышел к юго-восточной окраине города. Вслед за танками в южную часть города ворвались подразделения 9-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. Части 33-го гвардейского стрелкового корпуса, отразив все контратаки, выбили противника из

нескольких населенных пунктов вблизи Кировограда и также ворвались в город.

Всю ночь на 7 января шли ожесточенные бои за Кировоград. Город горел. Фашистские захватчики лихорадочно вывозили из города ценное промышленное оборудование, взрывали жилые дома, здания промышленных предприятий.

Под утро 7-й и 8-й механизированные корпуса и части 5-й гвардейской армии, развивая наступление на Грузное, перерезали железную и шоссейную дороги Кировоград — Новоукраинка в районе разъезда Лелековка, а передовые части 18-го танкового корпуса к этому времени вышли в район Новопавловки и перерезали дорогу Кировоград — Ровное. Таким образом, противник в Кировограде был окружен.

В ночь на 8 января начался штурм города. На улицах города отважно сражались солдаты 6-й и 9-й гвардейских воздушно-десантных дивизий. Активную помощь советским воинам оказывали местные жители, которые в качестве проводников выводили наши части на пути отхода гитлеровских войск.

К 10 часам утра 8 января 1944 года совместными усилиями воинов 5-й, 7-й гвардейских армий и 5-й гвардейской танковой армии город Кировоград был освобожден. Столица нашей Родины — город Москва громом двадцати артиллерийских залпов из 224 орудий возвестила о новой победе советских войск на Правобережной Украине. На боевых знаменах многих полков и дивизий, отличившихся в боях за город, золотом засияли почетное наименование «Кировоградские» и боевые ордена.

После освобождения Кировограда начались бои по уничтожению окруженных северо-западнее города частей 10-й моторизованной, 11-й, 14-й танковых и 370-й пехотной дивизий. Пытаясь во что бы то ни стало вырваться из окружения, противник нащупал разрыв между частями 13-й гвардейской стрелковой дивизии и начал выходить из котла. Начальник штаба дивизии полковник Т. В. Вельский бросил на этот участок учебный батальон капитана А. К. Чванкина, 4-й истребительно-противотанковый артиллерийский дивизион гвардии майора И. Г. Розанова и комендантскую роту капитана Н. Ф. Бирюкова. Подразделении, руководимые этими мужественными офицерами, остановили гитлеровцев.

Только часть окруженной группировки сумела вырваться через Обозновку и уйти в северо-западном направлении.

Фашистское командование хотело вернуть Кировоград, Подтянув в этот район танковую дивизию «Великая Германия», собрав остатки разбитых пехотных дивизий, противник беспрерывно контратаковал наши соединения. Особенно тяжело

пришлось в течение 10 и 11 января 9-й гвардейской воздушно-десантной, 95, 97 и 110-й гвардейским стрелковым дивизиям. Однако все контратаки противника были отбиты.

В ходе январского наступления соединения армии продвинулись вперед почти на 70 км, освободили от врага более 80 крупных населенных пунктов. 5-я гвардейская армия во взаимодействии с 7-м и 8-м механизированными корпусами нанесла сильное поражение 14-й танковой, 10-й моторизованной, 376-й пехотной дивизиям, 17-й танковой дивизии, переброшенной из-под Херсона, 2-й пехотной и частям 11-й и 13-й танковых дивизий, переброшенных в Кировоград с других участков фронта[38].

Успеху Кировоградской операции во многом способствовала быстрая реакция командования фронта на все изменения обстановки. Решение И. С. Конева перебросить 8-й механизированный корпус из 5-й гвардейской танковой армии в полосу 5-й гвардейской армии для развития наметившегося успеха, несомненно, ускорило разгром противника и освобождение Кировограда.

Эта операция имела далеко идущие последствия. Для наших войск, действовавших на этом направлении, создалась благоприятная обстановка не только для проведения Корсунь-Шевченковской операции, по и для организации крупного наступления в целях выхода в Северную Молдавию, к государственной границе с Румынией.

С 24 января по 17 февраля 1944 года войска 1-го и 2-го Украинских фронтов блестяще провели Корсунь-Шевченковскую наступательную операцию. В ходе боев по ликвидации окруженной группировки противник потерял 55 тысяч солдат и офицеров убитыми и ранеными и более 18 тысяч пленными. Все вооружение и боевая техника гитлеровцев остались на поле боя.

5-я гвардейская армия занимала оборону в районе юго-западнее Кировограда и непосредственного участия в Корсунь-Шевченковской операции не принимала. Однако две ее дивизии — 6-я гвардейская воздушно-десантная и 110-я гвардейская стрелковая — были переброшены в этот район и сражались в составе группировки 2-го Украинского фронта, разгромившей окруженного противника. Взамен убывших дивизий в состав армии вошли 14-я гвардейская, 213-я и 299-я стрелковые дивизии.

Кроме того, чтобы помешать противнику перебросить часть своих сил с нашего участка фронта в район Корсунь-Шевченковского, мы провели наступление двумя дивизиями: 97-й гвардейской стрелковой — в направлении Грузное, Большая

Виска, 13-й гвардейской стрелковой — на Арсентьевку и Ковалевку.

После ликвидации корсунь-шевченковской группировки немецко-фашистских войск на стыке 1-го и 2-го Украинских фронтов наступило временное затишье. Войска готовились к новым боям. Предстояло завершить освобождение советской земли от гитлеровских, захватчиков на южном крыле советско-германского фронта.

В эти дни мы разработали специальный план, по которому полки попеременно выводились в тыл. Там они пополнялись людьми, вооружением и боевой техникой и отрабатывали вопросы прорыва глубоко эшелонированной обороны. Всю подготовительную работу приходилось проводить в крайне неблагоприятных метеорологических условиях. Наступившая мартовская оттепель, частые дожди сделали поля и дороги непроходимыми для всех видов транспорта. Буксовали даже трактора и тягачи. Боеприпасы, продовольствие и другие материальные средства доставлялись в подразделения на руках за десятки километров.

Повседневно, целенаправленно велась в войсках партийно-политическая работа. Политработники всех степеней — от члена Военного совета армии до заместителей командиров по политчасти, инструкторов и пропагандистов политорганов соединений — находились среди солдат, в подразделениях. На партийных и комсомольских собраниях, в беседах, в политинформациях подводились итоги последних боев, лучшие из лучших делились боевым опытом, в задушевных беседах рассказывали новичкам о боевом пути своих частей, о героях боев, чьи имена стали символом воинской доблести и геройства. Все это воспитывало у гвардейцев высокий наступательный порыв, страстное желание скорее идти в бой громить ненавистного врага.

Как известно, советское Верховное Главнокомандование отнюдь не собиралось давать врагу длительную передышку, несмотря даже на весеннюю распутицу, непролазную грязь и бездорожье. По замыслу Ставки, Украинские фронты должны, были одновременно нанести мощные удары: 1-й — через Чортков на Черновцы, то есть из Поделив на Буковину; 2-й — через Умань и Рудницу на Бельцы и Яссы; 3-й — через Николаев на Одессу, В ходе наступления трех фронтов фашистская группа армий «Юг» должна быть отрезана от группы армий «Центр» и отброшена в Румынию.

К началу марта в полосе 2-го Украинского фронта оборонялись 8-я и частично 6-я гитлеровские армии в составе 20

дивизий, в том числе 4 танковые и 2 моторизованные. Наиболее сильная группировка вражеских войск была сосредоточена на уманьском направлении[39].

В подготавливаемой Уманьско-Ботошанской наступательной операции фронта планировалось нанесение ударов на двух участках. Главный удар — силами трех общевойсковых и трех танковых армий из района Звенигородки в общем направлении на Умань; вспомогательный удар — силами 5-й и 7-й гвардейских армий в направлении Новоукраинки. Действия войск фронта поддерживала 5-я воздушная армия, которой командовал замечательный авиатор и большой души человек генерал-лейтенант авиации С. К. Горюнов.

Таким образом, наша 5-я гвардейская армия действовала на вспомогательном направлении и по плану операции переходила в наступление на три дня позже армий ударной группировки — 8 марта.

Изучив полученную задачу, я принял решение нанести главный удар из района Кировограда на левом фланге армии с рубежа Карловка, Грузкое силами четырех дивизий — 9-й гвардейской воздушно-десантной, 13, 95, 97-й гвардейских стрелковых дивизий, сосредоточенных на фронте 7 км. Вспомогательный удар наносился частями 14-й гвардейской, 213, 214, 299-й стрелковых дивизий, занимавшими фронт около 50 км[40].

В ночь на 7 марта соединения армии провели перегруппировку, а затем заняли исходное положение для наступления. Сделать это было нелегко. Передовая проходила по сильно пересеченной местности, и туда по бездорожью и непролазной грязи буквально на руках наши артиллеристы перетаскивали пушки.

Нам было известно, что перед фронтом армии обороняются части 106, 376, 287-й пехотных и 10-й моторизованной дивизий. Противник сильно укрепил свой передний край, который проходил по рубежу Тишковка, Панчево, Карловка. На аэрофотоснимках отчетливо просматривались многочисленные траншеи и ходы сообщения, блиндажи и дзоты, противотанковые и противопехотные минные поля. Прорывать такую оборону, да еще в такую плохую погоду, было делом нелегким.

В 7 часов утра 8 марта 1944 года началась артподготовка. Через 50 минут гвардейцы пошли в атаку. Гитлеровцы открыли сильный огонь. Увязая по колено в грязи, карабкаясь по крутым скатам, первыми ворвались в траншеи врага роты 1-го батальона 39-го полка 13-й гвардейской стрелковой дивизии, взвод гвардии младшего лейтенанта В. Суслова из 97-й гвардейской стрелковой

дивизии, рота младшего лейтенанта П. Шанина из 95-й гвардейской стрелковой дивизии. Завязались жаркие рукопашные схватки; фашисты не выдержали и начали отходить к Новоукраинке.

Население освобожденных сел горячо встречало гвардейцев, помогало чем могло. Старики, женщины, подростки на подводах, запряженных коровами, на волокушах, просто на руках подвозили и подносили снаряды и патроны наступающим подразделениям, помогали вытаскивать из грязи застрявшие машины и пушки, ухаживали за ранеными.

На восьмой день наступления войска армии подошли к городу Новоукраинка, а утром 17 марта 13-я и 97-я гвардейские стрелковые дивизии во взаимодействии с 9-й гвардейской воздушно-десантной, 95-й гвардейской стрелковой дивизией и 16-й мотомехбригадой 7-го механизированною корпуса завязали бой на его окраинах.

Первым в город ворвался 289-й гвардейский стрелковый полк 97-й гвардейской стрелковой дивизии. Несколько часов длился уличный бой, и вот уже я докладываю командующему фронтом, что районный центр Кировоградской области город Новоукраинка освобожден…

…В успехе мартовского наступления наших войск большая заслуга гвардейцев-артиллеристов. Они действовали в цепях пехоты, помогая стрелкам прорывать оборонительные рубежи и отражать многочисленные контратаки противника. Хорошо была налажена артиллерийская разведка. В этом немалая заслуга начальника разведки артиллерии армии гвардии подполковника С. Е. Кузьмина. В ходе наступления Кузьмин со своими разведчиками находился в боевых порядках стрелковых подразделений, корректируя и направляя огонь на подавление наиболее важных целей в обороне врага. Накануне штурма Новоукраинки Кузьмин направил армейских артиллерийских разведчиков в тыл противника. Это не только обеспечило высокую эффективность огня артиллерии, но и позволило сохранить город от разрушений. После войны трудящиеся города избрали Героя Советского Союза генерал-майора С. Е. Кузьмина своим почетным гражданином.

В ходе боев за Новоукраинку в одно из подразделений артиллерийской разведки 13-й гвардейской стрелковой дивизии был зачислен двенадцатилетний партизан Коля Печененко. Это был сообразительный и ловкий парнишка. Он проникал в расположение противника, высматривал местонахождение его танков, артиллерии, выяснял пути отхода вражеских подразделений и доставлял добытые пенные сведения своим

командирам. В последующих боях Коля Печененко обрел друзей в лице Володи Узбекова, Виктора Ефстифьева, Сережи Паршина. Все они стали воспитанниками 155-й армейской пушечной артиллерийской бригады и вместе с ней прошли славный боевой путь по дорогам Украины, Польши, Германии и Чехословакии…

Но вернемся к мартовскому наступлению наших войск. Под ударами гвардейцев, которые с каждым днем усиливались, фашисты поспешно отступали на запад. Дороги были забиты брошенной врагом техникой.

Наши соединения не давали противнику ни минуты передышки. В частях создавались подвижные группы, усиленные пулеметами и минометами. Чтобы обеспечить поддержку пехоты в условиях распутицы, пушечные батареи дивизионной артиллерии перешли на конную тягу и неотступно следовали за батальонами. Подвижные группы проникали в тыл врага, сеяли там панику, перерезали ему пути отхода.

Фашистское командование спешило отвести свои войска за реку Южный Буг, закрепиться там и остановить наше наступление. Гитлеровцы сумели заблаговременно укрепить этот рубеж. К тому же великолепным естественным препятствием была разлившаяся река. Кроме того, гитлеровцы превратили в мощный опорный пункт город Первомайск, прикрытый с востока реками Южный Буг и Синюха.

Вечером 20 марта соединения армии, выйдя на подступы к городу, были остановлены на первом рубеже обороны противника.

Первой на штурм Первомайска пошла 13-я гвардейская стрелковая дивизия. Символично, что этот небольшой украинский городок в 1941 году был местом формирования дивизии. Отсюда она шла в бой с заклятым врагом и вот спустя три года вернулась освобождать город. Но освободить его дивизия могла, только разгромив фашистский гарнизон, а для этого требовалось приложить огромные усилия. Это стоило жизни многим красноармейцам, сержантам и офицерам.

Два дня и две ноли шел ожесточенный бой за город. Вместе с 13-й гвардейской стрелковой дивизией за Первомайск дрались 95-я и 97-я гвардейские стрелковые дивизии. 9-я гвардейская воздушно-десантная дивизия, совершив обходный маневр, нанесла фланговый удар фашистским частям, оборонявшим город, тем самым оказав соединениям, штурмующим город, большую помощь. Слева от наших корпусов бой за город вели части 25-го гвардейского стрелкового корпуса 7-й гвардейской армии.

22 марта город был освобожден от фашистских захватчиков.

В тот же день все дивизии армии вышли на восточный берег Южного Буга. Погода пасмурная, снег с дождем, сильный, пронизывающий ветер… Дороги стали абсолютно непроходимыми. Но останавливаться нам было нельзя. Первыми на подручных средствах через реку переправились подразделения 292-го и 289-го полков 97-й гвардейской стрелковой дивизии. Вскоре и остальные соединении армии переправились на противоположный берег.

К вечеру 24 марта соединения 32-го и 33-го гвардейских стрелковых корпусов и 7-го механизированного корпуса уже сосредоточились на созданном плацдарме, а через двое суток — 26 марта — возобновили наступление. Бросая вооружение и боевую технику, фашисты откатывались к Днестру. Вновь началось преследование гитлеровцев, вновь передовые батальоны стрелковых дивизий, усиленные пулеметами, минометами и пушечными батареями, буквально сидели на пятках у гитлеровцев, не давая им закрепиться. И только отойдя за Днестр, противник сумел организовать оборону и приостановить наше продвижение.

Между прочим, хочу отметить, что задачу на форсирование Днестра И. С. Конев поставил около 23 часов 1 апреля 1944 года, когда соединения находились еще в 65 км от реки. Задача сформулирована предельно лаконично: стремительно преследуя противника в направлении Григориополя, к исходу 5 апреля с ходу форсировать Днестр, овладеть районами Катерница, Будешть, Спея. Оценив обстановку, я принял решение: 32-му гвардейскому стрелковому корпусу — с ходу форсировать Днестр на широком фронте, нанести главный удар правым флангом на Пугочень, развить наступление в направлении Финтиницы, Мерень и к исходу 13 апреля выйти на рубеж Чимишень, Кобуска, Века, Спея; 33-му гвардейскому стрелковому корпусу — нанести главный удар в направлении Григориополя и развивать наступление на Чимишень. 7-му механизированному корпусу была поставлена задача переправить часть своих танков через Днестр в полосе 32-го гвардейского стрелкового корпуса и ударом на Чимишень содействовать ему в захвате плацдарма, в дальнейшем быть готовым к нанесению внезапного удара в обход Кишинева.

Итак, перед нами был довольно широкий, быстрый Днестр.

Как нам сообщили разведчики, перед фронтом армии оборонялась корпусная группа «А» под командованием генерала Дрекмана, насчитывавшая до 10 пехотных полков и 4 отдельных батальонов, 22 артиллерийские батареи, 7 минометных батарей, более 60 полевых орудий, 34 орудия ПТО, 40 минометов, 300

пулеметов, 15 танков, 4100 активных штыков[41].

Гитлеровцы сильно укрепили западный берег реки.

5-я гвардейская армия понесла серьезные потери в ходе наступления, отстали артиллерия на механической тяге, транспортные подразделения. Ощущался острый недостаток в боеприпасах. Из-за значительного отставания тылов подвоз их был крайне затруднен.

К тому же, как мне доложили офицеры штаба инженерных войск, в соединениях армии имелось только 12 надувных лодок А-3, одно мотор-весло и один паром из парка НЛП, да и тот требовал ремонта. По самым скромным подсчетам, форсирование на этих средствах заняло бы не менее 10–15 суток. А танки вообще не на чем было переправлять. Что делать? Строить низководные деревянные мосты? Но где взять лес? В окрестностях росли лишь фруктовые деревья.

Выход оставался один — форсировать Днестр на подручных средствах, используя буквально все, что не тонет в воде. Кроме того, решили из имеющихся плавсредств и подручных материалов в полосе каждой дивизии оборудовать по одной десантной и по одной паромной переправе, используя для этого надувные лодки А-3. Однако требовалась еще мостовая переправа грузоподъемностью 12 тонн и одна паромная переправа для танков. Но для этого ни табельных, ни подручных средств не было. Самое же главное, нужен был мост, хотя бы 6-тонный, ибо после переправы армию нужно было питать всем необходимым для боя. И вот для оборудования наплавного моста саперы пустили в ход полы, стропила, половые лаги, двери, оконные рамы и ставни из разрушенных домов. Инженерные части армии работали с большим напряжением. Мне хочется отметить исключительные организаторские способности начальника инженерных войск армии Ф. Г. Подолынного, сумевшего со своими саперами справиться с возложенной на пего труднейшей задачей. Заслуживает большой похвалы и капитан М. И. Бурко, непосредственно руководивший подготовкой элементов моста. В течение суток все необходимые работы были выполнены.

12 апреля 1944 года в 22 часа соединения первого эшелона армии начали форсирование Днестра. Наибольшего успеха в эту ночь добилась 95-я гвардейская стрелковая дивизия 32-го гвардейского стрелкового корпуса, захватившая плацдарм в районе населенного пункта Плетенный Ташлык. Попытки 97-й гвардейской стрелковой дивизии и соединений 33-го гвардейского стрелкового корпуса преодолеть Днестр потерпели неудачу. Поэтому я решил воспользоваться успехом 95-й дивизии и ввести на ее плацдарм сначала 97-ю, а затем и 13-ю

гвардейские стрелковые дивизии. Благодаря четкой работе инженерных частей армии, осуществлению быстрого маневра подручными и табельными переправочными средствами эта задача была выполнена успешно…

…Бои за днестровский рубеж были тяжелыми и кровопролитными. Каждый клочок советской земли отвоевывался с большим трудом. Гвардейцы-пехотинцы, артиллеристы, саперы, танкисты, связисты, тыловики не щадили себя. Много ратных подвигов было совершено на Днестре. Запомнился девятнадцатилетний пулеметчик Мирзо Бободжанов. Двое суток находился Бободжанов со своим пулеметом под носом у врага, отразив несколько атак гитлеровцев. И только когда части дивизии отбросили противника, он вернулся в свою роту…

К 16 апреля на небольшом днестровском плацдарме в районе населенного пункта Плетенный Ташлык сосредоточилась вся 5-я гвардейская армия. Правда, на плацдарме не было ни одного танка, а в них так нуждались стрелковые части. Гвардии полковник Ф. Г. Подолынный перебрал все способы переправы танков, о которых слышал или знал сам, применял на практике, по пи один из них не подходил к этой реке, шириной около 200 м, глубиной до 6 м, со скоростью течения 1,5 м в секунду. О строительстве моста не могло быть и речи: как я уже говорил, поблизости не было леса. Дороги окончательно пришли в негодность, и раньше чем за 5–8 суток строительный материал подвезти было невозможно. Но это сроки нас не устраивали, ибо разведка сообщила, что фашисты с других участков перебросили 13-ю и 14-ю танковые и 17-ю пехотную дивизии и готовили контрудар но войскам армии.

Тогда мы обратились за помощью к соседу — 57-й армии.

Соседи выделили нам один паром из парка Н2П. Паром и пристали понтонеры собрали быстро. К исходу 15 апреля переправа шла полным ходом. В час удавалось переправить 6–7 танков. Чтобы сократить время на рейс, буксировку парома с танками осуществляли с помощью машины с тросом, установленной на противоположном берегу. Но все танки переправить в этот раз не удалось. Случилось непредвиденное: уровень воды в Днестре неожиданно упал до 70 сантиметров и из-за образовавшихся мелей паром не мог подходить к пристаням. Срочно был вызван к переправе один батальон армейской инженерно-саперной бригады, который построил по две пристани на каждом берегу на различной высоте. Теперь паром мог базироваться на три пары пристаней, что позволило маневрировать им в зависимости от изменения уровня воды в реке. Переправа танков механизированного корпуса генерала

Каткова возобновилась.

С утра 16 апреля на днестровском плацдарме снова разгорелись ожесточенные бои с противником, пытавшимся любой ценой отбросить армию на левый берег реки и таким образом устранить угрозу прорыва наших войск кратчайшим путем к Кишиневу. Перед соединениями армии действовала довольно сильная группировка — пять дивизий, в том числе две танковые. К тому же его позиции проходили по гребню высот, с которых практически просматривался весь наш плацдарм. Несмотря на это, мы отразили все контратаки противника и в ходе последующих апрельских боев сумели значительно расширить плацдарм по фронту до 10–12 км и в глубину до 12 км. Дивизии правофлангового 33-го гвардейского стрелкового корпуса были развернуты фронтом на северо-запад и запад; 32-й гвардейский стрелковый корпус был еще больше выдвинут вперед, будучи развернут фронтом на запад и юго-запад. Его левый фланг примыкал непосредственно к населенному пункту Спея, который удерживался частями 93-й стрелковой дивизии 57-й армии. Все семь дивизий нашей армии действовали в одном эшелоне. Здесь же били развернуты и бригады 7-го механизированного корпуса.

В боях на плацдарме гвардейцы дрались мужественно и умело. Много замечательных красноармейцев, сержантов и офицеров пали смертью храбрых. Среди них — заместитель командира батальона по политической части 290-го гвардейского стрелкового полка гвардии капитан С. В. Целых, посмертно удостоенный звания Героя Советского Союза, командир 7-го гвардейского артиллерийского полка 9-й гвардейской воздушно-десантной дивизии гвардии майор Н. В. Марченко, командир пулеметного расчета гвардии сержант А. А. Антонов и многие другие.

Большую роль в успешном исходе боев на плацдарме сыграло массированное использование артиллерии и минометов. Организации артиллерийско-минометного огня я придавал первостепенное значение и в любой, самой слониной обстановке выкраивал время Г. В. Полуэктову для тщательной отработки всех тактических и технических вопросов. И здесь Георгий Васильевич со своими опытными помощниками гвардии майорами С. Е. Кузьминым и А. К. Горлинским, с командирами артиллерийских частей, танкистами генерала Каткова поработали особенно скрупулезно. Это было необходимо из-за ограниченности артиллерии на плацдарме и из-за отсутствия достаточного количества боеприпасов. Поэтому каждый огневой налет рассчитывался на максимально возможное поражение объектов

противника. Эффективно осуществлялся маневр в ходе боя артиллерийскими частями и подразделениями, особенно на танкоопасных направлениях.

Хочу вспомнить добрым словом летчиков-штурмовиков генерала В. Г. Рязанова и летчиков-истребителей генерала А. В. Утина. Запомнился такой эпизод. Гитлеровцы, почувствовав, очевидно, что не в силах сбросить нас с плацдарма, нанесли по нашим войскам массированные удары авиацией. Особенно неистовствовала фашистская штурмовая авиация. Ежедневно, с утра до вечера, над боевыми порядками корпусов висели десятки Ю-87. Командиры корпусов замучили меня вопросами: где же наши истребители? Всем нам было просто тяжело наблюдать, как безнаказанно действуют вражеские стервятники. Звоню И. С. Коневу и с некоторым даже раздражением докладываю:

— Товарищ Маршал Советского Союза! Что же вы о нас забыли? Прикрытия с воздуха никакого нет. Мы прижаты к земле авиацией противника и головы высунуть не можем. Обстановка с каждым днем осложняется, и без помощи авиации плацдарм можем не удержать. — Я нарочито сгустил к концу доклада краски.

— Ну насчет того, что головы не можете высунуть, я с большой натяжкой могу еще поверить, — ответил Иван Степанович, — а насчет того, что 5-я гвардейская армия не удержит плацдарм, никогда и никому не поверю. А летчиков я вам утром подошлю.

И действительно, на другое утро прилетает ко мне на По-2 командир 7-го истребительного авиационного корпуса генерал А. В. Утин, знакомится с обстановкой и уже к вечеру перебазирует в полосу армии, ближе к плацдарму, один истребительный авиационный полк. Фашисты прозевали это перебазирование, и на следующее утро Ю-87 вновь появились над нашими боевыми порядками без прикрытия истребителей.

— Сейчас, Алексей Семенович, мы им устроим головомойку, — проговорил Утин.

И тут же, как по мановению волшебной палочки, навстречу вражеским самолетам понеслись, краснозвездные истребители. Хорошо было налажено управление авиацией в корпусе! В этот день противник недосчитался около 20 своих машин. И нам стало легче!

В один из погожих апрельских дней на наблюдательный пункт армии неожиданно прибыл Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский, командовавший в то время 3-м Украинским фронтом. Так как 5-я гвардейская армия была для него непосредственным соседом справа да к тому же оказалась

несколько выдвинутой вперед на плацдарме, появление Родиона Яковлевича на нашем НП не вызвало у меня особого удивления.

Однако его последующие расспросы о плацдарме, группировке войск, системе артиллерийского огня, переправах через Днестр вызвали у меня чувство некоторого беспокойства. Неужели, подумал я, армию собираются передать 3-му Украинскому? Мои опасения еще более усилились, когда он сказал:

— С этого плацдарма можно организовать хорошее наступление ко фланг кишиневской группировки противника. Хороню было бы отвоевать плацдарм у Конева вместе С вашей армией.

— Если спросят мое мнение на этот счет, — сказал я Малиновскому, — то мой ответ будет однозначным: от Конева не хотелось бы уходить.

Родион Яковлевич никак не отреагировал на мои слова, но я понял, что он несколько обиделся на меня.

Проводив Малиновского, я поспешил на КП, чтобы позвонить Коневу и доложить ему об этом. Но Иван Степанович упредил в этом меня и довольно сердитым голосом стал выговаривать, что я, дескать, чуть ли не напрашиваюсь на переподчинение 3-му Украинскому. Естественно, что я, как мог, старался переубедить командующего фронтом. Наверное, мне удалось это, потому что в заключение нашего телефонного разговора Конев сказал:

— 5-ю гвардейскую армию я ни кому не отдам и за нее буду драться.

Хотя такая концовка разговора несколько успокоила меня, тем не менее в душе осталась тревога: что замышляют оба командующих фронтами? Почему Конов ничего не сказал о плацдарме, а лишь упомянул, что никому не отдаст армию? Неужели придется сниматься с плацдарма? В ожидании ответов на эти вопросы прошло несколько дней. Наконец в первых числах мая 1944 года был получен приказ: армия выводилась с плацдарма в резерв командующего фронтом и сосредоточивалась на территории Румынии в районе Ботошани. Совершив почти 300-километровый марш, соединения к середине мая вышли в назначенный район.

Плацдарм на Днестре был передан одной из армий 3-го Украинского фронта. Как потом выяснилось, скрыть такую крупную перегруппировку от противника не удалось. Через несколько дней после нашего ухода с плацдарма немецко-фашистское командование предприняло против войск, сменивших нас, мощный удар. Его результаты оказались неутешительны для нас: с плацдарма пришлось отступить. Пишу

об этом не для того, чтобы помянуть дурным словом тех, кто сменил нас. На войне всякое бывает, и поражения могут потерпеть и соединения и объединения, обладающие богатым боевым опытом, как было в этом случае. Вспомнил я этот эпизод потому, что оставление любого клочка советской земли, отвоеванной с таким трудом у противника, а тем более плацдармов, борьба за которые была особенно кровопролитной, переживалось всеми, от солдата до Верховного Главнокомандующего. И хотя мы находились далеко от того места, где так неожиданно разыгрались печальные события, тем не менее предполагали, что их причина была следующая: недооценка сил и возможностей той группировки противника в составе пяти дивизий, которая пробовала и нас сбросить с плацдарма. Но если мы выдержали, ибо хорошо изучили ее повадки, создали хорошо организованную систему всех видов огня, и прежде всего артиллерийско-минометного и противотанкового, то с нашим уходом что-то в этой системе, видимо, было нарушено.

В конце мая 1944 года Маршал Советского Союза И. С. Конев был назначен командующим 1-м Украинским фронтом и уехал к новому месту назначения. В командование 2-м Украинским фронтом вступил Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский. Некоторое время 5-я гвардейская армия оставалась в резерве командующего войсками 2-го Украинского фронта. Но И. С. Конев, по-видимому, и в этом случае остался верен своему слову — никому не отдавать 5-ю гвардейскую армию. В июне Ставка Верховного Главнокомандования передала ее в состав 1-го Украинского фронта.

Глава шестая. Сражение на Висле

Второй эшелон или резерв фронта? Марш-маневр к Висле. Настал и наш черед. Встречи с П. С. Рыбалко. Создаем неприступную оборону. Бои за удержание и расширение плацдарма. Десять самых трудных суток. Герои боев под Сандомиром. Некоторые итоги.

Почти год 5-я гвардейская армия вела непрерывные боевые действия. За это время в ее боевую летопись было вписано немало героических страниц: оборонительные бои и контрнаступление на Курской дуге, а затем без какой-либо паузы участие в наступательной операции по разгрому белгородско-харьковской группировки противника, освобождение городов Полтава и Кременчуг, штурм Восточного вала на Днепре, Александрийско-Знаменская и Кировоградская операции, боевые действия на Правобережной Украине в неимоверно трудных условиях весенней распутицы 1944 года, выход в Молдавию, форсирование Днестра и захват плацдарма на его правом берегу…

С честью были выдержаны все испытания, но и человеческим возможностям и силам есть предел. Наши люди устали, соединения понесли немалые потери и остро нуждались в доукомплектовании личным составом, дополнительном оснащении вооружением и боевой техникой, пополнении материальными запасами и, конечно, хотя бы в небольшой передышке. Поэтому вывод армии в первой половине июля с передовой в район Скалат, что юго-восточнее Тернополя (Тарнополь), мы восприняли с большой радостью.

Во всех операциях, проведенных армией в 1943–1944 годах, в ее состав неизменно входили два гвардейских стрелковых корпуса: 32-й генерал-лейтенанта А. И. Родимцева (13-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора Г. В. Бакланова, 66-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора А. Я. Яншина, 6-я гвардейская воздушно-десантная дивизия полковника М. Н. Смирнова) и 33-й корпус, которым командовал генерал-майор И. И. Попов, а с августа 1943 года — генерал-майор М. И. Козлов (95-я гвардейская стрелковая дивизия полковника А. И. Олейникова, 97-я гвардейская стрелковая дивизия полковника И. И. Анциферова и 9-я гвардейская воздушно-десантная дивизия полковника М. М. Сазонова).

42-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора Ф. А. Боброва находилась в моем непосредственном подчинении.

В любой создавшейся обстановке я всегда стремился

сохранять боевой состав корпусов и был признателен И. С. Коневу, который почти никогда не забирал у нас дивизии, составлявшие их боевой костяк, — наоборот, командующий фронтом в ходе некоторых операций усиливал армию новыми соединениями. Например, в Кировоградской операции в ее составе сражались: 110-я гвардейская стрелковая дивизия полковника М. И. Огородова, 214-я стрелковая дивизия полковника Г. Н. Жукова, 111-я стрелковая дивизия полковника П. Д. Четвертухина, 84-я стрелковая дивизия генерал-майора П. И. Буняшина. Когда отпала необходимость пребывания дивизий в составе армии, он отобрал у меня эти соединения, но, хочу еще раз подчеркнуть, наши «штатные» но трогал. И все же без «потерь» не обошлось. С сожалением пришлось расстаться с прошедшими в составе армии от Курска до Днестра 6-й гвардейской воздушно-десантной и 66-й гвардейской стрелковой дивизиями.

Когда 5-я гвардейская армия сосредоточилась в районе Скалат, боевой состав корпусов-ветеранов был уже несколько иным. В 32-й гвардейский стрелковый корпус входили 13, 95 и 97-я гвардейские стрелковые дивизии, а в 33-й гвардейский стрелковый корпус — 14-я, 78-я гвардейские стрелковые и 9-я гвардейская воздушно-десантная дивизии. Командовал теперь этим корпусом генерал-лейтенант П. Ф. Лебеденко. Здесь, в районе сосредоточения, мы приняли в свой состав 34-й гвардейский стрелковый корпус (15-ю, 58-ю гвардейские стрелковые и 118-ю стрелковую дивизии) под командованием генерал-майора Н. М. Маковчука, а также 155-ю пушечную артиллерийскую бригаду полковника М. А. Тарасова. В таком составе армия воевала до конца войны.

В районе сосредоточения соединений армии мы начали активно готовиться к новым наступательным операциям, Гвардейцы понимали, что вскоре им предстоит решать серьезные боевые задачи в сражениях за освобождение Западной Украины, а затем и братской Польши. Соединения и части пополнялись личным составом, вооружением, боевой техникой; создавались необходимые материальные запасы. Полным ходом шло боевое слаживание подразделений, штабов, тыловых частей и учреждений.

Какова же была общая оперативно-стратегическая обстановка на львовском направлении?

После успешного завершения зимних и весенних наступательных операций войска 1-го Украинского фронта во второй половине апреля 1944 года временно перешли к обороне на рубеже: западнее Луцка, восточнее Броды, западнее Колымыи,

Красноильска и приступили к подготовке новой наступательной операции.

Замысел операции предусматривал прорыв вражеской обороны на рава-русском и львовском направлениях, разгром основных сил группы армий «Северная Украина», выход на рубеж Хрубешув, Томашув, Яворов, Николаев, Галич с одновременным окружением бродской группировки противника и последующим развитием наступления к Висле и предгорьям Карпат.

Группа армий «Северная Украина» располагала против войск 1-го Украинского фронта немалыми силами. В ее состав входили «34 пехотных, 5 танковых, 1 моторизованная дивизии и 2 пехотные бригады. В них насчитывалось свыше 600 тыс. человек (с учетом тылов 900 тыс.), 900 танков и штурмовых орудий, 6300 орудий и минометов. Для поддержания наземных войск предназначалось 700 самолетов»[42].

Кроме того, противник располагал крупными оперативными резервами: две танковые дивизии и одна пехотная — в районе южнее и юго-западнее Ковеля; на львовском направлении также находились две танковые и одна пехотная дивизии, и на Станиславском направлении — две танковые и одна пехотная дивизии.

Гитлеровское командование создало на всех направлениях довольно прочную и глубоко эшелонированную оборону. Она состояла из трех полос общей глубиной 40–50 км. Кроме того, вокруг Львова были оборудованы два оборонительных обвода — внешний и внутренний.

Заслуживают внимания некоторые детали решения командующего фронтом на эту операцию. И. С. Конев планировал нанести удары на двух направлениях, отстоящих друг от друга на расстоянии 60–70 км. Ударной группировке на рава-русском направлении — в составе 3-й гвардейской армии генерала В. Н. Гордова, 13-й армии генерала Н. П. Пухова, 1-й гвардейской танковой армии генерала М. Е. Катукова и конно-механизированной группы генерала В. К. Баранова — предстояло рассечь оборону врага мощным ударом на Соколь, Рава-Русская; второй ударной группировке на львовском направлении — в составе 60-й армии генерала П. А. Курочкина, 38-й армии генерала К. С. Москаленко, 3-й гвардейской танковой армии генерала П. С. Рыбалко, 4-й танковой армии генерала Д. Д. Лелюшенко, конно-механизированной группы генерала С. В. Соколова — ставилась задача — ударом из района Тернополя на Львов разгромить львовскую группировку немцев и овладеть мощным узлом обороны — Львовом и крепостью Перемышль.

На левом крыле фронта наступали 1-я гвардейская армия

генерала А. А. Гречко и 18-я армия генерала Е. П. Журавлева.

«Во второй эшелон выделялась 5-я гвардейская армия, которая в ходе подготовки операции вошла в состав фронта. В резерв фронта — один стрелковый и один танковый корпуса»[43].

Таким образом, фронт располагал достаточными силами для успешного проведения Львовско-Сандомирской операции. «Он имел 80 дивизий, 10 танковых и механизированных корпусов, 4 отдельные танковые и механизированные бригады, 13900 орудий и минометов, около 2200 танков, самоходно-артиллерийских установок. В войсках фронта было 843 тыс. человек боевого состава, а с учетом тылов — 1 200 тыс. человек. Сухопутные силы поддерживала 2-я воздушная армия генерала С. А. Красовского, насчитывающая свыше 3 тыс. боевых самолетов»[44].

Львовско-Сандомирская операция началась утром 13 июля. Чтобы читатель смог лучше представить, как развертывались события, предшествовавшие вводу в сражение 5-й гвардейской армии, остановлюсь в общих чертах на ходе боевых действий армий первого эшелона фронта.

На рава-русском направлении к исходу дня соединения 3-й гвардейской армии продвинулись на 8–15 км, а передовые батальоны 13-й армии — на 6–8 км, встретив упорное сопротивление противника на второй полосе. Потребовалось провести артподготовку, осуществить ввод вторых эшелонов стрелковых корпусов. Бои за вторую оборонительную полосу носили упорный и ожесточенный характер. Уже здесь нашим войскам пришлось сражаться с двумя танковыми дивизиями — 16-й и 17-й, выдвинутыми гитлеровским командованием из оперативного резерва. Однако это не помогло врагу. К исходу 15 июля был завершен прорыв всей тактической зоны обороны противника на глубину 15–30 км и созданы благоприятные условия для окружения его бродской группировки.

16 июля для развития успеха в полосе 13-й армии была введена сначала конно-механизированная группа, генерала В. К. Баранова, а с утра 17 июля — 1-я гвардейская танковая армия генерала М. Е. Катукова. Мощными ударами с севера и юга враг был смят, а с выходом наших войск в район Каменка-Струмиловская, Деревляны были отрезаны пути отхода его на запад. В этот же день был форсирован нашими войсками Западный Буг, и они вступили на территорию Польши.

Используя успех 1-й гвардейской танковой армии и конно-механизированной группы, войска 3-й и 13-й армий в течение 18 июля продвинулись на 20–30 км и охватили бродскую группировку противника с севера, северо-запада и запада. В бродском котле оказались до восьми гитлеровских дивизий,

которые перемалывались дружными усилиями стрелковых и танковых войск, артиллерией и авиацией. И напрасно старался гитлеровский генерал Ф. Меллентин в своей книге «Танковые сражения 1941–1945 гг.» преуменьшить понесенные в этом районе потери, утверждая, что, дескать… значительной части окруженных войск удалось вырваться из котла. Не удалось!

После разгрома бродской группировки противника по распоряжению штаба фронта соединения нашей армии 21 июля выступили из занимаемого района и полными переходами выдвигались на запад в общем направлении Немиров, Ярослав. Походный порядок армии был двухэшелонным: в первом — 32-й и 33-й гвардейские стрелковые корпуса, во втором — на левом фланге — 34-й гвардейский стрелковый корпус. Армейская артиллерия двигалась в центре между корпусами первого эшелона по самостоятельному маршруту.

Стрелковые корпуса имели глубокий походный порядок — но дне дивизии впереди и но одной сзади. Каждая дивизия первого эшелона, как правило, двигалась по двум дорогам. Расстояния по глубине были несколько сокращенными: 3–5 километров между частями и 10–12 километров между корпусами. Командиры и штабы находились за передовыми частями. Батальоны 55-й инженерной бригады и саперные батальоны дивизий заблаговременно выдвигались вперед для ремонта дорог, мостов, разминирования отдельных участков местности.

Дневки использовались нами для отработки отдельных вопросов ведения боя и сколачивания подразделений.

Приведу программу лишь одного дня нашей учебы. 20 июля 1944 года отрабатывалось: в 13-й гвардейской стрелковой дивизии — наступление усиленного стрелкового батальона с боевой стрельбой и с форсированием водной преграды; в 9-й гвардейской воздушно-десантной дивизии — наступление усиленного стрелкового полка на подготовительную оборону противника с преодолением водной преграды и последующим переходом к преследованию; в частях 32-го и 33-го гвардейских корпусов — строй и боевые порядки стрелкового батальона в наступлении и при преследовании; в частях 34-го гвардейского стрелкового корпуса — второе упражнение одиночных боевых стрельб.

В ходе марша мы внимательно следили за действиями войск первого эшелона, так как понимали, что в любой момент армию могут задействовать на любом направлении.

Кстати, хочу заметить, что в ряде исторических исследований о Сандомирской операции авторы указывают, что 5-я гвардейская армия составляла второй эшелон фронта. Выше я привел цитату,

подтверждающую этот вывод. Однако Маршал Советского Союза И. С. Конев и тогда, и в послевоенное время утверждал, что армия была его резервом. Принимая решение на операцию, командующий фронтом конкретной задачи армии не поставил. В той обстановке это было совершенно правильно, ибо при удалении двух ударных группировок до 70 км друг от друга любая из них могла нуждаться в помощи. Поэтому И. С. Конев указал армии только направление выдвижения.

Мне впоследствии рассказывали, что в ходе операции штаб фронта неоднократно предлагал использовать армию, особенно для развития успеха на львовском направлении, когда 60-я армия была занята уничтожением бродской группировки противника и когда на рава-русском и львовском направлениях образовался 100-километровый разрыв. Здесь возникла особенно острая необходимость двинуть в образовавшийся разрыв полнокровную армию. Однако И. С. Конев ввел в этот разрыв конно-механизированную группу, а расставаться с 5-й гвардейской армией не торопился. Член Военного совета фронта генерал К. В. Крайнюков в своей книге «Оружие особого рода» писал: «Командующий фронтом не раз говорил, что надобно на время забыть о существовании 5-й гвардейской армии, которая крепко пригодится на заключительном этапе операции. Так оно и произошло»[45].

Как же дальше развивались события? На львовском направлении войска фронта утром 27 июля освободили Львов — областной город Украины, крупный узел дорог и важный промышленный и культурный центр, а к исходу этого же дня штурмом взяли крепость Перемышль. Ударная группировка, наступавшая на правом крыле фронта, вышла: часть ее — 3-я гвардейская армия и конно-механизированная группа генерала С. В. Соколова — на рубеж Красник, Ниско и к реке Сан; другая часть — 13-я армия, 1-я и 3-я гвардейские танковые армии и конно-механизированная группа генерала В. К. Баранова — захватила плацдармы на реке Сан. Для войск фронта создалась весьма благоприятная обстановка на этом направлении. Поэтому И. С. Конев решил использовать здесь свои главные силы — три общевойсковые армии, две танковые армии и одну конно-механизированную группу — Для стремительного наступления к Висле и захвата плацдармов на ее западном берегу. Сюда же намечалось выдвинуть и нашу 5-ю гвардейскую армию.

Мне было приказано по мере выхода войск правого крыла фронта к Висле ночными переходами перемещать корпуса армии в направлении Баранува.

28 июля мне позвонил маршал И. С. Конев и сказал, что

наступление армий первого эшелона к Висле развивается успешно и что настало время и нам — гвардейцам — показать себя.

— Готовьтесь к форсированию Вислы. Вашей армии придется наступать с целью расширения захваченных плацдармов во взаимодействии с армией Рыбалко, которая выдвигается в район Баранува. Ускорьте выдвижение своих корпусов, — закончил командующий фронтом.

Получив это указание, я собрал своих заместителей, членов Военного совета, операторов и разведчиков, и все вместе мы еще раз проверили свои расчеты на выдвижение армии в указанный район и порядок возможного ввода корпусов первого эшелона на плацдармы.

Теперь армии нужно было ближе прижиматься к первому эшелону фронта, быть на удалении но более одного перехода. К утру 29 июля войска, совершив ночной марш, сосредоточились в районе Копань, Родава, Пыткова Воля, Лукавец, Майден. По моему указанию начальник штаба армии генерал-майор Н. И. Лямин собрал на совещание командующих и начальников родов войск и служб, командиров корпусов, дивизий, отдельных частей и соответственно начальников штабов и политотделов. Генералы и офицеры были проинформированы об обстановке на фронте и о задаче, поставленной перед, армией. Были рассмотрены дальнейшие меры по повышению бдительности, соблюдению режима телефонных и радиопереговоров, поддержанию постоянной готовности соединений и частей для отражения возможных контрударов противника. Было обращено внимание руководящего состава на необходимость изучения местности и характера рек, особенно Вислы, заблаговременной подготовки переправочных средств, как табельных, так и подручных, проведения занятий с подразделениями по практической отработке наступательных действий с преодолением водной преграды.

Оценивая характер предстоящих действий, я особо остановился на вопросах обеспечения внезапности ввода войск армии в сражение, ведения разведки, форсирования с максимальным использованием массированного огня артиллерии и ударов авиации, захвата и расширения плацдармов и их закрепления с учетом накопленного опыта на Днестре, где вместе с передовыми стрелковыми подразделениями переправлялись артиллерийские наблюдатели и противотанковые батареи. Были также в деталях обсуждены вопросы управления, организации ПТО, ПВО, инженерного обеспечения, материального, технического и медицинского обеспечения. Многие из этих

вопросов были в ходе выдвижения отработаны с командирами, штабами и войсками на двухсуточной дневке. Переход через реку Сап впоследствии использовался для проведения практических занятий но форсированию.

Член Военного совета генерал-майор А. М. Кривулин и начальник политотдела армии полковник Ф. А. Катков на этом совещании рассказали о задачах командиров, политорганов и штабов, партийных и комсомольских организаций в связи с выходом войск армии на территорию Польши и зачитали обращение Военного совета 1-го Украинского фронта к польскому народу. Этот пожелтевший от времени документ и сейчас хранится у меня как память о тех незабываемых днях. В нем, в частности, говорилось: «Красная Армия не ставит себе задачу присоединить к Советскому Союзу какую-либо часть польской земли или вводить в Польше свои советские порядки… Наступил исторический час, когда польский народ сам берет в свои собственные руки решение своей судьбы, создан Польский Комитет Национального освобождения, единственная правомерная власть на территории Польши, выражающая интересы польского народа. В этот час вы должны оказывать всемерное содействие Красной Армии и этим самым ускорить разгром немецко-фашистских армий и установление нормальной жизни на свободной, независимой польской земле»[46].

В подразделениях проводились беседы, в которых разъяснялось значение освободительной миссии Красной Армии, подчеркивался ее классовый, интернациональный долг. Политработники, коммунисты рассказывали воинам о давней дружбе русского и польского народов, о совместном участии их в общей борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

Надо сказать, что на войне многие факты сразу бросаются в глаза и в зависимости от их значения могут положительно или отрицательно повлиять на моральный дух и боевой настрой воинов. Так, в ходе марша мы каждый день с утра до позднего вечера наблюдали, как в небе на разных высотах группами по 20–30 штурмовиков, бомбардировщиков под прикрытием истребителей шли громить врага наши соколы. Полное господство в воздухе было на нашей стороне. Какой огромный подъем вызывало это в войсках! Воины-ветераны, испытавшие горечь наших неудач в 1941–1942 годах, рассказывали молодым бойцам о том, как тогда фашистские стервятники издевались над мирным населением, бомбили почти безнаказанно города и деревни и даже гонялись за отдельными людьми и автомашинами. Фашистская пропаганда раструбила тогда на весь мир, что советская авиация уничтожена и больше никогда не

сможет возродиться.

Прошел всего год. Наше советское небо стало чистым! Славно поработали труженики авиационной промышленности, героический рабочий класс!

Между тем бои на Висле с каждым часом становились все более ожесточенными, обстановка быстро менялась. 3-й гвардейской армии и конно-механизированной группе Соколова удалось захватить лишь небольшие плацдармы в районах Аннополь, Доротка, Виняры. Гитлеровцы яростно сопротивлялись, и расширить плацдармы не удалось. Выход 1-й гвардейской танковой и 13-й армий к Висле проходил более стремительно: передовыми отрядами удалось с ходу форсировать реку с помощью войсковых и подручных переправочных средств.

13-я армия генерала Пухова к 4 августа вышла на рубеж Цышица, Чайкув, Сташув, Поланец. Захваченный войсками армии плацдарм достигал 30 км по фронту и до 20–25 км в глубину. 1-я гвардейская танковая армия генерала Катукова к этому же времени вышла в район Клементува, а 3-я гвардейская танковая армия генерала Рыбалко — на рубеж Сташув, Стопница, Пацанув.

Немецко-фашистское командование придавало большое значение рубежу реки Висла. Оно планировало остановить здесь наступление советских войск и создать по западному берегу реки прочную оборону. Поэтому гитлеровцы вновь и вновь предпринимали отчаянные усилия, чтобы ликвидировать захваченные нашими войсками плацдармы. 2 и 3 августа противник нанес сильный удар силами до пехотной дивизии при поддержке 40–50 танков из района Мелеца в общем направлении на Баранув по восточному берегу роки Виста в целях выхода в тыл переправившимся на западный берег соединениям 1-й, 3-й гвардейских танковых и 13-й общевойсковой армий. В ходе ожесточенных боев врагу удалось потеснить здесь наши части и овладеть рядом населенных пунктов, в том числе Падевом и Войкувом. Это было началом сражений за сандомирский плацдарм.

Гитлеровское командование перебрасывало сюда все новые и новые силы. В районе западнее Мелеца сосредоточились соединения 17-й армии, 23-я и 24-я танковые дивизии и одна пехотная дивизия из группы армий «Южная Украина», а также около двух пехотных дивизий, прибывающих из Германии. В район севернее и западнее Сандомира также подтягивались оперативные резервы[47].

В этот напряженный момент операции и пригодилась свежая 5-я гвардейская армия. Ее соединения к утру 3 августа были уже в районе Демба, Доматкув, Колбушева (15–20 км восточнее

Баранува) в готовности к нанесению ударов по контрнаступающему врагу. Выдвижение армии на это направление, как нам потом стало известно от пленных, противник не заметил.

Начиная с 1 августа я с командующим артиллерией генералом Г. В. Полуэктовым и офицерами — операторами и разведчиками неоднократно выезжал в 1-го гвардейскую танковую армию и 13-ю армию, поддерживал с ними связь и полностью был в курсе обстановки, которая складывалась на Висле.

3 августа я получил приказ за подписью Конева, Крайнюкова и Соколовского следующего содержания: «…В целях расширения и закрепления плацдарма на р. Висла приказываю:

1. С утра 4.8 с рубежа Баранув, Падев, Чайкув, Мелец наступать в общем направлении Поланец, Стопница и к исходу 0.8 овладеть главными силами районом (иск.) Шидлув, Стопница, Новы-Корчин. Передовыми частями захватить Хмельник, Буско-Здруй, Ставице, Опатовец.

2. Для форсирования р. Висла использовать переправы 13-й армии и 3-й гвардейской танковой армии в районе Баранува.

3. 34 гв. ск иметь во втором эшелоне за левым флангом армии и вывести его в район Тугаув, Нородовы, Шуцин, Мелец…»[48]

Не успел закончить чтение полученного приказа, как к телефону «ВЧ» меня вызвал командующий фронтом.

— В дополнение к тому, что вы уже знаете, — сказал Маршал Советского Союза И. С. Конев, — имейте в виду, что обстановка на плацдарме весьма сложная. Контратаки немцев следуют одна за другой. Договоритесь поподробнее с Рыбалко о взаимодействии с его 9-м механизированным корпусом. Красовский с утра 4 августа нанесет бомбовые и штурмовые удары по контратакующему врагу и поддержит ввод вашей армии в сражение. Действуйте!

Времени на раздумывание было очень мало. Исходя из поставленной задачи и оценки обстановки, я решил нанести удар по мелецкой группировке противника силами 32-го и 33-го гвардейских стрелковых корпусов, разгромить ее, а затем, переправившись через Вислу в районе Баранува и южнее на плацдарм, к исходу 6 августа овладеть рубежом Шидлув, Стопница, Новы-Корчин, а передовыми отрядами — районом Хмельник, Буско-Здруй, Опатовец.

Корпусам были поставлены следующие задачи.

32-й гвардейский стрелковый корпус генерала А. И. Родимцева, усиленный 155-й пушечной артиллерийской бригадой

(без одного дивизиона), 29-й зенитно-артиллерийской дивизией (без одного полка), 1073-м истребительно-противотанковым полком и 308-м гвардейским минометным полком, имея две дивизии в первом и одну во втором эшелоне, должен был перед началом наступления пройти форсированным маршем более 30 км, в ночь на 4 августа переправиться через Вислу у Баранува, а с рассветом нанести удар в западном и юго-западном направлениях. Ближайшая задача корпусу ставилась: к исходу 4 августа выйти на рубеж Сташув, западнее Будзиска, сильными передовыми отрядами (каждый до полка пехоты, усиленного артиллерией на мехтяге) — на рубеж западнее Сташува, Стопница, Пацанув. К исходу 6 августа главные силы корпуса должны были выйти на рубеж Шидлув, Стопница, а передовые отряды — Хмельник, Буско-Здруй.

33-й гвардейский стрелковый корпус генерала Н. Ф. Лебеденко с 469-м минометным полком, одним дивизионом 155-й пушечной артиллерийской бригады, имея в первом эшелоне стрелковые дивизии, получил задачу наступать в общем направлении Жабец, Солец и во взаимодействии с 9-м механизированным корпусом 3-й гвардейской танковой армии уничтожить мелецкую группировку врага и выйти на Вислу. В ночь на 5 августа форсировать Вислу и к исходу следующего дня выйти на рубеж Стопница, Новы-Корчин, а передовыми отрядами — Ставишнице, Опатовец.

34-й гвардейский стрелковый корпус генерала Н. М. Маковчука составлял второй эшелон армии. Ему была поставлена задача двигаться за левым флангом 33-го корпуса, выйти в район Шуцин, Малец и обеспечить главную группировку от ударов противника с юго-запада.

Ввод армии в сражение и ее боевые действия на плацдарме обеспечивали с воздуха 1-й гвардейский смешанный и 1-й гвардейский штурмовой авиационные корпуса, наносившие бомбоштурмовые удары по узлам сопротивления и боевым порядкам группировок противника.

Штаб армии быстро оформил боевые распоряжения, которые офицерами связи были направлены в соединения и части. В войска для оказания помощи в организации наступления разъехались начальники родов войск, генералы и офицеры полевого управления армии. Армейский наблюдательный пункт к рассвету 4 августа был оборудован на высоте юго-восточнее Баранува.

Убедившись, что все необходимые распоряжения отданы, я с начальниками оперативного и разведывательного отделов армии полковниками И. М. Самыловым и Б. Т. Ивановым выехал на НП

армии. Неизменным моим спутником был мой адъютант капитан А. П. Кириллов. Смелый, добросовестный и инициативный офицер, он не раз выполнял различные оперативные поручения. Я искренно признателен Алексею Петровичу за его внимание и заботу, которыми он окружал меня в самых сложных боевых ситуациях.

По пути на НП побывали у Родимцева и Лебеденко, уточнили с ними все вопросы организации и ведения предстоящего наступления.

Эта поездка мне запомнилась и тем, что ночью восточнее Баранува, к моей большой радости, я встретился с моим давнишним близким товарищем — командующим 3-й гвардейской танковой армией генералом Павлом Семеновичем Рыбалко. Последний раз мы виделись в районе Тулы в конце лета 1942 года.

Познакомился я с П. С Рыбалко в начале тридцатых годов во время учебы в Военной академии имени М. В. Фрунзе. Уже тогда высокая военная и политическая эрудиция, большой энтузиазм, опыт и огромное трудолюбие выделяли его в число наиболее талантливых слушателей. Он пользовался уважением среди однокурсников, преподавателей и у командования академии. После окончания учебы Павел Семенович длительное время находился в служебной командировке в Китае, где в трудных, специфических условиях оказывал помощь китайским коммунистам в организации Народно-освободительной армии. Незаурядные организаторские способности, глубокие военно-политические знания, высокая партийность помогли Рыбалко хорошо зарекомендовать себя и на военно-дипломатической работе — он был военным атташе в Польше в самый трудный, предвоенный период.

В ходе войны Павел Семенович возглавил танковую армию, и до нашей встречи за его плечами уже был ряд успешно проведенных операций: по освобождению Украины, форсированию Днепра, освобождению Киева и Западной Украины, в которых полностью раскрылось его высокое военное дарование. Опережая время, скажу, что наши армии до Дня Победы воевали в составе 1-го Украинского фронта и я имел возможность восхищаться мастерством П. С. Рыбалко в руководстве войсками, его исключительной выдержкой и высокими волевыми качествами.

Наша встреча была хотя и непродолжительной — обстановка но позволяла этого, — но весьма дружеской и деловой. Рыбалко рассказал коротко о положении наших войск на плацдарме, о том, как его 3-я гвардейская танковая армия буквально вползала

в узкий колтувский коридор.

— Вот где по-настоящему нам было очень трудно, — сообщил Павел Семенович. — Возникла железная необходимость войти в прорыв, хотя с точки зрения существующих требований военного искусства условий для этого почти не было.

Рыбалко рассказал мне о том, как развивались события на львовском направлении. Оказывается, прорыв обороны противника проходил здесь в сложной и напряженной обстановке. Наступавшие войска к исходу первого дня смогли продвинуться только на 3–5 км. Лишь 60-й армии генерала П. А. Курочкина сопутствовал успех — она прорвала оборону в районе Колтува. Для срыва нашего наступления гитлеровцы проводили частные контратаки тактическими резервами, а затем нанесли на участке Колтув, Зборув контрудар силами 1-й и 8-й танковых дивизий и 14-й пехотной дивизией СС «Галиция». В результате этого контрудара им удалось не только приостановить наступление войск 38-й армии, но и потеснить некоторые ее соединения на 2–3 км.

Создалась угроза срыва наступления на этом направлении. Требовалось как можно быстрее завершить прорыв вражеской обороны. И здесь на помощь общевойсковым армиям пришли гвардейцы 3-й танковой. Для того чтобы изменить обстановку в нашу пользу, она была введена в сражение. Позднее вслед за ней была введена в бой и 4-я гвардейская танковая армия генерала Д. Д. Лелюшенко.

— Представляешь, что было в этом районе? — продолжал Павел Семенович. — На узком, сильно пересеченном и заболоченном участке местности, простреливаемом фланговым артиллерийским и даже пулеметным огнем:, по размытым беспрерывными дождями грунтовым дорогам по одному маршруту друг за другом в прорыв пошли две танковые армии. Этот коридор надолго запомнится не только танкистам, но и всем, кто их обеспечивал…

Выслушав его рассказ, я развернул карту и сообщил ему порядок ввода армии и намеченный план действий. Мы тут же рассмотрели вопросы взаимодействия, и он при мне отдал распоряжение командиру 5-го мехкорпуса генералу М. В. Волкову о совместных действиях.

…Вернувшись на наблюдательный пункт, я получил информацию из штаба фронта, что фланговый удар немецких войск на Баранув провалился. Обе группировки (тарнобжегская и мелецкая) понесли значительные потери и отброшены за Вислу и Вислоку. Но эта неудача не остудила горячие головы гитлеровского командования. Оно решило идти напролом. В

район Хмельник, Буско-Здруй, Новы-Корчин были подтянуты новые крупные оперативные резервы. В район Хмельника — 3-й танковый корпус 4-й танковой армии, в состав которого входили 3-я, 16-я танковые, 20-я моторизованная дивизии и 501-й отдельный танковый батальон. Севернее Новы-Корчин, Шуцин — 46-й танковый корпус (17, 23 и 24-я танковые дивизии) 17-й армии. В район Буско-Здруй выходила 1-я танковая дивизия 1-й танковой армии, отходившей в Карпаты.

Таким образом, для ликвидации группировки советских войск на сандомирском плацдарме немецко-фашистское командование сосредоточило шесть танковых дивизий, одну моторизованную, отдельный танковый батальон и восемь специальных батальонов. Эта группировка насчитывала: солдат и офицеров — 34 000, полевых орудий — около 500, пулеметов — более 1000, танков и штурмовых орудий — около 400. С воздуха она обеспечивалась соединениями 4-го воздушного корпуса в составе 500 самолетов[49].

На этот раз немецко-фашистское командование решило рассечь советские войска на плацдарме, отрезать их от Вислы и таким образом осуществить свои намерения — отбросить нас за реку. Однако гитлеровцы вновь просчитались. Они не знали точного состава наших войск, действующих здесь, а тем более того, что на плацдарме уже находится свежая 5-я гвардейская армия.

Рассмотрим кратко, как развивались события. С утра 4 августа 33-й гвардейский стрелковый корпус генерала Н. Ф. Лебеденко нанес сильный удар во фланг мелецкой группировке противника в то время, когда она развивала контрудар к югу от Баранува. Завязался встречный бой с частями 23-й танковой дивизии гитлеровцев. Наиболее удачно внезапный удар нанесла 78-я гвардейская стрелковая дивизия генерала А. Г. Мотова из района Колбушева во фланг и тыл фашистских войск. К исходу дня противник был отброшен от переправ. Большую выдержку и стойкость проявили части 13-й и 95-й гвардейских стрелковых дивизий 32-го гвардейского стрелкового корпуса, которые обеспечивали развертывание армии.

В 15 часов после мощного артиллерийского налета соединения армии, преодолевая сопротивление врага, опрокинули его и к исходу дня овладели населенными пунктами Шидловец, Войнув, Жрудла, а также аэродромом юго-западнее Мосциска…

…Мой наблюдательный пункт находился как раз в районе, где развертывались основные события. Я видел, с каким героизмом шли на врага воины 42-го гвардейского стрелкового

полка 13-й гвардейской стрелковой дивизии. Командир полка гвардии подполковник И. К. Половец весьма искусно маневрировал своими силами и успешно отразил одновременно две контратаки противника, нанесенные по обоим флангам полка в районе Баранува. Два батальона этой части смело продвинулись вперед, и в ночном бою к утру 5 августа станция Падев была захвачена. Батальоны вышли к реке и начали форсировать ее на подручных средствах.

Храбро сражались гвардейцы 289-го стрелкового полка под командованием гвардии майора Ю. А. Науменко. Гитлеровцы, отброшенные подразделениями полка за линию железнодорожного полотна, сильным пулеметным огнем при поддержке танков и бронетранспортеров пытались задержать продвижение гвардейцев к Висле. Но тщетны были потуги врага. На всех направлениях бои носили исключительно ожесточенный характер…

…Двое суток продолжались бои на правом берегу Вислы в районе южнее Баранува. Немецко-фашистское командование продолжало бросать в бой свежие силы. Мелецкая группировка усилилась за счет 17-й и 23-й танковых дивизий и оказывала упорное сопротивление 33-му гвардейскому корпусу. Темп его наступления значительно снизился, так как соотношение сил, особенно по танкам, было в пользу противника. Поэтому мне пришлось ввести в бой 34-й гвардейский стрелковый корпус, поставив ему задачу расширить плацдарм на западном берегу Вислы и закрепиться на нем. В резерв армии была выведена 15-я гвардейская стрелковая дивизия этого корпуса.

К исходу 5 августа противник под ударами гвардейцев был вынужден отказаться от попыток захватить баранувские переправы на Висле.

В ночь на 6 августа дивизии 32-го гвардейского стрелкового корпуса по наведенным переправам вышли на западный берег Вислы, а дивизии 33-го гвардейского стрелкового корпуса овладели городом Мелец и, на плечах отступавшего врага форсировав реку Вислока, продолжали наступление, отбивая контратаки подошедших 17-й и 24-й танковых дивизий.

В это время южнее города Мелец вышли соединения 60-й армии П. А. Курочкина. Получив это сообщение, я приказал командиру 33-го гвардейского корпуса не форсировать реку Висла, а развивать наступление в направлении Шуцина и содействовать войскам 60-й армии и 4-го гвардейского танкового корпуса в овладении Дембицей. В течение этого же дня и ночи на 7 августа на западный берег Вислы переправился вслед за частями 32-го корпуса и 34-й гвардейский стрелковый корпус. Его

дивизии вышли на рубеж Стопница, Жабец, Ратье и разгромили противника севернее Шуцина.

Таким образом, к исходу 7 августа войска фронта не только сохранили сандомирский плацдарм, но и расширили его до 40 км по фронту и до 35 км в глубину.

К 8 августа соединения 32-го и 34-го гвардейских стрелковых корпусов, прочесывая на своем пути лесные массивы и уничтожая отдельные разрозненные группы немцев, сменили на своих направлениях действующие отдельно на рубеже Шидлув, Дольне, Стопница, Зборув, Корчин, Облеконь, Слупец части 3-й гвардейской танковой и 13-й армий. Усиленные передовые отряды захватили крупные населенные пункты Хмельник, Буско-Здруй и Вислица.

Задача, поставленная командованием фронта, была полностью выполнена.

Теперь все три корпуса армии были в первом эшелоне: два (32-й и 34-й) на плацдарме, один (33-й) южнее Вислы.

Вечером 7 августа я встретил ехавшего из Мелеца генерала С. А. Красовского, которому сообщил, что авиация хорошо поддерживала соединения армии. Мы наблюдали, как наша зенитная артиллерия и истребители сбили несколько самолетов.

Вернувшись в штаб, я узнал, что армия получила новую задачу — перейти к обороне. 33-й гвардейский стрелковый корпус и 4-й гвардейский танковый корпус передавались временно в оперативное подчинение 60-й армии для нанесения удара в направлении Вампежув, Радомысль, Бельке, Дембица, разгрома во взаимодействии с ее соединениями дембицкой группировки противника и овладения городом Дембица.

У читателя может возникнуть вопрос: почему армия в ходе наступления неожиданно была остановлена и переходила к обороне? Должен заметить, что такой вопрос задавали себе многие командиры соединений и частей, да и в штабе армии недоумевали по поводу такого решения командующего фронтом. Однако ничего неожиданного в решении И. С. Конева не было. Дело в том, что Львовско-Сандомирская операция «проглотила» все наши материальные ресурсы. Ряды гвардейских соединений поредели, ощущался большой некомплект в боевой технике. На исходе были боеприпасы и горючее. Базы снабжения отстали и не могли наладить планомерного подвоза. Командующий фронтом понимал, что в таких условиях дальнейшее наступление в глубь Польши без надлежащей подготовки рискованно и может кончиться плохо.

Читатель опять напомнит: «Да ведь сильного противника перед вами не было!» Да, непосредственно не было. Враг выдохся,

и было весьма заманчиво воспользоваться этим. Однако, как известно, Конев все-таки решил остановиться на достигнутом рубеже, ибо знал больше, чем мы: гитлеровское командование лихорадочно готовило в своей оперативной глубине крупные силы для того, чтобы попытаться сбросить нас с сандомирского плацдарма и удержать за собой висленский рубеж. Решение командующего фронтом на переход к обороне, как мы увидим ниже, было во всех отношениях оправданным.

Расскажу об этом периоде боевой деятельности армии несколько подробнее. Под прикрытием усиленных стрелковых батальонов, которые находились на удалении 18–20 км от намеченного нам переднего края, перехватив важные узлы дорог, в том числе населенные пункты Хмельник и Буско-Здруй, мы приступили к организации обороны.

8 августа после краткого уяснения полученной задачи и оценки обстановки мною было принято решение на оборону.

Основу его составляли организация системы огня всех видов, особенно противотанкового, оборудование тактической зоны, сосредоточение сил и средств на «удержание районов: (иск.) Шидлув, Халупки, Гжибув; Ястшенбец, Стопница, Олесница; Мариамполь, Свиняры, Пацанув… не допустить прорыва противника в направлениях: Шидлув, Сташув; Стопница, Олесница; Новы-Корчин, Пацанув»[50], подготовка контрударов и разгром врага в случае его вклинения.

В полосе обороны армии намечалось оборудовать главную, вторую полосы обороны и армейский промежуточный рубеж.

Передний край главной полосы обороны проходил но линии Шидлув, Халупки, Херники, Ястшенбец, Стопница, Пуланки, Влосневице, Свиняры, Лесне, Ратье. Населенные пункты Хмельник, Буско-Здруй, Вислица оборонялись усиленными передовыми отрядами.

Вторая полоса обороны готовилась в 8–10 км от переднего края на линии Олендув, Гжибув, Низины, Олесница, Боржимув, Зборувек.

Промежуточный армейский рубеж планировался по восточному берегу реки Парны от Сташува до Поланеца.

Ввиду того что один корпус привлекался для решения наступательных задач, оперативное построение армии было одноэшелонное. Создавались сильные резервы: общевойсковой, артиллерийско-противотанковый, подвижный отряд заграждений, а также армейская зенитная артиллерийская группа.

Армию поддерживал 5-й штурмовой авиационный корпус, и, кроме этого, в ее полосе действовал 4-й бомбардировочный авиационный корпус 2-й воздушной армии.

9 августа в состав 5-й гвардейской из 38-й и 60-й армий было переброшено пять артиллерийских полков, в том числе три истребительно-противотанковых. В район западнее Поланеца из резерва фронта сосредоточивалась 8-я истребительно-противотанковая артиллерийская бригада. Всего на плацдарм для усиления армии было выделено около 1000 орудий и минометов. Сюда же выдвигался и 31-й танковый корпус.

Соединениям были поставлены следующие боевые задачи.

«32-му гвардейскому стрелковому корпусу с двумя дивизионами 155-й армейской пушечной артиллерийской бригады, 222, 1073, 323-м истребительно-противотанковыми артиллерийскими полками, 296-м гаубичным артполком, дивизионом 308-го гвардейского минометного полка, имея две дивизии в первом и одну во втором эшелоне, оборонять полосу Сташув, Шидлув, Пуланки, Поланец и не допустить прорыва противника в направлениях Сташува и Олесницы. Создать в главной полосе корпуса шесть и на второй — три противотанковых опорных пункта. На танкоопасных направлениях иметь плотность 25–30 артиллерийских орудий.

34-му гвардейскому стрелковому корпусу с двумя дивизионами 155 апабр, 47-й гаубичной артиллерийской бригадой (без полка), 8 иптабр, двумя дивизионами 308-го гвардейского минполка оборонять полосу Пацанув, Зборув, Ратье, Жабец, ликвидировать плацдарм в районе Шуцина и не допустить прорыва противника в направлениях Новы-Корчина, Пацанува. Создать шесть противотанковых опорных пунктов, имея в каждом не менее 25–30 орудий.

Общевойсковому резерву армии (15-я гвардейская стрелковая дивизия) организовать оборону на второй полосе своего корпуса, создав три противотанковых опорных пункта. Подготовить совместно с 31-м танковым корпусом (резерв фронта) контрудары в направлении Пацанув, Стопница; Пацанув, Свиняры. (31-й танковый корпус к 12 августа был сосредоточен на промежуточном армейском оборонительном рубеже в районе Рытвяны, Рудники, Щека, а в ночь на 13 августа выдвинулся в район Олесницы. Мы планировали использовать корпус по двум вариантам: для нанесения контрудара совместно с 15-й гвардейской стрелковой дивизией, как уже говорилось выше, и для усиления противотанковой обороны стрелковых корпусов на наиболее угрожаемых направлениях. Между прочим, использование танкового корпуса по второму варианту было предпочтительнее, так как он имел всего 70 танков и самоходно-артиллерийских установок. — А. Ж.)

9-й гвардейской минометной бригаде подготовить залпы РС

по районам, наиболее вероятным для наступления противника. Армейскому артиллерийско-противотанковому резерву (9 иптабр) сосредоточиться в районе Гжибув, Стрельце в готовности к маневру в направлении Сташув, Стопница, Новы-Корчин. (Однако бригада прибыла в состав армии только 12 августа, и указанные рубежи не были подготовлены к началу боевых действий. — А. Ж.)

Подвижному отряду заграждений (274-й и 79-й инженерно-саперные батальоны) подготовить участки для минирования на флангах и стыке стрелковых корпусов и на рубежах действий противотанкового резерва.

Армейской зенитно-артиллерийской группе (29-я зенитная артиллерийская дивизия и 155-й зенитный полк) надежно прикрывать основную группировку войск на плацдарме.

Готовность организации обороны и системы огня — к утру 10 августа»[51].

Таким образом, командование армии предусматривало создание глубокой обороны, и прежде всего противотанковой. Основные силы и средства сосредоточивались на плацдарме, где оборонялись два корпуса. Главная задача состояла в том, чтобы отразить удары врага в тактической зоне и удержать плацдарм, игравший теперь оперативно-стратегическую роль. Поэтому здесь стрелковые дивизии вмели полосы до 10 км, а глубина всей обороны армии достигала почти 40 км. Сил и средств было достаточно для создания прочной и непреодолимой обороны. В нашу оборону фронт выдвинул 3-ю артиллерийскую дивизию прорыва генерала И. Ф. Санько и 4-ю танковую армию генерала Д. Д. Лелюшенко.

Военный совет армии самым тщательным образом рассмотрел план организации обороны. Затем он был доложен командующему фронтом Маршалу Советского Союза И. С. Коневу и им утвержден.

Итак, полоса обороны армии шириной до 40 км была поровну разделена между корпусами. Одноэшелонное оперативное построение компенсировалось за счет двухэшелонного построения боевых порядков 32-го гвардейского стрелкового корпуса и дивизий. Все соединения армии, в том числе и резервы, располагались в тактической зоне обороны, что соответствовало условиям обстановки.

Оперативная плотность достигала около 7 км на дивизию. Глубина оперативного построения колебалась от 15 до 20 км. Плотность в главной полосе составляла 0,75 стрелковых батальона, на второй — 0,55 батальона, а общая тактическая плотность — 1,3 стрелковых батальона на 1 км фронта.

После принятия решения и отдачи соответствующих частных распоряжений соединениям все мы — от командующего до командира взвода — работали непосредственно на местности, организуя систему огня, противотанковую оборону и инженерное оборудование районов, участков и полос. Штаб армии, политический отдел, офицеры родов войск и специальных войск были направлены в соединения для оказания им практической помощи. Главным для нас было как можно быстрее создать непреодолимую для врага оборону, ибо обстановка не позволяла нам долго раскачиваться. Работники штаба были настолько заняты практической работой на местности, что мое решение в письменном виде было оформлено только 14 августа[52].

Оборона армии строилась прежде всего как противотанковая с целью отражения атак танков и мотопехоты противника, а также уничтожения в случае прорыва их в глубине обороны. Она основывалась на максимальном использовании всех видов огня — артиллерийского и минометного, танков и самоходно-артиллерийских установок, противотанковых ружей — в тесной связи с маневром артиллерийско-противотанковых резервов, подвижных отрядов заграждений и инженерных заграждений. В своем решении я указал, что «плотность противотанковой артиллерии на основных танкоопасных направлениях должна быть не менее 20–25 орудий на 1 км фронта…»[53]

Это требование было выполнено, да и средств для этого соединениям выделялось вполне достаточно.

Обходя с командирами корпусов части и подразделения, мы наблюдали, как искусно артиллеристы оборудовали свои позиции.

На дорогах войны мы всегда с уважением относились к воинам, у которых на левом рукаве шинели или гимнастерки был прикреплен ромб, черный, бархатный, с золотыми перекрещенными пушками — эмблемой истребителей танков, людям исключительного героизма и воинского мастерства.

Истребители танков! Они первыми вступали в бой с фашистскими танками, жгли «пантеры», «тигры», «фердинанды», грудью защищая доблестных стрелков в обороне и расчищая им дорогу в наступлении. И здесь истребители танков тщательно зарывались в землю, готовились своим огнем преградить путь врагу.

Особое значение мы придавали организации системы огня орудий прямой наводки. Для этого привлекались все батальонные, полковые противотанковые батареи, отдельные батареи пушечной артиллерии дивизий, а также приданные истребительно-противотанковые полки. Все они располагались в

пределах полковых участков обороны, объединялись в противотанковые опорные пункты.

Основу противотанковой обороны составляли противотанковые опорные пункты, которые создавались на главной и второй полосах обороны. Всего в армии было создано 19 таких пунктов, из которых 13 располагались в главной, а 6 — во второй полосе обороны. Я лично выбирал место, согласовывал состав и ставил задачи каждому противотанковому опорному пункту. Командиры корпусов уточняли эти районы на местности и организовывали взаимодействие между ними.

Состав противотанковых опорных пунктов зависел от наличия артиллерии и важности направлений, на которых они располагались. Например, в 32-м гвардейском стрелковом корпусе в одном из пунктов было 34 единицы противотанковых средств, в том числе орудий — 26 и противотанковых ружей — 8, а в другом орудий — 29, а противотанковых ружей — 15.

Подступы к противотанковым опорным пунктам и промежутки между ними прикрывались огнем артиллерии и минометов с закрытых огневых позиций, ружейно-пулеметным огнем и взрывными инженерными заграждениями.

Взаимодействие между орудиями прямой паводки и батареями, расположенными на закрытых огневых позициях, достигалось распределением дальностей ведения огня по атакующим танкам и бронетранспортерам. Для осуществления тесного взаимодействия командиры батарей, расположенных на закрытых огневых позициях, находились на одном наблюдательном пункте с командирами батарей прямой наводки. Последним предоставлялось право вызова огня артиллерии с закрытых огневых позиций при атаке танков противника в их секторе обстрела, если дальность до атакующих танков превышала дальность прямого выстрела орудий прямой наводки. Каждый противотанковый опорный пункт прикрывался достаточно мощным огнем с закрытых огневых позиций. Так, для обеспечения подступов к одному из ПТОП в полосе 13-й гвардейской стрелковой дивизии привлекалось до 80 орудий и минометов, а в полосе 118-й стрелковой дивизии — до 40 орудий и минометов.

Ответственность за организацию взаимодействия между противотанковыми опорными пунктами возлагалась на командиров стрелковых корпусов и дивизий.

Особое внимание было уделено организации системы огня. Перед передним краем создавалась зона сплошного огня всех видов орунам. Основу ее составлял артиллерийско-минометный огонь, огонь танков и самоходно-артиллерийских установок,

пулеметов, автоматов, противотанковых ружей. Интересно отметить, что плотность огневых средств на 1 км фронта в главной полосе составляла[54] винтовок и карабинов — 230, автоматов — 77, пулеметов — 10, 82-мм минометов — 5, противотанковых ружей-до 5.

Во всех корпусах и дивизиях создавались артиллерийские группы, но их состав был непостоянным. Он изменялся в зависимости от обстановки, складывающейся в ходе боя. Например, в период тяжелых оборонительных боев на стопницком направлении с 13 по 15 августа 32-му гвардейскому стрелковому корпусу были приданы из 33-го гвардейского стрелкового корпуса одна тяжелая гаубичная бригада и две минометные бригады, а также одна гаубичная бригада из 34-го гвардейского стрелкового корпуса. Благодаря такому усилению артиллерийские плотности в полосе 32-го корпуса значительно возросли, 14 августа они достигали 36, а 16 августа — 70 орудий и минометов на 1 км фронта.

К началу оборонительного сражения на стопницком направлении армия имела более 650 орудий и минометов (без противотанковой артиллерии). Кроме того, я уже говорил, что она была усилена 3-й артиллерийской дивизией генерала И. Ф. Санько. Значительная часть штатной и приданной артиллерии использовалась на плацдарме, где в общей сложности было сосредоточено более 1000 орудий, минометов и реактивных установок, что дало плотность около 27 единиц на 1 км фронта.

Инженерное оборудование полос и позиций обороны началось сразу же с выходом войск армии на рубеж Шидлув, Стопница, Ратье и осуществлялось как в период подготовки обороны, так и в ходе оборонительного сражения. Надо сказать, что к началу наступления противника нам удалось выполнить лишь 25–30 процентов оборонительных работ. Более низкими темпами они шли в полосе 34-го гвардейского стрелкового корпуса, особенно в полосе 118-й стрелковой дивизии, из-за большого некомплекта в личном составе. Кроме того, нам не хватало противотанковых мин, взрывчатки, колючей проволоки.

Слажен по в этот период работали политорганы армии. Острие всей партийно-политической работы в соединениях и частях было направлено на быстрейшее завершение инженерных работ, создание неприступной обороны. Большое внимание уделялось воспитанию у личного состава, особенно у молодых солдат, непримиримой ненависти к врагу, изучению боевого мастерства воинов-ветеранов. Для гвардейцев читались лекции, доклады, проводились беседы на темы: «Современная Польша», «О советско-польских отношениях», «Высокий моральный дух

бойца — решающий фактор победы», «Дисциплина и организованность — залог победы», «Отстоим сандомирский плацдарм по-гвардейски».

Хочу особо отметить, что политические органы армии, корпусов и дивизий, возглавляемые Ф. А. Катковым, И. А. Фомичевым, П. И. Петровым, Г. А. Нестеровым, А. А. Москаленко, Ф. М. Мочаловым, Д. Г. Муратовым, Г. Я. Марченко, А. Ф. Пяткиным и другими, все время были в курсе событий и решали конкретные задачи. Они не просто контролировали выполнение планов партийно-политической работы в частях, а практически обеспечивали решение боевых задач соединениями.

В эти дни, решая вопросы организации обороны, мы пристально следили за поведением противника. Наша разведка ни на час не оставляла врага без внимания. Анализ поступающих разведывательных данных показывал, что гитлеровское командование сосредоточивает значительные силы в районе Хмельник, Пинчув и западнее Слунеца. От разведчиков поступали все новые и новые данные о выдвижении к плацдарму резервов противника.

9 и 10 августа разведгруппы 95-й и 13-й гвардейских стрелковых дивизий установили на рубеже реки Нида появление новых вражеских танковых и моторизованных частей. В ночь на 10 августа разведгруппа старшего лейтенанта Деревянина у деревни Голендры (4 км западнее Хмельника) взяла в плен фельдфебеля 3-й танковой дивизии, которая перебрасывалась с юга. Позже разведчики А. Краснов, И. Королев и В. Кричмарь захватили двух унтер-офицеров 16-й танковой и 20-й моторизованной дивизий. Пленные показали, что 11 августа будет нанесен удар в направлении Сташува. Из всех данных разведки выяснилось, что враг сосредоточивает 3-й танковый корпус (3-я, 16-я танковые, 20-я моторизованная дивизии, 501-й отдельный танковый батальон «королевских тигров») в районе Хмельника, 46-й танковый корпус (17, 23 и 24-я танковые дивизии) севернее Новы-Корчина и 1-ю танковую дивизию в районе Буско-Здруй. «Вся эта группировка противника имела в своем составе около 400 танков и штурмовых орудий, 500 орудий полевой артиллерии и 5 батарей шестиствольных минометов»[55].

В штабе армии мы обдумывали возможные варианты действий немецко-фашистских войск и неизменно приходили к выводу, что вероятными направлениями их ударов нужно считать Хмельник, Сташув, Баранув или Буско-Здруй, Стопница, Баранув, которые являлись кратчайшими к переправам на Висле и выгодными для наступления танков и мотопехоты.

Наша работа по инженерному оборудованию обороны была

нарушена на четвертые сутки. В 2 часа 11 августа усиленный 2-й батальон (командир капитан Базенкин) 290-го гвардейского стрелкового полка, составлявший передовой отряд 95-й гвардейской стрелковой дивизии, был атакован превосходящими силами пехоты с танками из района Хмельника. Ожесточенный бой, которым руководил находящийся здесь заместитель командира дивизии полковник Н. Т. Спирин, продолжался около шести часов. В этом бою принял участие и передовой отряд 112-й стрелковой дивизии 13-й армии. В результате боя противник потерял 4 танка, 8 бронетранспортеров, 18 автомашин и много убитых и раненых. План неожиданного удара был сорван. Тогда в 10 часов утра при поддержке массированного огня артиллерии и ударов авиации противник перешел в наступление в направлении Шидлув, Сташув, нанося удар по стыку 112-й стрелковой дивизии 27-го стрелкового корпуса 13-й армии и 95-й гвардейской стрелковой дивизии нашей армии. Такой удар 3-го танкового корпуса врага создавал угрозу флангам обеих армий. Чтобы не допустить здесь прорыва танков гитлеровцев в глубину на рубеж Печоноги Гацке, выс. 233, 4, командир 95-й дивизии генерал А. И. Олейников выдвинул свой второй эшелон и противотанковый резерв (330-й истребительно противотанковый полк и 103-й истребительно-противотанковый дивизион), а командир корпуса генерал А. И. Родимцев — противотанковый резерв и один пушечный дивизион. Эти силы на первых порах не допустили прорыва танков противника в сторону фланга армий. Однако угроза не была снята.

Тогда я принял решение о маневре на угрожаемое направление более значительных сил и средств с неатакованных участков обороны. На рубеж Меленец, Оглендув, Гжибув был выдвинут второй эшелон 32-го гвардейского стрелкового корпуса — 97-я гвардейская стрелковая дивизия и 8-я истребительно-противотанковая артиллерийская бригада (три полка). В район Жендува (северный) из района Слунеца переброшен 308-й гвардейский минометный: полк реактивной артиллерии, а в район Жендува (южный) — 222-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк, выведенный из боевых порядков 13-й гвардейской стрелковой дивизии. Южнее Конемлоты выдвигался дивизион 155-й пушечной артиллерийской бригады из состава артгруппы 32-го гвардейского стрелкового корпуса. В то же время и командующий 13-й армией выдвинул на рубеж реки Чарна 306-ю стрелковую дивизию, усиленную истребительно-противотанковым полком.

Гитлеровцы, неся потери, рвались вперед. К исходу дня они потеснили наши части, хотя темпы наступления противника

значительно снизились, несмотря на применение новых танков, так называемых «королевских тигров». Надо сказать, что эти танки имели целый ряд отрицательных качеств в сравнении с обычными «тиграми». У них были слабые гусеницы, большие габариты, малая скорость и маневренность. Ценою больших потерь в танках и живой силе врагу удалось вклиниться в нашу оборону на глубину до 6 км, овладеть районом Шидлув, Курозвенки и выйти к реке Чарна на участке Ракув, Курозвенки в полосе 13-й армии. 112-я и 95-я гвардейские стрелковые дивизии загнули свои фланги. Танки противника попали в огневой мешок.

Для разгрома вклинившейся группировки противника в этот же день в районе Сташува сосредоточивался 6-й гвардейский танковый корпус 3-й гвардейской танковой армии для нанесения контрудара во взаимодействии с соединениями 13-й и 5-й гвардейской армий в направлении Сташув, Шидлув. В район юго-восточнее Сташува выдвигались 10-й танковый и 6-й механизированный корпуса 4-й гвардейской танковой армии с задачей отражения новых ударов противника[56].

При этом в полосе нашей армии должен был действовать 10-й танковый корпус.

Перед фронтом 13-й гвардейской стрелковой дивизии и 34-го гвардейского стрелкового корпуса в этот день противник активности не проявлял.

11 августа по пути на НП генерала Родимцева я заехал на наблюдательный пункт командира 6-го гвардейского танкового корпуса генерала В. В. Новикова. Тепло поздоровавшись со мной, Василий Васильевич сказал:

— Посмотрите, Алексей Семенович, на потрясающую картину истребления фашистских танков.

Действительно, я увидел, как везде на поле боя пылали танки и бронетранспортеры, штурмовые орудия, чернели обгоревшие остовы уже подбитых машин. Это «поработали» наши тяжелые танки, артиллерия и штурмовики 1-го авиационного корпуса генерала В. Г. Рязанова. В те дни 10 исправных «королевских тигров» были захвачены и направлены в Москву, где показывались на выставке трофейного вооружения в Центральном парке культуры и отдыха имени М. Горького. Всего наши войска уничтожили около 80 танков, бронетранспортеров и штурмовых орудий.

С утра 12 августа противник возобновил наступление, стремясь овладеть переправами через реку Чарна. До батальона пехоты с 10 тяжелыми танками перешли в атаку в направлении Оглендува, до полутора батальонов с 12 танками и 4 штурмовыми орудиями — в направлении Загроды. Обе атаки

были отбиты.

По указанию командующего фронтом мы договорились с генералом II. П. Пуховым и генералом П. С. Рыбалко контрударом восстановить положение.

В 14 часов после короткой, но мощной артиллерийской подготовки второй эшелон 32-го корпуса — 97-я гвардейская стрелковая дивизия совместно с 290-м гвардейским стрелковым полком 95-й гвардейской стрелковой дивизии перешли в контратаку. Одновременно контратаковал гитлеровцев и второй эшелон 27-го стрелкового корпуса 13-й армии — 309-я стрелковая дивизия, поддержанная двумя танковыми бригадами 6-го гвардейского танкового корпуса. В этот день нам удалось продвинуться лишь на 2–3 км. Ночные действия оказались более успешными. К утру 13 августа наши части вышли на рубеж Помесице, Шидлув.

В этих боях героически действовали воины 294-го и 289-го гвардейских стрелковых полков подполковников А. Д. Харитонова и Ю. А. Науменко. Они смело врывались в боевые порядки фашистов и уничтожали пехоту и танки. Командиры полков умело управляли боем подразделений, проявляли личное мужество и отвагу. Им было присвоено звание Героя Советского Союза. В дни боев на сандомирском плацдарме, как и везде, где сражались гвардейцы 5-й армии, впереди всегда были политработники, коммунисты. Используя различные формы политработы — дружеские беседы перед боем, рассказы об отличившихся бойцах, листовки-молнии, они поднимали наступательный дух личного состава, укрепляли его стойкость, помогали командирам сплачивать людей, мобилизовать на отличное выполнение боевых задач.

Если резюмировать результаты наступления противника на стыке 5-й гвардейской и 13-й армий в направлении Шидлув, Сташув, то можно прямо сказать, что оно провалилось. Враг понес большие потери в живой силе и технике и был остановлен в пределах главной полосы обороны. Контратакой вторых эшелонов 32-го гвардейского стрелкового корпуса и 95-й гвардейской стрелковой дивизии во взаимодействии с соединениями 13-й армии противник был в последующем отброшен назад на 4–5 км.

Не добившись успеха на этом участке, немецко-фашистское командование еще в ходе боев на сташувском направлении начало прощупывать прочность нашей обороны в полосе 34-го гвардейского стрелкового корпуса. Для того чтобы прикрыть направление Новы-Корчин, Пацанув, командир 34-го корпуса в ночь на 12 августа начал выдвигать 118-ю стрелковую дивизию на рубеж Пясек Малы, Новы-Корчин. В эту же ночь противник

переправил части 24-й и 17-й танковых дивизий с южного берега Вислы на участке Кемпа Болеславска, Новы-Корчин. Так как к утру 118-я дивизия еще не успела закрепиться на указанном ей рубеже, гитлеровцы, воспользовавшись этим, а также образовавшимся разрывом между 58-й и 118-й дивизиями, повели наступление во фланг и тыл последней. Одновременно противник атаковал 175-й гвардейский стрелковый полк 58-й гвардейской стрелковой дивизии частью сил 42-й танковой дивизии из района Облеконь на Пархоцин. Потеснив правый фланг этого полка, гитлеровцы вышли на рубеж Тшебица, Пархоцин, Кемпа Болеславска, откуда предприняли атаку в направлении Свиняры, Зборув.

К исходу дня противнику удалось овладеть Зилонки, подойти к Свинярам и перерезать шоссе Новы-Корчин — Пацанув. Для ликвидации прорыва в тыл 118-й стрелковой дивизии в район Свиняров был выдвинут дивизион 117-го артиллерийского полка и 191-й истребительно-противотанковый дивизион (артиллерийско-противотанковый резерв дивизии), которые не допустили дальнейшего продвижения врага на Зборув и Пацанув.

Учитывая тяжелое положение, в котором оказалась 118-я стрелковая дивизия, я приказал командиру 34-го гвардейского стрелкового корпуса отвести ее на рубеж Зборув, Свиняры, Лесне. Для усиления этого направления корпусу были переподчинены 222-й истребительно-противотанковый полк, который развернулся в районе Бехува, а также 15-я легкая артиллерийская бригада. Кроме того, 39-й гвардейский стрелковый полк 13-й гвардейской стрелковой дивизии перегруппировывался из района Чижув, Дзеславице, Печоноги на рубеж южная окраина Стопницы, выс. 266, 4, юго-восточная окраина Метели для прикрытия фланга 32-го гвардейского стрелкового корпуса.

На рассвете 13 августа противник возобновил наступление, нанося удар вдоль шоссе Свиняры — Пацанув. В результате упорных боев ему удалось прорвать оборону 398-го стрелкового полка и потеснить его. Однако добиться здесь серьезного успеха врагу вновь не удалось. Атаки частей 20-й моторизованной и 24-й танковой дивизий противника, предпринятые в этот же день против 13-й гвардейской стрелковой дивизии, были отбиты.

Неудача противника на шидлув-сташувском направлении вынудила немецко-фашистское командование перенести свои усилия на Стопницу, Баранув. Для этого в район Колачковице, Щитпики, Смогожув были переброшены 3-я и 16-я танковые дивизии, а также 20-я моторизованная дивизия 3-го танкового корпуса. Сюда же выводилась 1-Я танковая дивизия. В районе Зборув, Свиняры, Зилонки сосредоточивался 46-й танковый

корпус (17, 23 и 24-я танковые дивизии).

Всего к 14 августа в группировке противника на стопницком направлении насчитывалось шесть танковых дивизий, одна моторизованная и остатки 501-го отдельного танкового батальона, развернутые на узком участке (12 км) фронта. Вся эта группировка имела: танков и штурмовых орудий — 285, полевых орудий и минометов — 420, пулеметов — 1080, людей — 34000[57].

Средняя тактическая плотность составляла: пехотных батальонов — 1,6, танков — 24, орудий — 35, пулеметов — до 100 на 1 км фронта. Плотность нашей артиллерии и минометов на этом направлении достигала 80 единиц, однако танков в боевых порядках здесь не было.

В 9 часов утра 14 августа после короткой артподготовки, при поддержке авиации, противник перешел в наступление с целью рассечь оборону армии, выйти к Висле в районе Баранува и ликвидировать сандомирский плацдарм. Основной удар из района Смогожува силою до 80 танков с мотопехотой пришелся по 13-й гвардейской стрелковой дивизии, а до 50 танков с мотопехотой из района Сольца двинулись на 118-ю стрелковую дивизию. Особенно упорные бои развернулись в направлении Скробачув, Стопница, где на позиции 13-й гвардейской стрелковой дивизии наступали почти три танковые и моторизованная дивизии гитлеровцев. Дивизия оказалась в тяжелом положении.

Звоню Родимцеву, спрашиваю, как дела.

— Врагу удалось потеснить 13-ю дивизию. Сейчас выезжаю на наблюдательный пункт Бакланова для изучения обстановки на месте, — доложил мне Александр Ильич.

— Подождите меня, подъедем туда вместе, — приказал я комкору.

На наблюдательном пункте командира 13-й дивизии мы разобрались в обстановке. Навстречу танковым лавинам противника были выдвинуты артиллерийско-противотанковые резервы дивизии и корпуса и два батальона 39-го стрелкового полка, составлявшие мой общевойсковой резерв. Бои на этом рубеже были тяжелые. Я лично наблюдал, как вражеским солдатам удавалось ворваться в наши траншеи лишь тогда, когда там в живых не оставалось никого. К исходу дня ценою больших потерь противник вклинился в оборону 13-й дивизии только на 2–3 км.

Не менее упорные бои развернулись в полосе 118-й стрелковой дивизии, против которой наступали части трех танковых дивизий противника — 23, 24 и 17-й. Сначала

вражеские танки атаковали 527-й стрелковый полк, однако успеха не добились. В середине дня более 50 танков устремились в стык между 527-м и 463-м стрелковыми полками. Ценою больших потерь противнику удалось вклиниться между ними и потеснить 527-й стрелковый полк. Решительной контратакой 398-го стрелкового полка положение в полосе дивизии было восстановлено.

В этих ожесточенных боях особенно отличились артиллеристы 222-го истребительно-противотанкового полка. Подпустив танки и бронетранспортеры противника на 500–600 метров, они открыли огонь. Первыми выстрелами были подбиты два головных «тигра», в следующие 3–5 минут были подожжены еще три танка и три бронетранспортера. Не выдержав огня наших артиллеристов, вражеские танки отошли.

Настойчивые атаки танков и мотопехоты гитлеровцев на участке 13-й гвардейской дивизии вызвали необходимость ее усиления. Моим распоряжением 97-я гвардейская дивизия (второй эшелон корпуса) была переброшена с правого фланга 32-го гвардейского стрелкового корпуса в затылок 13-й на вторую полосу обороны на участок Низины, Броды Дуже, а один полк дивизии — на третью позицию главной полосы на рубеж Чижув, Клемны. Учитывая значительное превосходство противника в танках, пришлось усилить противотанковую оборону корпусов за счет танков и самоходно-артиллерийских установок 31-го танкового корпуса. При этом две танковые бригады были выдвинуты в полосу 13-й дивизии, а две — в полосу 118-й дивизии, где они встали в засаду и окопались. На танкоопасном направлении развернулась и 9-я армейская истребительно-противотанковая бригада.

С утра 15 августа противник возобновил наступление. Особенно упорный характер носили бои в полосе 13-й гвардейской стрелковой дивизии, на боевые порядки которой был обрушен мощный массированный огонь артиллерии, сбросила свой смертоносный груз авиация, а в 11 часов гитлеровская мотопехота при поддержке 20 танков и 6 самоходных орудий нанесла удар в направлении Стопница, Олесница. Путь врагу вместе со стрелками преградил 4-й истребительно-противотанковый дивизион, на счету которого немало подбитых танков противника под Прохоровой, Борисовкой, Томаровкой, Полтавой. И здесь за несколько минут они уничтожили 6 танков, 2 самоходных орудия, более полусотни солдат и офицеров. Танкисты и самоходчики 31-го танкового корпуса, действуя из засад, в этот день уничтожили 14 танков, 6 бронетранспортеров, 14 орудий и 11 минометов врага.

Хочу отметить инициативу и изобретательность наших артиллеристов. Они применили стрельбу по пехоте противника прямой наводкой с разрывом снарядов на рикошетах, а также стрельбу из зенитных пушек среднего калибра бризантными снарядами. Этот поистине уничтожающий огонь приводил гитлеровцев в панику. Уже после войны командир 10-й истребительно-противотанковой бригады полковник В. И. Базиленко на одном из подмосковных полигонов демонстрировал такую стрельбу Главному маршалу артиллерии Н. П. Воронову и другим командирам. Она вызвала у всех восхищение.

Ценою больших потерь противнику все же удалось потеснить левофланговые подразделения 13-й гвардейской стрелковой дивизии, прорвать первую позицию и овладеть Стопницей. Наивысшего напряжения бои достигли 16 и 17 августа, когда враг бросил все свои силы на Олесницу.

Я был вынужден вывести сюда почти все приданные противотанковые средства и всю артиллерию. В боевых порядках 13-й дивизии появилась 8-я истребительно-противотанковая бригада; 32-й гвардейский стрелковый корпус усилен тремя истребительно-противотанковыми полками, двумя минометными бригадами и одним минометным полком, одной тяжелой гаубичной бригадой; на второй полосе в районе Олесницы развернута артиллерия 31-го танкового корпуса.

Этому направлению уделял большое внимание и командующий фронтом. На рубеж Стрельце, Олесница, Бешовас выдвигался 10-й танковый корпус 4-й танковой армии генерала Д. Д. Лелюшенко с задачей не допустить прорыва противника на вторую полосу. Промежуточный армейский рубеж по восточному берегу реки Чарна занял 6-й механизированный корпус.

В эти горячие дни я все время находился на наблюдательном пункте юго-западнее Олесницы, ибо из собственного опыта знал, что лучше раз увидеть, чем сто раз услышать. Это давало мне возможность быстро реагировать на все изменения в обстановке имеющимися силами и средствами, лично ставить задачи командирам не только корпусов и дивизий, а порой и частей и даже подразделений.

16 августа противник вновь попытался прорваться на стыке 13-й гвардейской и 118-й стрелковых дивизий. На 34-й стрелковый полк двинулись до 30 танков и более двух батальонов пехоты, к моему наблюдательному пункту — до 25 танков и два батальона пехоты. Я обратил внимание на необычность боевого порядка атакующих. Впереди двигалась пехота, за ней в развернутом строю — тяжелые танки, затем — средние танки, бронетранспортеры и. самоходные орудия. Такое построение

имело цель вскрыть систему огня наших орудий прямой наводки. Этой тактике мы противопоставили свою. По моему приказу каждый истребительно-противотанковый полк и дивизион были усилены автоматчиками (рота, взвод), которые вели борьбу с пехотой противника при ее подходе к району огневых позиций орудий прямой наводки. Последние открывали огонь только по бронецелям при подходе их на дальность прямого выстрела.

Такая тактика значительно снизила потери нашей противотанковой артиллерии, в то же время эффективность борьбы с танками и мотопехотой противника увеличилась. Только в этот день враг потерял 37 танков и штурмовых орудий, 11 бронетранспортеров, 12 орудий, 10 минометов, 36 пулеметов и до 600 человек убитыми и ранеными. Но и наши части несли немалые потери. Сказывалось превосходство врага в танках. Нам пришлось оставить вторую, а местами и третью позицию главной полосы. Несмотря на это, каждая новая атака гитлеровцев разбивалась о стойкость и мужество воинов 5-й гвардейской армии. Во второй половине дня гитлеровцы попали в узкой полосе под перекрестный огонь артиллерии и танков, понесли большие потери и прекратили атаки в направлении Олесницы. Оценивая обстановку, мы пришли к выводу, что противник попытается нанести удар на Пацанув в полосе 118-й стрелковой дивизии, поэтому в ее полосу была перегруппирована истребительно-противотанковая бригада. В ночь на 17 августа в район Олесницы вышел 10-й гвардейский танковый корпус генерала Е. Е. Белова. Командир 34-го гвардейского корпуса просил отвести 118-ю стрелковую дивизию на вторую полосу обороны. Ему указали на нецелесообразность этого.

С утра 17 августа на фронте было спокойно. Но вот около 11 часов появилась фашистская авиация. Она нанесла удары по узлам обороны и населенному пункту Пацанув. В середине дня до 40 танков и двух полков пехоты нанесли удар во фланг 292-го гвардейского стрелкового полка 97-й гвардейской стрелковой дивизии, который оборонялся на третьей позиции в районе Чижува. До 30 танков и 20 бронетранспортеров с пехотой атаковали левый фланг 42-го гвардейского стрелкового полка, стремясь прорваться к Олеснице с юго-запада. Оба полка под натиском превосходящих сил противника были вынуждены отойти к Стрельце и Олеснице.

К исходу 18 августа противнику ценою огромных потерь все же удалось завершить прорыв нашей главной полосы обороны, продвинуться на 5–8 км к востоку от Стопницы и подойти ко второй полосе. Здесь он был остановлен частями второго эшелона 32-го гвардейского стрелкового корпуса, огнем артиллерии,

танков и самоходно-артиллерийских установок 10-го и 31-го танковых корпусов. В результате не очень продолжительного боя мы подбили и сожгли не менее 35–40 танков и штурмовых орудий, десятки бронетранспортеров, уничтожили много пехоты. Попытки вражеских войск прорвать вторую полосу обороны потерпели неудачу. Чувствовалось, что враг выдохся, и надо было воспользоваться этим.

Утром 19 августа мы нанесли сильный контрудар по противнику силами вторых эшелонов корпусов (97-я и 15-я гвардейские дивизии), частью сил 13-й гвардейской, 118-й стрелковых дивизий и 10-го гвардейского танкового корпуса. Наш удар для гитлеровцев оказался неожиданным. В течение двух дней враг был отброшен на исходное положение.

…Мужественно сражались в те дни воины 15-й гвардейской стрелковой дивизии. Когда 7 ноября 1944 года дивизия праздновала свое пятилетие, в ее адрес поступи по много поздравительных телеграмм. Но самой радостной для гвардейцев была телеграмма командующего фронтом Маршала Советского Союза И. С. Конева. В пей говорилось: «…Прошу передать всему личному составу 15-й гвардейской стрелковой Харьковской, ордена Ленина, Краснознаменной, ордена Суворова дивизии мое поздравление.

Поздравляю красноармейцев, сержантов, офицеров 15-й гвардейской дивизии с пятой годовщиной.

За пять лет дивизия прошла героический боевой путь и покрыла себя неувядаемой славой в боях с врагами нашего Отечества.

Ваша дивизия сформировалась из 50-го Краснознаменного имени Ворошилова стрелкового полка. Кадры дивизии в двух, войнах — с белофиннами и немецкими захватчиками — показали стойкость и мужество, умение и выучку, что обеспечило боевые успехи дивизии.

Лично я, как бывший командир 50-го Краснознаменного имени Ворошилова полка, горжусь вашими успехами и подвигами, шлю искренний привет своим сослуживцам и ветеранам дивизии.

Убежден, что в боях за окончательный разгром немецко-фашистских армий гвардейцы покажут новые образцы воинской доблести, умение и прославят себя новыми боевыми делами.

Слава воинам трижды орденоносной дивизии!

Ваш Конев».

На торжественном собрании, посвященном этой знаменательной дате, я с большим удовольствием вручил воинам-гвардейцам боевые награды. Красноармейцы, сержанты и

офицеры с гордостью прикрепляли ордена и медали, полученные за мужество и отвагу, проявленные на висленском рубеже, рядом с наградами за бои под Сталинградом, на Курской дуге, за освобождение Украины и Молдавии…

…Итак, гитлеровцам так и не удалось добиться своей цели — ликвидировать сандомирский плацдарм. Превосходящим по численности фашистским войскам воины фронта противопоставили железную выдержку, массовый героизм, высокое боевое мастерство, гибкую тактику. Успешное завершение оборонительных боев объясняется и созданием глубоко эшелонированной противотанковой обороны на плацдарме, и смелым маневром силами и средствами с менее угрожаемых участков на направления главных ударов противника, и особенно массированным использованием артиллерии.

Успеху 5-й гвардейской армии на сандомирском плацдарме способствовало и четкое взаимодействие с войсками 13-й армии, 3-й и 1-й гвардейских танковых армий, постоянная взаимная помощь в самых сложных и критических ситуациях. Например, в то время, когда враг рвался к Висле через Олесницу, наши соседи перешли в наступление, разгромили сандомирскую группировку и 18 августа овладели Сандомиром. Для оказания помощи сандомирской группировке немецкое командование перебросило из района Стопницы на север 17-ю и 23-ю танковые дивизии. Естественно, что это облегчило наше положение. 20 августа перешел в наступление 33-й гвардейский корпус и тоже отвлек на себя силы врага.

Считаю своим долгом отметить огромную роль штаба армии в управлении войсками. Именно штаб армии непосредственно осуществлял всю разностороннюю работу по подготовке необходимых данных для принятия решения командармом на операцию, ее планирование и доведение задач до войск. Он собирал и обобщал данные о противнике и своих войсках, организовывал всестороннее обеспечение операции, контролировал работу подчиненных штабов. Ни один из органов полевого управления не имел столь ответственных и разнообразных функций руководства войсками, как штаб армии.

В этой связи необходимо подчеркнуть особенно важную роль начальника штаба армии. Он являлся первым заместителем командарма и в случае его временного отсутствия выполнял его обязанности. Опыт войны показал, что оставлять в этой роли штатного заместителя было не всегда целесообразно. Начальник штаба армии, как правило, хорошо знал оперативную обстановку и весь круг вопросов, решением которых занимается полевое

управление; он постоянно поддерживал связь с командирами и штабами подчиненных соединений и частей, а также со штабом фронта и соседями. Поэтому, естественно, обязанности командующего во время его отсутствия было легче выполнять начальнику штаба.

Четкость, слаженность и оперативность в работе штаба и полевого управления в целом в значительной мере зависели от характера взаимоотношений, установившихся между начальником штаба и другими руководящими лицами полевого управления, которые ему непосредственно не были подчинены. Должен сказать, что генерал Н. И. Лямин обладал большим опытом в работе, пользовался заслуженным авторитетом в полевом управлении и, решая тот или иной вопрос, проявлял соответствующий такт, заботясь прежде всего об интересах дела.

Деловая, товарищеская атмосфера в деятельности штаба и других органов полевого управления во многом зависела также от методов работы командующего армией. В ходе подготовки операции командарм мог уточнять тот или иной вопрос непосредственно с командующими родами войск, начальниками отделов штаба армии, минуя начальника штаба, который в последующем информировался об этом. Однако практика показала, что наилучшее решение вопроса достигалось тогда, когда он предварительно прорабатывался с начальником штаба. В этом случае исключалось возникновение каких-либо трений во взаимоотношениях между начальником штаба и руководителями других органов полевого управления, а также внутри них.

Мне хочется отметить армейских операторов во главе с полковником И. М. Самыловым и разведчиков, руководимых полковником Б. Т. Ивановым. Высокую организованность и оперативность показали штабы 32-го и 34-го гвардейских стрелковых корпусов и их начальники полковники И. А. Самчук и Ф. Г. Мительман. Серьезный экзамен выдержали штабы дивизий, в полосах которых происходили ожесточенные бои. Мы всегда ставили в пример хорошую организацию управления в 13-й дивизии, штаб которой возглавлял полковник Т. В. Вельский — ныне генерал-майор. Хорошо работали штабы 95-й дивизии во главе с полковником П. В. Бойко, 97-й дивизии под руководством молодого, но опытного и знающего свое дело подполковника Ю. П. Бокова, 118-й стрелковой дивизии, где начальником был полковник И. Д. Панин, 15-й дивизии — начальник подполковник В. Х. Гоникман, 9-й гвардейской воздушно-десантной дивизии во главе с энергичным и опытным штабистом полковником А. Я. Горячевым, 78-й дивизии под руководством полковника Н. А. Попова.

Высокое мастерство в организации артиллерийского обеспечения и в управлении огнем в ходе боевых действий за удержание плацдарма проявили командующий артиллерией армии генерал Г. В. Полуэктов и его штаб. Здесь мне хочется еще раз отметить подполковника О. Е. Кузьмина. Я но раз возлагал на него организацию корректировки огня армейской и приданной артиллерии. Так, 15 августа, в самый напряженный день на плацдарме, Кузьмин находился на передовом наблюдательном пункте в полуокружении противника, под градом пуль и снарядов и обеспечил четкое управление огнем. За проявленные героизм и мужество он был представлен мною к высокому званию Героя Советского Союза.

Умение четко управлять артиллерийскими частями и подразделениями, своевременно выводить их на острие танковых ударов врага показали командующие артиллерией 13-й гвардейской стрелковой дивизии полковник А. В. Клебановский и его штаб под руководством подполковника Г. Т. Мацюка и 97-й гвардейской стрелковой дивизии подполковник В. И. Кутарев. Мужественно дрались с танками противника артиллеристы 32-го полка под командованием подполковника И. А. Агеева, 232-го гвардейского полка во главе со своим командиром майором И. Г. Розановым и другие.

Глубокое уважение и признательность воинов армии заслужили армейские медики, руководимые начальником медицинской службы полковником Е. А. Максиным и главным хирургом подполковником Е. П. Поповым. Многие гвардейцы обязаны своим спасением мужественным врачам, медицинским сестрам и храбрым санитарам, которые оказывали им помощь на поле боя…

…Сражение на плацдарме явилось новым испытанием боевого мастерства и моральных качеств наших гвардейцев. И они выдержали это испытание с честью. Гитлеровцы не смогли прорвать даже тактической зоны обороны.

Военный совет, командиры, штабы, политорганы, партийные организации проводили большую партийно-политическую работу. Коммунисты показывали пример мужества и отваги. Партийные и комсомольские организации помогали командирам и политработникам в мобилизации воинов на выполнение боевых задач. В трудную минуту увеличился поток заявлений о принятии в ряды ленинской партии. Так, в 13-й гвардейской стрелковой дивизии в июле было принято в члены и кандидаты в члены партии 110 воинов, из них рядовых и сержантов — 103; в дни жестоких боев на плацдарме — 151 человек, рядовых и сержантов — 131. В 97-й гвардейской стрелковой дивизии в июле ряды

партии пополнили 84 воина, в августе — 137[58].

Членам партии поручались самые трудные задачи. У коммунистов учились и комсомольцы. В боях на плацдарме комсомольцы дрались бесстрашно. Партийные и комсомольские организации частей и подразделений дивизий старались как можно быстрее довести до каждого гвардейца сообщение о подвиге, совершенном их товарищем. Для этого практиковался выпуск специальных плакатов «Герои сандомирского плацдарма». Один из них, который экспонируется в Центральном музее Вооруженных Сил СССР, был посвящен четырем бесстрашным гвардейцам — Мирзо Бободжанову, который отличился на днестровском плацдарме, Антону Гливницкому, Фахруддину Аминову и Алексею Матыгулину. На плакате — зарисовка одного из эпизодов боя, фотографии героев и следующий текст: «… Немцы пытались отбросить нас за Вислу. Они ввели в бой крупные силы танков и пехоты. Но на пути «королевских тигров» и пьяных гитлеровцев встали гвардейцы — богатыри земли русской. Золотыми буквами на страницах истории наших подразделений засияют имена Фахруддина Аминова и воспитанников ленинского комсомола, трех комсоргов рот — татарина Алексея Матыгулина, таджика Мирзо Бободашова и украинца Антона Гливницкого.

Контуженный, потерявший слух и речь, гвардии старший сержант Мирзо Бободжанов не покинул поле боя. Его глаза видели врага, его пальцы сжимали рукоятку «максима», и он продолжал косить немцев. Когда гитлеровцы подобрались совсем близко к окопу пулеметчиков и начался бой гранатами, Мирзо был ранен. Он наспех наложил повязку и продолжал бой. Герой-комсомолец уничтожил в одном бою до взвода гитлеровцев и две огневые точки.

Фахруддин Аминов увидел вражеский танк и устремился к нему навстречу. В этом поединке гвардеец-сталинградец, вооруженный гранатой и автоматом, вышел победителем. Вокруг подбитого им танка валялось восемь трупов гитлеровцев.

Антон Гливницкий повторил подвиг Аминова. Молодой воин пропустил танк через свой окоп и бросил в открытый люк противотанковую гранату. Вражеский танк сгорел.

Имя Алексея Матыгулина давно известно всем бойцам. Опытный снайпер, он уничтожил 34 гитлеровца и награжден двумя орденами Славы. В последнем бою он истребил десятки немцев. Когда вражеский танк наехал на его окоп и придавил ему ноги, Алексей Матыгулин собрал последние силы и бросил гранату в бронированное чудовище.

Воин! Бей врага, как бьют его Фахруддин Аминов, Алексей

Матыгулин, Антон Гливницкий и Мирзо Бободжанов…»

…С одним из отважных гвардейцев, Мирзо Бободжановым, я встретился в 1962 году. Мне было приятно вручить ветерану 5-й гвардейской армии второй орден Красного Знамени. Церемония вручения награды состоялась в Центральном музее Вооруженных Сил СССР у станкового пулемета отважного героя, который высится на одном из постаментов. С этим «максимом» Бободжанов прошел всю войну и расстался с ним только после Победы…

Как я уже писал, в то время когда соединения 32-го и 34-го гвардейских стрелковых корпусов вели бои на плацдарме за Вислой, 33-й гвардейский стрелковый корпус готовился к операции по освобождению во взаимодействии с 60-й армией города Дембица — важного узла железных дорог и крупного промышленного центра Восточной Польши. В районе этого города фашисты имели заводы по производству самолетов-снарядов «Фау-1».

Дембицкая операция началась утром 20 августа. 33-й гвардейский стрелковый корпус 5-й гвардейской армии и 4-й гвардейский танковый корпус наступали на Дембицу с северо-запада, а с востока повели наступление на город соединения 15-го стрелкового корпуса 60-й армии.

Удар двух гвардейских корпусов с севера развивался успешнее, поэтому Маршал Советского Союза И. С. Конев принял решение сосредоточить основные усилия в полосе наступления 33-го гвардейского стрелкового корпуса. Между 14-й и 78-й гвардейскими стрелковыми дивизиями была введена 9-я пластунская стрелковая дивизия. Вдоль восточного берега Вислоки с целью свертывания обороны противника наступала 322-я стрелковая дивизия 60-й армии. В обход Дембицы с юга усилили нажим на вражеские войска левофланговые части этой армии.

К исходу 22 августа части 4-го гвардейского танкового и 33-го гвардейского стрелкового корпусов во взаимодействии с 322-й стрелковой дивизией захватили переправу через Вислоку и завязали бои на ближних подступах к Дембице. На следующий день город был полностью освобожден от фашистских войск…

…Военные действия на сандомирском плацдарме начали постепенно затухать. Однако гитлеровское командование еще тешило себя надеждами, что ему все же удастся вернуть утраченные рубежи на Висле. Оно продолжало подбрасывать в район плацдарма свежие силы. К концу августа группировка противника в этом районе увеличилась более чем в два раза. 29 августа мы получили указание фронта о переходе к обороне. К

этому времени войска армии занимали следующее положение: 32-й гвардейский стрелковый корпус удерживал рубеж Гации, Жиция, Халупки, Дзеславице, Бялобоже; 34-й гвардейский стрелковый корпус — Новы Весь, Метель, Хжанув, Воля Бехувска, Карське, Ратье.

Подводя итоги боев на сандомирском плацдарме, следует сказать, что оборонительные бои по удержанию плацдарма носили упорный и активный характер, они не прекращались ни днем, ни ночью. Войска армии успешно выполнили поставленную задачу: измотали и обескровили врага, не допустили прорыва обороны, остановили его в главной полосе, а затем отбросили назад.

За время боев было уничтожено более 20 тысяч солдат и офицеров, 230 танков и самоходных орудий, около 80 бронетранспортеров, 120 орудий, 80 минометов, более 200 автомашин, 22 самолета и много другого вооружения и техники. Захвачено в плен свыше 300 солдат и офицеров.

Активность войск в обороне выражалась в непрерывном воздействии на противника всеми видами огня, в воспрещении ему осуществлять свободный маневр силами и средствами, в нанесении согласованных контратак с целью восстановления положения. За 10 дней боевых действий войска армии провели три контратаки силами стрелкового полка, одну — силами стрелковой дивизии во взаимодействии с танкистами и соседом и контрудар силами общевойскового резерва армии во взаимодействии с дивизией второго эшелона 32-го гвардейского стрелкового корпуса и второго эшелона 118-й стрелковой дивизии.

Захватом, удержанием и закреплением плацдарма на западном берегу Вислы, имевшего оперативно-стратегическое значение и вошедшего в историю Великой Отечественной войны под названием «сандомирский плацдарм», успешно закончилась Львовско-Сандомирская операция. Если время проведения всей операции составляло полтора месяца, из которых немногим более полумесяца ушло на разгром бродской, львовской и Станиславской группировок противника, то почти месяц потребовался на ее завершающий этап — борьбу за плацдарм.

Несмотря на яростное сопротивление врага, нашим войскам удалось не только удержать, но и значительно расширить плацдарм — до 100 км по фронту и до 50 км в глубину, разгромить здесь мелецкую, сандомирскую, дембицкую группировки противника и, таким образом, создать условия для начала с этого плацдарма в январе 1945 года Сандомирско-Силезской операции.

Ответственная задача в битве за плацдарм выпала на долю 5-й гвардейской армии, сбереженной на первом этапе операции. «… Войска 5-й гвардейской армии, — писал Маршал Советского Союза И. С. Конев, — укрепили наше положение на плацдарме, способствовали его расширению и разгрому противника, наносившего удары по флангам наших войск»[59]

Глава седьмая. К границам Германии

Подготовка Сандомирско-Силезской наступательной операции. На направлении главного удара. Особенности артиллерийской подготовки. Новое в методах атаки противника. Передовые батальоны. Корпусной передовой отряд. Ченстохов освобожден! На восточных границах Германии. Бои за Одер. Вновь на плацдарме!

Теперь мне хочется рассказать о боевых действиях 5-й гвардейской армии в ходе Сандомирско-Силезской наступательной операции, проведенной в январе — феврале 1945 года войсками 1-го Украинского фронта под командованием Маршала Советского Союза И. С. Конева. Эта операция являлась частью единого крупного стратегического наступления, предпринятого Советскими Вооруженными Силами с висленского рубежа. В Сандомирско-Силезской операции 1-го Украинского фронта войскам 5-й гвардейской армии довелось выполнять одну из важнейших оперативных задач.

По своим оперативно-стратегическим целям и задачам, смелому замыслу, крупным масштабам применения стрелковых соединений, танков, артиллерии, авиации и специальных войск и их массированию на направлении главных ударов, по решительности и стремительности действий, разнообразию форм маневра и по достигнутым результатам Сандомирско-Силезская операция и составляющие ее армейские операции являются исключительно интересными и поучительными.

Подготовка к Сандомирско-Силезской операции началась задолго до перехода войск в наступление. Как уже об этом говорилось в предыдущей главе, войска 1-го Украинского фронта, разгромив в июле — августе 1944 года в районе Львова немецкую группу армий «Северная Украина», вышли к Висле и захватили на ее западном берету большой плацдарм. Оборона большей части этого плацдарма была возложена на 5-ю гвардейскую армию.

С переходом к обороне плацдарма командиры, штабы и политорганы занялись доукомплектованием частой и соединений личным составом, вооружением и техникой, боевой подготовкой войск и оборудованием плацдарма в инженерном отношении, с тем чтобы в дальнейшем использовать его как исходный район для наступления.

Необходимо отметить, что по решению командующего фронтом прорыв обороны противника намечался на участке

Ракув, Метель, находившемся в полосе обороны нашей армии. В связи с этим в значительной мере возрастал объем задач по подготовке плацдарма как исходного района для наступления, так как именно в полосе обороны армии предстояло развернуть всю ударную группировку фронта, состоявшую из пяти общевойсковых и двух танковых армий, двух танковых корпусов, большого количества артиллерийских и танковых частей и соединений. Вопросами подготовки к наступлению мы занимались почти четыре месяца, пока на фронте было относительное затишье.

Впервые за четыре года войны нашей армии пришлось решать столь крупные задачи в интересах предстоящей большой фронтовой операции. Для их выполнения мною вместо с начальником штаба, командующим артиллерией, начальником инженерных войск и другими ближайшими помощниками был разработан план работы, и в соответствии с ним последовательно ставились задачи корпусам, дивизиям и специальным частям по инженерному оборудованию занимаемых полос и районов обороны.

Уже к ноябрю за счет получения нового пополнения и возвращения из госпиталей вылеченных раненых численность рот была доведена до 75–80 человек. Придавая большое значение высокой боеспособности стрелковых батальонов, они создавались трехротного полного состава. Стрелковые полки, как правило, имели по два батальона и по одной отдельной роте. При этом полностью были укомплектованы и вооружены танковые, артиллерийские, минометные части и подразделения, а также подразделения специальных войск — саперные и связи. Артиллерия, включая и полковую, переведена на механическую тягу. Значительно увеличилось количество машин в частях и соединениях за счет получения новых и частичного восстановления трофейных. Появилась возможность в стрелковых соединениях создавать сильные, полностью моторизованные передовые отряды. Средства управления были переведены на машины. Командиры полков, дивизий, корпусов получили личные радиостанции.

На протяжении этого времени проводились интенсивные работы по инженерному оборудованию плацдарма — развитию траншей и ходов сообщения, оборудованию районов сосредоточения, наблюдательных пунктов. От ближайших укрытий к первой траншее отрывались дополнительные ходы сообщения. На участках, просматриваемых со стороны противника, устанавливались вертикальные маски. Позиционные районы артиллерии готовились с таким расчетом, чтобы на

огневой позиции каждой батареи можно было развернуть дивизион, а на огневых позициях дивизиона — артиллерийский полк или бригаду. Много внимания уделялось восстановлению и развитию дорог, постройке мостов и маскировочным мероприятиям.

Восстанавливались и вводились в строй вооружение и техника, накапливались боеприпасы, техническое имущество, горючее, продовольствие. Весь личный состав был хорошо обмундирован. Войсковые и армейские тылы, основные склады и их отделения были приближены к войскам.

С сентября соединения армии наряду с обороной плацдарма усиленно занимались боевой и политической подготовкой, которая планировалась на каждый месяц. Полки и дивизии первого эшелона периодически, через три-четыре недели, сменялись и выводились в тыл для боевого слаживания и отдыха.

Подготовка офицеров проводилась на сборах: в армии — с командирами корпусов и дивизий; в дивизиях — с командирами полков, батальонов и дивизионов; в полках — с командирами рот, батарей и взводов. На сборах отрабатывалась тематика в соответствии с характером предстоящих наступательных действий методом военных игр, групповых упражнений и решением летучек, изучались новое оружие и техника. Перед началом операции с командирами корпусов, дивизий и штабами была проведена военная игра на картах в соответствии с полученной задачей.

Войска изучали накопленный боевой опыт, тренировались в осуществлении прорыва тактической обороны, развитии стремительного наступления и преследования, обучались умелому и быстрому использованию результатов действий артиллерии, танков и авиации. До 40 % тактических занятий и учений проводилось в ночных условиях, а местность обычно подбиралась и оборудовалась по типу обороны противника. В подразделениях проводились по два-три раза в неделю строевые, тактико-строевые и тактико-специальные занятия. В частях — сборы пулеметчиков, минометчиков и стрелков противотанковых ружей, а с саперами, химиками, связистами и автомобилистами — специальная подготовка.

На тактических учениях ротам, батальонам и полкам каждый раз придавались одни и те же средства усиления. Это позволило отработать четкое взаимодействие, добиться боевой спайки и сыграло положительную роль впоследствии при выполнении боевых задач.

В подготовке командиров, штабов и войск активное участие принимали имеющие большой боевой и служебный опыт мои

заместители и ближайшие помощники — начальник штаба армии генерал-майор Николай Иванович Лямин, командующий артиллерией генерал-майор Георгий Васильевич Полуэктов, начальник бронетанковых войск генерал-майор Даниил Семенович Чупрыгин, начальник инженерных войск полковник Федор Григорьевич Подолынный и другие генералы и офицеры.

Большое внимание уделялось идейно-политической подготовке офицеров, и особенно молодых командиров звена взвод — рота, парторгов и комсоргов рот. В воспитательной работе с воинами широко практиковались слеты героев прошедших боев, награжденных орденами Славы и другими орденами и медалями, стрелков, пулеметчиков, танкистов, артиллеристов, саперов, связистов, автомобилистов, на которых они делились боевым опытом.

Проводились мероприятия по расстановке коммунистов в подразделениях, индивидуальная работа по подготовке к приему в партию бывалых воинов, показавших беззаветную преданность Родине, смелость и отвагу в бою. Это позволило восстановить во всех ротах и батареях партийные организации и резко улучшить всю боевую и воспитательную работу в подразделениях. Армейская и дивизионные газеты популяризировали на своих страницах отличившихся гвардейцев и их боевые дела. Правильно организованная политическая работа обеспечила высокий наступательный порыв у всего личного состава, стремление быстрее разгромить врага. Руководство всей организационно-партийной и политико-воспитательной работой осуществлялось Военным советом армии, опытными политработниками — генерал-майором А. М. Кривулиным, генерал-майором П. Е. Сухаревым, и политическим отделом во главе с его начальником генерал-майором Ф. А. Катковым.

Таким образом, наряду с выполнением ответственной задачи по обороне плацдарма в войсках армии шла широкая подготовка к предстоящим новым наступательным действиям.

В состав армии по-прежнему входили три гвардейских стрелковых корпуса, которыми командовали способные, мужественные генералы, имевшие большой опыт организации и ведения боевых действий в самых различных условиях.

32-й гвардейский стрелковый корпус возглавлял Герой Советского Союза гвардии генерал-лейтенант А. И. Родимцев. Среднего роста, с простым, открытым и добродушным лицом, Александр Ильич пользовался в корпусе большим авторитетом и любовью. Командиром корпуса он был назначен еще на Курской дуге, а до этого, в сорок первом году, отличился под Киевом, затем командовал 13-й гвардейской стрелковой дивизией, в боях

под Сталинградом покрывшей себя неувядаемой славой.

По характеру Александр Ильич был несколько мягковат, осторожен, никогда не принимал поспешных решений, а объявлял их только после всестороннего анализа обстановки и обсуждения ее до мельчайших деталей со своим опытным начальником штаба полковником И. А. Самчуком, с начальниками родов войск и служб. Принятое же решение выполнял всегда настойчиво.

Между прочим, 32-й гвардейский стрелковый корпус считался в армии как бы ударным. В его состав входили испытанные во многих боях гвардейские дивизии: на Курской дуге — 13-я, 66-я стрелковые и 6-я воздушно-десантная, а в последующем — 13, 95 и 97-я гвардейские стрелковые дивизии. В любой обстановке я стремился сохранить в неизменном виде боевой состав корпуса.

Поэтому руководящий состав всех его соединений хорошо знал друг друга, быстро и со знанием дела решал все вопросы взаимодействия. В операциях, проведенных армией на Курской дуге, на Украине и в Молдавии, и в последующих операциях, до самого Дня Победы, 32-й гвардейский корпус действовал в первом эшелоне, и, как правило, успешно. В этом большая заслуга замечательного генерала и человека Александра Ильича Родимцева, штаба корпуса, командиров прославленных дивизий.

33-м гвардейским стрелковым корпусом командовал генерал-лейтенант П. Ф. Лебеденко. Это был умудренный жизнью человек. В 1918 году, девятнадцати лет, он стал кавалеристом бригады Г. И. Котовского. За мужество, проявленное в боях с врагами молодой Советской республики, его дважды награждали орденом Красного Знамени, а Г. И. Котовский вручил ему свою серебряную саблю. С первых дней Великой Отечественной войны Никита Федотович на фронтах. Подмосковье, Сталинград, Украина… За успешное руководство корпусом и проявленный личный героизм на сандомирском плацдарме ему была вручена Золотая Звезда Героя Советского Союза.

Лебеденко был прямолинеен и тверд в своих суждениях, обладал поразительной хваткой. С присущей ему житейской мудростью он глубоко вникал в обстановку, не оставлял без внимания кажущиеся мелочи, решал все вопросы организации боевых действий обстоятельно.

Командиром 34-го гвардейского стрелкового корпуса был генерал-майор Г. В. Бакланов. До этого он командовал 13-й гвардейской стрелковой дивизией, приняв ее от Родимцева накануне Курской битвы. В должности командира дивизии Бакланов зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. Он был молод, строен, обаятелен. Его уважали и любили за глубокие

военные знания, хорошие организаторские способности, смелость, мужество и твердость характера. Глеб Владимирович пользовался заслуженным авторитетом во всей армии. Поэтому, когда Конев спросил меня, кем можно заменить генерала Маковчука, которого отзывали из армии, я без колебаний предложил кандидатуру генерала Бакланова. Забегая вперед, скажу, что не ошибся в выборе. Во всех последующих операциях он командовал корпусом уверенно.

К; началу Сандомирско-Силезской операции в корпусах подобрались хорошие, имеющие богатый боевой опыт командиры дивизий: в 32-м гвардейском стрелковом корпусе — генерал-майор А. И. Олейников, полковники В. Н. Комаров, А. П. Гаран; в 33-м гвардейском стрелковом корпусе — генерал-майоры В. В. Скрыганов, А. Г. Мотов и полковник П. И. Шумеев; в 34-м гвардейском корпусе — генерал-майоры И. М. Чирков, В. В. Русаков и М. А: Суханов. Я с большой благодарностью и уважением вспоминаю генерал-майоров И. И. Анциферова, Ф. А. Боброва, А. В. Яншина, С. В. Фролова, З. Т. Трофимова, М. П. Смирнова, полковников М. И. Сазонова, М. И. Огородова, Г. П. Жукова, которые в разное время командовали дивизиями, действовавшими в составе армии.

Во второй половине декабря 1944 года в штаб фронта были вызваны все командующие армиями. Маршал Советского Союза И. С. Конев проинформировал нас о подготовке предстоящей наступательной операции, ознакомил с задачей фронта, которому предстояло во взаимодействии с 1-м Белорусским и 4-м Украинским фронтами разгромить группу немецких армий «А» и в дальнейшем наступать в общем направлении на Бреслау (Вроцлав). Затем он поставил задачи армиям. Оперативная директива фронта была получена в последних числах декабря.

Из указаний командующего я понял, что 1-му Украинскому фронту поручалось, начав наступление с сандомирского плацдарма, взломать фашистскую оборону на участке протяженностью 39 километров.

5-я гвардейская армия активно участвовала в выполнении главной задачи фронта — прорвать оборону противника на участке около 13 км, нанося главный удар в общем направлении Стопница, Буско-Здруй, Пинчув, Щекоцин, Ченстохов. Правее нас наступала 52-я армия генерал-полковника К. А. Коротеева, левее — 60-я армия генерал-полковника П. А. Курочкина.

В ходе наступления 5-й гвардейской армии предстояло создать условия для последовательного ввода в сражение на своем левом фланге основных сил 60-й армии, а также находившихся во втором эшелоне фронта 59-й армии генерал-

лейтенанта И. Т. Коровникова и 21-й армии генерал-полковника Д. И. Гусева. Вводом в сражение этих армий создавалась новая крупная группировка фронта на краковском направлении с целью разгрома противника в Южной Польше и освобождения Кракова, а в последующем — Силезского угольно-металлургического бассейна.

5-й гвардейской армии придавались два танковых корпуса — 31-й генерал-майора В. Е. Григорьева и 4-й гвардейский генерал-лейтенанта П. П. Полубоярова. Армия была усилена артиллерийскими, зенитно-артиллерийскими соединениями, отдельными танковыми, артиллерийскими полками, бригадами и специальными частями. С воздуха наступление обеспечивали штурмовой и истребительный авиационные корпуса.

Заканчивая постановку задачи, командующий фронтом добавил:

— Товарищ Жадов, прорыв тактической глубины обороны противника проводите в высоких темпах, стремительно наступая постоянно, не позволяйте отрываться врагу, с ходу, на его плечах врывайтесь на заранее подготовленные рубежи. Не беспокойтесь за свой левый фланг, учтите, приданные танковые корпуса в ходе операции планируется переподчинить другим армиям. Действуйте!

Приехав на свой командный пункт, я привлек к выработке решения своих заместителей, начальников родов войск и офицеров оперативного и разведывательного отделов. Прежде всего мы вновь внимательно проштудировали все, что нам было известно о противнике, а известно было немало, ибо разведка велась командирами и штабами армии непрерывно и активно.

В этом большая заслуга полковника Б. Т. Иванова, подполковников В. П. Черепанова, П. С. Василенко и С. Е. Кузьмина. Хорошо было организовано постоянное наблюдение за вражеской обороной всеми видами разведки — войсковой, артиллерийской, инженерной, радио; часто устраивались засады, группы разведчиков засылались в тыл противника, проводилась разведка боем, в результате чего через каждые 3–5 дней брали «языков». Большую помощь получали мы и от авиационной разведки.

За четыре месяца гитлеровцы создали глубоко эшелонированную оборону, состоявшую из пяти-шести полос. Оборона противника опиралась на систему сильно укрепленных опорных пунктов и узлов сопротивления, связанных между собой траншеями, ходами сообщения, прикрытыми различными инженерными заграждениями. Главная полоса обороны состояла из трех-четырех позиций общей глубиной до 8–10 км. Следующие

за главной полосы обороны противника имели по две-три липни траншей и были хорошо оборудованы в инженерном отношении.

Перед фронтом армии на участке ее прорыва оборонялись части 168, 304 и 68-й пехотных дивизий, усиленные танками, артиллерией и минометами. Численность дивизий достигала 6 тыс. человек, в ротах было по 60–80 солдат. Оперативные резервы противника располагались в глубине его обороны. В полосе наступления армии ожидалось появление еще двух пехотных и одной танковой дивизий.

Полоса предстоящих боевых действий проходила по Малопольской возвышенности, состоявшей из несимметричных гряд высот, один склон которых изрыт оврагами и местами обрывист, а другой пологий. Не радовал нас и прогноз метеорологов, обещавших оттепель с дождями и туманами. Это означало плохие условия наблюдения, невозможность применения авиации, раскисание дорог…

Проделав всю необходимую предварительную работу, а именно уяснив задачу, оценив обстановку, я принял решение с целью быстрого прорыва вражеской обороны использовать в первом эшелоне все три стрелковых корпуса. Для развития успеха предназначались оба танковых корпуса. Главный удар наносился силами 32-го и 33-го гвардейских стрелковых корпусов, боевой порядок которых строился в два эшелона.

Чтобы обеспечить благоприятные условия для последовательного ввода в сражение в течение первых трех дней операции основных сил 60, 21 и 59-й армий, предусматривалось наступление 34-го гвардейского стрелкового корпуса, строившего свой боевой порядок в три эшелона. При этом его второй эшелон было намечено ввести в бой после завершения прорыва главной полосы обороны противника, с тем чтобы этот корпус при развитии наступления не задержал ввода в сражение армий второго эшелона фронта.

Стрелковые дивизии и полки получили указания боевые порядки строить в два эшелона, что обеспечивало наращивание усилий в ходе прорыва тактической обороны и ведение непрерывных действий днем и ночью.

Указанная группировка сил армии обеспечивала быстрый прорыв глубоко эшелонированной обороны противника, стремительное развитие наступления в глубину, овладение рубежами обороны с ходу, создавала свободу маневра при вводе в сравнение второго эшелона фронта.

Исходя из замысла операции, наличия сил и средств, характера обороны противника, войскам были определены глубокие ближайшие и последующие задачи и задачи дня. Так,

стрелковые корпуса и дивизии при прорыве тактической зоны обороны имели задачу дня по глубине до 18–20 км, а ближайшую задачу — около 8 км. Передовым отрядам ставилась задача овладеть определенными участками обороны на второй полосе на глубине до 15–20 км.

Темпы наступления планировались при прорыве тактической глубины обороны противника 2–3 км в час, а при ведении наступления в глубине и при преследовании — 25–30 км в сутки.

27 декабря утвержденное командующим фронтом решение было объявлено командирам корпусов. Одновременно им были поставлены задачи и указан порядок работы по организации операции и боя. В конце декабря решения командиров корпусов заслушал командующий фронтом, а с 1 по 5 января я побывал у всех командиров дивизии, заслушал их решения, а также ознакомился с решениями некоторых командиров полков первого эшелона.

Как известно, важной частью деятельности командующего и штаба армии при подготовке каждой операции была организация взаимодействия. Это очень большая и ответственная работа, которая, как правило, состояла из двух этапов. На первом — объявлялось по карте решение, ставились боевые задачи командирам корпусов, начальникам родов войск и служб и отдавались предварительные указания о порядке взаимодействия сил и средств, участвующих в операции. Содержанием второго этапа была рекогносцировка. В ходе ее непосредственно на местности уточнилось принятое решение и отрабатывались в деталях все вопросы взаимодействия. Накануне Сандомирско-Силезской операции эта работа в звене армия — корпус заняла два дня — 28 и 29 декабря 1944года.

Значительная часть времени в ходе рекогносцировки ушла на организацию подавления обороны врага и согласование ударов артиллерии и авиации с атакой пехоты и танков. В этих целях в период артиллерийской подготовки дивизионные и армейская артиллерийские группы обрушивали свой огонь по артиллерийским и минометным батареям, живой силе и огневым средствам в опорных пунктах на первой и второй позициях главной полосы обороны, командным и наблюдательным пунктам, обеспечивая атаку и успешное завершение разгрома противника соединениями и частями первого эшелона. Авиация в это же время была нацелена на прикрытие боевых порядков, а также на подавление артиллерии, живой силы, командных и наблюдательных пунктов на третьей позиции, то есть вне зоны досягаемости артиллерии и там, где плотность ее огня была недостаточной.

Для обеспечения стремительной и безостановочной атаки пехоты и танков саперные подразделения во время артиллерийской подготовки проделывали проходы в минных полях и проволочных заграждениях перед передним краем — по два на каждую стрелковую роту и по одному для танков непосредственной поддержки пехоты. Выход пехоты и танков на рубеж атаки прикрывался дымовой завесой, которая ставилась за 7–10 минут до начала атаки.

Артиллерийская поддержка осуществлялась методом огневого вала на глубину 2,5 км. В этот период на авиацию возлагались следующие задачи: штурмовая нацеливалась на подавление резервов, командных и наблюдательных пунктов, разрушение дорог и мостов в ближайшем тылу противника, уничтожение его артиллерии и живой силы в опорных пунктах, расположенных в пределах второй и третьей позиций; истребительная — на прикрытие боевых порядков наступающих частей и действий штурмовой авиации.

Особое внимание было уделено отработке вопросов ввода вторых эшелонов дивизий первого эшелона: определению времени ввода, рубежей развертывания и направлений их действий, сил и средств, выделяемых для поддержки и обеспечения вводимых частей, согласованию усилий между ними и полками первого эшелона. Все это, как показал ход операции, способствовало стремительному прорыву главной полосы, безостановочной сквозной атаке на всю ее глубину.

Большое место в ходе рекогносцировки уделялось организации взаимодействия между танковыми и стрелковыми корпусами первого эшелона, армейской артиллерийской группой и авиацией:

— 4-й гвардейский и 31-й танковые корпуса с началом артиллерийской подготовки выдвигались в исходные положения, а с прорывом второй позиции вводились в сражение с рубежа Шитинки, Магерув, с ходу овладевали второй полосой и во взаимодействии с передовыми отрядами стрелковых корпусов захватывали плацдармы на реке Нида;

— соединения первого эшелона освобождали маршруты, по которым должны были выдвигаться танковые корпуса, обеспечивали их выход на рубеж ввода в сражение. В частности, на артиллерию стрелковых дивизий возлагалась задача огневыми налетами уничтожать противника на третьей позиции, а на армейскую артиллерийскую группу — вести борьбу с артиллерией врага и подавлять опорные пункты в глубине его обороны;

— 3-й штурмовой и 5-й истребительный авиационные

корпуса во взаимодействии с 29-й зенитной артиллерийской дивизией прикрывали выход танковых корпусов и их развертывания на рубеже ввода, а также непосредственно сопровождали их до рубежа реки Нида и при переправе через нее.

Взаимодействие организовывалось подробно на атаку и прорыв всей главной полосы обороны. Обращалось внимание на четкое понимание задач командирами подразделений и частей и поддержание постоянной и надежной связи между взаимодействующими частями родов войск и специальных войск. Строго определялись места командных и наблюдательных пунктов, их состав. При командирах стрелковых корпусов находились командиры авиационных дивизий пли их заместители.

Готовя наступление, мы учитывали, что противник ведет активную наземную и воздушную разводку и обеспечить полную тактическую внезапность наших действий будет нелегко. По указанию командующего фронтом был проведен ряд серьезных маскировочных, дезориентирующих противника мероприятий.

Гитлеровцы привыкли, что перед началом наступления наших войск во многих операциях проводилась обычно разведка боем силами передовых батальонов, началу наступления главных сил предшествовала, как правило, продолжительная артиллерийская подготовка. Нередко противник с целью сохранения своих войск стал отводить их в глубину обороны до начала нашей артиллерийской и авиационной подготовки, оставляя на переднем крае только слабое прикрытие.

Поэтому на этот раз решили нанести по врагу короткий мощный артиллерийский удар и вслед за ним передовыми батальонами атаковать противника. Если выяснится, что вражеские войска остались на месте, тут же обрушиться на них артиллерией и авиацией. А если противник отошел и действия передовых батальонов оказались успешными — развить наступление главными силами.

Артиллерийское наступление было тщательно спланировано практически на подавление всей тактической зоны обороны и ближайших оперативных резервов гитлеровцев. Общая плотность артиллерии составляла до 250 орудий и минометов на 1 км фронта.

К особенности артиллерийской подготовки можно отнести то, что в ходе ее применялись специально предусмотренные огневые налеты для подавления артиллерии, минометов, системы противотанковой обороны противника, резервов, командных и наблюдательных пунктов. Кроме того, для подавления особо важных объектов выделялись артиллерийские части с

определенной задачей. Так, например, для нарушения работы штаба 48-го танкового корпуса противника в районе Буско-Здруй был назначен дальнобойный пушечный артиллерийский полк. Как подтвердили потом пленные, управление корпусом было серьезно нарушено.

В дивизиях и полках создавались сильные артиллерийские группы в составе 4–6 дивизионов. Это обеспечивало приближение артиллерии к войскам и придавало им большую самостоятельность при действиях в глубине. Для надежного подавления целей на переднем крае обороны огнем прямой наводкой выделялось до 25 орудий различных калибров на 1 км фронта. Каждому стрелковому батальону для непосредственного сопровождения придавались две-три батареи, как правило самоходные.

Перемещение артиллерии после прорыва главной полосы обороны планировалось целыми артиллерийскими дивизионами, полками, бригадами, с расчетом обеспечить более оперативное управление, быстрое и непрерывное сопровождение пехоты и танков массированным огнем.

Наши замечательные артиллеристы — генералы П. И. Корольков, И. Ф. Санько, С. С. Волкенштейн, полковники М. А. Тарасов, В. И. Базиленко, В. И. Смирнов, А. В. Клебановский и другие во главе с командующим артиллерией армии Героем Советского Союза генералом Г. В. Полуэктовым провели большую работу и вложили много труда в планирование артиллерийского обеспечения этой операции.

Приданные армии два танковых корпуса намечалось использовать на направлении главного удара для завершения прорыва тактической зоны обороны, стремительного развития наступления и преследования противника. Для успешного ввода их в сражение предусматривались артиллерийская и авиационная поддержка, мероприятия по инженерному обеспечению, особенно при выдвижении к рубежу ввода в прорыв и развитии наступления в глубину. Отдельные танковые и самоходно-артиллерийские полки, а также часть танков 31-го танкового корпуса были выделены стрелковым полкам и батальонам первых эшелонов как танки непосредственной поддержки пехоты, в среднем по 10–12 танков и самоходно-артиллерийских установок на каждый батальон.

В целях достижения внезапности действий танки НПП находились в выжидательных районах, расположенных в 6–8 км от переднего края обороны противника. Их выход на рубеж развертывания планировался с началом артиллерийской подготовки, в назначенное время, по заранее подготовленным и

обозначенным маршрутам. Опасения некоторых офицеров, что танки опоздают с выходом к началу атаки, оказались необоснованными.

Большая работа была проведена по подготовке авиационного наступления. Основное внимание уделялось организации нанесения массированных ударов для обеспечения прорыва обороны противника, при поддержке атаки, в ходе развития наступления в глубину, а также прикрытию войск. Неблагоприятные условия погоды — наступившая оттепель, частые дожди и туманы — крайне ограничивали действия авиации. Для быстрого оборудования новых аэродромов перебазирования были выделены инженерные и стрелковые подразделения. Это позволило истребительному корпусу, которым командовал генерал-майор авиации М. Г. Малин, своевременно перебазировать авиацию и оказать большую помощь войскам при выходе к Одеру и форсировании его.

Высокие требования предъявлялись инженерному обеспечению. Инженерные войска провели большие мероприятия по инженерной разведке обороны противника и местности, подготовке исходных районов для наступления, маскировке расположения войск и обеспечению их выдвижения. Наши саперы впервые и очень удачно проделали проходы в заграждениях противника в период артподготовки с применением удлиненных зарядов. Для этого были изготовлены простые тележки на небольших деревянных колесах, загружены зарядами из пироксилиновых, толовых или аммоналовых шашек. В ночь перед наступлением тележки выдвигали на передний край и с началом артиллерийской подготовки длинными тонкими шестами накатывали на минное поле и подрывали. В результате взрыва образовывался проход шириной 5–6 метров. На каждую роту первого эшелона таких проходов делалось, как правило, два, а на полк первого эшелона — восемь — десять. Заслуга в этом принадлежала начальнику инженерных войск армии генералу Ф. Г. Подолынному. При таком способе разминирования была спасена жизнь многим нашим солдатам и офицерам.

В течение трех ночей, к утру 11 января 1945 года, войска организованно заняли исходное положение для наступления. Вторые эшелоны полков и дивизий вышли в назначенные районы в ночь перед атакой. Никаких признаков того, что противник обнаружил нашу подготовку к наступлению, не было замечено. В последние часы перед началом операции я с членами Военного совета, начальниками родов войск, специальных войск и некоторых служб, большей частью оперативного состава штаба армии находился на наблюдательном пункте.

Прежде чем перейти к рассказу о том, как развивалась наступательная операция армии, хотелось бы здесь напомнить читателям, что Ставка Верховного Главнокомандования первоначально планировала переход в наступление с висленских плацдармов на 20 января. Однако этот срок пришлось изменить.

16 декабря 1944 года немецко-фашистское командование начало мощное наступление против англо-американских войск в Арденнах. Буквально за несколько дней немцы протаранили оборону наших союзников на фронте шириною 80 км и продвинулись в ее глубину на 110 км. Англо-американские войска оказались в тяжелейшем положении.

Президент США Рузвельт и премьер-министр Великобритании Черчилль по просьбе Эйзенхауэра обратились с посланиями к Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину, в которых, сообщая о тяжелых боях в Арденнах, просили срочно обсудить вопросы взаимодействия англо-американских и советских войск.

Вот что писал У. Черчилль И. В. Сталину 6 января 1945 года: «На Западе идут очень тяжелые бои, и в любое время от Верховного Командования могут потребоваться большие решения. Вы сами знаете по Вашему собственному опыту, насколько тревожным является положение, когда приходится защищать очень широкий фронт после временной потери инициативы… Я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное наступление русских на фронте Вислы пли где-нибудь в другом месте в течение января… Я считаю дело срочным»[60].

В ответе Черчиллю Сталин на следующий день, 7 января, сообщил: «Мы готовимся к наступлению, но погода сейчас не благоприятствует нашему наступлению. Однако, учитывая положение наших союзников на западном фронте, Ставка Верховного Главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку и, но считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему Центральному фронту не позже второй половины января»[61].

Так Висло-Одерская стратегическая операция стала важным звеном в решении новой военно-политической задачи — оказания помощи англо-американским союзникам.

Она началась но во второй половине января, а меньше чем через пять суток после ответного письма И. В. Сталина — на рассвете 12 января.

В 5 часов утра, задолго до рассвета, артиллерия специально выделенными артиллерийскими частями провела мощный 7-минутный огневой налет по переднему краю противника, и

передовые батальоны устремились в атаку. Быстрые и решительные действия позволили большинству передовых батальонов захватить первую, а на некоторых участках и вторую немецкие траншеи. Однако вскоре противник стал оказывать сильное сопротивление ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем из глубины своей обороны. Продвижение подразделений передовых батальонов замедлилось, а с рассветом совсем приостановилось. Только на левом фланге передовому батальону 15-й гвардейской стрелковой дивизии удалось ворваться в третью траншею врага.

В ходе наступления передовых батальонов и по показаниям захваченных пленных было установлено, что противник полностью занимает оборону и что у него создалось впечатление, будто проведенная нами ночная атака захлебнулась. Боевые действия передовых батальонов позволили также ликвидировать боевое охранение противника, уточнить систему его огня, проделать проходы в заграждениях перед передним краем обороны, скрытно занять исходные позиции для атаки главными силами армии.

В 10 часов утра, как и предусматривалось планом, началась мощная артиллерийская подготовка на всем фронте, длившаяся 110 минут. Мы с большим удовлетворением наблюдали за работой нашей замечательной артиллерии, и особенно за залпами реактивной артиллерии, обрушившей на голову врага сотни тонн смертоносного металла.

За тридцать минут до окончания артиллерийской подготовки от батальонов первого эшелона в наступление перешли заранее выделенные взводы, имитировавшие атаку главных сил. Чтобы не вызвать у гитлеровцев сомнения, взводы были усилены двумя танками и одной самоходно-артиллерийской установкой. Кроме того, бойцы передвигали искусно сделанные макеты танков и подразделений стрелков. Как только гвардейцы этих взводов поднялись в атаку, наша пехота, оставшаяся в траншеях, открыла сильный ружейно-пулеметный огонь. Атаку поддержала часть артиллерии.

Гитлеровцы решили, что началась повторная атака наших главных сил, покинули укрытия и блиндажи и заняли свои места в траншеях в готовности отразить атаку. В этот момент был проведен последний по графику артподготовки мощный огневой налет, танки и пехота, сопровождаемые огневым валом артиллерии, перешли в решительную атаку, ворвались в траншеи противника и, преодолевая незначительное сопротивление, быстро протаранили первую, а затем и вторую позиции и стали развивать наступление в глубину.

Взятые в плен гитлеровские солдаты и офицеры показали, что артиллерийская подготовка была исключительно эффективной и немецкие части понесли большие потери. Один из них, в звании полковника, рассказал, что во время артиллерийской подготовки подразделения его полка, штабы батальонов и штаб полка понесли очень большие потери и что он вскоре потерял с ними и с командиром дивизии связь, а оставшиеся в живых солдаты и офицеры мелкими группами начали отходить без приказа.

О сокрушительном ударе советских войск бывший гитлеровский генерал Курт Типпельскирх писал следующее: «12 января русские после мощной пятичасовой артиллерийской подготовки нанесли удар с большого сандомирско-баранувского плацдарма против 4-й танковой армии. Удар был настолько сильным, что опрокинул не только дивизии первого эшелона, но и довольно крупные подвижные резервы, подтянутые по категорическому приказу Гитлера совсем близко к фронту. Последние понесли потери уже от артиллерийской подготовки русских, а в дальнейшем в результате общего наступления их вообще не удалось использовать согласно плану…»[62].

При прорыве главной полосы обороны и при развитии наступления в глубину противник, используя инженерные заграждения, отдельные уцелевшие опорные пункты, сильный узел сопротивления в районе Стопницы и высоты юго-западнее этого населенного пункта, пытался остановить наши войска. По узлу сопротивления был проведен мощный огневой налет армейской артиллерийской группы и реактивной артиллерии, после которого в напряженном бою танки и пехота смяли врага и овладели Стопницей.

Погода стояла дождливая. Земля раскисла. Танки и особенно автомашины буксовали в грязи. В этих трудных условиях успех был достигнут благодаря умелой и мощной поддержке наступающих огнем артиллерии, хорошей выучке личного состава, а также высокой подготовке их командиров и штабов.

Туман, низкая облачность не позволили нашей авиации вести воздушную разведку. В сложившейся обстановке здорово выручали отдельные разведывательные дозоры в составе 1–2 бронетранспортеров, 1–2 танков или самоходно-артиллерийских установок, с которыми двигались офицеры-артиллеристы с радиостанциями. Разведчики просачивались в боевые порядки противника, обнаруживали цели, а корректировщики-артиллеристы вызывали на них огонь орудий и минометов.

Когда была прорвана вторая позиция вражеской обороны, пришло время вступить в бой 31-му и 4-му гвардейским танковым корпусам. Используя их удар, стрелковые полки ввели в бой свои

вторые эшелоны и вместе с танкистами завершили прорыв главной полосы обороны противника.

Подводя итоги первого дня операции, можно сказать так: соединения армии продвинулись на 12–15 км, освободили около 40 населенных пунктов, однако поставленные им задачи выполнили не полностью — помешала распутица, по грязи медленно шли и часто застревали в ней танки, самоходно-артиллерийские установки и машины с орудиями. Обнаружились недостатки в ведении разведки, имели место случаи запаздывания с вводом в бой вторых эшелонов полков, наблюдалась медлительность в перемещении части артиллерии.

В ночь на 13 января стрелковые и танковые соединения передовыми отрядами и вторыми эшелонами полков упорно продолжали наступление, стремясь перерезать шоссе Буско-Здруй — Червоны. Продвинувшись на 5–6 км, они под утро вышли к реке Нида, не позволив гитлеровцам закрепиться на ее западном берегу.

С утра 13 января после короткой артиллерийской подготовки войска армии снова пошли вперед и к исходу второго для операции завершили разгром группировки врага, оборонявшей тактическую зону обороны, захватили много пленных и трофеев.

Особенно упорные бои развернулись за крупный узел обороны Буско-Здруй, находившийся в центре полосы наступления армии. На подступы к нему и в обход его с юга вышли части 9-й гвардейской воздушно-десантной дивизии под командованием гвардии полковника П. П. Шумеева, по их продвижение было приостановлено сильным огнем и контратакой противника. В это же время 13-я гвардейская стрелковая дивизия, которой командовал гвардии полковник В. Н. Комаров, обходила опорный пункт с севера. Создалось выгодное охватывающее положение для удара по флангам и тылу противника. Продолжая наступление главными силами на запад, командиры дивизий для уничтожения немецкого гарнизона в Буско-Здруй выделили часть сил, которые поело мощного огневого налета атаковали этот опорный пункт с разных направлений и в результате напряженного боя овладели им.

В бою за Буско-Здруй 3-му стрелковому батальону 28-го стрелкового полка, которым командовал храбрый и сообразительный майор С. Х. Хабибулин, пришлось вести наступление, имея открытый левый фланг. Воспользовавшись этим, немцы контратаковали батальон ротой пехоты на бронетранспортерах при поддержке четырех танков. Командир батальона хорошо вел разведку на открытом фланге, держал ближе к нему свой резерв — стрелковый взвод и батарею

противотанковых орудий. Они быстро развернулись и огнем с места подбили два танка, бронетранспортер и успешно отразили контратаку. Я вспомнил об этом боевом примере потому, что в условиях современного общевойскового боя с применением ядерного оружия полкам и батальонам, а порой и ротам нередко придется наступать на самостоятельных направлениях с открытыми флангами, а в этих условиях умение обеспечить фланги будет иметь очень важное значение.

Умело действовали 7-я рота капитана Савельева и батарея противотанковых орудий капитана Сбитнева 50-го гвардейского стрелкового полка 15-й гвардейской стрелковой дивизии. Командир полка подполковник Бирин поставил перед ними задачу — обходным путем по тылам противника выйти к реке Нида и внезапным ударом овладеть районом на западном берегу реки. Рота с батареей, двигаясь по балкам, бездорожью, преодолев минное поле, вышла северо-западнее населенных пунктов Хотель, Черновы. Обнаруженные огневые точки врага быстро были уничтожены: один пулемет — точным выстрелом артиллерийского расчета старшего сержанта Пешнина, другой — пулеметчиком сержантом Тюценко. Сбив заслон противника, сводный отряд достиг реки. По ломающемуся льду, на подручных средствах, гвардейцы переправились на западный берег и вышли к восточной окраине села Нипровице. После короткого боя рота при поддержке славных артиллеристов ворвалась в село. Благодаря мужеству и отваге личного состава роты капитана Савельева и батареи капитана Сбитнева было обеспечено успешное форсирование реки Нида на этом направлении.

Сильное сопротивление в этот день наши части встретили при овладении крупным узлом обороны — городом Пинчув, находившимся в полосе наступления 32-го гвардейского стрелкового корпуса. Чтобы не снижать темп наступлении, командир корпуса направил основные силы в обход этого узла, а захват города возложил на части, вышедшие непосредственно к нему с северо-востока и юго-востока. Главную задачу в бою за Пинчув выполнял 284-й гвардейский стрелковый полк 95-й гвардейской стрелковой дивизии, которым командовал выросший в ходе войны боевой подполковник В. П. Проняев.

Командир дивизии генерал-майор А. И. Олейников наметил порядок действий всех частей и организовал поддержку их мощным огнем артиллерии. Для ведения уличных боев в батальонах, действовавших с фронта, были созданы по две штурмовые группы, в которые входили автоматчики, танки, самоходно-артиллерийские установки, пулеметчики, противотанковые орудия и саперы. После мощного огневого

налета и наступления с фронта штурмовых групп, привлекших к себе внимание противника, опорный пункт был атакован с флангов и тыла и в коротком бою разгромлен. Наши части овладели городом и захватили большое количество пленных и боевой техники.

В связи с быстрым продвижением войск и плохими дорогами в армии стал ощущаться острый недостаток боеприпасов. Пришлось принять меры к более напряженной работе тыла, которым управлял полковник М. В. Метелкин, организовать сбор боеприпасов, оставшихся на прежних огневых позициях артиллерии и дивизионных складах. По моей просьбе командующий фронтом выделил в помощь армии 100 грузовых автомашин на пять дней. Временно из затруднительного положения мы вышли, по чем дальше продвигались войска, тем больше растягивались тылы, длиннее становились коммуникации и острее чувствовались трудности подвоза.

В течение 14 января соединения армии, ломая сопротивление отдельных разрозненных частей, продолжали преследовать противника и к концу дня продвинулись «на 22–25 км. Было захвачено более 60 населенных пунктов. Врагу нанесены чувствительные потери: уничтожено солдат и офицеров — до 1200, орудий — 74, пулеметов — 35, бронетранспортеров — 16, автомашин 30; захвачено: орудий — 18, самоходно-артиллерийских установок — 2, зенитных установок — 2, пулеметов — 25, складов с различным военным имуществом — 4. Взято в плен свыше 200 солдат и офицеров»[63].

Когда фронт прорыва был достаточно расширен, на третий день операции, 14 января, по приказу командующего фронтом в стыке 5-й гвардейской армии и 60-й армии была введена 59-я армия И. Т. Коровникова с задачей наступать в общем направлении на Краков.

Мне вспоминаются наши встречи с Иваном Терентьевичем Коровниковым при согласовании вопросов взаимодействия между 5-й гвардейской и 59-й армиями. Генерала Коровникова особенно интересовали вопросы управления войсками, достижения высоких темпов наступления, использования крупных группировок артиллерии и танков, поддержания непрерывности их взаимодействия в ходе операции. Мне довелось наблюдать, как быстро Иван Терентьевич схватывал все новое. Его хорошая военная подготовка и большой опыт позволили в короткий срок освоиться в совершенно иной обстановке, отличной от той, с которой ему пришлось сталкиваться на Волховском и Ленинградском фронтах, где 59-я армия под его командованием воевала до декабря 1944 года.

По решению командующего фронтом армия вводилась в сражение с рубежа реки Нида последовательно дивизиями и корпусами. Ввод армии с переподчиненным ей 4-м гвардейским танковым корпусом и 17-й артиллерийской дивизией прорыва прошел очень организованно. Успешно развивая наступление, войска 59-й армии уже к исходу 16 января нависли над Краковом, а 17 января быстрым маневром танковым и стрелковыми корпусами обошли Краков с северо-запада, с ходу прорвали оборонительные обводы города и 19 января во взаимодействии с войсками 60-й армии освободили Краков, спасая его от разрушения…

Тем временем соединения нашей армии продолжали наступление в общем направлении на Ченстохов. К исходу 15 января нами был захвачен тыловой оборонительный рубеж немцев на реке Пилица.

Здесь мне хочется отметить отвагу и мастерство личного состава 28-го полка 9-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, проявленные в боях за город Щекоцины. Я как раз в это время находился на наблюдательном пункте командира дивизии. Вместе с полковником П. И. Шумеевым и начальником политотдела А. И. Соболевым мы наблюдали, как подразделения полка мелкими группами просочились через проволочные заграждения и внезапно ворвались на северо-восточную окраину города. Гитлеровцы были ошеломлены и в панике разбежались. Гвардейцы захватили в полной исправности батарею 75-мм орудий, а также мосты через реку Пилица, подготовленные к взрыву.

В эти дни, чтобы повысить темпы наступления, мы практиковали выделение от дивизий первого эшелона сильных передовых отрядов в составе стрелкового батальона, а в отдельных случаях и в составе полка, посаженных на автомашины, усиленных артиллерией, танками и саперами.

Передовые отряды захватывали с ходу подготовленные к обороне рубежи, переправы, мосты, крупные населенные пункты и плацдармы на водных преградах, уничтожали части прикрытия противника, выполняли и другие задачи. Командирами передовых отрядов назначались грамотные, решительные, инициативные офицеры, умеющие действовать самостоятельно, в отрыве от главных сил. На действиях одного из таких передовых отрядов хочу остановиться несколько подробнее.

Продолжая преследование противника, войска армии 17 января подошли к городу Ченстохов. Я поставил задачу командирам 32-го и 33-го гвардейских корпусов к исходу этого дня совместным ударом освободить город.

Командир 32-го гвардейского стрелкового корпуса выделил сильный передовой отряд в составе 42-го стрелкового полка 13-й гвардейской стрелковой дивизии, усиленного танковым полком, самоходной и истребительно-противотанковой артиллерией и саперами, и приказал стремительно преследовать противника, на его плечах ворваться в Ченстохов, овладеть им и удерживать город до подхода главных сил. Командиром передового отряда был назначен заместитель командира корпуса — решительный и инициативный гвардии полковник Г. С. Дудник.

Рано утром 17 января, сбивая оставленные противником заслоны, отряд двинулся к городу. На его окраине гвардейцы встретили сильное огневое сопротивление. Полковник Дудник приказал отряду быстро развернуться в боевой порядок, и гвардейцы с ходу ворвались на северо-восточную окраину Ченстохова. Одним батальоном с танками совместно с подразделениями передового отряда 3-й гвардейской танковой армии были перекрыты дороги, идущие к городу с севера и северо-запада. Остальные подразделения пробились через центр города к его южной окраине.

Противник предпринял не одну попытку выбить передовой отряд из города, но отважные гвардейцы продержались до подхода главных сил 32-го гвардейского стрелкового корпуса и других соединений, которые полностью очистили Ченстохов от противника.

В городе местами еще продолжалась стрельба, его бомбили немецкие самолеты, обстреливала артиллерия врага, а население радостно встречало своих русских братьев-освободителей. То тут, то там стихийно возникали митинги, на которых поляки выражали сердечную признательность нашим воинам за быстрое освобождение их родного города и спасение его от разрушения.

Вечером я направил командующему фронтом донесение, в котором, в частности, говорилось: «…В 16.00 войска армии стремительным маневром полностью овладели крупным промышленным центром и важным узлом сопротивления противника — городом Ченстохов.

В боях за овладение Ченстоховой отличились:

— передовой отряд под командованием заместителя командира 32-го гвардейского стрелкового корпуса полковника Дудника в составе 42-го гвардейского стрелкового полка (командир — полковник Половец), 39-го танкового Киевского полка (командир — майор Серов), 1889-го самоходно-артиллерийского полка (командир — майор Куденко), 1075-го истребительно-противотанкового артиллерийского Киевско-Изяславского полка (командир — полковник Никулин);

— 32-й гвардейский стрелковый корпус генерала Родимцева: 13-я гвардейская стрелковая Полтавская, Краснознаменная, орденов Ленина и Суворова дивизия (командир — гвардии полковник Комаров) и 95-я гвардейская стрелковая Полтавская, Краснознаменная, ордена Богдана Хмельницкого дивизия (командир — гвардии генерал-майор Олейников);

— 33-й гвардейский стрелковый корпус гвардии генерал-лейтенанта Лебеденко;

— 34-й гвардейский стрелковый корпус гвардии генерал-майора Бакланова;

— 31-й танковый корпус генерал-майора Кузнецова: 100-я танковая бригада (командир — полковник Кладнев);

— 5-я пушечная артиллерийская Старо-Константиновская, Краснознаменная, ордена Суворова бригада полковника Пароваткина;

— 274-й инженерный батальон 55-й Висленской инженерной бригады (командир батальона — майор Шахматов);

— 3-я артиллерийская Житомирская, Краснознаменная, ордена Ленина дивизия прорыва РВГК генерал-майора артиллерии Санько»[64].

Благодаря стремительному удару соединений армии все промышленные предприятия города — металлургические, текстильные, химические, пищевые, полиграфические — были полностью сохранены.

Трудящиеся Ченстохова с любовью чтут память воинов 5-й гвардейской армии, отдавших жизнь за освобождение их родного города. В центре его в их честь воздвигнут величественный памятник — обелиск…

Освободив Ченстохов и выйдя к восточной границе Германии, 5-я гвардейская армия успешно, на четыре дня раньше предусмотренного планом срока, выполнила поставленную ей оперативную задачу. Соединения армий за семь дней с тяжелыми боями прошли 140 км, разгромили основные силы 48-го немецкого танкового корпуса и несколько отдельных полков и батальонов, брошенных противником против наших войск в ходе наступления в оперативной глубине.

18 января командующий фронтом поставил новую задачу: используя благоприятно сложившуюся обстановку, продолжать стремительное наступление в направлении Розенберг, Карльсмарк, Бриг, Борау, не дать возможности противнику закрепиться на рубеже, подготовленном по восточной границе Германии, и к исходу 25 января захватить плацдарм на западном берегу Одера.

Существо принятого мною решения заключалось в

следующем: 32-й гвардейский стрелковый корпус, используя успешное продвижение 3-й гвардейской танковой армии, наносил главный удар в направлении Винденау; 33-й гвардейский стрелковый корпус развивал стремительное наступление в направлении Пиля, Шоффютц, а 34-й гвардейский стрелковый корпус — на Гуттентаг.

Приняв решение, я выехал в 32-й, а затем в 33-й корпус и на месте поставил командирам корпусов новые боевые задачи; в 34-й корпус с этой целью был направлен начальник оперативного отдела полковник И. М. Самылов. Согласно моему решению Одер должны форсировать: 32-й гвардейский стрелковый корпус — на участке между Олау (Олава) и Бригом (Бэлаг); 33-й гвардейский стрелковый корпус — южнее Брига; 34-й гвардейский стрелковый корпус — севернее Оппельна (Опале). Задачи корпусам, как правило, ставились вперед на каждые двое суток.

31-му танковому корпусу была поставлена задача наступать в направлении Люблинец и с выходом в район города перейти в подчинение командующего 21-й армией, которая по решению И. С. Конева с 18 января вводилась в направлении Мехув, Тарновиц с задачей обхода силезской группировки противника с севера.

Отражение возможных контратак противника с направления Косенцин и обеспечение левого фланга армии возлагалось на 10-ю истребительную противотанковую артиллерийскую бригаду и 8-ю самоходно-артиллерийскую бригаду (без одного полка) под общим командованием командира артиллерийской бригады полковника В. И. Базиленко. Это позволяло 34-му гвардейскому стрелковому корпусу более энергично продвигаться вперед, не опасаясь за фланг.

На подготовленном к обороне рубеже по восточной границе Германии в полосе наступления армии оборонялись остатки разбитых частей 68-й и 712-й пехотных дивизий, запасные и полицейские полки и батальоны, штурмовые отряды, усиленные незначительным количеством артиллерии, минометов и танками. Авиация противника группами по 4–6 самолетов то в одном, то в другом месте бомбила боевые и походные порядки наших войск.

Неотступно преследуя врага, войска армии 20 января вышли на восточную границу Германии и после непродолжительных боев сломили сопротивление противника и вошли в пределы Германии, захватив большое количество пленных и разных трофеев. В течение дня соединения продвинулись от 20 до 28 км и овладели важным узлом сопротивления врага — городом Розенберг. Сопротивление гитлеровцев на территории Германии заметно возросло, чаще стали появляться новые части, переброшенные с западного фронта, активнее действовали

вражеские самолеты.

Надо сказать, что к этому времени активность нашей истребительной авиации несколько снизилась из-за того, что она отстала от наступающих войск, ибо плохая погода и размокший грунт затрудняли оборудование новых аэродромов. Авиаторы очень болезненно переживали эти метеорологические трудности и делали все возможное, чтобы преодолеть их и оказать помощь пехотинцам, танкистам, артиллеристам в разгроме врага.

В этот пасмурный день я встретился с командиром поддерживающей истребительной авиационной дивизии трижды Героем Советского Союза полковником, ныне маршалом авиации, А. И. Покрышкиным. И, надо же так случиться, прямо у нас на глазах немецкие истребители подожгли несколько автомашин.

— Посмотрите, Александр Иванович, как осмелела вражеская авиация! — заметил я ему. — Неужели мы ничего не можем сделать?

Не в духе Покрышкина было оставлять без внимания такое замечание. И я был уверен, что он сделает даже невозможное в этих условиях, но обязательно накажет гитлеровцев. Так оно и получилось. Покрышкин возвратился в дивизию и лично провел с группой истребителей боевой вылет, а затем посадил их на площадке северо-восточнее Розенберга. К утру следующего дня сюда был перебазирован истребительный полк, который успешно прикрывал наши войска при подходе Их к Одеру и его форсировании.

Вступление на территорию фашистской Германии (бывшую исконную польскую землю) вызвало огромное воодушевление в войсках армии. Наконец-то! Советские солдаты шли но земле врага, ломая его сопротивление. Пришла к фашистам долгожданная для каждого из нас расплата за содеянные на советской земле злодеяния. Мы много пережили и много выстрадали, и тем радостнее было, что выстояли, закалились и дошли туда, откуда выползла коричневая чума. В частях и подразделениях прошли короткие митинги, на которых воины-гвардейцы клялись преодолеть любые трудности, стоявшие на пути к полному разгрому ненавистного врага.

Интересно, что на этой территории было совсем безлюдно. Очень редко мы встречали мирных граждан, преимущественно поляков. Гитлеровцы пугали свое население Красной Армией и согнали его за Одер. Во дворах только скот да домашняя птица, брошенные на произвол судьбы без воды и корма.

Следует подчеркнуть, что наши воины хорошо понимали свою роль освободителей. Они воевали только с теми, кто оказывал сопротивление с оружием в руках. А ведь перед их

глазами стояли картины фашистских зверств на советской земле, от которых в жилах стыла кровь…

20 января во второй половине дня я был вызван в штаб фронта вместе с командующим 3-й гвардейской танковой армией генерал-полковником танковых войск П. С. Рыбалко и командующим 21-й армией генерал-полковником Д. Н. Гусевым. Маршал Конев, кратко характеризуя обстановку, отметил, что войска фронта успешно выполнили поставленные задачи, разгромив главные силы врага.

— Немецкое командование, — продолжал Иван Степанович, — собирает все, что может, поспешно бросает в бой новые части, чтобы задержать наступление советских войск на Одере и удержать за собой Силезский промышленный район. Нужно как можно быстрее нарушить эти планы.

Маршал Конев считал, что наступавшая на бреславском направлении главная группировка фронта, состоявшая из 13-й и 52-й общевойсковых, 3-й гвардейской и 4-й танковой армий, имеет достаточные силы для быстрого выхода к Одеру и захвата на его западном берегу плацдармов. Но замедлившееся продвижение 5-й гвардейской армии, вызванное увеличением ее фронта наступления до 70 км и переброской из ее полосы 31-го танкового корпуса генерала В. Е. Григорьева и 4-го гвардейского танкового корпуса генерала П. П. Полубоярова соответственно в полосы 21-й и 59-й армий, давало возможность противнику отвести войска за Одер и закрепиться там.

В создавшейся обстановке надо было ускорить выдвижение 5-й гвардейской армии к Одеру и в то же время в кратчайший срок выбить противника из Силезского промышленного района, сохранив по возможности неразрушенной промышленность Силезии.

Надо сказать, что Маршал Советского Союза И. С. Конев принял весьма смелое и оригинальное решение. Он изменил направление действий 3-й гвардейской танковой армии генерала П. С. Рыбалко, наступавшей на Бреслау (Вроцлав), повернув ее с севера на юг вдоль реки Одер. Одновременно 21-я армия наносила удар на Беутен, охватывая Силезский промышленный район с севера и северо-запада, 59-я армия продолжала наступление на Катовице, а 60-я армия наносила удар вдоль Вислы, охватывая Силезский промышленный район с юга.

Крутой поворот целой танковой армии Рыбалко в ходе фронтовой операции — дело весьма сложное. Но Конев пошел на такой шаг, ибо в этом маневре он увидел наиболее эффективное решение главной задачи — разгром силезской группировки в сжатые сроки и с наименьшими потерями с нашей стороны, а

также возможность сохранения в целостности промышленности этого важного для Польши района. Кроме того, новое направление наступления 3-й гвардейской танковой армии приходилось по флангу группировки противника, действовавшей в полосе 5-й гвардейской армии, что ускоряло выход ее соединений к Одеру.

От меня маршал Конев потребовал принять все возможные меры по обеспечению быстрого продвижения армии к Одеру, не считаясь с ранее установленными сроками.

Возвратившись в армию, я немедленно уточнил задачи корпусам. Они должны были к утру 22 января передовыми отрядами выйти к Одеру, организовать тщательную разведку реки и захватить плацдармы. Все переправочные средства армии выдвигались за передовыми отрядами.

Река Одер — это последняя водная преграда на пути в глубину Германии. Немецкое командование неоднократно заверяло своих солдат, что на этом рубеже они обязательно остановят Красную Армию. Для этого на левом берегу реки, особенно в районах городов Олау, Бриг, строились дзоты, отрывались траншеи, окопы, глубокие рвы, устанавливались проволочные заграждения, минные поля. Сюда подтягивались резервы.

21 января во время выезда в войска я встретился с генералом П. С. Рыбалко на дороге в лесу западнее населенного пункта Карлсруэ. Он рассказал мне о трудностях, связанных с поворотом 3-й гвардейской танковой армии, стремительно наступавшей на запад.

— Разведку и передовые отряды пришлось высылать на новое направление за счет вторых эшелонов и резервов. Туда же выдвигаю части вторых эшелонов корпусов и армии, которые теперь образовали первый эшелон нового оперативного построения армии. Как видишь, — сказал в заключение Павел Семенович, — сложности у нас большие, но настроение у людей хорошее, и обстановка складывается в целом благоприятно.

Несмотря на хорошую организацию поворота армии и искусное его осуществление, в ряде мест на перекрестках дорог иногда создавались пробки. Поэтому мы тут же договорились с Рыбалко о том, чтобы пропустить в первую очередь соединения танковой армии и передовые отряды 5-й гвардейской армии, а главные силы последней на некоторое время задержать.

В результате действий танкистов для нас, несмотря на некоторую задержку главных сил, создалась очень благоприятная обстановка, используя которую войска 5-й гвардейской армии в течение 21 января продвинулись свыше 25 км, захватили города

Крайцбург и Гуттентаг и к вечеру 22 января передовыми отрядами, а 23 января главными силами, ломая сопротивление противника, вышли к реке Одер.

Форсирование Одера проводилось на широком, 50-километровом фронте. На отдельных участках реки льда не было, шла шуга. Крутые берега обледенели. Мороз и сильный ветер, частые снегопады затрудняли подготовку к переправе и захват плацдармов на левом берегу. Лишь кое-где по льду можно было переправить пехоту с легкими орудиями, поэтому форсирование и бой за расширение плацдарма проходили почти без танков. На участках форсирования дивизий, где не было льда, строилось по одной переправе и широко использовались местные переправочные средства.

Основные усилия армии были сосредоточены в полосе действий 33-го и 34-го гвардейских стрелковых корпусов.

В 34-м корпусе первыми начали форсирование Одера части 58-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора В. В. Русакова.

Ожесточенные бои развернулись в этот день на левом фланге армии, где противник удерживал город Оппельн. Хотя он и не входил в границы армии, командир 15-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майор П. М. Чирков провел наступление на город и 23 января части дивизии во взаимодействии с танкистами 3-й гвардейской танковой армии штурмом овладели Оппельном — центром военной промышленности Силезии и мощным опорным пунктом на Одере. В овладении городом очень активную роль сыграл 463-й стрелковый полк 118-й стрелковой дивизии. Боевой командир этого полка — 24-летний майор А. А. Лопатин умело руководил действиями своих подразделений. Вместе с Лопатиным в этом же полку воевал его отец — участник гражданской войны. К великому нашему горю, Герой Советского Союза майор Лопатин погиб в последние дни Берлинской операции.

В ходе боев за Оппельн было уничтожено около 3000 немецких солдат и офицеров и взято в плен 1160, разбито и захвачено свыше 270 орудий, минометов и много другого военного имущества.

В 33-м гвардейском стрелковом корпусе стремительно действовала 14-я гвардейская стрелковая дивизия генерала В. В. Скрыганова. Хочу сказать, что за успешные боевые действия в Висло-Одерской операции дивизия была награждена орденом Ленина, а ее командиру присвоено звание Героя Советского Союза, но он не узнал об этом. 27 января 1945 года жизнь В. В. Скрыганова безвременно оборвалась: он умер от ран, полученных

в бою на одерском рубеже.

32-й гвардейский стрелковый корпус действовал на правом фланге армии, где форсирование реки не планировалось. Однако именно в его полосе после выхода к реке 13-й гвардейской стрелковой дивизии полковника В. Н. Комарова и захвата ее передовым отрядом плацдарма в районе Линдена форсирование Одера развивалось более успешно. К концу января корпус расширил плацдарм до 25 км по фронту и до 15 км в глубину.

В полосах 33-го и 34-го гвардейских стрелковых корпусов в течение января шли ожесточенные бои за расширение захваченных плацдармов. Соединения и части подвергались непрерывным атакам пехоты и танков не только обороняющихся на этих направлениях частей противника, но и подошедших из глубины свежих резервов. Здесь наш плацдарм в районе севернее города Оппельн удалось расширить до 22 км по фронту, однако его глубина была небольшая — всего около 5 км.

За одерский рубеж воины армии дрались с исключительным мужеством и отвагой. 32-й гвардейский стрелковый корпус был удостоен наименования Одерского. Заслуга в этом всех соединений и частей корпуса, его командира генерала А. И. Родимцева, заместителя по политической части полковника П. И. Петрова, который умело и целенаправленно осуществлял руководство партийно-политической работой, штаба корпуса во главе с опытным полковником И. А. Самчуком, артиллеристов, возглавляемых полковником С. Г. Ципелевым, и инженеров, которыми руководил полковник И. И. Тувский.

Мужественно вели борьбу с авиацией противника зенитчики 29-й зенитной артиллерийской дивизии полковника М. А. Вялова, прикрывавшей главную группировку армии при форсировании Одера и удержании захваченных плацдармов. Два командира зенитно-артиллерийских полков: 1360-го — майор А. А. Брыкин и 1372-го — майор И. П. Бедин, а также командир зенитно-пулеметной роты 1360-го полка старший лейтенант П. Я. Анучкин были удостоены звания Героя Советского Союза.

При форсировании Одера с большим искусством и напряжением работали инженерные части армии, которыми руководил начальник инженерных войск генерал Ф. Г. Подолынный.

Саперы в ледяной воде, на плотах, лодках переправляли технику и людей, наводили мосты. Многим тогда запомнился М. Степанов — уравновешенный, спокойный человек. Пройдя боевой путь от Сталинграда, он был дважды ранен, имел десять боевых наград, в том числе ордена Славы всех трех степеней. В огненную ночь на 24 января он совершил через Одер сорок восемь рейсов и

переправил двести гвардейцев с оружием и боеприпасами.

В первых числах февраля была проведена некоторая перегруппировка соединений армии. 33-й и 34-й гвардейские стрелковые корпуса сдали свои плацдармы 21-й армии и были переброшены на плацдарм 32-го гвардейского стрелкового корпуса. Такое уплотнение было необходимо для того, чтобы не только прочно удержать этот плацдарм, но и повести отсюда наступление с целью окружения группировки противника, действовавшей в районе города Бриг. Эта задача была возложена на 33-й корпус.

В последующем события здесь развивались так. До 14 февраля 33-й гвардейский стрелковый корпус своей 9-й гвардейской воздушно-десантной дивизией выбил противника из нескольких населенных пунктов и соединился с соединениями 21-й армии, наступавшими с юга, из района города Ратибор, 78-й гвардейской стрелковой дивизией еще раньше, в начале февраля, овладел городом Бриг — одним из важных вражеских форпостов на Одере.

Исход боя за Бриг решили умелые согласованные действия 78-й гвардейской стрелковой дивизии генерала Мотова, танкистов 4-го гвардейского танкового корпуса генерала Полубоярова и артиллеристов 3-й артиллерийской дивизии прорыва генерала Санько.

Вечером 6 февраля, после разбора хода боев за город Бриг, я вызвал к себе командующего артиллерией армии генерала Г. В. Полуэктова:

— Вряд ли немцы смирятся с потерей города. Думаю, что они с утра предпримут контрудар с западного направления. Силы для этого они могут собрать достаточные. Поэтому надо за ночь на это направление перебросить артиллерию.

И действительно, предчувствие меня не обмануло. Как только рассвело, враг предпринял сильнейший контрудар мотопехотой, танками и штурмовыми орудиями. Славно поработала наша артиллерия! Ее массированный огонь оказался настолько неожиданным для гитлеровцев, что они с большими потерями в панике отошли от города.

В ночь на 14 февраля соединения 32-го гвардейского Одерского стрелкового корпуса стремительным ударом опрокинули врага и соединились с частями 7-го гвардейского механизированного корпуса генерала И. П. Корчагина в районе Домслау, Магниц. Было завершено окружение бреславской группировки противника.

Дивизии 34-го гвардейского стрелкового корпуса во взаимодействии с соединениями 6-й армии приступили к

ликвидации окруженных в городе Бреслау немецко-фашистских войск, а 32-й и 33-й гвардейские стрелковые корпуса повели наступление на юго-запад, вышли на внешнее кольцо окружения и перешли к обороне на широком фронте. Более двух месяцев они успешно отражали яростные атаки гитлеровцев, пытавшихся деблокировать свою окруженную бреславскую группировку.

Тяжело пришлось корпусу Бакланова. Бреслау с его пригородами представлял собой крепкий орешек — канадце каменное здание было превращено гитлеровцами в огневую точку. Для их подавления пришлось применять артиллерию средних и даже крупных калибров. До 80 процентов дивизионной артиллерии и орудий тяжелых калибров — 100, 152 и 203-мм — привлекалось для стрельбы прямой наводкой. Несколько дней дивизии корпуса вели трудные бои за город, а затем были сменены корпусом генерала Захарова из 6-й армии, на которую была возложена блокада города и уничтожение окруженной там группировки противника. 34-й гвардейский корпус, рассчитывавший хотя бы на маленькую передышку, немедленно полупил новую задачу лично от маршала Конева: с 4-м гвардейским танковым корпусом и 3-й артиллерийской дивизией прорыва перейти в наступление и решительными действиями разгромить противника, готовящегося к деблокаде Бреслау…

…Наше наступление продолжалось. Враг отчаянно сопротивлялся, но мы были сильнее и упорно шли вперед…

…Здесь мне хотелось подчеркнуть следующее. Опыт Сандомирско-Силезской, да и других операций, подтвердил одну истину: прорыв тактической зоны обороны еще не означал полного поражения противостоящей группировки противника. Враг обладал теми же средствами борьбы и, уступая обычно наступающим нашим войскам в начале операции лишь в их количестве, быстро производил перегруппировку и пытался изменять соотношение сил в полосе армии в свою пользу. Подтянув вторые эшелоны и резервы и перебросив часть сил с неатакованных направлений, он наносил сильные контрудары либо занимал промежуточные рубежи обороны. Иначе говоря, если наступающая армия после прорыва тактической зоны обороны противника не сумеет организовать неотступное и быстрое преследование, то возможности обороняющегося будут с каждым часом расти.

В свое время Ф. Энгельс писал: «Плоды победы пожинаются обычно при преследовании неприятеля. Чем энергичнее преследование, тем решительнее победа»[65].

Справедливость этого вывода была особенно подтверждена в этой операции, которая показала, что стремительность и

непрерывность преследования лишают противника возможности совершать организованный отход, ошеломляют и деморализуют его войска, вынуждая их вступать в бой в невыгодных условиях.

Преследование противника началось сразу же после прорыва ударной группировкой фронта вислинского рубежа обороны и непрерывно продолжалось вплоть до выхода на реку Одер и захвата плацдармов на ней. За двадцать три дня войска фронта продвинулись на глубину до 550 км. Среднесуточный темп наступления составлял около 25 км. После потери вислинского рубежа обороны немецко-фашистское командование начало спешно перебрасывать в Западную Польшу крупные резервы. Но все попытки противника остановить продвижение советских войск на тыловых рубежах путем ввода новых сил были сорваны решительным и стремительным преследованием.

Основным средством оперативного преследования противника во фронте являлись танковые армии и отдельные танковые корпуса. В 5-й гвардейской армии преследование началось сразу же после прорыва тактической зоны обороны и после разгрома его ближайших резервов. Главную роль здесь играли сильные, высокоманевренные передовые отряды, о которых я уже говорил выше. Их стремительные действия обеспечивали, как правило, продвижение главных сил армии и ее соединений в колоннах, что позволяло развивать наступление в высоких темпах…

В начале апреля армия сдала свои боевые участки войскам 6-й и 21-й армий и, совершив почти 200-километровый марш, сосредоточилась в лесах северо-восточнее Мускау.

В этом районе мы приступили к подготовке соединений и частей к завершающим ударам по врагу.

Глава восьмая. Завершающий удар

Предпоследняя операция. Слово о Маршале Советского Союза И. С. Коневе. Генерал армии И. Е. Петров. Прорыв нейсенского оборонительного рубежа. Шпрембергский узел. Натиск на Шпрее. Как же произошла историческая встреча на Эльбе. 5-я гвардейская армия выполнила задачу.

Шла весна 1945 года, весна последних, завершающих событий второй мировой войны на территории Европы.

В результате разгрома немецко-фашистских войск в Польше, Восточной Пруссии и Восточной Померании, в Венгрии Красная Армия перенесла боевые действия непосредственно на территорию третьего рейха, на подступы к его логову — Берлину. Мощные группировки советских войск были нацелены в самое сердце фашистской Германии, с тем чтобы сокрушить последние оборонительные рубежи гитлеровцев.

Берлинская операция является воплощением всего боевого опыта, накопленного Красной Армией за годы Великой Отечественной войны. Для нее характерно участие большого количества оперативных объединений и соединений всех родов войск и применение разнообразной боевой техники.

Как известно, подготовка к Берлинской операции проводилась в условиях сложной военно-политической обстановки. Правящие круги США и Англии делали все возможное, чтобы упредить Красную Армию в занятии Берлина. Их войска, воспользовавшись успехами нашего зимнего наступления и не встречая серьезного сопротивления противника, форсировали продвижение на восток.

В то же время гитлеровское руководство не теряло надежду на заключение сепаратного перемирия с американцами и англичанами на любых условиях. Поэтому оно сосредоточило все свое внимание на усилении восточного фронта, создав мощную оборону по западному берегу Одера и Нейсе, подготовив ряд оборонительных рубежей вплоть до Берлина и собрав против Красной Армии около двух третей своих вооруженных сил.

Немецко-фашистское командование поставило перед своими войсками задачу во что бы то ни стало задержать на этих рубежах наступление Красной Армии и не допустить ее в Берлин. Они были готовы в крайнем случае сдать город англо-американским войскам.

Читателям хорошо известно, что для проведения Берлинской операции привлекались войска трех фронтов — 2-го и 1-го

Белорусских и, 1-го Украинского. При этом на 1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты возлагалась задача разгромить главные силы групп армий «Висла» и «Центр» и овладеть Берлином, а 2-й Белорусский фронт должен) был нанести поражение штеттинской группировке противника, развить наступление в направлении Ростока, прикрывая тем самым 1-й Белорусский фронт от контрударов с севера.

К началу Берлинской операции 1-й Украинский фронт был развернут в полосе шириной 390 км от (иск.) Гросс-Гастрозе до Крнов — на чехословацкой границе. В его состав входили восемь общевойсковых, в том числе и 5-я гвардейская, и две танковые армии, три отдельных танковых, один механизированный и один кавалерийский корпуса, семь артиллерийских дивизий прорыва и 2-я воздушная армия.

Исходя из общего замысла операции, о котором я упомянул выше, 1-й Украинский фронт имел задачу, наступая южнее Берлина, разгромить противника в районе Котбуса и южнее Берлина, рассечь фронт немецко-фашистских войск надвое и на десятый — двенадцатый день овладеть рубежом Беелитц, Витенберг и далее по Эльбе до Дрездена. Главный удар силами пяти общевойсковых и двух танковых армий фронт наносил из района Трибель в общем направлении на Шпремберг, Бельциг. Для обеспечения ударной группировки с юга и развития наступления на дрезденском направлении предусматривалось нанесение вспомогательного удара силами 2-й армии Войска Польского и частью сил 52-й армии из района Кольфурта в общем направлении на Бауцен, Дрезден. Войска левого крыла фронта должны были перейти к обороне, обратив особое внимание на бреславское направление.

5-я гвардейская армия наступала в первом эшелоне фронта на главном направлении. Ее задача заключалась в том, чтобы в тесном взаимодействии с наступающей справа 13-й армией и на первом этапе с 4-й гвардейской танковой армией, вводимой в прорыв в полосе нашей армии, разгромить противостоящие немецко-фашистские войска и, стремительно продвигаясь к Торгау[66], отрезать дрезденскую группировку от берлинской и создать тем самым условия для уничтожения этих группировок порознь.

Левее наступала 2-я армия Войска Польского, получившая задачу форсировать Нейсе, прорвать оборону врага на участке Ротенбург, Обер-Форверк и во взаимодействии с 52-й армией развивать удар в общем направлении Ней-Зерихен, Дрезден.

Несмотря на то что армия действовала южнее Берлина, весь личный состав считал себя непосредственным участником

завершающего штурма фашистской столицы и был преисполнен решимости в установленные сроки выполнить поставленные задачи. Мы прекрасно отдавали себе отчет и в том, что на армию возложено обеспечение ударной группировки фронта с юга. А угроза ударов со стороны дрезденской группировки врага была реальной, и с нею надо было считаться, тем более что наш сосед слева — 2-я армия Войска Польского главные усилия сосредоточивала на своем левом фланге и между нами мог образоваться разрыв.

Сложность выполнения стоявших перед нами задач обусловливалась рядом факторов. Прежде всего, всю подготовку операции пришлось проводить в довольно сжатые сроки. Армии нужно было за шесть дней (с 5 по 10 апреля включительно) произвести перегруппировку своих сил и средств на расстояние 150–200 км из района западнее Бреслау в район Мускау, в новую полосу между 13-й армией и 2 и армией Войска Польского. Здесь армии нарезалась полоса наступления на левом фланге ударной группировки фронта и отводился участок прорыва с форсированием реки Нейсе. Чтобы быстрее ознакомиться с обстановкой в предстоящей полосе наступления (характером местности, противником), я с начальниками оперативного и разведывательного отделов штаба армии, командующими родами войск, начальником инженерных войск, с другими офицерами выехал на наблюдательный пункт 13-й армии. Командарм генерал И. П. Пухов подробно рассказал нам о характере обороны противника на реке Пейсе, особенностях самой реки и других деталях обстановки.

Вскоре на наблюдательный пункт армии прибыл командующий фронтом Маршал Советского Союза И. С. Конев. Он уточнил обстановку, поставил задачу армии, разъяснил особенности организации артиллерийского и авиационного наступления с форсированием реки Пейсе, порядок форсирования и его инженерное обеспечение.

Во время работы с командующим фронтом у меня уже созрела основная идея замысла армейской наступательной операции: направление главного удара, состав ударной группировки армии, ее оперативное построение, а также задачи стрелковых корпусов и дивизий, подвижной группы армии (4-го гвардейского танкового корпуса). Начальником оперативного отдела армии все это было нанесено на карту. С прибытием штаба армии на новое место сразу же было проведено оперативное ориентирование и отданы боевые распоряжения командирам корпусов, приданных соединений и частей.

Гвардейцы всего лишь за несколько дней до столь

ответственного наступления оказались на совершенно незнакомом направлении, а время для изучения новой обстановки было весьма ограничено.

От командиров и штабов всех инстанций потребовались огромные усилия и напряженный труд, чтобы изучить местность, оборону и группировку войск противника и подготовить войска к завершающим схваткам с врагом, особенно к прорыву его обороны с форсированием реки Нейсе.

Каждый час времени у нас был на учете. В основу подготовки наступления был положен принцип одновременного выполнения важнейших работ по организации операции, боя, подготовки войск и материально-технического обеспечения. Командарм, командиры соединений и частей с начальниками штабов и нужными офицерами всех родов войск проводили рекогносцировки и отрабатывали вопросы артиллерийского и авиационного наступления, порядок форсирования Нейсе, атаки переднего края, взаимодействия и многие другие. Все решения принимались в строго ограниченные сроки, задачи ставились и уточнялись только на местности. Заместители командиров и другие офицеры штаба, работники тыла готовили войска к выполнению боевых задач: они проводили тактические учения и занятия по форсированию, огневой подготовке, изучению материальной части оружия и техники, организовывали подвоз боеприпасов, горючего и всего необходимого.

Нейсенский оборонительный рубеж противника являлся серьезным препятствием для наших войск. Его строительство, оборудование гитлеровское командование спешно начало еще в январе 1945 года, когда наши войска прорвали глубоко эшелонированную оборону противника на Висле. К середине апреля гитлеровцам удалось создать здесь довольно сильную в инженерном отношении оборону, состоящую из трех полос общей глубиной 25–30 км. Причем первая и третья полосы проходили соответственно по западным берегам рек Нейсе и Шпрее, а вторая — по озерам, господствующему рельефу местности, населенным пунктам и лесным массивам, являющимся серьезным препятствием для наших танков и пехоты и в то же время способствовавшим маскировке и укрытию противника.

В полосе наступления армии оборонялись части 545-й фольксгренадерской пехотной дивизии и танкового корпуса «Великая Германия»; гитлеровское командование создало на важнейших участках своей обороны, особенно в главной полосе, значительные плотности пехоты, артиллерии и танков, а в районе Шпремберга находилась танковая дивизия «Охрана фюрера».

Дополнительной трудностью было то, что к началу операции

мы не имели ни одного плацдарма на западном берегу реки Нейсе, тогда как гитлеровцы удерживали в полосе армии плацдарм на восточном ее берегу в районе Мускау. Этот плацдарм являлся серьезным препятствием для соединений армии как при подготовке, так и в ходе наступления. Прорыв вражеской обороны надо было начинать одновременно с форсированием этой реки и ликвидацией плацдарма на ее восточном берегу, последующим ведением боевых действий в крупном лесном массиве, форсированием другой реки — Шпрее и прорывом третьей полосы на ее западном берегу.

К этому следует добавить, что большое количество населенных пунктов, города Мускау, Шпремберг, Вейсвассер и другие, отдельные фольварки с каменными постройками были превращены гитлеровцами в сильные опорные пункты и узлы сопротивления. Все дороги и тропы, проходившие в лесах, подготовлены на случай отхода к минированию и завалу. Особое внимание немецко-фашистское командование уделяло шпрембергскому направлению. Опираясь здесь на хорошо подготовленную оборону, оно рассчитывало контрударом своих резервов из района Котбус, Шпремберг сорвать наступление наших войск на Берлин с юго-востока.

Оценивая оборону противника и его возможности к сопротивлению, мы в то же время учитывали и наши силы. После большого зимнего наступления от Вислы до Одера ряды частей и соединений армии значительно поредели. Проведя большую работу по их укомплектованию, нам удалось довести численность дивизий до 5000–6000 человек.

В состав нашей армии по-прежнему входили 32, 33 и 34-й гвардейские стрелковые корпуса, каждый трехдивизионного состава[67].

Дивизии также были трехполкового, а полки — двухбатальонного состава. В ротах насчитывалось по 60–75 человек. Учитывая сложность решаемых задач, командующий фронтом усилил нашу армию двумя артиллерийскими дивизиями прорыва (3-й и 17-й), одной (3-й гвардейской) минометной дивизией, двумя истребительно-противотанковыми полками (1073-м и 1075-м), двумя минометными полками (469-м и 283-м гв.), 4-м гвардейским танковым корпусом, 32-м и 226-м танковыми и 1889-м самоходно-артиллерийским полками. Всего для выполнения задачи армия имела 1667 орудий и минометов и 110 танков и самоходно-артиллерийских установок.

Главный удар в соответствии с замыслом операции предусматривалось нанести на узком участке (около 6 км) правого фланга в направлении Кебельн, Лискау, Траттендорф;

при этом имелось в виду решительной атакой частей и соединений 32-го и 34-го гвардейских стрелковых корпусов взломать тактическую зону обороны противника, ввести в бой подвижные соединения, к исходу первого дня передовыми частями захватить переправу через реку Шпрее. В то же время 15-я и 14-я гвардейские стрелковые дивизии 34-го гвардейского стрелкового корпуса должны были одновременными ударами с севера, северо-востока и с юга уничтожить противника на плацдарме в районе Мускау и с ходу форсировать реку Нейсе.

В соответствии с замыслом операции армия была построена в два эшелона: в первом — 32-й и 34-й и во втором — 33-й гвардейские стрелковые корпуса. Последний намечалось использовать для развития наступления и перехода в решительное преследование противника. 4-й гвардейский танковый корпус получил задачу действовать на направлении главного удара в качестве подвижной группы армии. Чтобы придать ему большую самостоятельность, корпус был усилен хорошо укомплектованным и подготовленным стрелковым полком 118-й стрелковой дивизии, посаженным на автомашины, а также артиллерией.

Понимая всю сложность и трудность выполнения задачи, командование и штаб армии принимали все меры к тому, чтобы обеспечить максимальное массирование сил и средств. На направлении главного удара, на участке Гросс-Зерхен, Мускау (около 6 км), мы сосредоточили шесть стрелковых дивизий, в том числе пять в первом эшелоне. Здесь же действовала основная масса артиллерии и танков армии. Таким образом, на участке прорыва мы имели по 250–280 орудий и минометов и по 15–18 танков НПП на один километр фронта.

Чтобы иметь возможность наращивать усилия в ходе прорыва, мы стремились создать глубокие боевые порядки соединений и частей: 32-й гвардейский стрелковый корпус, действовавший на правом фланге армии, строил свой боевой порядок в два эшелона; для 34-го корпуса целесообразнее было иметь одноэшелонное построение, так как он имел более широкую полосу наступления и должен был одной дивизией совместно с 32-м корпусом участвовать в прорыве обороны на главном направлении и в то же время усилиями двух других дивизий ликвидировать плацдарм противника на восточном берегу Нейсе. Что касается дивизий и полков, действовавших я первом эшелоне, то все они были построены в два эшелона. Такие глубокие боевые порядки отвечали условиям действий войск, которым предстояло форсировать Нейсе, прорвать глубоко эшелонированную оборону и наступать почти в сплошном лесном

массиве.

Выше я отметил, что войска армии только 10 апреля сосредоточились для наступления на новом направлении. Поэтому сразу же организовали тщательное изучение противника, характера его обороны, местности, и особенно реки Нейсе, по тем данным, которые получили от штаба и соединений 13-й армии, ранее действовавшей в полосе будущего наступления нашей армии. Кроме того, в корпусах и дивизиях были созданы специальные группы из офицеров-разведчиков всех родов войск — общевойсковых, артиллерийских, инженерных, химических — и развернута широкая сеть наблюдательных пунктов, оборудованных на деревьях и вышках, с которых велось круглосуточное наблюдение. Только в полосе правофлангового корпуса были оборудованы 22 наблюдательные вышки.

Большую помощь в изучении противника оказали полученные из штаба фронта данные неоднократного фотографирования всей оборонительной полосы. По этим материалам штаб армии изготовил для всех командиров рот и батарей специальные карты-бланковки.

Сложные условия обстановки обязывали нас уделять очень много внимания вопросам организации артиллерийской и авиационной поддержки наступления, инженерного обеспечения и особенно форсирования рек Нейсе и Шпрее, а также наступления по лесистой местности. Артиллерия и авиация должны были обеспечить прорыв на всю его тактическую глубину, форсирование рек Нейсе и Шпрее, ввод в прорыв танковых войск армии и фронта. Для того чтобы обеспечить в условиях крупных лесных массивов непрерывное взаимодействие пехоты и артиллерии, в дивизиях и полках были созданы сильные, способные действовать самостоятельно артиллерийские группы (3–6 дивизионов), включавшие артиллерию всех калибров, в том числе 203-мм гаубицы. Корпусные артиллерийские группы не создавались, но была создана армейская артиллерийская группа в составе 17 артиллерийских дивизионов (206 орудий). Она делилась на две подгруппы — по числу корпусов, действующих в первом эшелоне армии. Кроме того, артиллерийские и минометные подразделения выделялись для непосредственного сопровождения стрелковых рот, батальонов и танков непосредственной поддержки пехоты.

Артиллерийское наступление проводилось по плану-графику фронта. Первый его этап включал артиллерийскую подготовку продолжительностью 40 минут перед форсированием Нейсе. Второй этан — обеспечение форсирования — 60 минут. На третьем этапе предусматривалась 45-минутная артиллерийская

подготовка атаки, после того как на западный берег переправятся значительные силы, затем 10-минутная поддержка атаки огневым валом. После этого планировалось сопровождение наступления в глубине.

Таким образом, артиллерийская подготовка состояла из трех неразрывных частей, а форсирование реки в ходе артиллерийской подготовки должно было перерасти в общую атаку обороны противника, Это было новым в практике наступления с форсированием водных преград в период Великой Отечественной войны. До этого танки и пехота начинали обычно преодоление водного рубежа лишь после артиллерийской и авиационной подготовки. Иное по сравнению с прежним построение артиллерийской подготовки было предложено Маршалом Советского Союза И. С. Коневым после обсуждения с командующими артиллерией армий и командармами. Оно преследовало основную цель — в ходе артподготовки обеспечить форсирование реки первыми эшелонами стрелковых полков, танками НПП и подразделениями артиллерии сопровождения и после этого совместную атаку танков и пехоты на противоположном берегу.

Незначительное удаление переднего края обороны противника позволило нам эффективно использовать в ходе артиллерийской подготовки до 40–50 орудий на один километр фронта прорыва для стрельбы прямой наводкой, особенно в период форсирования Нейсе. Огонь этих орудий направлялся на подавление хорошо разведанных огневых средств в первой траншее и в ближайшей глубине обороны.

Много уделялось внимания противовоздушной обороне ударной группировки армии. В полосах наступления 32-го и на правом фланге 34-го гвардейских стрелковых корпусов были созданы зенитные артиллерийские группы с значительной плотностью, что вместе с истребительной авиацией обеспечивало надежное прикрытие войск от ударов противника с воздуха.

Планирование авиационного обеспечения операции армии осуществлялось штабом 2-й воздушной армии и штабом фронта. Для поддержки армии выделялись 1-й гвардейский штурмовой и 6-й гвардейский истребительный авиационные корпуса. Кроме того, в полосе армии наносили бомбовые удары части 6-го гвардейского бомбардировочного корпуса. Организуя взаимодействие авиации с войсками армии, мы обращали особое внимание авиационных командиров на необходимость ведения непрерывной воздушной разведки в полосе армии и на ее флангах, на обеспечение массированных ударов по опорным пунктам и узлам сопротивления, особенно в период

форсирования при действиях в главной полосе обороны немецко-фашистских войск, при вводе в сражение 4-го гвардейского танкового корпуса. Связь наземных войск с авиацией осуществлялась через командиров авиационных соединений, которые со своими радиостанциями наведения находились на наблюдательных пунктах командиров корпусов и некоторых дивизий.

В ходе подготовки операции особое внимание уделялось форсированию реки Нейсе, являвшейся значительным препятствием. Ширина ее русла достигала двадцати — пятидесяти метров, глубина — один — три метра, скорость течения полтора метра в секунду. На направлении главного удара армии Нейсе нельзя было преодолеть вброд. Поэтому инженерным войскам пришлось проделать очень большую работу, чтобы обеспечить переправу.

В распоряжении армии имелось девять инженерно-саперных и два понтонно-мостовых батальона, которые располагали достаточным количеством переправочных средств. Кроме того, были подготовлены детали для постройки десяти мостов, в том числе шестидесятитонных — три, тридцатитонных — два, шестнадцатитонных — три и девятитонных — два. Все переправочные средства командование своевременно сосредоточило в ближайших к реке укрытиях. В каждом пункте переправы была организована комендантская служба и разработан график наведения и ввода в действие переправ и форсирования реки. Во всех частях заранее готовились переправочные средства из подручных материалов. В 13-й гвардейской стрелковой дивизии провели показное батальонное учение с форсированием реки Бобер в тылу армии, на котором присутствовали командиры дивизий, полков и дивизионные инженеры. На учении были показаны действия штурмового батальона, проигран вариант форсирования реки стрелковыми подразделениями с приданными им танками и артиллерией сопровождения. Учением умело руководил командир дивизии гвардии полковник В. Н. Комаров.

Личный состав армии был подробно ознакомлен со всеми средствами, подготовленными для форсирования, и способами их использования. После показного учения проводилось практическое форсирование реки Бобер батальонами первого эшелона полков всех дивизий.

Чтобы скрыть подготовку операции, перегруппировка соединений армии в новую полосу проходила ночью, работа всех радиостанций до начала боевых действий была запрещена, район сосредоточения войск был тщательно замаскирован от

наблюдения противника с воздуха. Особое внимание уделялось подготовке дымопуска с целью обеспечить скрытность подноски переправочных средств, постройки мостов, форсирования реки батальонами первых эшелонов. Дымопуск планировался через 40 минут после начала артиллерийской подготовки, а с захватом плацдарма — с западного берега Нейсе — до начала атаки. Для этого были выделены необходимые силы и средства. Кроме того, намечалась постановка дымовой завесы авиацией.

Успеху предстоящего наступления в огромной степени содействовали наши политорганы, партийные и комсомольские организации. В беседах, лекциях, на собраниях речь шла о том, что разгром сильной группировки противника будет означать окончание Великой Отечественной войны. Мы напоминали: русские вступят в Берлин в третий раз. Причем на этот раз как войска армии социалистического государства, которое отстояло в смертельной схватке с фашизмом великие завоевания Октября. Особо подчеркивалось, что общая политическая и стратегическая обстановка требует разгрома берлинской группировки противника и захвата Берлина в кратчайший срок. Много делалось для укрепления партийных и комсомольских организаций: к началу операции они были почти во всех ротах и батальонах. С получением приказа на наступление повсеместно проводились партийные собрания, а с началом артиллерийской подготовки — красноармейские митинги. Моральный и боевой дух войск армии был исключительно высоким, настроение бойцов и командиров во всех соединениях — приподнятым и бодрым.

В материально-техническом отношении соединения и части были обеспечены полностью. Таким образом, командование и штаб армии провели огромную работу по подготовке войск к операции, и у нас имелись все основания рассчитывать на ее успех.

Чтобы не ударить по пустым местам, в случае если противник во время артподготовки отведет свои войска в глубину, и надежно обеспечить прорыв вражеской обороны, было решено провести разведку боем перед началом наступления. В ночь на 16 апреля по единому плану фронта усиленные стрелковые роты, по одной от каждой дивизии первого эшелона, вступили в ночной бой. В ходе его выяснилось, что противник прочно занимает оборонительные позиции. Вносить изменения в план артиллерийской и авиационной подготовки не потребовалось.

Наступление началось так, как было намечено планом.

В этой главе, где идет речь о предпоследней стратегической операции Великой Отечественной войны, я хочу рассказать о нашем командующем фронтом Маршале Советского Союза Иване

Степановиче Коневе.

Иван Степанович имел громадный опыт руководства крупными оперативными объединениями, умело применял его при разработке наиболее эффективных способов использования крупных масс войск в операциях. Он очень тонко чувствовал обстановку и на основе ее уяснения и всестороннего анализа безошибочно определял, какая армия и какую задачу сможет выполнить наилучшим образом, какие силы и средства необходимо иметь в первом эшелоне, что в данной операции целесообразнее выделить — второй эшелон или мощный резерв, как лучше использовать подвижные войска фронта — танковые армии и танковые корпуса. Принимая решение, какую армию и на каком участке оперативного построения фронта лучше поставить, Конев учитывал опыт командующих и их штабов. Большое внимание он уделял организации артиллерийского и авиационного наступления. Его девиз при этом был: снарядов и бомб не жалеть, а солдата уберечь!

При подготовке операций Иван Степанович проявил большое умение выбирать время начала наступления. Он никогда не придерживался буквы директивы Ставки по этому вопросу, если в результате изучения возможностей своих войск и положения противника находил хотя бы минимальный шанс нанести удар ранее намеченного срока. Начало одной из наступательных операций по освобождению Правобережной Украины было намечено Ставкой на 6 марта 1944 года. Чтобы не дать врагу лишнего дня для укрепления своей обороны на реке Южный Буг, И. С. Конев потребовал от подчиненных ускорить подготовку войск. Были выиграны сутки. Мы перешли в наступление 5 марта. На войне сутки — это очень много!

Можно очень много рассказать о И. С. Коневе как о большом мастере организации взаимодействия. Вершиной его творчества в этом вопросе, по моему мнению, является Львовско-Сандомирская операция, в ходе которой блестяще было организовано взаимодействие двух ударных группировок, удаленных друг от друга на 70 км. Как известно, план нанесения двух ударов в полосе фронта — одного для разгрома львовской, а другого для уничтожения рава-русской группировок противника — вызывал сомнение у Ставки. Однако маршал Конев сумел доказать целесообразность такого замысла. При его осуществлении удалось растянуть силы гитлеровских войск и не позволить немецкому командованию маневрировать ими в ходе операции.

Ко всем этим блестящим качествам полководческого дарования И. С. Конева следует отнести еще одно — его

стремление всегда и везде быть там, где решается судьба операции, видеть события своими глазами, добрым советом помочь командующим армиями, командирам корпусов, дивизий, а порой и полков правильно решить поставленные задачи, на месте разобраться в обстановке, с тем чтобы принять новое решение, применить самый неожиданный для врага маневр своими силами. Так, при прорыве обороны противника на львовском направлении в июле 1944 года Иван Степанович продолжительное время находился на наблюдательном пункте 60-й армии генерала П. А. Курочкина в так называемом колтувском коридоре. Находясь там, в гуще боевых событий, он сумел правильно решить проблему наращивания усилий — вводом двух танковых армий и двух танковых корпусов. Только будучи в этом районе, командующий фронтом мог пойти на такой, казалось бы, рискованный шаг — в узком, шестикилометровом коридоре использовать такую крупную массу танковых войск.

Во время берлинской операции маршал Конев успевал бывать всюду: на Шпрее, чтобы поторопить переправу танковых армий, у нас, чтобы посоветовать, как лучше уничтожить шпрембергскую группировку врага, на наблюдательном пункте командира артиллерийского корпуса генерала Королькова… Это был его метод руководства войсками.

Рассказ о полководческом таланте И. С. Конева будет неполным, если не отметить, что он был первоклассным организатором подготовки войск. Перед любой операцией Иван Степанович находил все новые и новые формы обучения, максимально приближенные к предстоящим боевым действиям.

Я счастлив, что начиная с середины 1943 года и до конца Великой Отечественной войны почти непрерывно находился под руководством этого замечательного полководца. Все мы, командующие армиями, учились у него умению решать самые сложные вопросы организации и ведения боевых действий, умению побеждать врага малой кровью. Навсегда в нашей памяти остался Иван Степанович Конев — верный сын партии, большой души человек, бесстрашный полководец.

Здесь же хочу коротко поведать своим читателям еще об одном глубоко уважаемом мною военачальнике — генерале армии Иване Ефимовиче Петрове. Он прибыл на 1-й Украинский фронт перед самым началом Берлинской операции. Я был рад встрече со своим другом и земляком, с которым расстался еще накануне войны на вышеупомянутом мною командно-штабном учении в Среднеазиатском военном округе.

Иван Ефимович был человеком с интересной биографией. Я

познакомился с ним в 1920 году во время службы в 11-й кавалерийской дивизии. Вся его предвоенная жизнь была связана со Средней Азией. Здесь он дрался с белыми и во времена гражданской войны. Поэтому хорошо знал местные обычаи и нравы, владел узбекским и туркменским языками, пользовался глубоким уважением у местного населения. Петров обладал огромным опытом работы на различных командных должностях, был разносторонне развитым человеком, страстно любил живопись и сам на досуге проводил время за мольбертом. С первых дней Великой Отечественной войны Иван Ефимович находился на самых горячих участках советско-германского фронта, был одним из руководителей обороны Одессы и Севастополя, защитники которых покрыли себя неувядаемой славой.

Большие организаторские и волевые качества Петрова выдвигают его на крупнейшие военные посты: в 1943 году он командовал войсками Северо-Кавказского фронта, а год спустя становится во главе 4-го Украинского фронта. Трудно сказать, что явилось причиной его освобождения от этой должности, но знаю, что, когда И. С. Коневу предложили взять Петрова начальником штаба фронта, он с удовольствием согласился.

Иван Ефимович, как нам было известно, не проявлял ни малейшего оттенка обиды по поводу освобождения от должности командующего фронтом. Со свойственной ему принципиальностью и деловитостью быстро вошел в новую роль и пользовался заслуженным уважением у И. С. Конева и всех командующих армиями. Он оказывал нам большую помощь в подготовке и проведении Берлинской и Пражской операций.

После окончания Великой Отечественной войны моя дружба с И. Е. Петровым еще более окрепла. Он в течение ряда лет командовал войсками Туркестанского военного округа, а с 1952 года мы вместе служили в Москве — я был начальником Военной академии имени М. В. Фрунзе, а Иван Ефимович первым заместителем Главного инспектора Советской Армии. Затем он возглавлял Главное управление боевой и физической подготовки, будучи заместителем главнокомандующего Сухопутными войсками. Это был ответственный период организационного и технического переустройства наших Сухопутных войск, связанный с начавшейся революцией в военном деле: соединения оснащались новыми образцами стрелкового автоматического оружия, танками с более высокой скоростью и маневренностью, новыми артиллерийскими системами среднего и крупного калибров, минометами, многоствольной артиллерией, безоткатными орудиями, новыми противотанковыми средствами

и средствами войсковой ПВО.

Все это усложняло процесс обучения, предъявляло более высокие требования к офицерским кадрам, вызывало необходимость постоянного улучшения методов учебной и воспитательной работы, полевой выучки войск. Этими вопросами мы занимались в тесном контакте с И. Е. Петровым. Его кипучая энергия, разносторонние военные знания и богатый войсковой опыт помогли в кратчайший срок разработать необходимые программные документы по боевой подготовке Сухопутных войск…

Но возвращаюсь к повествованию о Берлинской операции.

16 апреля в 6 часов 15 минут наша артиллерия и авиация начали и в течение сорока минут вели мощную обработку вражеской обороны. Под прикрытием артиллерийского огня инженерные части спустили на воду десантные переправочные средства и приступили к наводке штурмовых мостиков. Ответный огонь гитлеровцев был слабый и не являлся серьезной помехой для наших гвардейцев. В 6 часов 55 минут наши войска зажгли дымовые шашки, и пелена густого дыма плотно затянула русло реки, прикрывая наши действия от наблюдения противника. Инженерные части под прикрытием огня пехоты и артиллерии, проявляя мужество и самоотверженность, спустили на воду 140 лодок, 3 парома и навели 14 штурмовых мостиков.

Как только огонь артиллерии был перенесен в глубину, батальоны первых эшелонов стрелковых полков начали форсировать Нейсе по штурмовым мостикам и на переправочных средствах. В ряде подразделений 95, 13, 15, 58-й гвардейских стрелковых дивизий к этому времени сумели отыскать броды, и гвардейцы бросились в воду, стремясь возможно быстрее достигнуть западного берега реки.

Форсирование реки было делом известным и не новым для соединений армии. Позади остались такие крупные водные преграды, как Днепр, Днестр, Висла, а сколько более мелких рек и речушек было преодолено с ходу на подручных средствах, вброд — и не сосчитать. И тем не менее, когда войскам преграждает путь новая река, волнение охватывает всех, от солдата до командующего, ибо каждый знает, что форсировать на лодках, паромах, по штурмовым мостикам и на подручных средствах под ураганным огнем противника — дело нешуточное. Вот и сейчас — река Нейсе!

Из докладов своих операторов я знал, что дела во всех дивизиях идут хорошо, но не удержался и приказал телефонисту соединить меня с одним из командиров дивизий. Быстрее всех нашли командира 58-й гвардейской стрелковой дивизии генерала

В. В. Русакова. Не успел задать ему традиционного вопроса: «Как идут дела?» — а уже слышу его немножко возбужденный голос:

— На нашем участке, товарищ командарм, все идет по плану, люди творят чудеса. — И доложил следующее: — Когда в самом начале форсирования одно из звеньев штурмового мостика сорвалось и уплыло, гвардии рядовые Мамонов, Бочаров, Кийко и Галюк из саперной роты гвардии старшего лейтенанта Петрова, встав по грудь в холодную воду, положили доски себе на плечи и тем самым восстановили недостающее звено и пропустили все подразделения батальона. На другом участке так же поступили гвардии старший сержант Колесников, гвардии сержант Блинов, рядовые Ракуль и Усенко.

В ходе второго шестидесятиминутного этапа артиллерийской подготовки вслед за стрелковыми батальонами переправилась вся артиллерия сопровождения, минометы и танки. Переправу первого эшелона главных сил армии удалось закончить в течение одного часа. Передовые подразделения овладели отдельными участками первой траншеи и уверенно расширяли захваченные плацдармы. Инженерные части через три часа после начала форсирования на направлении главного удара армии «навели 7 мостов: девятитонных — 2, тридцатитонных — 4, шестидесятитонных — 1, а через 5 часов в полосе армии действовало уже 10 мостов»[68].

Саперы строили их, часами находясь в ледяной воде.

В этот же период переправились на западный берег танки непосредственной поддержки и остававшиеся подразделения артиллерии сопровождения. Войска готовились к дружной и решительной атаке. В 8 часов 40 минут под прикрытием огня артиллерии и при поддержке авиации переправившиеся части перешли в атаку на главную полосу обороны врага. Гитлеровские войска усилили сопротивление. Авиация противника группами по 10–12 самолетов производила налеты на боевые порядки наших войск.

К 11 часам войска армии на главном направлении прорвали первые две позиции главной полосы, продвинулись на 3–4 км и овладели некоторыми важными опорными пунктами. Гитлеровцы ожесточенно сопротивлялись. Сильные контратаки одна за другой следовали против правого фланга и центра 32-го гвардейского стрелкового корпуса и левого фланга 34-го гвардейского стрелкового корпуса. Здесь противник бросил в контратаку часть своих резервов из состава 1-й танко-истребительной бригады, танковой дивизии «Охрана фюрера» и танковой дивизии «Богемия» с целью остановить наши войска и во что бы то ни стало удержать вторую полосу обороны, которую они назвали

женским именем «Матильда».

Во всей полосе армии, как и у наших соседей справа, на западном берегу Нейсе, развернулись ожесточенные бои, в ходе которых все очевиднее становился наш перевес.

32-й гвардейский стрелковый корпус к исходу первого дня прорвал главную полосу обороны и подошел ко второй, продвинувшись на 10–12 км. На переднем крае второй полосы противник оказал особо упорное сопротивление. И хотя все его контратаки были отражены, ввести в сражение 4-й гвардейский танковый корпус не удалось.

Более успешно развивалось наступление в полосе 34-го гвардейского стрелкового корпуса. Части 15-й и 14-й гвардейских стрелковых дивизий ударом с севера и северо-запада в юго-западном направлении ликвидировали плацдарм врага на восточном берегу Нейсе, овладели сильным узлом сопротивления Мускау и к исходу дня правым флангом подошли ко второй полосе обороны гитлеровцев — «Матильде». Особенно активно и инициативно действовала в этот день 15-я гвардейская стрелковая дивизия гвардии генерал-майора П. М. Чиркова и 50-й гвардейский стрелковый полк под командованием гвардии полковника Б. И. Бирина.

Исключительную самоотверженность проявили саперы. Взвод 15-го гвардейского мостоштурмового инженерно-саперного батальона 22-й отдельной гвардейской инженерной мостоштурмовой бригады, переправившись на западный берег Нейсе, натолкнулся на немецкий склад с инженерным имуществом. Недолго думая, взвод атаковал склад, перебил его охрану, а из захваченного имущества навел штурмовые мостики, по которым переправилась пехота 15-й гвардейской стрелковой дивизии. Командир 34-го гвардейского стрелкового корпуса генерал Бакланов наградил всех саперов взвода (22 человека) орденом Славы[69].

Должен отмстить, что бои первого дня носили ожесточенный характер. Личный состав частей и соединений действовал смело, мужественно, проявляя массовый героизм. Мне хорошо запомнился подвиг командира отделения автоматчиков гвардии сержанта Вишнякова. В ходе атаки он сумел убить двух гитлеровцев, бросавших в него гранаты. Потом был ранен, но из боя не вышел и в рукопашной схватке задушил фашистского офицера. Отделение Вишнякова захватило в плен 27 гитлеровцев[70].

Однако вернемся к боевым делам 34-го корпуса.

Успех полка Бирина, инициатива и дерзость саперов-мостоштурмовиков были искусно использованы для наращивания

усилий. Командир 15-й гвардейской стрелковой дивизии ввел второй эшелон в тыл обороняющемуся противнику в районе Мускау. Этот маневр обеспечил быстрый разгром врага на плацдарме и способствовал повышению темпов прорыва главной полосы его обороны.

В целом, в течение первого дня операции войска армии решили важные и довольно сложные задачи: ликвидировали плацдарм противника на восточном берегу реки Пейсе, форсировали, ее и прорвали главную полосу его обороны, подошли ко второй полосе обороны врага — «Матильде» и завязали бои за ее овладение. Стремясь во что бы то ни стало удержаться на второй полосе, гитлеровское командование вынуждено было ввести значительную часть своих резервов.

33-й гвардейский стрелковый корпус генерала П. Ф. Лебеденко, составлявший второй эшелон армии, к исходу первого дня операции сосредоточился в районе Клайн Зэрхен, Квольсдорф, Биркенштедт.

Большую роль в прорыве главной полосы обороны противника сыграл мощный массированный огонь нашей артиллерии; это она взламывала опорные пункты, уничтожала и подавляла артиллерию, танки, преграждала путь контратакующим частям врага.

Неоценимую поддержку наземным войскам в боях 10 апреля оказала авиация фронта, особенно штурмовики. 1-й гвардейский штурмовой авиационный корпус генерала В. Г. Рязанова непрерывно наносил сосредоточенные удары по опорным пунктам и узлам сопротивления противника, его танкам, артиллерии, по подходящим резервам.

Как я уже отмечал, бои первого дня операции носили ожесточенный характер. Личный состав частей и соединений, выполняя боевые задачи, проявлял инициативу и героизм. Уже в первые часы боя имена многих офицеров, сержантов и красноармейцев стали известны всей армии благодаря широкой популяризации их подвигов.

Начальник политотдела Ф. А. Катков в эти дни показывал мне различные рукописные листовки. Их названия были различны: листовка-молния, боевая весточка, листок-летучка, окопный листок и другие. Писались они прямо на поле боя и не требовали большой затраты времени. У меня сохранились некоторые из листовок. Вот их тексты: «Молодец, Александр Бойко! Отлично владеешь автоматом!», «Владимир Швец показывает образец стремительности в наступлении. Это по-гвардейски!».

Многие листовки посвящались светлой памяти гвардейцев,

павших в бою. «Товарищ! Смертью храбрых в бою погиб коммунист сержант Гордус. Он истребил шесть гитлеровцев огнем и трех уничтожил в рукопашной схватке. Вечная слава герою. Отомстим за нашего товарища!» Эта листовка была выпущена перед самой атакой, и бойцы бросились на врага с призывом: «Отомстим за сержанта Гордуса!» В этом бою товарищи павшего друга-коммуниста отлично выполнили свои долг. Сержант Кравец уничтожил 5 фашистов, а пулеметчики Кожухаров и Куликов — более 20.

Командиры полков и их заместители по политической части применяли и такую форму поощрения отличных действий бойцов, как письма героям боев. Вот одно из таких писем: «Дорогой товарищ агитатор сержант Фисько М. С. Благодаря Вашей бдительности и геройству уловка врага не удалась. Вы проявили героизм и мужество, уничтожив одного и взяв в плен в ночное время двух немцев. Командование полка гордится Вами как лучшим агитатором и воином. За бдительность, проявленный героизм и хорошую агитаторскую работу объявляю благодарность и представляю к награде. Желаю успеха в бою и плодотворной агитаторской работы…»

Большое воспитательное значение имели ответы родителей воинов на письма, которые писали мы, рассказывая о подвигах их сыновей. Эти письма обсуждались на коротких митингах, опубликовывались в дивизионных газетах, распространялись в боевых листках, зачитывались на политинформациях. Приведу ответ матери рядового Тесленко из 294-го гвардейского стрелкового полка 97-й гвардейской стрелковой дивизии Евдокии Тесленко, проживавшей в селе Вазилово Бобринского района Кировоградской области. Она писала: «Разрешите поблагодарить вас за ваше внимание и заботу о моем сыне — Федоре Тесленко. Когда я получила ваше письмо, я не могла читать его спокойно, у меня от радости забилось сердце. Я рада за своего сына Федора и верю в его стойкость и преданность своей Родине, и никогда у него не дрогнет рука над проклятым врагом, который принес нам столько Горя и страданий.

Желаю вам, дорогие сыночки, быстрее разгромить врага и остаться всем живыми и после тяжелых боев и походов вернуться к себе на Родину. Мы, ваши матери, отцы, сестры и братья, своим упорным трудом в тылу куем победу и чувствуем себя в труде, как в бою. Это для скорой победы над ненавистным врагом. Желаю вам боевых успехов…»[71].

Итак, немецкая оборона была потрясена, но враг не потерял еще способности к сопротивлению. Чтобы не задержаться с прорывом второй полосы, быстрее завершить прорыв тактической

зоны обороны немцев и создать условия для широких маневренных действий, в первую очередь танковых войск, нужны были новые решительные меры с нашей стороны. Командиры соединений получили указание не прекращать боевых действий, вести их частью сил ночью, а с утра 17 апреля возобновить общее наступление, с тем чтобы в тот же день прорвать вторую полосу, форсировать реку Шпрее и, хотя бы на главном направлении, прорвать третью полосу обороны на западном берегу реки.

Для выполнения поставленной армии задачи было решено 17 апреля ввести в действие 4-й гвардейский танковый корпус генерал-лейтенанта танковых войск П. П. Полубоярова. Корпус должен был содействовать стрелковым войскам в прорыве второй полосы обороны, с ходу форсировать Шпрее и захватить плацдарм на ее западном берегу в районе Траттендорф, Шпреевитц. Одновременно для усиления удара по противнику и обеспечения тесного взаимодействия с 4-м гвардейским танковым корпусом командиру 32-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-лейтенанту А. И. Родимцеву было приказано ввести на левом фланге свой второй эшелон — 97-ю гвардейскую стрелковую дивизию. По основным опорным пунктам обороны гитлеровцев мы подготовили удары артиллерии и авиации.

После короткой, но мощной огневой обработки второй полосы обороны врага утром 17 апреля войска армии возобновили наступление. Почти в это же время гитлеровское командование ввело в бой главные силы танковой дивизии «Охрана фюрера», 1-й танко-истребительной бригады и 40-го запасного мотопехотного полка. Во всей полосе армии, как и у наших соседей справа и слева, развернулись ожесточенные бои, особенно напряженные за опорные пункты Черниц, Вольфсхайн, Гросс-Дюбен. Отражая непрерывные контратаки противника, наши части, хотя и медленно, продвигались вперед. Наибольший успех имели 95-я и 13-я гвардейские стрелковые дивизии. Решительной атакой с севера и юго-востока части дивизий ворвались в Черниц, овладели им и тем самым открыли возможность для развития наступления вдоль шоссе Черниц, Шпремберг; это существенно повлияло на дальнейшую устойчивость фашистских войск на второй полосе обороны на шпрембергском направлении. К исходу этого дня соединения 32-го гвардейского стрелкового корпуса прорвали вторую полосу вражеской обороны и продвинулись на своем левом фланге почти до Шпрее.

Темп наступления 34-го гвардейского стрелкового корпуса был несколько меньшим, так как он действовал в широкой 15-километровой полосе и в лесисто-болотистой местности.

Особенно ожесточенные бои пришлось вести частям этого корпуса в районах Кеула и на северной окраине Вейсвассера. Опираясь на эти узлы сопротивления, противник предпринимал неоднократные контратаки, создавая непосредственную угрозу выхода в тыл главной группировке армии.

В боях за город Вейсвассер активно действовали подразделения 58-й гвардейской стрелковой дивизии, части 4-го гвардейского танкового корпуса. Тесно взаимодействуя между собой, они овладели рядом важных населенных пунктов и высот, превращенных в узлы обороны.

В итоге второго дня боевых действий армия прорвала тактическую зону обороны на главном направлении. Левофланговые соединения сумели лишь подойти ко второй полосе и завязать бои за крупный узел сопротивления противника — город Вейсвассер. 13-я армия — наш сосед справа — добилась несколько лучших результатов. Соседние соединения 2-й армии Войска Польского еще вели борьбу за главную полосу, что обязывало нас серьезно заботиться об обеспечении левого фланга армии.

В целом и у нас и у соседа справа — 13-й армии — складывалась благоприятная обстановка для стремительного продвижения вперед.

Верховное Главнокомандование решило немедленно воспользоваться этим. Командующему 1-м Украинским фронтом было дано указание в течение ночи на 18 апреля форсировать Шпрее и двумя танковыми (3-й и 4-й) армиями развивать наступление в северо-западном направлении с целью нанести удар по Берлину с юга, охватить город с юго-запада и во взаимодействии с 1-м Белорусским фронтом полностью окружить всю берлинскую группировку врага.

Ночью 17 апреля маршал Конев обратился ко всем красноармейцам, сержантам и офицерам инженерно-саперных войск с призывом обеспечить быстрее и организованнее форсирование реки: «Родина ваших героических дел не забудет. Саперы! Смелее и решительнее штурмуйте последнее водное препятствие на путях к Берлину. Открывайте безостановочный путь нашим славным войскам»[72].

Это обращение командующего фронтом и новые ответственные задачи, поставленные перед танковыми войсками, по разгрому берлинской группировки врага были восприняты всем личным составом армии с большим воодушевлением. Каждое подразделение, каждая часть стремились скорее выйти к Шпрее, форсировать ее и прорвать последнюю полосу вражеской обороны. Соединения армии и взаимодействовавшие с ними 6-й

гвардейский механизированный корпус 4-й гвардейской танковой армии и 4-й гвардейский танковый корпус не прекращали наступления в ночь на 18 апреля, уверенно продвигаясь вперед.

Гитлеровское командование пыталось остановить наши войска и удержаться на третьей полосе, имея впереди речную преграду. Оно выдвинуло на эту полосу запасной пехотный полк, части 344-й пехотной дивизии и 10-ю танковую дивизию СС. В район западнее Шпремберга начали прибывать части 2-й моторизованной дивизии «Герман Геринг», а в район Котбуса — части 214-й пехотной дивизии. Кроме того, противнику удалось сколотить довольно мощную группировку танковых войск и пехоты в районе Гёрлица, откуда гитлеровцы намеревались нанести контрудар по левому флангу ударной группировки фронта. Напряженная борьба в полосе нашей армии, особенно на флангах, приобрела еще большую остроту. Враг предпринял ряд ожесточенных контратак пехотой с танками. И, несмотря на это, части и соединения армии, отбивая их, в ходе упорных ночных боев сумели овладеть рядом важных опорных пунктов на подступах к Шпрембергу и реке Шпрее, в том числе Шёнхейде, Грауштайн, Требендорф и северо-западной частью города Вейсвассер. Ворваться в Шпремберг с ходу и выйти к реке Шпрее правофланговой 95-й гвардейской стрелковой дивизии не удалось. Части танковой дивизии немцев «Охрана фюрера» и 10-й танковой дивизии СС, опираясь на заранее подготовленную оборону, оказали ожесточенное сопротивление. Тем не менее к утру 18 апреля на левом фланге 97-я и 13-я гвардейские стрелковые дивизии 32-го гвардейского стрелкового корпуса, 4-й гвардейский танковый корпус и две (15-я и 58-я) дивизии 34-го гвардейского стрелкового корпуса вышли к реке Шпрее и с ходу форсировали ее на участке от Шпреевитца до Тцшельна. К исходу 18 апреля соединения 4-го танкового и 34-го стрелкового гвардейских корпусов прорвали третью полосу немецкой обороны и продвинулись за день на 16–17 км. Для обеспечения открытого левого фланга 34-му корпусу пришлось растянуться на 30-километровом фронте.

Следует отметить, что на призыв командующего фронтом инженерные войска ответили беспримерным героизмом и самоотверженным трудом. 18 апреля ими было наведено четыре моста через Шпрее, а в последующие дни в полосе главной группировки фронта их было построено несколько десятков. Быстрая наводка мостов обеспечила своевременную переправу главных сил 5-й гвардейской армии на западный берег, что создало благоприятные условия для развития успеха путем ввода вторых эшелонов и подвижных войск фронта и армии, перехода к

преследованию, расчленению фронта немецко-фашистских войск и дальнейшему разгрому их порознь.

В создавшейся обстановке 3-я и 4-я гвардейские танковые армии, 3-я гвардейская и часть сил 13-й общевойсковой армии приступили к выполнению задачи по окружению берлинской группировки противника. В направлении южнее Берлина вводилась и 28-я армия — второй эшелон фронта.

Задача 5-й гвардейской армии оставалась прежней — развивать стремительное наступление на запад, соединиться с американскими войсками на Эльбе и обеспечить действия главной группировки войск фронта от ударов с юга. Однако, для того чтобы выполнить поставленную задачу, надо было быстрее ликвидировать шпрембергский узел сопротивления с находящейся там группировкой немецко-фашистских войск, а также разгромить противника в районе Вейсвассера и в лесном массиве Мускауэрфорст, чтобы создать устойчивое положение на стыке со 2-й армией Войска Польского.

Для разгрома врага в выступе восточнее Шпремберга 19 апреля была введена 78-я гвардейская стрелковая дивизия генерала З. Г. Трофимова; 9-я гвардейская воздушно-десантная дивизия и 118-я стрелковая дивизия 33-го гвардейского стрелкового корпуса выдвигались вперед для штурма Шпремберга с утра 20 апреля. В результате этих боев к исходу дня войска армии значительно продвинулись на запад, разгромили гитлеровцев в районе Грауштайна, полностью овладели городом Вейсвассер и отбросили противника на юго-запад. Шпрембергская группировка оказалась в полуокружении, она была охвачена нашими частями с юга, а части 13-й армии охватили ее с севера. По фашисты все же продолжали удерживать Шпремберг — крупный узел шоссейных дорог.

В этот день к нам на КП армии прибыл командующий фронтом маршал И. С. Конев. С удовлетворением отметив общий успешный ход событий, он одновременно подчеркнул:

— На флангах вашей ударной группировки, слева — на стыке со 2-й армией Войска Польского и справа — в районе Котбуса, а также в районе Шпремберга, складывается не вполне нормальное положение. Необходимо разгромить эти узлы сопротивления, ибо, опираясь на них, противник уже начал проводить контрудары по нашим наступающим войскам. Задача армии на 20 апреля — массированными ударами артиллерии и действиями стрелковых соединений при поддержке авиации в течение дня уничтожить сдерживающую наше продвижение шпрембергскую группировку противника. Соответствующие указания даны и вашему соседу — 13-й армии.

20 апреля в 11 часов после мощной тридцатиминутной артиллерийской подготовки, в которой участвовало более 1100 орудий и около 150 установок гвардейских минометов[73] и ударов авиации соединения 33-го гвардейского стрелкового корпуса начали штурм Шпремберга и буквально в течение нескольких часов овладели городом и продвинулись на 5–6 км на запад. Взаимодействуя с частями 24-го корпуса 13-й армии, они завершили окружение шпрембергской группировки численностью до 5000 человек[74] в лесу западнее города и 21 апреля закончили ликвидацию ее разрозненных частей.

Таким образом, к 22 апреля основные силы противника, оборонявшиеся в полосе армии, были разбиты. В последующие дни остатки вражеских частей, а также различные фольксштурмбатальоны и спецчасти в беспорядке отходили в западном и юго-западном направлениях.

К этому времени в оперативном построении армии появился ряд негативных моментов: на правом фланге 33-й гвардейский стрелковый корпус генерала II. Ф. Лебеденко закончил ликвидацию шпрембергской группировки во взаимодействии с войсками 13-й армии; 4-й гвардейский танковый и 32-й гвардейский стрелковый корпуса развивали наступление на запад, а левофланговый 34-й гвардейский стрелковый корпус растянулся на фронте свыше 60 км, отражая контратаки противника на стыке со 2-й армией Войска Польского. Чтобы выправить положение на этом участке, 22 апреля 33-й гвардейский стрелковый корпус, усиленный 150-й отдельной танковой бригадой полковника М. Т. Шевченко, был брошен для ликвидации противника в этом районе. После этого маневра 34-й корпус в полном составе устремился к Эльбе.

С 16 часов 22 апреля командование установило новую разграничительную линию между 5-й гвардейской армией и 2-й армией Войска Польского — до Виттихенау прежняя, а далее — на Ризу на Эльбе[75].

Фронт, на котором мы действовали, стал уже, и это создало возможность как для быстрейшего выхода на Эльбу, так и для обеспечения левого фланга. Используя это, главные силы армии, стремительно продвигаясь по 30–40 км в сутки, передовыми частями к утру, а главными силами к исходу дня 23 апреля вышли на Эльбу на участке Эльштер, Преттин, Торгау, Риза[76].

В донесениях наших передовых частей, вышедших 23 апреля на Эльбу, в тех пунктах, которые я назвал, присутствия американских частей не отмечалось. Только 25 апреля 1945 года, к величайшей и искренней радости наших воинов, состоялась эта историческая встреча.

Как же это произошло?

25 апреля в 13 часов 30 минут в районе Стрела, северо-западнее Ризы, воины 7-й роты 173-го гвардейского стрелкового полка 58-й гвардейской дивизии во главе с командиром роты гвардии старшим лейтенантом Григорием Степановичем Голобородько, в прошлом полтавским слесарем, заметили группу военных, двигавшуюся с запада. Наши по привычке насторожились, но солдатское чутье подсказало им, что там. впереди, не те, с кем они дрались на протяжении всей войны. Все же, приняв боевой порядок, подразделение Голобородько двинулось навстречу неизвестным. Как вскоре оказалось, это была разведгруппа 69-й пехотной дивизии 1-й американской армии. Разведгруппой командовал первый лейтенант Л. Коцебу, бывший студент из Техаса, с ним были сержанты и солдаты Д. Полонский, М. Шульман, Г. Ситник (награжденный впоследствии нашим орденом Красной Звезды), Форестер и другие.

Примерно на час позже в районе Торгау воины 2-го батальона 173-го гвардейского стрелкового полка той же 58-й гвардейской дивизии заметили, что с колокольни городской церкви подает сигналы какой-то человек в военной форме. Гвардии лейтенант А. С. Сельвашко попытался объясниться с ним по-немецки, но из этого ничего не вышло. Наши солдаты сделали несколько выстрелов в воздух и вдруг услышали знакомые слова: «Москва — Америка!» Нашим красноармейцам стало ясно, что на церковной колокольне американец. Это был солдат той же 69-й пехотной дивизии. Затем подошел офицер, который заявил, что они являются разведчиками 69-й пехотной дивизии 1-й американской армии, и попросил нашего офицера съездить с ним в штаб батальона, находившийся километрах в пятнадцати от места встречи.

Как потом выяснилось, это была группа младшего лейтенанта Уильяма Д. Робертсона.

«Мы понимали, что советские войска были близко, что война близится к концу, — рассказывал впоследствии Робертсон. — были возбуждены этим и, наверное, увлеклись и нарушили приказ начальства не удаляться дальше чем на 10 километров от основных сил дивизии и… вкатились в город Торгау. И тут попали под обстрел засевших в домах немецких снайперов… Уходя из-под огня, наш джип на бешеной скорости колесил по пустынным улицам города. Неожиданно влетели на территорию лагеря военнопленных, И вдруг стрельба прекратилась, недалеко разорвался снаряд. «Русские! Советские! Красная Армия!» — кричали военнопленные, показывая руками на Эльбу. Из-за реки била советская артиллерия. Мы вывесили свой «флаг» на башню

городского замка. Стрельба из-за реки прекратилась… Оттуда взвилась красная ракета.

Я едва не заплакал от досады, По уговору между союзниками я должен был ответить зеленой ракетой, но у меня ее не было. Ведь, отправляясь в разведку, не думали мы, что встретим передовые советские части. По нашим расчетам, они еще не должны были выйти к Эльбе. Начали кричать: «Америка! Россия! Товарищ!»…Помог русский военнопленный. На том берегу ему поверили. Из-за леса появились советские солдаты. Они бежали к мосту, накануне взорванному немцами. Не помня себя от радости, я тоже побежал к мосту…»

А в 23 часа 20 минут 25 апреля наши представители в составе «заместителя командира 173-го гвардейского стрелкового полка по строевой части гвардии майора Илларионова, командира 2-го стрелкового батальона этого же полка гвардии капитана Неда, гвардии лейтенанта Сельвашина, гвардии сержанта Андреева прибыли в штаб 69-й пехотной дивизии, который находился в 40 км западнее реки Эльба…» [77].

Встречи наших и американских солдат и офицеров были лучшим свидетельством боевой дружбы, взаимного интереса друг к другу, общей радости от сознания, что война кончается, что полный разгром гитлеровской Германии уже не за горами. Солдаты и офицеры союзных армий крепко обнимались, дарили друг другу сувениры. Через несколько минут у многих наших гвардейцев были срезаны пуговицы с шинелей и гимнастерок, сняты звездочки с фуражек. Американских солдат особенно интересовали наши гвардейские знаки и медали «За оборону Сталинграда». Тут же расстилались на земле плащ-палатки, и на них появлялись консервы, хлеб, водка, виски. Поднимались тосты за встречу, за победу, за мир, дружбу. Трудно было с языком, но поистине с солдатской находчивостью наши и американцы как-то ухитрялись объясняться друг с другом. То там, то тут завязывались дружеские беседы, солдаты рассказывали о боевых делах, показывали друг другу фотокарточки жен и детей, вместе фотографировались, обменивались автографами.

Вечером 25 апреля штабные офицеры 58-й гвардейской стрелковой дивизии связались со штабом 69-й американской пехотной дивизии, а 26 апреля прямые контакты установили между собой командир полка этой дивизии и командир нашего 173-го гвардейского полка. Документ, хранящийся в архиве, так повествует об этой встрече: «…В 11 часов дня на мосту через реку Эльба в районе Торгау состоялась встреча… Как с нашей стороны, так и с американской кроме командиров полков присутствовали другие офицеры. При встрече тов. Рогов и командир

американского полка обменялись краткими приветственными речами. Оба подчеркнули необходимость путем крепкой дружбы между обоими народами и армиями и общими усилиями ускорить полный разгром гитлеровской Германии…

Во второй половине дня встретились командир 58-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии генерал-майор Русаков и командир 69-й американской дивизии генерал-майор Рейнхардт. При встрече присутствовали: с нашей стороны — начальник штаба дивизии гвардии подполковник Рудник, командир 173-го гвардейского стрелкового полка гвардии майор Рогов и другие офицеры; с американской — заместитель командира дивизии бригадный генерал Марест, начальник штаба дивизии полковник Пилинч, а также подполковники Лири и Снид. На встрече присутствовало около 70 журналистов американских, английских, французских и советских газет, несколько кинорепортеров. На приеме гвардии генерал-майор Русаков и генерал-майор Рейнхардт обменялись приветственными речами. Американский генерал в своей речи заявил:

— Я переживаю самые радостные дни в моей жизни. Я горд и счастлив, что моей дивизии посчастливилось первой встретиться с частями героической Красной Армии. На территории Германии встретились две великие союзные армии.

В ответной речи гвардии генерал-майор Русаков сказал:

— Наступил долгожданный и радостный день. На территории Германии встретились две великие армии. Героическая Красная Армия прошла большой путь напряженной борьбы и славных побед. Мы рады встретить союзные американские войска на территории вражеской Германии. Встреча двух союзных армий является большим историческим событием в борьбе с гитлеровской Германией. Пусть эта встреча послужит залогом быстрейшего и окончательного разгрома гитлеровской армии и установления прочного мира.

Затем генерал-майор Рейнхардт вручил генералу Русакову национальный американский флаг.

Прием, устроенный гвардии генерал-майором Русаковым, прошел в исключительно теплой и дружеской атмосфере. Командование американской дивизии, а также сопровождающие его офицеры 1-й армии выражали восхищение героическими подвигами русской армии.

На приеме генерал Рейнхардт провозгласил тост за здоровье и во славу руководителя и вдохновителя побед Красной Армии Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза Сталина…»[78].

26 апреля в 18 часов произошла встреча наших войск с

союзными войсками и на участке 118-й стрелковой дивизии (на западном берегу Эльбы в районе города Презитц). Здесь первыми с нашей стороны встретились с представителями американской армии командир 1-й стрелковой роты 527-го стрелкового полка капитан Ушаков и командир взвода этой же роты лейтенант Кондратов. К боевым порядкам нашего подразделения подъехала на «виллисе» группа американских солдат во главе с лейтенантом Шинком. Их встретили наши солдаты, а затем офицеры Ушаков и Кондратов. Это были разведчики 104-й пехотной дивизии американцев, которой командовал генерал-майор Эллен. Воины обеих армий сначала по-воински приветствовали друг друга, а потом последовали солдатские рукопожатия[79].

27 апреля в населенном пункте Вердау встретились командир 34-го гвардейского стрелкового корпуса генерал Бакланов и командир 5-го американского корпуса генерал-майор Хюбнер. Встреча прошла в дружеской обстановке. «Это самый счастливый день в моей жизни и самый радостный для американских солдат и офицеров — встретиться с русской армией в Германии, здесь, на берегу Эльбы», — сказал в своей приветственной речи генерал Хюбнер.

Генерал Бакланов, вручая командиру американского корпуса знамя с изображением медали «За оборону Сталинграда», заявил: «Передаю вам знамя, пронесенное частями корпуса от Сталинграда до Эльбы».

Таким образом, за две недели до конца войны в Европе в районе Торгау встретились соединения 5-й гвардейской армии с частями 1-й американской армии, которой командовал генерал К, Ходжес. А вскоре на линии Висмар, Шверин, Виттенберг войска 2-го Белорусского фронта встретились с соединениями английской армии.

Это событие было очень важным. Оно отмечено 27 апреля в приказе № 346 Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза И. В. Сталина. В нем говорилось: «Войска 1-го Украинского фронта и союзные нам англо-американские войска ударом с востока и запада рассекли фронт немецких войск и 25 апреля в 13 часов 30 минут соединились в центре Германии, в районе города Торгау. Тем самым немецкие войска, находящиеся в Северной Германии, отрезаны от немецких войск в южных районах Германии…»[80].

Вечером этого дня столица нашей Родины Москва в ознаменование одержанной победы и в честь такого исторического события от имени Родины салютовала доблестным войскам 1-го Украинского фронта и союзным нам англо-американским войскам двадцатью четырьмя артиллерийскими

залпами из трехсот двадцати четырех орудий.

В связи с этим событием 25 апреля 1945 года президент США Г. Трумэн писал И. В. Сталину: «Соединение нашего оружия в сердце Германии имеет для всего мира значение, которое не останется не замеченным им… Пароды, которые могут вместе разрабатывать планы и вместе сражаться плечом к плечу перед лицом таких препятствий, как расстояние, языковые различия и трудности коммуникаций, какие преодолели мы, могут вместе жить и могут сотрудничать в общем деле организации мира во всем мире…»[81].

Расчеты Гитлера на разлад между союзниками по антигитлеровской коалиции не оправдались.

В те дни мне самому, к сожалению, не привелось побеседовать с нашими американскими союзниками: был занят организацией отражения контрудара немецко-фашистских войск. Два из трех наших корпусов, вышедших 23 апреля на Эльбу, перебрасывались в это время на левый фланг армии, где по нашему соседу слева гёрлицкая группировка немцев нанесла сильный контрудар. О встрече на Эльбе 25 апреля у Торгау мне доложили по телефону на наблюдательный пункт в район боевых действий в самый разгар боя. Только через несколько дней, когда гёрлицкая группировка была сначала остановлена, а потом разбита, я смог наконец выехать на Эльбу.

30 апреля мы провели почти весь день с командующим 1-й американской армией генералом К. Ходжесом. Прошло более 30 лет с того памятного дня, но я, как сейчас, помню генерала Ходжеса — уже немолодого, с виду сурового, но, как выяснилось потом, доброго, немногословного, собранного и подтянутого человека. Наши беседы дают мне основания предполагать, что он был талантливый военачальник. В каждом его жесте, слове сквозила радость одержанной победы.

Генерала Ходжеса сопровождали начальник штаба армии генерал-майор Кии, командующий артиллерией армии бригадный генерал Харт, командующий авиакорпусом бригадный генерал Стерли, еще несколько генералов, 15 офицеров и около 70 корреспондентов. С нашей стороны присутствовали члены Военного совета армии генерал-майоры А. М. Кривулин и П. Е. Сухарев, начальник штаба генерал-майор Н. И. Лямин, командующий артиллерией генерал-майор Г. В. Полуэктов, генералы Ф. А. Катков, Д. С. Чупрыгин, М. В. Метелкин, Ф. Г. Подолынный, Г. В. Бакланов, А. И. Родимцев и примерно столько же офицеров, сколько и с американской стороны, а также представители Генерального штаба — генерал-майор Солодовников, Главного политического управления — полковник

Месропов, писатель Константин Симонов, представитель ТАСС при 1-й американской армии майор Жданов, корреспонденты «Известий» — Полторацкий, «Красной звезды» — Кривицкий, ТАСС — Ошаровский, Совинформбюро — Навозов, кинооператоры Бунимович, Горбенко, Фролов, Могилевский, Кутубзасул.

После отдания воинских почестей в большом зале мы знакомились друг с другом, делились боевыми воспоминаниями. Генерал Ходжес и я коротко рассказали о пути, пройденном нашими армиями за годы войны с фашистской Германией.

Генерал Ходжес, другие генералы расспрашивали о боях под Москвой, под Сталинградом, на Курской дуге, о других операциях. Они отмечали стойкость, массовый героизм советских войск в обороне, грандиозные масштабы и высокие темпы наших наступательных операций. Говорили о том, что очень быстро почувствовали, как слабеет натиск фашистов в Арденнах после того, как по просьбе союзного командования советские войска в январе 1945 года на Висле раньше намеченного срока перешли в стремительное наступление и нанесли гитлеровской армии сокрушительное поражение. Наших гостей очень интересовала та роль, которую сыграла помощь, оказанная США в ходе войны Советскому Союзу, в частности, они спрашивали, какое американское вооружение и техника поступали именно к нам, в 5-ю гвардейскую армию.

За высокую оценку боевых действий наших войск нам оставалось только поблагодарить, а относительно американского оружия и техники я просто сказал, как оно было на самом деле. В 1942 году к нам поступило небольшое количество танков «Валентайн», «Черчилль» и зенитные средства, тоже в весьма ограниченном количестве. В течение всей войны войска армии получали оружие и боевую технику только советского производства.

Мы предложили американцам побывать в любой из наших дивизий и лично убедиться в сказанном. Вместе с тем мы по-доброму отозвались о хорошо послуживших нам американских автомобилях — «доджах», «виллисах» и особенно «студебеккерах». За них мы сказали американцам наше солдатское спасибо.

Во время товарищеского обеда провозглашались здравицы за победу, за дружбу между народами, за прочный мир. В ходе обеда выступали участники нашей армейской художественной самодеятельности. Особенно понравились американцам русские народные песни и пляски.

Мы с генералом К. Ходжесом обменялись приветственными речами. В своем выступлении я сказал:

«— Господин генерал, господа, товарищи! В этот великий исторический час, когда победоносные вооруженные силы союзных держав обмениваются рукопожатиями на германской земле, позвольте мне в вашем лице от всей души приветствовать доблестных американских и британских воинов, которые вместе с Красной Армией завершают дело окончательного разгрома немецко-фашистских агрессоров.

Бойцы и офицеры бессмертного Сталинграда всегда с живейшим интересом и глубоким уважением следили за боевыми действиями наших англо-американских союзников по оружию на других фронтах второй мировой войны и радовались их крепнущей боевой мощи. Мы особенно ценим воинскую доблесть и искусство англо-американских войск, которые вместе с нами сражаются за общее дело…

Переживаемый нами момент — один из счастливейших в нашей боевой жизни. Мы ждали его и всегда были уверены в том, что он придет. Соединение наших сил в центре Германии еще раз свидетельствует о том, что боевое содружество наших народов является действительно победным содружеством, могущим преодолеть любые трудности, любые препятствия.

Наша задача и наш долг сегодня — добить врага, принудить его сложить оружие и безоговорочно капитулировать. Эту задачу и этот долг перед нашим народом и перед всеми свободолюбивыми народами Красная Армия выполнит до конца…

В ответном слове генерал К. Ходжес заявил:

— Сегодня в центре Германии встретились представители русской 5-й гвардейской армии и 1-й американской армии. Все мы долго ждали этого счастливого дня.

Вы сумели победить более сильного врага. Вы приблизились к центру Германии, перешагнув через Одер. Германия разгромлена…

Мы всегда будем помнить, что сделала Красная Армия для победы, и в частности ваша армия…

Я преподношу русской 5-й гвардейской армии наше знамя. Это знамя мы пронесли от Америки через Атлантический океан в Англию и через Ла-Манш в Нормандию, через всю Францию, Бельгию до центра Германии, где мы встретились с вами на берегу Эльбы.

Передавая вам знамя, я передаю вам и офицерам вашей армии мою любовь и уважение»[82].

Я выразил генералу Ходжесу нашу солдатскую благодарность за его добрые слова в адрес Советских Вооруженных Силы добавил:

«— В этот долгожданный и радостный день, когда

встретились на Эльбе две армии великих народов, мы преисполнены радости за наши союзные отношения, за наших славных воинов. Доблестная Красная Армия прошла огромный, трудный и победоносный путь войны и завершает ого вместе с нашими союзниками полным разгромом фашистской Германии. Пусть эта встреча будет залогом установления прочного и длительного мира на нашей планете. Позвольте преподнести вам альбом с медалью «За оборону Сталинграда» как символ наших побед и как свидетельство моих добрых чувств и искреннего уважения лично к вам, к солдатам и офицерам вашей армии»[83].

От имени личного состава армии я подарил Ходжесу также именной пистолет ТТ, а мне вручили автомашину «виллис». В годы, когда я был начальником Военной академии имени М. В. Фрунзе, эта машина была передана автохозяйству дома отдыха академии в Крыму.

При въезде в Торгау, на западном берегу реки Эльба, установлен памятник-обелиск. На нем начертаны слова: «Слава победоносной Красной Армии и доблестным войскам наших союзников, одержавшим победу над фашистской Германией». И многие, кто проезжает через эльбинский мост, обязательно сворачивают к обелиску, чтобы минутой молчания отдать дань уважения победителям над фашизмом.

Запомнилась мне еще одна встреча — с командующим 12-й армейской группой американских войск генералом Омаром Брэдли на командном пункте 1-го Украинского фронта неподалеку от Торгау. Маршал И, С. Конев и О, Брэдли были в приподнятом настроении, встреча носила характер и официальный, и дружеский. В то время американскому военачальнику было около шестидесяти лет, это был крепкий спокойный человек. Мы не раз с большим удовлетворением выслушивали его теплые слова о нашем народе, воинах Красной Армии, их мужестве, стойкости, воинской доблести, он высоко оцепил вклад советских солдат в завершающие сражения второй мировой войны, в разгром сильного и коварного противника.

Поэтому теперь, перечитывая воспоминания О. Брэдли, как-то не веришь, что он мог высказать в адрес советских воинов такое неуважение: «Шел уже двенадцатый день нашего сидения на Эльбе, и мы все еще не имели никаких признаков, предвещающих появление этих загадочных русских»[84].

Не буду в связи с этой фразой говорить о том, с каким нетерпением мы не двенадцать дней, а два с лишним года ждали открытия нашими союзниками второго фронта в Европе. Скажу другое — в таких делах нужны правдивость и точность.

Не могу не выразить своего отношения и к другому

высказыванию генерала О. Брэдли, которое появилось спустя много лет после встреч 1945 года, очевидно под влиянием ветров «холодной войны».

«На первой товарищеской встрече со своими западными союзниками советские офицеры приветствовали нас шумно и весело. Это был недолгий прилив добрых чувств, который продолжался до тех пор, пока Кремль резко не оборвал все связи с Западом»[85].

Эти слова удивляют меня, потому что генералу Брэдли были хорошо известны наши последующие неоднократные встречи с американским командованием и дружеский характер этих встреч.

Приведу некоторые факты, опровергающие заявления тех, кто пытается затруднить процесс разрядки международной напряженности, исказить истинное развитие событий.

После завершения Пражской наступательной операции, закончившейся разгромом группировки Шернера и освобождением братской Чехословакии, мы снова встретились с воинами 1-й американской армии и ее командующим генералом Ходжесом в Лейпциге, где вручались ордена и медали американским военнослужащим, награжденным правительством Советского Союза, и советским военнослужащим, награжденным президентом Соединенных Штатов Америки. Встреча была организована торжественно, на площади были выстроены почетный караул и войска гарнизона.

После обмена приветствиями состоялось вручение орденов. Генералу К. Ходжесу я вручил орден Суворова 1 степени. Начальник штаба 1-й армии генерал В. Кин был удостоен ордена Суворова II степени, таким же орденом был награжден командир 69-й пехотной дивизии генерал Е. Рейнхардт. Командиру взвода младшему лейтенанту У. Робертсону был вручен орден Александра Невского. На груди других американских солдат и офицеров засияли ордена Отечественной войны I и II степени, Славы III степени, Красной Звезды и другие боевые награды. Многим советским воинам были вручены американские награды. Орден Легиона офицерской чести был вручен командиру 58-й гвардейской стрелковой дивизии генералу В. Русакову, начальнику штаба подполковнику С. Руднику, начальнику политотдела полковнику И. Карповичу, командирам полков Е. Рогову, А. Гордееву, Ю. Кондратенко, А. Демидовичу и многим другим. Мне был вручен орден Командора первой степени.

Встреча в Лейпциге была важным событием в жизни американских и советских военнослужащих, союзников по оружию в борьбе против нацизма. В те майские победные дни они клялись хранить и укреплять дружеские связи между нашими

народами, никогда не поднимать оружия друг против друга, укреплять мир на земле. К сожалению, далеко не все сложилось в послевоенном мире так, как хотели этого простые люди: американские империалисты не раз втягивали свою страну в разного рода авантюры. Тем с большим удовлетворением ныне народы всего мира воспринимают ставшие возможными благодаря твердой и последовательной миролюбивой политике Советского Союза благотворные перемены в международной обстановке.

Как-то я прочитал в «Правде», что участник встречи на Эльбе, бывший офицер разведывательной службы 273-го полка 69-й американской пехотной дивизии, младший лейтенант Уильям Робертсон работает теперь профессором нейрохирургии Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. Прочитал о том, с какой теплотой он вспоминает о встрече на Эльбе, и о том, что его дети разделяют чувства отца.

Мне, старому солдату, было отрадно узнать, что врученный в 1945 году младшему лейтенанту Робертсону боевой орден Александра Невского и сейчас, более чем через 30 лет, составляет предмет гордости этого человека — представителя одной из гуманнейших профессий.

В его квартире на стене на самом видном месте висит под стеклом удостоверение: «Младший лейтенант Уильям Д. Робертсон приказом по войскам 1-го Украинского фронта № 060 от 13 мая 1945 года награждается орденом Александра Невского. Орден № 27357. Командующий войсками 1-го Украинского фронта Маршал Советского Союза И. Конев».

«Кто вручал вам орден?» — спросили его.

«Командир 58-й гвардейской стрелковой дивизии генерал Русаков», — ответил Робертсон.

«Спроси меня сейчас всевышний, — сказал Робертсон нашему корреспонденту, — «Уильям, какой день из своей жизни ты хотел бы пережить снова?» — и я бы ответил: «Тот, когда я обнял русского солдата на середине взорванного моста через Эльбу…»

Что ж, приятно узнать такое. Мы воевали вместе против фашизма, ради мира на земле. И пусть никогда не забывают сыновья подвиги отцов, пусть наши дети, внуки и правнуки никогда не испытают ужасов войны.

С выходом на Эльбу 5-я гвардейская армия полностью выполнила задачу, возложенную на нее по плану Берлинской операции. Фактически за семь дней непрерывных наступательных боев армия продвинулась на 150 км, овладела 9 городами и 275 другими населенными пунктами, превращенными гитлеровцами в узлы сопротивления и опорные пункты[86].

Генералы и офицеры явились подлинными мастерами организации и ведения сложного наступательного боя. Вооруженные передовой военной теорией, они правильно понимали условия обстановки и применения на поле боя всех современных родов войск в соответствии с их возможностями и местом в общевойсковом бою, умело использовали первоклассное вооружение и высокое политико-моральное состояние подразделений, частей и соединений для достижения победы над врагом.

Личный пример коммунистов и большая воспитательная работа партийных организаций и политорганов армии явились одним из важнейших условий достижения победы над врагом. Многие беспартийные солдаты и офицеры хотели идти в бой коммунистами или комсомольцами. Об этом свидетельствует тот факт, что только за апрель в войсках армии было принято в партию 1054 человека[87]. Успешному выполнению боевых задач способствовала также высокая слаженность и согласованность в действиях основных соединений армии как между собой, так и с соединениями, приданными армии в качестве средств усиления. Почти три года в армию входили одни и те же корпуса, дивизии и отдельные части. Положительным было то, что во многих операциях 1943–1945 годов армия получала на усиление одни и те же артиллерийские, танковые, механизированные и даже авиационные соединения. Например, 7-й артиллерийский корпус генерала П. М. Королькова, 3-ю гвардейскую минометную дивизию генерала П. В. Колесникова, 1-й штурмовой авиационный корпус генерала В. Г. Рязанова, 6-й гвардейский истребительный авиационный корпус генерала А. В. Утина.

Мы хорошо знали их боевые качества, и они прекрасно понимали наши требования, были знакомы со всеми командирами соединений и даже частей армии. Это, безусловно, способствовало успешному решению боевых задач.

Глава девятая…И последняя, Пражская операция

Поворот армии на юг. Подготовка операции за четыре дня и ее особенности. Впереди Дрезден. Ультиматум советского командования. Спасение картин Дрезденской галереи. Вперед на Прагу! Вновь стремительно продвигаются передовые отряды. На братской чехословацкой земле. Победа! Новые встречи с американцами.

Шли последние дни войны. 2 мая 1945 года пал Берлин — центр германского милитаризма и агрессии. Капитулировавшие в Берлине фашистские войска колоннами тянулись в восточном направлении в лагеря для военнопленных. На западном фронте к этому времени каких-либо серьезных боевых действий не велось. Между тем остались две сильные и боеспособные группы немецко-фашистских армий — «Центр» и «Австрия», отказавшиеся капитулировать перед советскими войсками; располагаясь в основном на территории Чехословакии, они имели в своем составе свыше миллиона солдат и офицеров, составлявших 62 дивизии, в том числе 16 танковых и моторизованных, 35 отдельных полков и 120 отдельных батальонов. На их вооружении имелось 9700 орудий и минометов, 2200 танков и штурмовых орудий, около 1000 боевых самолетов. Все эти силы входили в состав трех танковых (1, 4 и 6-я СС) и двух полевых (17-я и 8-я) армий, сведенных в группу армий «Центр»[88].

По замыслу нового, наскоро сформированного после самоубийства Гитлера «правительства» фашистской Германии во главе с гросс-адмиралом Деницем эта группировка должна была возможно дольше удержать за собой районы Западной и Центральной Чехословакии, продолжая всеми силами и средствами борьбу на восточном фронте, чтобы обеспечить себе отход на запад и капитуляцию перед американцами.

Для этого уже были завязаны отношения с американо-английским командованием. С особой наглядностью это подтверждается материалами совещания «правительства» фашистской Германии от 3 мая 1945 года, на котором присутствовали Кейтель и Йодль. На нем было решено срочно провести следующие мероприятия: «а) попытаться разрядить внутриполитическую обстановку путем объявления Праги открытым городом; б) испробовать внешнеполитические возможности путем отправки к Эйзенхауэру одного немецкого и

одного чешского (из кругов чешской буржуазии) представителей»[89]. Отмечая безнадежность положения группы армий «Центр», которой командовал генерал-фельдмаршал Шернер, участники совещания отметили, что ее капитуляция «невозможна, так как в этом случае вся она полностью окажется во власти русских».

Таковы были планы и намерения немецко-фашистского командования.

Позиция же правительств Англии и США по отношению к Чехословакии наиболее полно видна из послания У. Черчилля Г. Трумэну от 30 апреля 1945 года: «Можно почти не сомневаться в том, что освобождение нашими войсками Праги и как можно большей территории Западной Чехословакии может полностью изменить послевоенное положение в Чехословакии и вполне может к тому же повлиять на соседние страны»[90].

Исходя из таких соображений правительственных кругов, англо-американское командование, как увидим ниже, вопреки существовавшей союзнической договоренности стремилось к оккупации чехословацкой столицы и западных областей страны, намереваясь во что бы то ни стало сохранить в Чехословакии капиталистические порядки.

К этому времени в Чехословакии еще более активизировалось всенародное антифашистское и партизанское движение, а в Праге широким фронтом шла подготовка вооруженного восстания.

Чтобы в кратчайший срок разгромить миллионную группировку немецко-фашистских войск Шернера, уходящую из Чехословакии, взять Прагу и спасти город от разрушений, Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение в кратчайший срок организовать и провести операцию с нанесением нескольких мощных и стремительных ударов по сходящимся направлениям.

Решение этой задачи возлагалось на войска 1, 4 и 2-го Украинских фронтов, которыми соответственно командовали Маршал Советского Союза И. С. Конев, генерал армии А. И. Еременко и Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский. При этом успешное выполнение поставленной задачи во многом зависело от быстрого сосредоточения войск 1-го Украинского фронта на дрезденско-пражском направлении и нанесения ими стремительного и сокрушительного удара с северо-запада на Прагу.

Фронт занимал выгодное оперативное положение, нависая своим правым крылом над вражеской группировкой и имея плацдарм на Эльбе юго-западнее Ризы, что давало ему возможность нанести удар по кратчайшему направлению во фланг и тыл этой группировки и отрезать ей пути отхода на

запад; имел для выполнения этой задачи достаточные силы, особенно танковые армии, отдельные танковые и механизированные корпуса, обладавшие большой ударной силой и подвижностью, артиллерийские соединения, сильную воздушную армию.

Естественно, что в этой главе я не ставлю своей целью осветить действия всех трех фронтов, принимавших участие в Пражской наступательной операции. Применительно к общей оперативной обстановке, сложившейся в полосе войск 1-го Украинского фронта накануне и в ходе операции, здесь речь будет идти преимущественно о действиях войск 5-й гвардейской армии.

Как же развертывались события на дрезденско-пражском направлении?

В целях создания достаточно сильной группировки войск 1-го Украинского фронта для удара по левому крылу группы армий «Центр» и обеспечения стремительного выхода к Праге Ставка высвободила войска фронта, непосредственно участвовавшие в сражении за Берлин: три общевойсковые, две танковые армии, один механизированный и два танковых корпуса, пять артиллерийских дивизий прорыва, несколько отдельных танковых бригад и самоходно-артиллерийских полков и других соединений и частей. Готовясь к операции, войска 1-го Украинского фронта осуществили сложную перегруппировку сил и средств со сдачей ранее занимаемых позиций войскам 1-го Белорусского фронта. Это мероприятие проводилось в сжатые сроки, в больших масштабах, на значительные расстояния (до 200 км), скрытно (только в ночное время). Предварительно штаб фронта провел тщательный расчет и организовал жесткий контроль и регулирование прохождения войск по маршрутам и рубежам. Это позволило передвигать войска целыми армиями с севера на юг, с запада на юго-восток без всяких задержек.

Частный приказ на перегруппировку войск армии мы получили в ночь на 2 мая. Учитывая всю сложность перегруппировки в сжатые сроки, особенно для 34-го гвардейского стрелкового корпуса (командир генерал-майор Г. В. Бакланов), было принято решение вывести с рубежа реки Эльба и поставить на свое направление в первую очередь 15-ю и 58-ю гвардейские стрелковые дивизии, которым предстояло действовать в первом эшелоне. Чтобы избежать пересечения их маршрутов с маршрутами соединений, выдвигавшихся из района Берлина, перегруппировка обеих дивизий была осуществлена уже в ночь на 4 мая.

Войска 32-го гвардейского стрелкового корпуса (командир

генерал-лейтенант А. И. Родимцев) и 4-го гвардейского танкового корпуса находились в основном на направлениях предстоящих действий, так как они ранее были выдвинуты для отражения контрудара противника. Окончательная их перегруппировка была осуществлена в ночь на 5 и 6 мая.

Соединения 33-го гвардейского стрелкового корпуса (командир генерал-лейтенант Н. Ф. Лебеденко) на левом фланге армии заняли свои полосы также в ночь на 5 и 8 мая.

…Мы все долго не могли смириться с мыслью, что среди мужественных и отважных офицеров 33-го гвардейского стрелкового корпуса больше не увидим командира 9-й гвардейской воздушно-десантной дивизии гвардии полковника Павла Ивановича Шумеева и его заместителя — начальника политотдела дивизии гвардии полковника Анатолия Кузьмича Соболева. Они были неразлучны в любой обстановке, и оба трагически погибли, попав в немецкую засаду на пути из Гроссграта в Швепниц, погибли в прекрасный праздничный весенний день — 1 мая 1945 года, не дожив до Дня Победы всего одну неделю…

…В течение двух ночей — на 5 и 6 мая 1945 года — полностью вышли в назначенные позиционные районы войсковая артиллерия, 1-я и 3-я артиллерийские дивизии прорыва.

При проведении перегруппировки и подготовки операции в сжатые сроки мы широко использовали опыт, полученный в Берлинской операции.

Тот факт, что все общевойсковые и танковые армии 1-го Украинского фронта изготовились к наступлению не к утру 7 мая, как требовала директива Ставки Верховного Главнокомандования, а к утру 6 мая, то есть наступление началось более чем на сутки раньше намеченного срока, говорит о четком и продуманном планировании командирами и штабами перегруппировок войск фронта, армий, соединений и частей, о высокой подготовке и организованности войск, о страстном желании советских воинов скорее покончить с гитлеровскими захватчиками, освободить братский чехословацкий народ и победоносно завершить войну.

Как сейчас известно, в момент завершения подготовки операции на пражском направлении американская военная миссия в Москве передала советскому Верховному Главнокомандованию сообщение генерала Эйзенхауэра, в котором указывалось, что американское командование решило начать наступление в Чехословакии и продвинуться до рек Эльба и Влтава, не ограничиваясь условленной линией продвижения Карлсбад, Пльзень, Ческе-Будеёвице. Это подготовлялось вопреки

договоренности в планировании и ведении межсоюзных операций, и хотя внешне прикрывалось мотивами союзнической помощи, но на самом деле диктовалось желанием создать надежные условия для сохранения буржуазного строя в Чехословакии и предотвратить капитуляцию групп армий Шернера и Рендулича советским войскам[91].

Спасти Прагу, одновременно разгромив войска Шернера, можно было только решительным и энергичным наступлением наших фронтов.

В соответствии с замыслом операции главный удар из района Ризы на фронте 50 км (от Югельна до Вейсика) наносился вдоль западных берегов рек Эльба и Влтава и общем направлении Теплице, Прага силами трех общевойсковых армий: 13-й — командующий генерал-полковник Н. Б. Пухов, 3-й гвардейской — командующий генерал-полковник В. П. Гордов, 5-й гвардейской; двух танковых армий: 3-й гвардейской — командующий маршал бронетанковых войск П. С. Рыбалко и 4-й гвардейской — командующий генерал-полковник танковых войск Д. Д. Лелюшенко, двух танковых корпусов — 25-го и 4-го гвардейского; 2-й воздушной армии — командующий генерал-полковник авиации С. Л. Красовский и пяти артиллерийских дивизий прорыва.

При этом, чтобы не терять времени, танковые армии переходили в наступление одновременно с общевойсковыми. С прорывом вражеской обороны они должны были, но ввязываясь в бои за крупные города, быстро оторваться от стрелковых войск и стремительно, на плечах противника, овладеть перевалами в Рудных и Судетских горах, выйти на территорию Чехословакии и, перерезав основные тыловые коммуникации группы армий «Центр», освободить столицу Чехословакии — Прагу. Этим мы не позволили бы группе армий Шернера, которую поставили перед дилеммой: или погибнуть — или сдаться, улизнуть от нас к американцам.

Мне вспоминается совещание, проведенное командующим войсками фронта на своем командном пункте перед началом операции 4 мая 1945 года. Заслушав решения командармов и сделав некоторые замечания, Маршал Советского Союза И. С. Конев дал краткую характеристику обстановки и особо обратил внимание на то, что операция проводится в условиях, когда противник морально надломлен, оборона его непрочная, управление неустойчивое.

— Мы обязаны, — подчеркнул Иван Степанович, — провести операцию так, чтобы разгром врага и освобождение братской Чехословакии, и особенно овладение ее столицей Прагой, были

осуществлены в самые сжатые сроки. Поэтому следует исключить всякую методичность подготовки наступления, всю организацию боевых действий провести в кратчайшее время, исходное положение войскам, включая и артиллерию, занимать с ходу. Наступление вести решительно, в высоких темпах, не допуская линейности; танковым частям и соединениям смело вырываться вперед, стрелковым частям и соединениям, используя автотранспорт, от них не отставать, широко применять сильные передовые отряды.

Попытки противника оказывать сопротивление, — продолжал маршал, — подавлять мощным огнем артиллерии, особенно реактивной, а также ударами танков и пехоты по флангам и тылу, при необходимости быстро использовать авиацию. Командирам и штабам полков и дивизий находиться непосредственно в боевых порядках своих частей и соединений.

Чтобы не допустить в ходе операции напрасных жертв среди мирного населения, разрушения городов, селений, заводов и фабрик, командующий приказал войскам не вступать в бои за населенные пункты, решительно выходить на фланги и тылы противника, расчленять его на отдельные группы, добиваться, чтобы они сдавались в плен.

Согласно директиве командующего войсками фронта 5-я гвардейская армия с 4-м гвардейским танковым корпусом (командир генерал-лейтенант танковых войск П. П. Полубояров), 150-й танковой бригадой (командир полковник С. Ф. Пушкарев), 1-й гвардейской и 3-й артиллерийскими дивизиями прорыва (командиры генерал-майоры артиллерии В. Б. Хусид и И.Ф. Санько) наносила главный удар правым флангом с рубежа (иск.) Гроссенхайн, Вейсиг в общем направлении на северо-западную окраину Дрездена с ближайшей задачей во взаимодействии с 3-й гвардейской общевойсковой и 3-й гвардейской танковой армиями разгромить дрезденскую группировку противника, форсировать Эльбу и на второй день операции полностью овладеть Дрезденом — крупным опорным пунктом и узлом дорог. В дальнейшем, используя успех 3-й гвардейской танковой армии, продолжать стремительное наступление и овладеть северной частью Праги.

Хочется обратить внимание читателей на некоторую особенность решения на операцию армии. Имея в виду то, что полоса наступления рассекалась Эльбой на две части и что продвижение войск через Дрезден может затормозиться из-за сильных разрушений, причиненных городу американской авиацией, было решено обойти его с северо-запада и северо-востока. Поэтому в соответствии с директивой фронта и замыслом армейской операции стрелковые и танковый корпуса

армии получили следующие задачи.

34-й гвардейский стрелковый корпус наступал на северо-западную окраину Дрездена, охватывал его с северо-запада и запада, громил противостоящую группировку противника и овладевал этой частью города; в дальнейшем, выделив сильный передовой отряд, корпус развивал стремительное наступление в направлении Усти, северная окраина Праги.

32-й гвардейский стрелковый корпус наносил удар на северо-восточную окраину Дрездена, во взаимодействии с 34-м гвардейским стрелковым корпусом овладевал этой частью города и в дальнейшем, выделив также сильный передовой отряд, развивал стремительное наступление на восточную окраину Праги.

33-й гвардейский стрелковый корпус двумя левофланговыми дивизиями (14-й гвардейской стрелковой и 9-й гвардейской воздушно-десантной) продолжал обороняться на широком фронте от Поникау до Каменц, сковывая противостоящую группировку противника, находясь в готовности к переходу в общее наступление вслед за главной группировкой армии, с тем чтобы не допустить прорыва противника на запад. Его 78-я гвардейская стрелковая дивизия — генерал-майора З. Т. Трофимова — получила задачу во взаимодействии с левофланговой дивизией 32-го гвардейского стрелкового корпуса, охватывая Дрезден с востока, обеспечить ударную группировку армии от возможных контратак противника с юго-востока. Один полк дивизии наступал на юго-восток с целью свертывания фронта противника перед 14-й гвардейской стрелковой дивизией.

150-я танковая бригада была распределена между дивизиями 34-го и 32-го гвардейских стрелковых корпусов и действовала как танки непосредственной поддержки пехоты.

4-й гвардейский танковый корпус, вводимый в полосе 32-го гвардейского стрелкового, корпуса для развития успеха, получил задачу последовательно овладеть городом Пирна и районами городов Дечин и Мельник.

Успешное решение поставленной задачи обеспечивалось созданием на направлении главного удара сильной группировки соединений армии, способной нанести сокрушительный завершающий удар по войскам противника, прикрывавшим дрезденско-пражское направление; быстротой и скрытностью перехода от оборонительной группировки войск армии к наступательной, а также широким применением сильных передовых отрядов, включавших стрелковые подразделения на автомашинах, усиленные артиллерией на мехтяге, танками, самоходными артиллерийскими установками и переправочными

средствами.

К началу наступления в полосе армии противник оборонялся силами, насчитывающими в своем составе до 17 пехотных батальонов, 75 танков, 335 орудий и минометов, 620 пулеметов. Все это были остатки 76-й и 269-й пехотных дивизий, моторизованных дивизий «Бранденбург» и «Герман Геринг», 20-й танковой дивизии и танковой дивизии «Герман Геринг».

Общее превосходство над противником в силах было в нашу пользу. На направлении главного удара оно составляло: по живой силе — в три, по танкам — более чем в два с половиной, а по артиллерии в восемь раз[92], что обеспечивало большую силу первоначального удара, позволило иметь выгодное оперативное построение войск армии и возможность маневра в ходе операции вторыми эшелонами и резервами.

К тому же наступательный порыв войск армии был чрезвычайно высок, ибо каждый воин хорошо понимал значение быстрого оказания братской помощи героическому народу Чехословакии, окончания войны и полного разгрома гитлеровской армии — главнейшей опоры пресловутого «нового порядка» в Европе и сурового наказания его идеологов и носителей — фашистских лидеров.

Исключительное значение имело то, что командиры, штабы, политорганы, партийные и комсомольские организации приложили все усилия, умения и способности, чтобы разъяснить воинам поставленную задачу, рассказать им о братском чешском пароде, ознакомить с политической обстановкой в стране, местными особенностями. Благодаря этой работе гвардейцы понимали, что Красная Армия идет в Чехословакию как освободительница братского парода от фашистского ига. Настроение личного состава было приподнятым, всех охватывало неудержимое стремление быстрее нанести последний, сокрушительный удар но ненавистному врагу.

Боевые действия последних дней войны протекали очень интенсивно.

По намеченному плану войска армии в ночь на 5 и 6 мая сдали основную часть своей полосы обороны вместе с плацдармом на реке Эльба в районе города Риза (175 км из 220 км) соседним армиям фронта, принимавшим участие в Пражской наступательной операции: справа — войскам 13-й и 3-й гвардейской армий, слева — 2-й армии Войска Польского, и готовились к наступлению.

Подготовка велась в расчете на начало наступления с рассветом 7 мая 1945 года. Организация артиллерийской подготовки атаки и взаимодействия войск проводилась на

местности. Уже к исходу 4 мая были поставлены задачи корпусам и дивизиям. В течение 5 и 6 мая при участии старших начальников была проведена работа по организации боя с командирами батальонов и рот. В ходе ее обращалось внимание на готовность подразделений к наступлению в условиях ограниченной видимости (знание азимутов, обозначение направлений наступления трассирующими снарядами и т. д.). Однако уже во второй половине дня 6 мая сложилась обстановка, которая благоприятствовала немедленному началу боевых действий в полосе 1-го Украинского фронта. Крупная ударная группировка войск фронта в составе 3-й гвардейской и 13-й общевойсковых армий, 3-й и 4-й гвардейских танковых армий внезапно для противника с утра 6 мая перешла в решительное наступление из района Ризы, сданного им войсками 5-й гвардейской армии.

Внезапность и сила первоначального удара по деморализованному и ослабленному противнику обеспечили быстрое продвижение ударной группировки на юг, к границам Чехословакии.

В этой связи в 18 часов 10 минут 6 мая от командующего 1-м Украинским фронтом мною был получен короткий и ясный приказ: «Светлого времени не терять, начать наступление немедленно. Исходное положение для наступления занимать с ходу»[93].

В 21 час 6 мая 1945 года по сигналу с КП армии громовые залпы гвардейских минометов — «катюш» разорвали напряженную фронтовую тишину. Дружной разноголосицей отозвались им артиллерийские системы всех калибров. Несмотря на изменение времени начала артиллерийской подготовки и сокращение ее продолжительности, она была проведена исключительно эффективно. В этом большая заслуга командующего артиллерией армии генерала Г. В. Полуэктова и его штаба. На переднем крае и в ближайшей глубине обороны противника в течение 30 минут кипела в разрывах земля. Огненный смерч к концу артиллерийской подготовки не стихал, а возрастал по своей мощи и разрушительной силе. Медленно уходя в глубину вражеской обороны, он сметал все, что встречалось на его пути: живую силу и технику противника, огневые средства, укрытия, средства связи, командные и наблюдательные пункты. Вслед за этим танки и пехота решительно атаковали противника по всему фронту.

Потрясенные огневой мощью нашей артиллерии, стремительностью нашей атаки, прикрываясь огнем танков и штурмовых орудий, гитлеровцы начали поспешный и

неорганизованный отход в южном и юго-западном направлениях — в сторону Дрездена и Рудных гор[94].

Многие предпочитали сдаваться в плен. Так, с первых же часов наступления появились группы пленных из подразделений слушателей офицерской школы 4-й танковой армии, батальонов фольксштурма 269-й пехотной дивизии и мотодивизии «Герман Геринг».

Лишь отдельные небольшие подразделения, потерявшие связь друг с другом и управление со стороны старших начальников и штабов, оказывали ожесточенное сопротивление.

Соединения армии быстро и энергично осуществили прорыв обороны противника, развили наступление в глубину и в сторону флангов и к утру 7 мая продвинулись на 10–12 км, а местами и более, очистив от врага до 20 населенных пунктов. Введенный в сражение на рассвете 7 мая 4-й гвардейский танковый корпус решительно устремился вперед на Дрезден, громя отходящего противника.

Следует отметить, что боевые действия войск ночью, на незнакомой, сильно пересеченной лесистой местности были сопряжены с большими трудностями, которые усугублялись еще непрерывным дождем. Это крайне затрудняло ориентирование. И лишь большой опыт и натренированность войск в ведении боевых действий в ночных условиях, умелое и твердое управление частями и соединениями со стороны командиров и штабов, приобретенное в годы Великой Отечественной войны, позволили им успешно решить поставленные задачи.

В первой половине дня 7 мая, неотступно преследуя разгромленные части противника, наши части вместе с 4-м гвардейским танковым корпусом овладели ближайшими пригородами Дрездена и очистили от врага свыше ста населенных пунктов.

Большого успеха в этот день достигла 15-я гвардейская стрелковая дивизия 34-го гвардейского стрелкового корпуса. В середине дня ее передовые части вышли к Эльбе в районе Зерневиц, Наундорф и с ходу начали ее форсирование. За 2 часа 40 минут водную преграду преодолели все стрелковые полки с приданными им средствами. Захватив большой плацдарм, дивизия продолжала развивать наступление, обходя Дрезден с запада. Взаимодействуя с ней, 58-я гвардейская стрелковая дивизия успешно развила наступление вслед за своим правым соседом, также форсировав Эльбу. В обеспечении быстрого форсирования реки большую роль сыграли инженерные войска армии.

В это же время соединения 32-го гвардейского стрелкового

корпуса — 13-я и 95-я гвардейские стрелковые дивизии, — тесно взаимодействуя с соединениями 34-го гвардейского стрелкового корпуса и 78-й гвардейской стрелковой дивизией 33-го гвардейского стрелкового корпуса, разгромили отходящие части танковой дивизии «Герман Геринг» и 20-й танковой дивизии и к исходу 7 мая овладели северной и северо-восточной окраинами Дрездена. 95-я гвардейская стрелковая дивизия обходила город, с северо-востока, а 78-я гвардейская стрелковая дивизия охватывала Дрезден с востока.

В ходе непрерывных боев в ночь на 8 мая и в течение первой половины дня дивизии армии во взаимодействии с 4-м танковым корпусом и частями 3-й гвардейской танковой армии разгромили вражеские войска, оборонявшиеся в городе, и к 14 часам 8 мая важный узел дорог, крупнейший культурный, промышленный и административный центр Саксонии — Дрезден, который фашисты превратили в мощный опорный пункт, рассчитанный на длительное сопротивление, был полностью очищен от врага.

Вернемся, однако, на сутки назад. Дрезден издавна славился своими художественными сокровищами: изысканной архитектурой в стиле рококо, знаменитым Цвингером, где были сосредоточены шедевры великих мастеров — Тициана, Веронезе, Джорджоне, Рембрандта, Рубенса, Ван Дейка и многих других, ценнейшие коллекция фарфора, нумизматики, древней скульптуры. В Цвингере находилась всемирно известная жемчужина эпохи Возрождения — «Сикстинская мадонна» Рафаэля… Поэтому в ходе подготовки Пражской операции все командиры соединений и частей были предупреждены об этом. Я приказал Родимцеву и Бакланову с приближением к Дрездену и в ходе боя за город сделать все возможное, чтобы уберечь его от новых бессмысленных разрушений… После массированных налетов двух тысяч англо-американских бомбардировщиков в ночь на 14 февраля 1945 года город искусства, как его называли, горел пять суток…

Перед соединениями 32-го гвардейского стрелкового корпуса, овладевшими 7 мая кварталами города на северо-восточном берегу Эльбы, раскинулась старая часть Дрездена, где находились все исторические и культурные ценности, знаменитая картинная галерея. Чтобы продолжить наступление, необходимо было навести переправы, так как все мосты через Эльбу были разрушены англо-американской авиацией во время бомбардировки города в феврале. В конце этого дня я прибыл на КП Родимцева.

— Надо штурмовать старую часть города. Если художественные ценности уцелели, то фашисты, пользуясь нашей

заминкой, могут вывезти их на запад, — предложил Александр Ильич.

— Прежде чем начать штурм, давайте направим коменданту Дрездена официальный ультиматум, — ответил я.

Родимцев доложил, что он два часа назад разговаривал с обер-бургомистром города и тот сказал, что никакого коменданта в Дрездене нет.

— Телефонный разговор для гитлеровцев ничего не означает. Они даже в безвыходном положении склонны к соблюдению известных ритуалов. Так что давайте пошлем парламентеров, — приказал я комкору.

Вскоре на НП прибыли три офицера, вызванные Родимцевым. Старшим был назначен работник политотдела корпуса Д. Ф. Артеменко. Ему я вручил пакет с двумя текстами ультиматума — на немецком и русском языках. Вот что в нем говорилось:

«Ультиматум.

Коменданту города Дрездена или его заместителю.

В интересах сохранения целостности города Дрездена, его исторических ценностей и памятников старины, сохранения многих жизней мирного населения и солдат армии я предлагаю: немедленно прекратить всякое вооруженное сопротивление и безоговорочно, полностью капитулировать. Открыть свободный вход в город нашим войскам и сложить оружие. Ваше дальнейшее сопротивление совершенно бессмысленно.

Ваш ответ ожидаю 8 мая в 9.00 по московскому времени у моста Марии, который находится рядом с железнодорожным мостом.

В случае Вашего отказа полностью и безоговорочно капитулировать за последствия отвечаете Вы.

Командующий 5-й гвардейской армией генерал-полковник ЖАДОВ 8 мая 1945 г.»

Вернувшись к себе на НП, я стал с нетерпением ждать дальнейшего развития событий. Примерно около 8 часов утра позвонил Родимцев и доложил, что парламентеры вернулись невредимыми. Были несколько раз обстреляны, лишились своего защитного белого флага: его порвала автоматная очередь. Ультиматум вручить не удалось. Парламентеры, рискуя жизнью, два раза связывались по телефону с обер-бургомистром Дрездена, но он повторил то, что сказал Родимцеву накануне вечером: комендант города убыл в неизвестном направлении, а он не уполномочен вести переговоры. Чего здесь было больше, немецкой пунктуальности или трусости? Наверное, второго! А наши три советских офицера — Артеменко, Собко, Обуховский — пошли с белым флагом, каждую минуту могли нелепо погибнуть

от случайной автоматной очереди буквально накануне победы! Отважные гвардейцы не могли этого не знать, но они пошли, чтобы спасти для будущего поколения немцев сокровища Дрездена…

Однако и при сложившейся ситуации мы считали своим долгом по возможности сохранить в целостности исторические и культурные памятники Дрездена, неразрушенные англо-американской авиацией, а главное — установить местонахождение сокровищ художественной галереи. Старая (парковая) часть города была полностью очищена от гитлеровцев соединениями 32-го гвардейского стрелкового корпуса в течение дня 8 мая. При этом артиллерия и минометы вели огонь только по наблюдаемым целям.

Перед глазами гвардейцев, вступивших в город, предстала жуткая картина разрушений. Вместо красавца города, города-парка с его архитектурными памятниками была груда бесформенных руин. Больше всего пострадал от налета англо-американской авиации культурно-исторический центр города — Альтштадт, с дворцами и музеями, где хранилось столько сокровищ мирового искусства…

Мы видели много разрушенных советских городов — Сталинград, Полтаву, Кременчуг, сотни стертых с лица земли и сожженных деревень и сел. Проклинали гитлеровцев и не раз говорили: придет расплата! Она пришла. Казалось бы, можно было и позлорадствовать. Но нет. Глядя на разрушения, советские воины глубоко сожалели, особенно когда они не диктовались военной необходимостью, были бессмысленны, как в случае с Дрезденом, забывали о тех непоправимых ранах, которые нанесла нам, советским людям, война. В этом сила и благородство советского воина. Он шел к своей победе как освободитель!..

В середине дня 8 мая я позвонил командующему фронтом и доложил, что события в Дрездене развиваются успешно, отдельные очаги сопротивления блокируются и уничтожаются. В различных частях старого города остатки гарнизона сдаются в плен. Кругом сплошные развалины. Маршал Советского Союза И. С. Конев, выслушав меня, спросил:

— А что с Дрезденской галереей?

— Пока ничего определенного доложить не могу. Район Цвингера разрушен. Немцы страшно напуганы и ничего пока рассказать не могут или не хотят. Есть предположение, что художественные ценности вывезены из города, — доложил я командующему.

— Немедленно организуйте поиски сокровищ Дрезденской галереи, — последовал категорический приказ маршала Конева.

Я доложил ему, что эта работа уже организована, она ведется силами 164-го армейского батальона под командованием капитана В. П. Перевозчикова. Общее руководство возложено на члена Военного совета генерал-майора П. Е. Сухарева.

Теперь мне хочется несколько подробнее остановиться на действиях личного состава этого батальона при выполнении столь необычной задачи большой государственной важности. Забегая вперед, скажу, что при этом офицеры, сержанты и красноармейцы проявили исключительное трудолюбие, старание, высокую организованность, умение и воинскую смекалку. Причем все участники этой операции никогда не предполагали, что на заключительном этапе войны им придется спасать художественные ценности мирового значения, иметь дело с шедеврами живописи и скульптуры.

Откровенно говоря, мы в штабе армии мало верили в то, что в хаосе разрушений и неразберихе, которые царили в городе и его окрестностях, личному составу батальона удастся быстро напасть на следы Дрезденской галереи. Но случилось почти невероятное. Уже 8 мая поисковая группа, возглавляемая младшим лейтенантом Л. Н. Рабиновичем — художником по довоенной профессии, хорошо владевшим немецким языком, точно установила, что художественные ценности из всех музеев были вывезены еще до бомбардировки.

А произошло это так. Группа Рабиновича выехала в район Цвингера вслед за наступающими войсками и ценою больших усилий, расчищая вручную себе путь от каменных глыб и обломков зданий, достигла цели. Начался поиск картин — среди развалин, в подвалах Цвингера, Альбертинума, исторического музея. Но тщетно — нигде ни клочка холста, ни кусочка обуглившейся рамы. Где же искать картины? И тут наши воины увидели необычное для прифронтового города зрелище — усевшегося на развалинах немца с этюдником на коленях. Им оказался дрезденский художник, бывший солдат, потерявший ногу в боях под Старой Руссой. На вопросы наших воинов, где могут быть картины, он вначале не отвечал, вел себя весьма настороженно, но затем привел в соседний дом к пожилой женщине, бывшей работнице музея Альбертинум — одного из крупнейших в Европе собраний древней скульптуры.

Однако эта женщина, напуганная нацистами, нам ничего не сказала. Пришлось вновь приняться за поиски. Начали с осмотра обгоревшего здания Альбертинума. Вскоре была обнаружена замурованная дверь в подвал. Были вызваны саперы во главе с сержантом Бурцевым. Обследовав стены подвала, саперы вначале ничего не нашли, но когда начали долбить замурованную дверь,

обнаружили два провода. Изолировав концы проводов, через пролом группа проникла в подвал. Здесь валялись десятки скульптур. Но куда шли провода? Оказалось, что они были подведены к шести ящикам с толом и достаточно было их замкнуть неосторожным ударом, чтобы произошел взрыв огромной силы. Так наши саперы сохранили здание Альбертинума и находившиеся в подвале скульптуры. Это была первая небольшая удача поисковой группы.

Опрос жителей, проведенный в этот день в разных районах города, дал возможность сделать вывод, что художественные ценности Дрезденской галереи нужно искать в окрестностях города.

Рано утром 9 мая, в День Победы, на поиски картин было выделено уже несколько групп. Этот день для наших воинов оказался исключительно счастливым, праздником вдвойне: во-первых, солдаты и офицеры радовались вместе со всей страной долгожданной победе над фашистской Германией, и, во-вторых, было обнаружено одно из крупных мест хранения картин, спрятанных гитлеровскими молодчиками в туннеле возле местечка Гросс-Котта. Вот что рассказывает об этой находке бывший командир батальона, ныне подполковник запаса, В. П. Перевозчиков: «Во второй половине дня, когда я приехал в местечко вместе с саперами, увидел, что солдаты цепью прочесывают местность. Час спустя мы обнаружили со стороны Эльбы отвесную скалу, из которой выходила узкоколейка в сторону реки. Вход в туннель над рельсами был закрыт железной дверью. Здесь же оказался старик немец, который заявил, что он охраняет вход в туннель. Мы попросили открыть двери, но он заявил, что двери могут быть заминированы. Его предостережение не оправдалось: тщательно обследовав двери, саперы ничего не обнаружили.

После проверки входа в туннель, спотыкаясь в темноте о шпалы, задыхаясь от сырого, затхлого воздуха, мы двинулись в глубь штольни. Вдруг на ржавых рельсах узкоколейки увидели товарный вагон. Внутри его, прямо против двери, плоский некрашеный ящик. Справа от стены вагона тускло блеснуло золото массивной рамы. Возбуждение воинов росло. Младший лейтенант Рабинович поднес фонарь, но рассмотреть ничего было нельзя: на холсте лежал толстый слой пыли. Присев на корточки, он начал протирать поверхность холста рукавом гимнастерки.

— Рембрандт! — закричал Рабинович что есть силы…

Да, первой мы нашли одну из выдающихся картин Рембрандта, знаменитый «Автопортрет с Саскией». Затем был извлечен из вагона другой шедевр великолепного художника —

«Похищение Ганимеда», а потом «Спящая Венера» Джорджоне, «Портрет дамы в белом» Тициана…

— И на такую красоту поднялась рука у фашистов, как они могли поместить такие драгоценности в этот колодец! — возмущались наши гвардейцы.

В этом сыром туннеле мы нашли около двухсот картин, часть из них уже начала покрываться плесенью. Мы решили захватить с собой ящик с висячим замком, предполагая, что, возможно, в нем находится «Сикстинская мадонна», так как но своим размерам он подходил под размеры этой картины.

Оставив охрану у туннеля, выехали в батальон. По прибытии приступили к вскрытию ящика. Все это было сделано в торжественной тишине. Перед нами была «Сикстинская мадонна» Рафаэля. Радости нашей не было границ. Это событие явилось праздником для всего батальона. Ящик с «Мадонной» был бережно закрыт, к нему выставлена отдельная охрана. Таким образом, «Сикстинская мадонна» изменила свое местожительство и гостила в батальоне, который располагался вблизи дрезденской бойни. Так было найдено воинами батальона первое крупное место хранения картин Дрезденской галереи.

В приподнятом настроении мы с Рабиновичем поехали в штаб армии, к члену Военного совета генералу П. Е. Сухареву. Выслушав наш доклад, генерал обнял нас, сказав: «Вы совершили великий подвиг». Он тут же сообщил командующему армией генералу Жадову, который в это время руководил войсками, наступавшими на Прагу. Алексей Семенович доложил о нашей находке командующему фронтом маршалу Коневу. Генерал Сухарев напомнил нам о большой ответственности за сохранение картин галереи, указав, что розыск остальных картин и других ценностей будет происходить в условиях отсутствия местной власти, в обстановке, когда в этом районе в лесах бродят отдельные группы эсэсовских солдат, ищущих пути выхода к американцам.

— Помните, — сказал в заключение генерал Сухарев, — вы несете ответственность за честь Красной Армии перед историей, перед человечеством…»

На другой день, 10 мая, работа продолжалась. Поисковые группы побывали в Мейссене, возле замка Веезенштейн, в районе шахты Покау-Ленгефельд, по результатов поиски картин никаких не дали. В чем же дело? А дело было в том, что группы не располагали людьми, знающими немецкий язык; это было большим тормозом в поиске картин в первые дни. Пришлось группы укомплектовать офицерами и солдатами, владеющими немецким языком. Но и день 10 мая прошел не без удачи.

Солдаты 2-й роты лейтенанта Ф. В. Горбика в одном из подвалов разрушенного здания в центре Дрездена, недалеко от городской ратуши, нашли часть нумизматической коллекции Цвингера — старинные золотые монеты с портретами курфюрстов Саксонии и других немецких земель, серебряные и золотые кубки.

11 мая в армию прибыла искусствовед Наталия Ивановна Соколова. Она сразу же включилась в работу наших поисковых групп и, как специалист своего дела, внесла большой вклад в решение этой сложной задачи. Благодаря ее энергии было найдено место, куда можно было свозить и хранить обнаруженные в разных тайниках картины. Это летняя резиденция саксонских королей — Пильниц Шлосс на Эльбе. По ее настоянию Рабинович с группой солдат перевез деревянный ящик с «Сикстинской мадонной» в Пильниц.

26 мая в Дрезден прибыла бригада Комитета по делам искусств при Совете Народных Комиссаров СССР, которую возглавлял А. С. Рототаев. В составе группы были: С. П. Григоров — сотрудник по охране памятников старины, С. С. Чураков — реставратор и два молодых художника — Н. А. Пономарев и М. Ф. Володин. С прибытием этой группы работа пошла веселее и продуктивнее. Для того чтобы обеспечить дальнейший быстрый поиск картин, их надежную охрану и вывоз в Пильниц, бригада искусствоведов была подключена к поисковой группе младшего лейтенанта Л. Рабиновича, в составе которой уже работали офицеры, сержанты и солдаты 2-й роты лейтенанта Горбика и автороты капитана Ф. Швидченко.

Через несколько дней все основные пункты, где были спрятаны картины Дрезденской галереи, — замок Веезенштейн, Покау-Ленгефельд, крепость Кенигштайн и другие места — были взяты под охрану. После этого началась следующая стадия работы — перевозка картин из всех тайников в Пильниц и оказание им первой помощи. На этом этапе искусствоведы А. С, Рототаев, Н. И. Соколова, С. П. Григоров, С. С. Чураков, Н. А. Пономарев, М. Ф. Володин отдавали все силы спасению шедевров мирового искусства. Они работали буквально днем и ночью. Солдаты, сержанты и офицеры 184-го армейского батальона оказывали искусствоведам постоянную помощь в их поистине благороднейших делах.

Не могу не вспомнить добрым словом и работу трофейного отдела армии, особенно майора Гулякина, который вместе с капитаном В. П. Перевозчиковым руководил погрузкой картин и их транспортировкой в Пильниц.

— Если что случится, Родина, человечество нам не простят, — такими напутственными словами провожал майор

Гулякин каждый транспорт с картинами. Эти слова стали своеобразной клятвой воинов батальона с честью выполнить высокую, почетную задачу.

Спустя десять лет после окончания Великой Отечественной войны, в марте 1955 года, Совет Министров СССР вынес решение передать правительству Германской Демократической Республики дважды спасенные советскими людьми картины Дрезденской галереи. В решении говорилось: «В целях укрепления и дальнейшего развития дружественных отношений между советским и германским народами и учитывая, что правительство Германской Демократической Республики последовательно проводит политику мира и дружбы между народами, сохраняет и развивает культуру и искусство немецкого народа и борется за воссоединение Германии на миролюбивых и демократических основах, Совет Министров СССР принял решение передать правительству Германской Демократической Республики все те картины Дрезденской галереи, которые хранятся в Советском Союзе…»[95].

Впервые в истории страна, вышедшая из войны после бесчисленных жертв победительницей, возвращала побежденной стране сокровища искусства, попавшие в ее руки и спасенные от неминуемой гибели.

Перед отправкой произведений живописи в Москве в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина был организован их показ. Вот что писала по этому поводу газета «Правда» 1 мая 1955 года: «…Вчера, 30 апреля, состоялась пресс-конференция советских и иностранных журналистов, на которой сделал сообщение заместитель министра культуры СССР В. С. Кеменов, а также выступили бывшие воины Советской Армии, искусствоведы и реставраторы, участвовавшие в спасении картин Дрезденской галереи.

Кратко охарактеризовав художественную ценность шедевров мирового искусства, В. С. Кеменов сказал, что решение Советского правительства о возвращении немецкому народу замечательных сокровищ классического искусства является новым актом дружелюбия к германскому народу и свидетельствует о глубоком уважении советских людей к достижениям мировой культуры.

Присутствовавшие на пресс-конференции журналисты задали многочисленные вопросы.

Отвечая на вопрос, как были найдены и спасены картины, В. П. Перевозчиков — в прошлом командир батальона Советской Армии — и бывший офицер этого батальона Л. Н. Волынский (псевдоним младшего лейтенанта Л. Н. Рабиновича. — А. Ж.)

рассказали об условиях, в которых велись розыски художественных ценностей. Известно, что центр Дрездена, где находится здание галереи, был разрушен американской авиацией. Они рассказали о самоотверженности бойцов Советской Армии, спасавших произведения живописи, дорогие всему человечеству.

С интересом было выслушано сообщение члена-корреспондента Академии художеств СССР Н. И. Соколовой и мастера по реставрации С. С. Чуракова. Они принимали участие в работах по реставрации и консервации картин, которые находились в каменоломнях, сырых шахтах и деревянных бараках, в условиях, непригодных для хранения и угрожавших художественным произведениям гибелью. Главный хранитель музея кандидат искусствоведения А. А. Губер сказал, что удалось спасти даже те картины, которые были написаны на деревянных досках. Профилактические меры, принятые по отношению к произведениям изобразительного искусства, обеспечат им в дальнейшем хорошую сохранность…» Я привел почти полностью это сообщение ТАСС, ибо в нем с исчерпывающей полнотой сказано о решающей роли воинов Красной Армии в поиске и обнаружении сокровищ Дрезденской галереи. Поэтому всякое иное толкование этого вопроса, которое порой возникает, не соответствует исторической действительности.

В послевоенное время я по долгу своей службы часто бывал в Группе советских войск в Германии. И каждый раз хотя бы на короткое время заглядывал в Цвингер, на стене которого укреплена металлическая доска со словами: «Спасение шедевров искусства Дрездена Советской Армией является выдающимся подвигом социалистического гуманизма, событием большого исторического значения. На вечные времена наша благодарность народам Советского Союза». Эти слова относятся ко всем тем, кто сражался с остатками гитлеровских войск в этом районе, — воинам 34-го и 32-го гвардейских стрелковых корпусов 5-й гвардейской армии, 4-го гвардейского танкового корпуса, 3-й гвардейской танковой армии, и ко всем тем, кто непосредственно занимался поисками, вывозом картин Дрезденской галереи и их реставрацией. В этой великой операции гуманизма — частица труда многих сотен советских людей.

Весть о взятии Дрездена советскими войсками быстро дошла и до группы Шернера, разбив последнюю ее надежду на возможность прорыва через «ворота спасения» — Дрезден к западу для капитуляции перед американскими войсками.

Оставив необходимые силы для охраны коммуникаций и поддержания порядка в освобожденном городе, соединения армии устремились на юг, по пятам преследуя разрозненные

части врага, отступающие к чехословацкой границе.

Обеспечивая внутренний фланг ударной группировки фронта, быстро продвигающейся к столице братской Чехословакии — Праге, войска армии развили высокие темпы преследования врага, сметая на своем пути отдельные очаги сопротивления, беря в плен или уничтожая гитлеровцев, если они отказывались сложить оружие. К этому времени были захвачены большие трофеи и десятки тысяч пленных, непрерывные колонны которых даже мешали лам продвигаться вперед.

9 мая в три часа утра по радио было передано из Москвы сообщение о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил и победоносном завершении Великой Отечественной войны. Воодушевленные этим сообщением, гвардейцы усилили темпы наступления и вскоре пересекли главными силами государственную границу дружественной нам Чехословакии на участке Шенвальд, Дол. Грунт[96].

В праздничных одеждах, с букетами цветов, с национальными и советскими флагами встречали жители первого освобожденного чешского села Кржице своих освободителей. Они угощали их пивом, хлебом, молоком.

Первые подразделения, вошедшие в пограничный город Харбовице, были даже задержаны огромной массой ликующего парода. Навстречу воинам вышла колонна чешских партизан и около 300 советских людей, освобожденных чешскими патриотами из фашистской неволи. Со знаменами СССР и Чехословакии, плакатами, лозунгами и портретами парод тепло приветствовал армию освободительницу. О величайшей благодарности за освобождение от многолетнего фашистского ига говорили все выступавшие на стихийно возникшем митинге.

Один из жителей города Уста, освобожденного нашей армией, сказал: «Нет слов, чтобы передать радость парода в связи с приходом Красной Армии. Гитлеровская пропаганда запугивала жителей города чудовищной ложью о советских людях и их армии. Нас силой оружия заставляли строить укрепления и баррикады. Но чешский народ получал информацию о Красной Армии из других, более точных источников. И, конечно, без страха, а с надеждой и любовью встречает ее»[97].

Жители района Бжедноз в беседе с воинами-гвардейцами заявили: «Многие из наших людей по четыре и более лет выстрадали в концентрационных лагерях в Северной Германии. Их там замучили бы насмерть, если бы не спасли советские солдаты. Вы нас освободили, и мы этого никогда не забудем… После убийства Гейдриха немецкие палачи расстреляли двадцать тысяч чехов. Они бы уничтожили нас всех. Только русские

солдаты сумели нас освободить, потому что сильнее русской армии нет в мире. Мы хотим жить в тесной дружбе с русскими. Если славяне будут дружить между собой, то нас никто не сможет победить»[98].

С не менее теплыми словами, чувством радости и дружбы выступали люди больших и малых городов, рабочих поселков и селений. Задерживаться, однако, чтобы разделить радость местного населения, мы не могли. Мы торопились к восставшей Праге…

Успешному продвижению войск способствовали передовые отряды, высланные от каждой дивизии первого эшелона на важнейшие направления. Действуя смело, решительно и дерзко, они вырывались вперед, обгоняли отступавшие подразделения врага, с ходу захватывали выгодные рубежи и населенные пункты. Среди всех особой дерзостью выделялись передовые отряды 15-й и 13-й гвардейских стрелковых дивизий, которыми командовали гвардии подполковник Я. И. Худенко и гвардии майор П. С. Выговский.

Так, передовой отряд 15-й гвардейской стрелковой дивизии состоял из 1889-го самоходного артиллерийского полка и батальона автоматчиков 50-го гвардейского стрелкового полка. Выделенный с началом преследования противника, начавшего отход от Дрездена, он энергично действовал впереди главных сил дивизии вплоть до северной окраины Праги. Артиллеристам и автоматчикам неоднократно приходилось развертываться в боевой порядок я вступать в бой. При подходе к крупному населенному пункту Родовесеце их встретил организованный ружейно-пулеметный и минометный огонь врага. Оставив несколько самоходно-артиллерийских установок, чтобы сковать противника с фронта стрельбой из-за укрытий, гвардии подполковник Худенко основные силы вывел в тыл гитлеровцев, перехватив пути его отхода. Гитлеровцы частично были уничтожены, частично сдались.

Продолжая дальнейшее продвижение, передовой отряд с ходу ворвался в населенный пункт Шлепанице, но был остановлен огнем артиллерии и минометов. Укрыв самоходки за каменными строениями, Худенко спешил десант автоматчиков и смело атаковал врага. В ходе боя было уничтожено три полевых орудия и два миномета. Свыше 70 фашистов сдались в плен. Много вражеских трупов осталось у разбитой боевой техники.

В населенном пункте Горолиржице передовой отряд освободил из лагеря военнопленных более 300 обреченных на гибель узников. Страшно истощенных, оборванных, грязных и больных людей буквально шатало от весеннего ветра. Почти на

всех языках Европы — русском, украинском, польском, французском, английском и даже немецком — они просили дать им оружие, чтобы вместе с гвардейцами идти мстить фашистским извергам.

Продолжая ликвидацию и разоружение немецко-фашистских войск, во второй половине дня 9 мая армия передовыми частями вышла на рубеж Тршебенице, Ловосице, а 10 мая — к реке Влтава и городам Кралуны, Млчехвости, Вельверн, Мельник, Литомержице, где до утра 11 мая все еще продолжались бои с отдельными группами немецко-фашистских войск. Передовой отряд 15-й гвардейской стрелковой дивизии достиг северной окраины Праги.

На этих рубежах армия была остановлена по приказу командующего фронтом, здесь мы закончили Великую Отечественную войну против гитлеровских захватчиков.

За успешные действия в Пражской операции 34-й гвардейский стрелковый корпус был удостоен почетного наименования Дрезденского, а 47-й гвардейский полк 15-й гвардейской стрелковой дивизии, 58-я и 15-я гвардейские стрелковые дивизии, принявшие непосредственное участие в освобождении столицы братского чехословацкого народа — города Праги, — Пражских[99]. Сотни отличившихся воинов были награждены орденами и медалями Советского Союза. Командир 32-го гвардейского стрелкового корпуса гвардии генерал-лейтенант А. И. Родимцев награжден второй Золотой Звездой Героя Советского Союза. Командиру 34-го гвардейского стрелкового корпуса гвардии генерал-майору Г. В. Бакланову и командиру 13-й гвардейской стрелковой дивизии 32-го гвардейского стрелкового корпуса гвардии полковнику В. Н. Комарову за умелое руководство войсками и достигнутые успехи в боях при овладении городом Дрезден и в Пражской наступательной операции присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

В знак признательности величайших заслуг советского народа и его Вооруженных Сил в деле освобождения Чехословакии и спасения ее столицы Праги от разрушения, а населения — от жертв чехословацкое правительство от имени своего благодарного народа удостоило командующих фронтами и некоторыми армиями высшей награды Республики — ордена Белого льва. Этот орден получил и автор этих воспоминаний. Многие генералы и офицеры 5-й гвардейской армии были награждены орденами Чехословацкой Республики. Среди них Г. В. Полуэктов, А. М. Кривулин, Д. С. Чупрыгин, Ф. Г. Подолынный, А. И. Олейников, А. И. Родимцев, Г. В. Бакланов, Н. Ф. Лебеденко, П.

Е. Сухарев, В. Н. Комаров, Т. В. Бельский, И. А. Самчук, С. Е. Кузьмин, Ф. Г. Мительман, Б. Т. Иванов, И. М. Самылов и другие.

В 20 часов 9 мая 1945 года столица нашей Родины Москва от имени Родины салютовала доблестным освободителям Праги 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий. А спустя час над столицей взмыли ввысь тысячи разноцветных ракет. Ночное московское небо озарилось гигантскими лучами прожекторов. Оглушительные залпы из тысячи орудий известили советский народ, весь мир о победоносном завершении Великой Отечественной войны советского народа против фашистских захватчиков.

В ходе Пражской наступательной операции, последней операции Великой Отечественной войны, во имя свободы и счастья чехословацкого народа отдали свои жизни около ста сорока тысяч советских воинов, в том числе и герои 5-й гвардейской армии…

Память о них никогда не померкнет в наших сердцах!

За отличные боевые действия при освобождении от немецких захватчиков столицы братской Чехословакии — города Праги приказом Верховного Главнокомандующего № 368 от 9 мая 1945 года всему личному составу 5-й гвардейской армии была объявлена последняя за войну — двадцать первая — благодарность.

Должен сказать, что наши воины заслужили ее. За три с половиной дня, прорвав оборону противника, мы прошли около 150 километров, освободили от немецко-фашистских захватчиков сотни населенных пунктов, уничтожили большое количество гитлеровских солдат и офицеров, много вражеской техники.

Под стенами Праги 5-я гвардейская армия закончила свой боевой путь, начавшийся у берегов великой русской реки Волги. За спиной воинов-гвардейцев осталось более пяти тысяч километров трудных фронтовых дорог. Они вместе со всеми воинами Красной Армии освободили от фашистского гнета многие пароды Европы.

С середины 1943 года и до конца Великой Отечественной войны 5-я гвардейская армия была одной из ударных гвардейских армий Воронежского, Степного, 2-го и 1-го Украинских фронтов. Почти все это время армия участвовала во всех крупных операциях, проводимых этими фронтами, и, как правило, действовала на главных направлениях.

За годы Великой Отечественной войны 5-я гвардейская армия получила 21 благодарность Верховного Главнокомандующего. В ее рядах 120 гвардейцев были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Более 120 тысяч красноармейцев, сержантов,

офицеров и генералов награждены орденами и медалями нашей Родины, Воины армии: пехотинцы, танкисты, артиллеристы, минометчики, зенитчики, саперы, весь личный состав проявили массовый героизм, отвагу и боевое мастерство, не жалели своих сил и жизней в борьбе за победу над немецко-фашистскими захватчиками.

Маршал Советского Союза Иван Степанович Конев в своей телеграмме по случаю двухлетия со дня присвоения нашей армии звания «гвардейская» писал: «…Родина, советский народ не забудут подвигов воинов 5-й гвардейской армии при разгроме немцев под Сталинградом, в боях под Белгородом и Харьковом, при форсировании Днепра, Днестра, Вислы, Одера, в боях за освобождение Поль-гаи и Чехословакии и окончательном разгроме фашистской Германии. Я могу засвидетельствовать, что гвардейцы 5-й гвардейской армии были всегда на главном направлении и дрались стойко и победоносно…»[100].

После окончания Великой Отечественной войны по решению Ставки Верховного Главнокомандования все советские войска были выведены с территории Чехословакии, и только 5-я гвардейская армия временно оставалась там до 6 ноября 1945 года.

Все вопросы, связанные с пребыванием нашей армии в Чехословакии, мы разрешали с правительственными органами через советское посольство, которое возглавлял Валериан Александрович Зорин. О нашей дружной совместной работе мы всегда вспоминали с глубоким удовлетворением.

В течение короткого времени нам удалось установить самые дружеские, подлинно братские отношения с чехословацким народом, а также с чехословацкими органами власти на местах и в центре. Большое внимание, заботу и постоянную поддержку оказывали нам товарищи К. Готвальд, В. Копецкий, Ю. Доланский, З. Фирлингер, З. Неедлы, А. Запотоцкий и другие руководители Коммунистической партии и чехословацкого правительства. Они бывали в частях и соединениях армии, встречались с советскими воинами, тепло беседовали с ними.

С помощью гражданских и военных властей нам удалось разместить войска в лагерях, на полигонах, в учебных центрах, создать им нужные условия для учебы, отдыха, а впоследствии — для проведения демобилизации. Был установлен твердый порядок несения службы, очень быстро сложились дружественные связи с местным населением. В соответствии с планом, разработанным совместно с местными властями, советские воины помогали населению в восстановлении дорог, мостов, в разминировании целых районов, в сборе трофейного имущества, которое, как

правило, оставалось в Чехословакии, а случалось, участвовали и в сельскохозяйственных работах. Мы делились с нашими чешскими друзьями продовольствием и медикаментами, больные из ближайших сел шли на прием к нашим врачам. Часто проводили совместные вечера самодеятельности, спортивные соревнования. Командиры и политработники нередко выступали перед рабочими и крестьянами.

Бывая в частях вновь создаваемой Чехословацкой армии, мы делились опытом Великой Отечественной войны, стремились передать чехословацким воинам наши боевые навыки, методику боевого обучения и воспитания войск.

Во время непродолжительного пребывания на чехословацкой земле у нас установились теплые, дружеские отношения с войсками американского армейского корпуса генерала Хармана, который располагался западнее Карловых Вар и в городе Пльзень за демаркационной линией.

Запомнились торжества по случаю победы над милитаристской Японией. По инициативе американского командования в Пльзене был проведен парад, в котором участвовали подразделения нашей армии. На параде присутствовали послы СССР и США в Чехословакии В. А. Зорин и Штейнгарт.

На центральной площади города, украшенной флагами союзников по антигитлеровской коалиции, при большом стечении местного населения в парадном расчете были построены подразделения американской армии и два стрелковых батальона 78-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора Трофимова.

После парада в крупнейшем зале города собрались представители советской, американской армий и местных жителей. Выступил генерал Харман, который сказал:

— Мы внимательно следили за развитием грандиозной битвы под Сталинградом. Американские генералы, офицеры и солдаты восхищались победами Советских Вооруженных Сил, действовавших в трудной и напряженной обстановке. Разгром гитлеровских войск на Дону и у Волги оказал огромное воздействие на моральный, боевой дух наших войск. Мне довелось со своими солдатами высаживаться в июле 1943 года в Сицилии. Наш успех там был достигнут благодаря победе советских войск в сражении под Курском. Поражение гитлеровских войск на Курской дуге для нас было решающим событием. Трудно переоценить помощь советских солдат, начавших наступление на Висле в январе 1945 года в тот момент, когда наши войска потеряли инициативу в боях в связи с ударом

нацистских войск в Арденнах.

Затем состоялся товарищеский обед, прошедший в теплой, дружеской обстановке.

Прошло более трех десятилетий с той поры. Мы, советские люди — ветераны встречи на Эльбе, остались верными боевой дружбе и клятве сообща крепить мир на земле. Мы помним эту солдатскую клятву и радуемся, когда до нас доходят свидетельства, что ее помнит и народ США…

Вместо заключения

Наступило первое послевоенное лето. Началась демобилизация воинов старших возрастов. Незабываемо было расставание с гвардейцами-ветеранами армии. Как сейчас, помню застывших в своем последнем воинском строю красноармейцев и сержантов, на груди которых сияли награды Родины. Обходя шеренги гвардейцев, я внимательно всматривался в их опаленные войной лица. На них можно было прочитать все: и гордость за великую Победу, и радость, что остались в живых, и печаль о тех, кто не дошел до Праги и остался лежать навечно на сталинградских, курских, днепровских, вислинских и одерских рубежах.

Солдаты армии… Те, кого пощадила война, возвращались домой, и каждый из них знал, что его ждут впереди нелегкие трудовые будни.

Вскоре и мне пришлось прощаться с моими боевыми друзьями. Осенью 1945 года я был назначен заместителем главнокомандующего Сухопутными войсками по боевой подготовке и отправился к новому месту службы, в Москву.

Послевоенное развитие наших Сухопутных войск во многом связано с именем выдающегося полководца Маршала Советского Союза И. С. Конева, который был первым главнокомандующим этим самым многочисленным и основным в те годы видом Советских Вооруженных Сил. Неиссякаемая энергия Ивана Степановича, его организаторский талант и большая работоспособность способствовали успешному решению всех организационных, оперативных и тактических задач, вставших перед нами.

Надо сказать, что послевоенное строительство Сухопутных войск пришлось начинать в трудное и тревожное время. Победив в смертельной схватке с фашизмом, надо было сразу же восстанавливать разрушенное войной народное хозяйство. Вскоре после окончания войны империализм развернул бешеную антисоветскую пропаганду, практически развязав новую, так называемую «холодную войну». Понеслись призывы к новому «крестовому походу» на нашу Родину. До отдыха ли было! В этих

условиях советские люди не могли сидеть сложа руки, они героически трудились на своих местах. Мы, военные, делали все, чтобы никакие авантюры империалистов не застали страну врасплох. В невиданно короткий срок, в условиях больших экономических трудностей были созданы качественно новые Сухопутные войска, организационная структура которых впитала в себя все лучшее, чем обогатила советское военное искусство Великая Отечественная война. Добытый кровью боевой опыт был нашим компасом. По нему мы сверяли пути решения проблем организационных, проблем оперативной, боевой и политической подготовки.

Одним из главных направлений в работе командования, штаба, начальников родов войск Сухопутных войск была подготовка программных и уставных документов. Решение этих вопросов И. С. Конев возложил на меня.

Вместе со мной над этими проблемами плодотворно трудилась большая группа генералов и офицеров, за плечами которых были огромный боевой опыт, большие военные знания. Они обладали превосходными организаторскими способностями в обучении и воспитании войск, командных кадров и штабов. С большой теплотой вспоминаю совместную работу с генералами Г. К. Маландиным — первым начальником Главного штаба Сухопутных войск и И.Т. Гришиным, возглавлявшим Главное управление боевой подготовки.

К началу первого послевоенного учебного года был обобщен опыт Великой Отечественной войны во многих областях оперативного искусства и тактики и разработаны рекомендации по обучению войск и поддержанию их в постоянной боевой готовности.

Определялись методы одиночной подготовки, подготовки подразделений, частей и соединений, способы их сколачивания, формы командирской подготовки офицерского состава, мероприятия по созданию учебно-материальной базы в войсках.

Важное место в подготовке войск отводилось тактическим учениям подразделений и частей, в том числе и с боевой стрельбой…

Способность частей и подразделений совершать форсированные марши на большие расстояния, упреждать врага в нанесении огневых ударов, умение быстро развертывать свои силы и средства в момент, когда этого требует обстановка, и с ходу вступать в бой, нанося стремительные и внезапные удары по противнику, — все эти факторы во многом определяли успех в операциях Великой Отечественной войны. Этим факторам Маршал Советского Союза И. С. Конев уделял самое пристальное

внимание при подготовке каждой операции. Этому он требовал учить Сухопутные войска и после войны.

Напряженная и кропотливая работа большого коллектива генералов и офицеров управлений главнокомандующего Сухопутными войсками дала свои плоды, и уже к 1948 году были изданы первые послевоенные уставы. В этом прежде всего заслуга всех товарищей из уставного управления во главе с его начальником генералом П. Г. Есауловым.

По службе в те годы мне часто приходилось бывать в военных округах, соединениях и частях, оказывать помощь в организации учебного процесса, проведении различных учений. Во время этих поездок особенно приятны были встречи с ветеранами войны, прежними сослуживцами по 5-й гвардейской армии А. И. Родимцевым, Г. В. Баклановым, В. Н. Комаровым, Ю. А. Науменко, С. Е. Кузьминым, А. К. Горлинским, Т. В. Вельским, М. М. Вавиловым, Г. Я. Марченко, Н. С. Никитченко, Г. В. Полуэктовым и многими другими, которые умело применяли свой богатый боевой опыт, полученный в многочисленных боях и походах, в практической работе по укреплению могущества наших славных Вооруженных Сил.

…Подготовка высококвалифицированных офицерских кадров всегда была одной из главных задач военного строительства. Приятно сознавать, что в ее решении есть частица и моего скромного труда. С 1950 года в течение ряда лет мне посчастливилось возглавлять старейшую кузницу командных кадров Советских Вооруженных Сил — Военную академию имени М. В. Фрунзе. Это были интереснейшие годы, насыщенные большой творческой деятельностью, направленной на поиск новых путей и способов повышения качества преподавательской и научно-исследовательской работы.

Учитывая появление новых веяний в военном искусстве, связанных с оснащением войск более совершенными видами вооружения и военной техники, были в короткий срок решены многие организационные и учебно-методические вопросы: разработаны и утверждены стабильные программы, упорядочена подготовка лекционных курсов и учебных пособий, издание трудов академии и всех учебно-методических материалов. Проделана большая работа по совершенствованию учебно-материальной базы, научно-исследовательской деятельности кафедр и академии в целом. Все это значительно улучшило весь учебный процесс.

Большое значение в повышении качества подготовки слушателей имели полевые поездки в военные округа и по местам крупнейших сражений Великой Отечественной войны. Эти

поездки являлись одним из методов соединения обучения с практикой, расширения оперативно-тактического кругозора слушателей, привития им практических навыков в решении различных боевых задач.

Дописывая последние строки своих воспоминаний о годах суровых, о послевоенных буднях, с гордостью думаю о том, что весь свой боевой опыт, силы и знания отдал делу укрепления могущества Советских Вооруженных Сил. Хотелось бы, чтобы эта скромная книга явилась свидетельством глубокого уважения и любви к моим боевым друзьям и однополчанам, помогла нашей замечательной молодежи приоткрыть еще одну страницу героического прошлого Советского государства.

Приложение 1
Соединения и части 5-й гвардейской армии, удостоенные почетных наименований

Корпуса

32-й гвардейский стрелковый Одерский корпус

34-й гвардейский стрелковый Дрезденский корпус

Дивизии

9-я гвардейская воздушно-десантная Полтавская Краснознаменная орденов Суворова 2-й степени и Кутузова 2-й степени дивизия

13-я гвардейская стрелковая Полтавская ордена Ленина дважды Краснознаменная дивизия

66-я гвардейская стрелковая Полтавская дивизия

95-я гвардейская стрелковая Полтавская Краснознаменная дивизия

97-я гвардейская стрелковая Полтавская Краснознаменная орденов Суворова и Богдана Хмельницкого дивизия

15-я гвардейская стрелковая Харьковско-Пражская дважды Краснознаменная орденов Ленина, Суворова и Кутузова дивизия

6-я гвардейская воздушно-десантная Кременчугско-Знаменская дивизия

110-я гвардейская стрелковая Александрийская дивизия

111-я стрелковая Александрийская дивизия

58-я гвардейская стрелковая Красноградско-Пражская Краснознаменная орденов Ленина и Суворова дивизия

214-я стрелковая Кременчугско-Александрийская дивизия

29-я зенитно-артиллерийская Первомайская дивизия

78-я гвардейская стрелковая Висленская дивизия

Бригады

42-я легкоартиллерийская Полтавская бригада

14-я штурмовая инженерно-саперная Александрийская бригада

55-я инженерно-саперная Висленская бригада

10-я отдельная истребительно-противотанковая артиллерийская Криворожская бригада

Полки

225-й гвардейский стрелковый Дембицкий Краснознаменный орденов Александра Невского и Богдана Хмельницкого полк

42-й гвардейский стрелковый Висленский Краснознаменный

полк

50-й гвардейский стрелковый Ченстоховский Краснознаменный полк

175-й гвардейский стрелковый Висленский орденов Кутузова и Александра Невского полк

289-й гвардейский стрелковый Висленский ордена Кутузова полк

469-й минометный Кременчугский Краснознаменный полк

1902-й самоходный артиллерийский Кременчугский полк

308-й гвардейский минометный Кременчугско-Александрийский полк

25-й гвардейский стрелковый Висленский полк

26-й гвардейский воздушно-десантный Висленский полк

38-й гвардейский стрелковый Висленский Краснознаменный полк

290-й гвардейский стрелковый Висленский полк

385-й стрелковый Висленский полк

33-й гвардейский артиллерийский Висленский полк

34-й гвардейский артиллерийский Висленский полк

130-й гвардейский артиллерийский Висленский полк

167-й гвардейский легкоартиллерийский Висленский Краснознаменный полк

28-й гвардейский воздушно-десантный Дембицкий полк

158-й гвардейский артиллерийский Дембицкий полк

39-й гвардейский стрелковый Ченстоховский полк

41-й гвардейский стрелковый Ченстоховский полк

1073-й армейский истребительно-противотанковый артиллерийский Висленский полк

284-й гвардейский стрелковый Ченстоховский полк

7-й гвардейский воздушно-десантный артиллерийский Одесский полк

301-й Полтавский истребительно-противотанковый артиллерийский полк

57-й Полтавский танковый полк

Приложение 2
Герои Советского Союза 5-й гвардейской армии [101]

Абрамов Петр Александрович
гвардии сержант
21.2.1945 г.
Агеев Иван Алексеевич
гвардии подполковник
27.6.1945 г.
Агеев Филипп Павлович
гвардии старшина
22.2.1944 г.
Алексеев Анатолий Иванович
гвардии капитан
13.9.1944 г.
Ананьев Петр Филиппович
гвардии старший сержант
27.6.1945 г.
Анохин Сергей Григорьевич
гвардии подполковник
27.6.1945 г.
Антонов Антон Антонович
гвардии рядовой
13.9.1944 г.
Анучкин Петр Яковлевич
старший лейтенант
10.4.1945 г.
Аскин Гайфутдин Гафиятович
гвардии сержант
27.7.1945 г.
Афанасьев Василий Сафронович
гвардии старший сержант
12.1.1945 г.
Бажин Петр Яковлевич
гвардии капитан
29.10.1943 г.
Бакланов Глеб Владимирович
гвардии генерал-майор
29.5.1945 г.
Баранов Петр Александрович

старший лейтенант
22.2.1944 г.
Бачинскнй Дмитрий Егорович
капитан
10.4.1945 г.
Бедин Иван Петрович
майор
10.4.1945 г.
Бережной Николай Иванович
старшина
23.9.1944 г.
Бернацкий Дмитрий Васильевич
гвардии капитан
27.6.1945 г.
Богатов Николай Павлович
старшина
23.9.1944 г.
Бодин Василий Григорьевич
гвардии сержант
27.6.1945 г.
Бондарев Матвей Арсентьевич
гвардии капитан
10.4.1945 г.
Борисов Леонид Николаевич
гвардии старший лейтенант
28.4.1945 г.
Боровиченко Мария Сергеевна
гвардии сержант
6.5.1965 г.
Брик Григорий Евдокимович
гвардии капитан
10.4.1945 г.
Брыкин Алексей Александрович
майор
10.4.1945 г.
Быков Егор Иванович
гвардии ефрейтор
10.4.1945 г.
Василишин Михаил Иванович
рядовой
27.6.1945 г.
Вербовский Иван Устинович
гвардии старший сержант
27.6.1945 г.

Вишневский Михаил Григорьевич
гвардии майор
27.6.1945 г.
Волков Николай Иванович
гвардии сержант
10.4.1945 г.
Воробьев Егор Терентьевич
гвардии младший сержант
27.6.1945 г.
Галецкий Александр Демьянович —
гвардии капитан
10.4.1945 г.
Габдрахмаиов Бари Галлеевич
гвардии младший сержант
13.9.1944 г.
Григоров Иван Алексеевич
гвардии старший сержант
10.4.1945 г.
Григорьев Фома Никифорович
гвардии старший лейтенант
10.4.1945 г.
Грязнов Владимир Михайлович
гвардии лейтенант
10.4.1945 г.
Данилов Андрей Борисович
гвардии сержант
24.12.1943 г.
Деревянко Алексей Акимович
гвардии младший лейтенант
10.1.1944 г.
Джаркимбаев Казак
гвардии младший сержант
24.3.1945 г.
Доценко Дмитрий Степанович
старший лейтенант
10.4.1945 г.
Жадов Алексей Семенович
гвардии генерал-полковник
6.4.1945 г.
Жежеря Александр Ефимович
гвардии сержант
13.9.1944 г.
Загной Владимир Карпович
гвардии рядовой

10.4.1945 г.
Игнатьев Петр Александрович
старший сержант
23.9.1944 г.
Идрисов Гилемхан Идрисович
гвардии старший сержант
10.4.1945 г.
Ильюшин Иван Яковлевич
старший сержант
27.6.1945 г.
Казаков Петр Иванович
капитан
27.6.1945 г.
Карташов Гарольд Филиппович
гвардии сержант
23.9.1944 г.
Киселев Василий Иосифович
гвардии лейтенант
21.2.1945 г.
Климовский Николай Афанасьевич
гвардии майор
27.6.1945 г.
Кобелев Аркадий Васильевич
гвардии сержант
27.6.1945 г.
Колосов Михаил Ефимович
гвардии майор
27.6.1945 г.
Комаров Владимир Николаевич
гвардии полковник
29.5.1945 г.
Королев Павел Михайлович
капитан
27.6.1945 г.
Корсаков Петр Иванович
старший сержант
23.9.1944 г.
Корячко Карп Дмитриевич
гвардии капитан
27.6.1945 г.
Косов Данил Александрович
гвардии старший лейтенант
27.6.1945 г.
Крюков Петр Васильевич

гвардии старшина
27.6.1945 г.
Кузенко Геннадий Артемович
гвардии капитан
10.4.1945 г.
Кузьмин Сергей Евдокимович
гвардии подполковник
6.4.1945 г.
Лебедев Николай Северьянович
гвардии старший сержант
23.9.1944 г.
Лебеденко Никита Федотович
гвардии генерал-лейтенант
23.9.1944 г.
Либман Михаил Александрович
майор
10.4.1945 г.
Лопатин Анатолий Алексеевич
майор
27.6.1945 г.
Лыщень Захар Григорьевич
гвардии старшина
27.6.1945 г.
Манкевич Валентин Ипполитович
гвардии старший лейтенант
23.9.1944 г.
Мариныч Иван Иванович
гвардии старший сержант
27.6.1945 г.
Мелконян Андрей Хачикович
гвардии старший сержант
13.9.1944 г.
Хитряков Алексей Васильевич
гвардии сержант
13.9.1944 г.
Мороз Николай Никифорович
гвардии лейтенант
27.6.1945 г.
Мурзин Ибрагим Хусаинович
гвардии старший сержант
10.4.1945 г.
Нагибин Николай Анисимович
гвардии рядовой
27.6.1945 г.

Насардинов Гафар Назарович
гвардии старший лейтенант
27.6.1945 г.
Науменко Юрий Андреевич
гвардии подполковник
27.6.1945 г.
Никулин Павел Ефимович
подполковник
10.4.1945 г.
Овчинников Максим Михайлович
гвардии младший сержант
10.4.1945 г.
Павлов Константин Матвеевич
старший сержант
23.9.1944 г.
Плесинов Василий Никитович
гвардии старший сержант
27.6.1945 г.
Подкопай Иван Яковлевич
гвардии капитан
22.2.1944 г.
Половец Иван Кузьмич
гвардии майор
22.2.1944 г.
Поляков Василий Георгиевич
гвардии сержант
21.2.1945 г.
Полуэктов Георгий Васильевич
гвардии генерал-майор артиллерии
27.6.1945 г.
Потапов Эдуард Дмитриевич
гвардии лейтенант
27.6.1945 г.
Радионов Николай Иванович
гвардии старший лейтенант
10.4.1945 г.
Рахматов Рахимбай
гвардии рядовой
27.6.1945 г.
Ригачин Николай Иванович
гвардии рядовой
10.4.1945 г.
Рогожников Николай Алексеевич
гвардии старший сержант

10.4.1945 г.
Родимцев Александр Ильич[102]
гвардии генерал-лейтенант
2.6.1945 г.
Розанов Иван Григорьевич
гвардии майор
10.4.1945 г.
Ростомян Аповен Васильевич
гвардии сержант
10.4.1945 г.
Санько Иван Федосеевич
генерал-майор артиллерии
29.5.1945 г.
Севрюков Алексей Сидорович
гвардии старший сержант
10.4.1945 г.
Серых Григорий Афанасьевич
гвардии старший лейтенант
27.6.1945 г.
Скрыганов Викентий Васильевич
гвардии генерал-майор
6.4.1945 г.
Славгородский Георгий Васильевич
гвардии майор
27.6.1945 г.
Сохин Михаил Степанович
гвардии старшина
13.9.1944 г.
Спичак Иван Иванович
гвардии рядовой
22.2.1944 г.
Стеблевский Алексей Кузьмич
гвардии майор
27.6.1945 г.
Степанов Александр Николаевич
гвардии сержант
27.6.1945 г.
Сундиев Иван Степанович
гвардии рядовой
27.0.1945 г.
Ткаченко Григорий Тимофеевич
гвардии лейтенант
27.0.1945 г.
Торгунаков Петр Филиппович

гвардии старший сержант
27.0.1945 г.
Усенко Иван Романович
младший сержант
27.0.1945 г.
Фаязов Михаил Гиясович
гвардии лейтенант
27.0.1945'г.
Фролов Николай Никифорович
гвардии младший сержант
10.4.1945 г.
Хакимов Оразберды
гвардии майор
27.6.1945 г.
Халаменюк Александр Иосифович
старший лейтенант
10.4.1945 г.
Харитонов Александр Данилович
гвардии полковник
27.6.1945 г.
Харченко Иван Петрович
гвардии старший сержант
27.6.1945 г.
Хворов Леонид Петрович
гвардии младший сержант
27.6.1945 г.
Целых Сергей Васильевич
гвардии капитан
13.9.1944 г.
Черненок Павел Николаевич
гвардии капитан
27.6.1945 г.
Чернышев Борис Константинович
гвардии капитан
10.4.1945 г.
Чиженков Николай Николаевич
гвардии сержант
10.4.1945 г.
Шабанов Иван Герасимович
гвардии старшина
13.9.1944 г.
Шаймарданов Закий Шаймарданович
гвардии сержант
13.9.1944 г.

Шевченко Иван Маркович
гвардии сержант
27.6.1945 г.
Шестаков Алексей Андреевич
гвардии старший лейтенант
27.6.1945 г.
Шишков Виктор Федорович
гвардии старший сержант
27.6.1945 г.
Шпетный Павел Иванович
гвардии старший лейтенант
10.1.1944 г.

notes

Примечания

1

Сандалов Л. На московском направлении. М, 1970, с. 148.

2

«Военно-исторический журнал», 1966, № 2, с. 84.

3

Еременко А. В начале войны. М., 1964, с. 315.

4

ЦАМО СССР, ф. 202, оп. 5, д. 63, л. 113–116.

5

ЦАМО СССР, ф. 202, оп. 5, д. 64, л. 412.

6

ЦАМО СССР, ф. 202, фронтовая газета «На разгром врага», 1941, 4 окт.

7

ЦАМО СССР, ф. 202, оп. 5, д. 63, лл. 458–460.

8

ЦАМО СССР, ф. 328, оп. 4865, д. 189, л. 125.

9

Псевдоним И. В. Сталина.

Видер И. Катастрофа на Волге. М., 1965, с. 95, 102.

11

Брежнев Л. И. Ленинским курсом. М., 1970, т. 2, с. 69.

12

Меллентин Ф. Танковые сражения 1939–1945 гг. М., 1957, с. 191.

13

См.: Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1973,с. 309.

Южная часть этого участка являлась фронтовым рубежом обороны Воронежского фронта, а северная — частью рубежа Степного военного округа.

15

ЦАМО СССР, ф. 203, оп. 51360, д. 16, л. 368.

16

10-й танковый корпус с 24 часов 8 июля был передан в подчинение командующего 1-й танковой армией.

17

ЦАМО, ф. 48-а, оп. 1691, д. 233, л. 345–347.

18

ЦАМО, ф. 48-а, оп. 1691, д. 233, л, 354–358.

19

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, Т. 2. М., 1974, с. 179.

20

ЦАМО СССР, ф. 328, оп. 4852, д. 85, л. 6.

21

ЦАМО СССР, ф. 328, оп. 4852, д. 19, л. 36.

Так тогда условно именовался И. В. Сталин.

23

Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. Книга первая. М., 1975, с. 244.

24

Немецко-фашистское командование переводило в разряд боевых групп пехотные и танковые дивизии, потерявшие 50 % личного состава, боевой техники и вооружения от положенного по штату.

25

ЦАМО СССР, оп. 2279, д. 34, л. 184.

26

Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1975, с. 53

27

ЦАМО СССР, ф. 240, оп. 2779, д. 34, л. 271–273.

28

ЦАМО СССР, ф. 240, оп. 15789, д. 18, л. 138.

29

ЦАМО СССР, ф. 240, оп. 2769, д. 92, л. 151.

30

ЦАМО СССР, ф. 240, оп. 15789, д. 13, л. 136, 137, 140; оп. 2679, д, 92, л. 158.

31

ЦАМО СССР, ф. 240, оп. 14668, д. 1, л. 278; ф. 332, оп. 4948, д. 6, л. 25.

32

С 20 октября 1943 года Воронежский, Степной, Юго-Западный и Южный фронты были преобразованы соответственно в 1, 2, 3 и 4-й Украинские фронты.

33

ЦАМО СССР, ф. 240, оп. 14608, д. 2, л. 73.

34

ЦАМО СССР, ф. 328, оп. 4852, д. 102, л. 50.

35

ЦАМО СССР, ф. 132-а, оп. 2642, д. 34, л. 313.

36

ЦАМО СССР, ф. 240, оп, 2779, д. 881, л. 11

37

ЦАМО СССР, ф. 240, оп. 2779, д. 1130, л. 11, 12.

38

ЦАМО СССР, ф. 328, оп. 4852, д. 188, л. 62.

39

См.: Конев И. С. Записки командующего фронтом 1943–1944. М., 1972, с. 148.

40

ЦАМО СССР, ф. 328, оп. 4852, д. 188, л. 224.

41

ЦАМО СССР, ф. 328, оп. 4852, д. 16, л. 21.

42

Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. Краткая история. Изд. 2-е. М., 1970, с. 361.

43

Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. Краткая история, с. 366.

44

Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. Краткая история, с. 366.

Крайнюков К. В. Оружие особого рода. М., 1977, с. 291.

46

Конев И. С. Записки командующего фронтом 1943–1944, с. 269.

47

См.: Конев И. С. Записки командующего фронтом 1943–1944, с. 275.

48

ЦАМО СССР, ф. 48-а, оп. 1795, д. 449, л. 151.

49

ЦАМО СССР, ф. 262, оп. 13315, д. 132, л. 104.

ЦАМО СССР, ф. 262, оп. 13315, д. 132, л. 99–103.

51

ЦАМО СССР, ф. 262, оп. 13315, д. 132, л. 99–103.

52

ЦАМО СССР, ф. 262, оп. 13315, д. 132, л. 80–88.

Там же, л. 87

ЦАМО СССР, ф. 236, оп. 13315, д. 83, л. 81

55

ЦАМО СССР, ф. 262, оп. 13315, д. 132, л. 104.

ЦАМО СССР, ф. 324, оп. 4761, д. 3, л. 157.

57

ЦАМО СССР, ф. 328, оп. 206201, д. 3, л. 157–159.

58

ЦАМО СССР, ф. 328, оп. 4865, д. 270, л. 117, 123, 134, 140.

59

Конев И. С. Записки командующего фронтом 1943–1944, с. 280.

60

Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1957, т. 1, с. 298.

61

Там же, с. 298–299.

Типпельскирх К. История второй мировой войны. М.,1956, с. 508.

63

ЦАМО СССР, ф. 328, оп. 4852, д. 229, л. 15.

ЦАМО СССР, ф. 328, оп. 4852, д. 234, л. 68.

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 410.

Первоначально было направление на Дрезден. — Прим. авт.

В состав корпусов входили: 32 гв. ск — 95, 13 и 97 гв. сд; 34 гв. ск — 58, 15 и 14 гв. сд; 33 гв. ск — 9 гв. вдд, 78 гв. сд и 118 сд.

ЦАМО СССР, ф. 328, оп… 167087, д. 3, л. 88.

69

ЦАМО СССР, ф. 236, оп. 2675, д. 170, л. 289.

ЦАМО СССР, ф. 328, оп. 167087, д. 3, л. 88.

71

ЦАМО СССР, ф. 328, оп. 4852, д. 244, л. 246.

ЦАМО СССР, ф. 328, оп. 4852, д. 244, л. 54–55.

См.: Берлинская операция 1945 г. М., 1950, с. 313.

См.: Берлинская операция 1945 г., с. 317.

ЦАМО СССР, ф. 328, оп. 4852, д. 244, л. 67 (карта).

ЦАМО СССР, ф. 328, оп. 4852, д. 229, л. 48.

77

ЦАМО СССР, ф. 236, оп. 2675, д. 170, л. 308.

ЦАМО СССР, ф. 236, оп. 2675, д. 170, л. 308–311.

Там же.

Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны, М, 1975, с. 473.

81

Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентом США и Премьер-Мниистром Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 2. М., 1976, с. 237.

82

ЦАМО СССР, ф. 236, оп. 2675, д. 170, л. 321–322.

83

Там же, л. 323.

Брэдли О. Воспоминания солдата. М., 1957, с. 585.

Там же, с, 586.

ЦАМО СССР, ф. 328, оп. 4852, д. 208, л. 65.

87

ЦАМО СССР, ф. 382, оп. 4865, д. 280, л. 15–19.

См.: «Военно-исторический журнал», 1968, № 5, с. 72.

89

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг., т. 5, с. 318.

Churchill. The second World War, vol. VI, p. 442.

91

Советское Верховное Командование не согласилось с намерениями Эйзенхауэра. В связи с этим американские войска были остановлены на линии Ческе-Будеёвице, Пльзень, Карлови-Вари.

92

ЦАМО СССР, ф. 328, оп, 4852, д. 248, л. 31

93

ЦАМО СССР, ф. 328, оп. 4865, д. 171, л. 532.

ЦАМО СССР, ф. 328, оп. 18144, д. 19, т. II, л. 147.

Дрезденская галерея. М., 1965, с. 74,

ЦАМО СССР, ф. 328, оп. 4807, д. 82, л. 188.

97

ЦАМО СССР, ф. 328, оп. 4805, д. 193, л. 160.

ЦАМО СССР, ф. 323, оп. 4858, д. 193, л. 192.

ЦАМО СССР, ф. 328, оп. 553968, д. 1, л. 22

100

ЦАМО СССР, д. 328, оп. 4852, д. 16, л. 44.

101

Сведения приводятся в последовательности: воинское звание, дата Указа Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза. В список не включены лица, получившие звание Героя Советского Союза до службы в 5-й гвардейской армии.

102

А.И. Родимцев — дважды Герой Советского Союза. Впервые это звание было присвоено ему 22.10.1937 г.

103